

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

**Материалы
Международной заочной научной
конференции**

УДК 81
ББК 81.05

Редакционная коллегия:

А.М. Червоный, доктор филол. наук, доцент (ответ. редактор)
Кравченко О.В., кандидат филол. наук, доцент (зам. ответ. редактора)
Поленова Г.Т., доктор филол. наук, профессор
Бейн Е.И., кандидат филол. наук, доцент

ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: Материалы Международной заочной научной конференции (Таганрог, 24 ноября 2017 г.) – Ростов-на-Дону: Таганрогский институт имени А.П. Чехова(филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. – 295 с.

ISBN 978-5-79-72-2401-3

Сборник содержит материалы Международной заочной научной конференции «ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ». Материалы конференции посвящены вопросам теории языка, функционированию речи, а также актуальным проблемам преподавания русского и иностранных языков в вузе и школе. Сборник адресован преподавателям образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, аспирантам, магистрантам, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами лингвистики и методики преподавания языков.

УДК 81
ББК 81.05

ISBN 978-5-79-72-2401-3

© Коллектив авторов, 2018
© РГЭУ (РИНХ), 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Обращение к участникам Международной заочной научной конференции «ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»	12
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД.....	14
Н.И. Герасимова (г. Ростов-на-Дону, Россия) РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ КАК МАРКЕР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	14
Т.В. Гиляровская, Е.В. Кашкина (г. Воронеж, Россия) ОЗНАКОМЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ МАРОККАНЦЕВ	16
А.С. Дадаян (г. Ростов-на-Дону, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ И СЛОГАНОВ	17
Л.М. Демченко (г. Ростов-на-Дону, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	19
Л.Я. Довбнюк, И.Г. Ковалёва (г. Горки, Беларусь) ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ	21
В.А. Лавриненко (г. Таганрог, Россия) ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	23
Н.С. Милутка (г. Таганрог, Россия) МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД.....	25
А.Г. Пимкина (г. Ростов-на-Дону, Россия) ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСАХ.....	26
М.М. Поркшеева (г. Ростов-на-Дону, Россия) ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АСПЕКТЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	28
А.Ю. Притыка (г. Ростов-на-Дону, Россия) ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЭНА БРАУНА «УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ»	30
Е.В. Прокофьева (г. Минск, Беларусь) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАИМСТВОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	32
Е.В. Рочняк (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) ОТНОШЕНИЕ СИНОНИМИИ МЕЖДУ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМАМИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ.....	33
Б.Г. Солдатов (г. Ростов-на-Дону, Россия) ЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО БИЛИНГВИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	34
Б.Г. Солдатов, Ю.А. Козлова (Ростов-на-Дону, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА	36
Н.В. Солдатова (г. Ростов-на-Дону, Россия) ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	38
О.Г. Талалаева (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск) ЭМОТИВНОСТЬ ПРИ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ.....	39

А.В. Чернышкова (г. Ростов-на-Дону, Россия) ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ В АСПЕКТЕ ЭКОЛОГИИ ПЕРЕВОДА	41
ПРАГМАЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ.....	43
Д.А. Алтунян (г. Таганрог, Россия) ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СМИ.....	43
Е.С. Грушевская (г. Краснодар, Россия) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: МНОГОСЛОЙНОСТЬ СТРУКТУРЫ	45
Ю.М. Демонова (г. Таганрог, Россия) АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РЕЧИ УЧАСТНИКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТОВ	47
С.Н. Дубровина (г. Горки, Беларусь) ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	49
А.Г. Интымакова, З.Г. Стародубцева (г. Таганрог, Россия) МАЛЫЕ ЖАНРЫ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ.....	51
Р.Н. Кадимова (г. Москва, Россия) ПРЕАМБУЛА К ДЕЛОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ИНТЕРВЬЮ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ИНИЦИИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ (на материале французского языка)	52
К.И. Качан (г. Таганрог, Россия) ПРЕПОЗИТИВНО-АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕДИЙНОМ СТИЛЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ.	54
Т.Г. Кликушина (г. Таганрог, Россия) СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ.....	55
Т.Н. Ковалева (г. Воронеж, Россия) ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА ТУРИСТИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ	58
Н.Б. Кудрявцева (г. Москва, Россия) К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ	60
С.А. Кузнецова (г. Брянск, Россия) «ЯЗЫКОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ А.К. ТОЛСТОГО» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ЭПИСТОЛЯРИЯ).....	62
Т.В. Куклина (г. Таганрог, Россия) МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	64
Е.А. Мурашова (г. Таганрог, Россия) ДОМИНАНТЫ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ЕДИНИЦЫ	65
Е.Е. Нужнова (г. Таганрог, Россия) ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ РЕЧИ	67
А.В. Рочняк (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В РЕЧЕВОМ КОНТЕКСТЕ	69
Б.Г. Солдатов, Вадуа Бамба (г. Ростов-на-Дону, Россия) ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	71
И.В. Чечина (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ XIX ВЕКА	72
М.П. Чуриков (г. Ростов-на-Дону, Россия) О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТАКТИКИ НЕСОГЛАСИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ	74

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА. ИССЛЕДОВАНИЯ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ	76
Е.И. Бейн (г. Таганрог, Россия) КАК ОБЪЕДИНИТЬ НЕОБЪЕДИНЯЕМОЕ? (к вопросу о кинетизме означаемого наречия)	76
А.В. Бударина (г. Таганрог, Россия) ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМФАТИЧЕСКИ-МАРКИРОВАННОЙ ПРОСОДИИ.....	78
У.К. Gabrilovich (Dinnington, Near Shelfeld, Great Britain) THE HISTORY AND USE OF THE ENGLISH LANGUAGE.....	81
Е.В. Гончарова (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	82
С.П. Добижи, Е.А. Сафронова (г. Горки, Беларусь) КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В ПОЛЕССКИХ ЗАПРЕТАХ И ОБРЯДАХ.....	84
Д.Ю. Ильин (г. Волгоград, Россия) НОМИНАЦИЯ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	86
С.В. Королевская (г. Брянск, Россия) ИСТОРИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	88
И.М. Кураксина (г. Ростов-на-Дону, Россия) ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	90
О.А. Липовая (г. Таганрог, Россия) СТРУКТУРНАЯ И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО КАК КОМПОНЕНТА ТЕКСТА.....	92
R. Lühr (Berlin, Deutschland) ZUR REKONSTRUKTION DER INDOGERMANISCHEN SYNTAX.....	94
А.Ю. Мацегорова (г. Таганрог, Россия) ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ИДИОСТИЛЕ В. ТОКАРЕВОЙ.....	96
М.С. Мерлан (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА <i>TIME</i> В ПОЭЗИИ У. Х. ОДЕНА.....	97
Е.Н. Михайлова, С.В. Колтунова (г. Белгород, Россия) АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕНЕССАНСНЫХ ГРАММАТИК.....	99
Ю.С. Никитина (г. Таганрог, Россия) СУЩНОСТЬ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ И АСПЕКТЫ ИХ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ	101
Л.Г. Павленко (г. Таганрог, Россия) СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ МОТИВИРОВАННОСТИ КОНВЕРТИРОВАННЫХ ОТ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	103
Г.Т. Поленова (г. Таганрог, Россия) БЕЗЛИЧНЫЙ СУБЪЕКТ <i>ES</i> В НЕМЕЦКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.....	105
О.Б. Полянчук (г. Воронеж, Россия) СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫХ ПРОИЗВОДНЫМ СЛОВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	107
О.А. Попова (г. Таганрог, Россия) ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	109
Т.В. Потапова (г. Таганрог, Россия) СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ	111

Н.Н. Прокопьева (г. Нижний Новгород, Россия) СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИМВОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	112
Е.Н. Радецкий (г. Минск, Беларусь) ИНТЕНСИФИКАТОРЫ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ.....	114
Д.Л. Рыжков (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ.....	116
Д.О. Сергань, Т.А. Крепких (г. Таганрог, Россия) ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА.....	117
Е.Г. Сидорова (г. Волгоград, Россия) ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫХ ПОДЛЕЖАЩИХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ	119
К.Н. Симонова (г. Ростов-на-Дону, Россия) ДУАЛЬНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	121
Е.А. Соловьева (г. Ростов-на-Дону, Россия) АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ.....	122
В.Н. Фомина (г. Волгоград, Россия) СПЕЦИФИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КЛАССИФИКАЦИОННОГО ПРИЗНАКА	124
А.И. Чередников (г. Волгоград, Россия) ХАРАКТЕРИСТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ 5-9 КЛАССОВ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЧЕРТЫ.....	126
Д.А. Шатилова (г. Волгоград, Россия) ОБОСОБЛЕНИЕ СОГЛАСОВАННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ	128
К.А. Шостак (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	130
В.Ю. Яненко (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЭПОНИМОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	132
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	133
Б.С. Аvezова (г. Москва, Россия) ПОРЯДКОВОЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ПЕРВЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И ХИНДИ ЯЗЫКАХ.....	133
М.С. Афанасьева (г. Таганрог, Россия) АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ СЕРВИСА И ТУРИЗМА	135
М.С. Барбунова (г. Москва, Россия) ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	136
H. Werner. (Bonn, Deutschland) ZUR XIONGNU-JENISSEJISCHEN HYPOTHESE.....	138
Д.А. Гармаш (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	140
Ю.В. Головенко (г. Таганрог, Россия) БИБЛЕИЗМЫ КАК ЧАСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	142

Н.Э. Додонова (г. Таганрог, Россия) АКТУАЛИЗАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.....	144
А.С. Кривцов (г. Брянск, Россия) ТЕМПОРАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН.....	146
В.П. Куликов, М.Н. Полуляшная (г. Таганрог, Россия) ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ «КОРОТКОЙ ИСТОРИИ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	148
Н.В. Ноздрин (г. Ростов-на-Дону, Россия) ГЕНДЕРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	149
Е.А. Носанчук (Донецкий национальный университет, г. Донецк) НОМИНАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ.....	151
Е.И. Петрищева (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «МУЖ» И «ЖЕНА» В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	152
A. Pavlenko (Taganrog, Russia) A TRACE OF THE GREEK-RUSSIAN LANGUAGE CONTACT IN THE NORTHERN AZOV VERNACULAR.....	154
В.В. Писарева (Донецкий национальный университет, г. Донецк) МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ.....	154
О.А. Саламатина (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ИСТОЧНИКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....	156
А.А. Славина (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТОНИМИЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	158
ТЕКСТ. ДИСКУРС.....	160
Е.С. Анохина, Н.Г. Щитова (г. Таганрог, Россия) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ГРУППЫ FEATURES.....	160
Ю.В. Винник (г. Краснодар, Россия) ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ.....	162
Т.М. Грушевская (г. Краснодар, Россия) РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	163
В.В. Долгополова (Донецкий национальный университет, г. Донецк) КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ СИРИЙСКОМУ КРИЗИСУ.....	165
D. Erben (University of Toledo, USA) NATIVE AMERICAN TEXTUAL REVISIONING: THE IMPACT OF STORY.....	167
М.А. Косинова (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	169
О.В. Кравченко (г. Таганрог, Россия) ЯЗЫКОВОЙ АБСУРД КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ БЫТИЯ (на материале творчества А. Битова).....	171
Д.С. Кущенко (г. Таганрог, Россия) СПЕЦИФИКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА.....	173
О.А. Липовая (г. Таганрог, Россия) ДИСКУРСИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО.....	174

Ю.А. Макарова (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ <i>TIME</i> В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	176
А.Н. Минка (г. Таганрог, Россия) ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА	178
Е.В. Полякова (г. Таганрог, Россия) ТЕНДЕНЦИЯ ВОЗРАСТАНИЯ АГРЕССИВНОСТИ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	180
А.А. Потёмкина (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) МОДЕЛИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ НОМИНАТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	183
Т.Б. Самарская, Г.В. Редько (г. Краснодар, Россия) СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА	185
Н.В. Суркова (г. Таганрог, Россия) ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	186
А.Н. Тарасова (г. Москва, Россия) ПРИНЦИП СИММЕТРИИ / АСИММЕТРИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ (на материале разных типов французского дискурса)	188
М.Л. Унгурян (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) МОДЕЛИ СУБСТАНТИВА КАК МАРКЕРЫ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДИСКУРСА.....	190
В.В. Фефелова (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	192
Л.А. Штакина (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АВТОРОЦЕНТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	194
ФРАЗЕОЛОГИЯ	196
О.Л. Бессонова, А.К. Костюк (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	196
Д.Ч. Брихачёва (г. Таганрог, Россия) К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЧИСЛО».....	198
С.Ф. Василенко (г. Волгодонск, Россия) ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ «ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ».....	200
E. Voitenko (Donetsk National University, Donetsk) THE STRUCTURAL FEATURES OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS 'AIR', 'EARTH', 'FIRE' AND 'WATER'	202
Е.Е. Дебердеева (г. Таганрог, Россия) ГЕНДЕРНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И ОЦЕНОЧНОСТЬ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	203
Е.Ю. Козлова (г. Брянск, Россия) ДИСКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ».....	204
Н.В. Майборода (Донецкий педагогический институт, Донецк) РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ДЕТСТВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	206
К.И. Мехдиева (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ЭМОТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	208

Е.В. Подгородецкая (Донецкий национальный университет, г. Донецк) КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	209
Н.М. Проскуренко (г. Таганрог, Россия) АССОЦИАТИВНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ.....	210
Е.А. Рябинина (г. Таганрог, Россия) ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА <i>ИГРА</i> ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	212
Е.В. Трофимова, В.А. Бандылюк (Донецкий национальный университет, г. Донецк) СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	214
Е.В. Трофимова, Е.Е. Дьяченко (Донецкий национальный университет, г. Донецк) ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА.....	215
Ю.С. Чебина (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕТАМИ «КОШКА» И «СОБАКА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ.....	217
А.М. Червоный (г. Таганрог, Россия) <i>ОБМАН</i> И <i>ОБМАНЩИК</i> ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ (на материале французского языка).....	218
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	220
Н.В. Гукалова (г. Таганрог, Россия) ФОНЕТИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖА (на материале романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»).....	220
И.А. Иваничкина (г. Брянск, Россия) ИЗ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)	222
О.В. Кравец (г. Таганрог, Россия) Е. Хьюстон (г. Сайренсестер, Великобритания) ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ (на материале творчества Дж.Р.Р. Толкина)	224
А.Е. Павленко, М.В. Скакленко (г. Таганрог, Россия) ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО У. БАРНЗА В СВЕТЕ ИДЕЙ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА	225
О.В. Тихонова (г. Воронеж, Россия) РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ И СПЕЦИФИКА АВТОРСКИХ РЕМАРОК В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на примере драмы Ф. Шиллера «Разбойники»)	227
Е.С. Федорченко (г. Таганрог, Россия) СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. К. ТОЛСТОГО.....	229
И.Г. Шпилевая (г. Таганрог, Россия) ДИАЛЕКТНАЯ РЕЧЬ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГЕТЕРОГЛОССИИ М.М. БАХТИНА	230
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ.....	231
О.А. Антанькова, Е.А. Сафронова (г. Горки, Беларусь) УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ СПЕЦИФИКИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ ТУРКМЕНИСТАНА И КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ.....	231
Т.Ю. Батунина (г. Таганрог, Россия) НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКА	233

М.О. Белан, О.В. Кравченко (г. Таганрог, Россия) ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ	235
Е.Н. Бэтова (г. Могилев, Беларусь) РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ	237
А.В. Высоцкая (Горловский институт иностранных языков, г. Горловка) ЭКСТЕНСИВНОЕ ЧТЕНИЕ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ.....	238
У.К. Gabrilovich (Dinnington, Near Shelfeld, Great Britain) TEACHING ENGLISH METHODS AND APPROACHES	240
И.С. Гаевая, Т.В. Завиша (г. Воронеж, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	241
И.С. Гаевая, Т.В. Завиша (г. Воронеж, Россия) ТРАНСКРИПЦИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ	242
И.И. Гнусарева (г. Таганрог, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ	243
Н.В. Жуковская (г. Таганрог, Россия) SIMULATION METHOD IN TEACHING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION	245
А.М. Ищенко (г. Таганрог, Россия) РАЗВИВАЮЩАЯ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	247
Кирейчук Е.Ю., Курс Т.Г. (г. Минск, Беларусь) СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ СТРУКТУРЕ ПИСЬМЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КУРСАХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА И ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ.....	248
М.С. Кольшикина (п. Власиха, Россия) ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ УРОКОВ В СОВРЕМЕННОМ ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	251
С.Е. Кириллова (г. Волгоград, Россия) РЕГИОНАЛЬНАЯ КАТОЙКОНИМИКА В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАДАНИЙ.....	252
Л.В. Ладик (г. Горки, Беларусь) ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	254
Н. Lörcher (Heidelberg, Deutschland) DEUTSCH LERNEN MIT APPS/GADGETS?.....	255
Е.А. Литвинова (г. Воронеж, Россия) СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	257
Д.С. Майорова (г. Воронеж, Россия) ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ В ОБРАЗОВАНИИ.....	259
Е.А. Макарова (г. Таганрог, Россия) РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХПРОЕКТОВ В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	260
Ф.М. Мещеряков, В.П. Куликов (г. Таганрог, Россия) ОБУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ БАСНЕ НА УРОКАХ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ	263
М.И. Мещерякова (г. Таганрог, Россия) СПЕЦИФИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	265
Н.И. Мирошниченко (г. Таганрог, Россия) ОТБОР СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ АРГУМЕНТИРОВАННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНОГО БЛОГА В СТАРШИХ КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ	266

Г.В. Михалева (г. Таганрог, Россия) СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	270
Е.А. Пальмова (г. Таганрог, Россия) РЕАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	271
С.В. Проскуренко (г. Таганрог, Россия) РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	273
К.В. Радько (г. Таганрог, Россия) ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.М. КАРАМЗИНА В ШКОЛЕ.....	275
M. Sagnol (Paris, France) L'ENSEIGNEMENT DE L'ALLEMAND AU LYCEE HONORE-DE-BALZAC, A MITRY-MORY	277
Е.А. Сафронова, А.И. Малько (г. Горки, Беларусь) ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ НА УРОКАХ РКИ (на материале художественной и публицистической литературы)	278
Л.В. Селибирова (г. Горки, Беларусь) О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПАКИСТАНСКИХ УЧАЩИХСЯ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ.....	280
Т.И. Скикевич, И.Н. Курлович (г. Горки, Беларусь) К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	282
Н.В. Солдатова, Я.Б. Мянчинская (Ростов-на-Дону, Россия) АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ	283
Ю.Ю. Стасевич (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск) КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.	285
H. Huston (Cirencester, Great Britain) EMOTIONAL ATTACHMENT FOR INFORMAL SECOND LANGUAGE E-LEARNING.....	286
В.Д. Цой (г. Таганрог, Россия) ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КОЛЛОКАЦИОННОЙ КОМБИНАТОРИКИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ.....	288
М.С. Шалаева (г. Горки, Беларусь) ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	290
А.В. Щербакова, А.А. Чвинова (г. Воронеж, Россия) ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....	291
Н.Г. Щитова (г. Таганрог, Россия) ВИДЫ ЗАДАНИЙ ДЛЯ РАБОТЫ С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ TED TALKS НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	293

Андрей Юрьевич Голобородько

Директор Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», доктор политических наук, кандидат филологических наук

Елена Евгеньевна Дебердеева

Декан факультета иностранных языков Таганрогского института имени А.П. Чехова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

Обращение к участникам Международной заочной научной конференции «ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»

Уважаемые коллеги!

Мы рады приветствовать участников Международной заочной научной конференции «Язык и речь в синхронии и диахронии».

Проводимая в институте имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ «РИНХ» конференция посвящена вопросам теории языка, функционирования речи, а также актуальным проблемам преподавания русского и иностранных языков в вузе и школе. В качестве основной тематики конференции были предложены следующие научные направления: проблемы теории языка в синхроническом и диахроническом аспектах; межкультурная коммуникация и перевод; прагмалингвистика и речевая деятельность; языковая личность и речевые жанры; текст, дискурс; проблемы

сравнительно-сопоставительного языкознания; исследования в области фразеологии; вопросы литературоведения; актуальные проблемы преподавания русского и иностранных языков в вузе и школе.

Следует отметить: проведение научных конференций, на которых рассматриваются с точки зрения синхронии и диахронии проблемы языка и речи, стало для нашего вуза доброй традицией. Так, в 2014 году факультет иностранных языков проводил пятую Международную конференцию «Язык и речь в синхронии и диахронии», посвященную памяти нашего коллеги, заслуженного деятеля науки РФ, профессора, ученого-лингвиста с мировым именем П. В. Чеснокова. Конференция была организована и проведена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В работе нынешней конференции большое внимание уделяется рассмотрению функционирования разноуровневых языковых и речевых единиц с учетом факторов межкультурной коммуникации. Рассматриваются вопросы теории языка и речи на материале языков различных групп, в том числе бесписьменных (таких, как кетский язык).

Для участия в конференции было подано 170 заявок и статей, 70 из которых присланы лингвистами из стран ближнего и дальнего зарубежья (Германия, Франция, Великобритания, США, Беларусь и др.). В конференции приняли участие как зарубежные исследователи David Erben (University of Toledo, USA), Yuriy Gabrilovich (Dinnington, Near Shelfeld, Great Britain), Rosemarie Lühr (Berlin, Deutschland), Heinrich Werner (Bonn, Deutschland), Helen Huston (Cirencester, Great Britain), Marc Sagnol (Paris, France), О.Л. Бессонова, так и ряд известных отечественных учёных: А.Н., Тарасова, Н.Б. Кудрявцева, Т.М. Грушевская, Г.Т. Поленова и др. Отрадно, что в конференции приняли участие многие начинающие исследователи: молодые талантливые учителя-филологи и методисты, студенты, магистранты, представляющие разные города и научные лингвистические школы России и зарубежных стран.

Материалы конференции могут представлять интерес для научных работников, преподавателей вузов, студентов филологических факультетов, аспирантов, а также для всех интересующихся проблемами языка и речи, рассматриваемых в синхронии и диахронии.

Оргкомитет конференции и редакционная коллегия сборника материалов Международной заочной научной конференции «Язык и речь в синхронии и диахронии» благодарит всех авторов и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Н.И. Герасимова
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ КАК МАРКЕР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В лингвистике и литературоведении любое отклонение от языковой нормы, в том числе диалектизмы, принято рассматривать в качестве стилистического средства. Способность диалектизмов служить вербальным маркером социального статуса, образовательного уровня и региональной принадлежности человека вызывают особый интерес ученых к диалектной лексике. Наряду с этим формируется новая тенденция, в рамках которой диалектизмы рассматриваются в более широком аспекте, а именно, как проявление культурной самобытности народа и региональной культуры в целом.

Интерес ученых к региональным вариантам языка во многом поддерживается стремлением локальных культур противостоять глобализации и унификации культуры. Проблема сохранения культурной идентичности особенно актуальна в том случае, когда на территории государства одновременно существует несколько языков или различных форм одного языка, употребляющихся их носителями в разных функциональных сферах. Характер языковой ситуации в этом случае зависит от совокупности языков и их разновидностей, а также от распределения функций между ними.

Более 15 млн. жителей Франции помимо французского языка говорят на региональных языках. В современной Франции языковая ситуация характеризуется глубокой многоуровневой стратификацией. Наибольший интерес для рассмотрения диалектизмов как средства выражения культурной идентичности представляет уровень межъязыковой стратификации – наряду с французским языком в стране функционирует целый ряд региональных языков: баскский, бретонский, фламандский, эльзасский, каталанский, корсиканский и провансальский.

В последние десятилетия под влиянием усиленной миграции к региональным языкам Франции добавились новые языки и народы, не желающие растворяться в чужой (французской) культуре. На третьем по величине языке меньшинств – арабском – во Франции говорит около 1,7% населения всей страны [3]. В этих условиях актуальным для романистики становится рассмотрение соотношения французского литературного языка с его другими языками на территории Франции, а также их функциональных и социальных модификаций.

Как показывают лингвистические исследования, разница между диалектом и языком не всегда очевидна [1]. По источнику происхождения французский лингвист А. Доза все территориальные языки Франции делит на две большие группы. К первой относятся языки, представляющие собой результат географической сегментации французского языка, то есть местные модификации латинского языка, на котором говорили в Галлии в конце Римской Империи. Вторую группу составляют территориальные языки, возникшие путем взаимодействия французского языка с языками народов, проживающих на территориях, в разное время присоединенных к Франции: баскский, нижне-бретонский, фламандский и эльзасский [4]. Предложенная им классификация в основных чертах соответствует делению региональных отклонений французского языка на две группы: территориальные говоры французского языка и нероманские языки, в разной степени ассимилированные или модифицированные под влиянием государственного (французского) языка.

Во второй половине XX века предпринимается попытка изучения и популяризации региональной культуры местных языков путем введения их в программу школьного обучения. Интерес к специфическому в культуре находит отражение и в сфере переводческой деятельности. В качестве примера работ, отмеченных свойством «региональности», можно привести французский фильм «Бобро Поржаловать» («Bienvenue chez les Ch'tis»), снятый в 2008 году режиссером Дэни Буном по собственному сценарию, а также перевод фильма на русский язык, выполненный А. Бочаровым.

Текст фильма написан на основе пикардийского диалекта (шти), разговорного языка жителей небольших городков и поселков на северо-востоке Франции – Нор-Па-де-Кале и Пикардии, Бельгии и провинции Эно. В целом на фламандском языке, к которому относится пикардский диалект «шти», говорит около 90 тысяч человек, что составляет 0,2% французского населения [3]. Диалектизмы «шти-ми» присутствуют в речи всех героев фильма (коренных жителей Пикардии), независимо от возраста и образовательного уровня. Существенно, что никто из них не считает неправильность речи недостатком – общей чертой героев является уважительное отношение к своему языку и культуре в целом. Подобно автору сценария, переводчик (А. Бочаров) сосредотачивает свое внимание на специфике речи «штиев», резко контрастирующих со стандартным французским языком.

Отметим, что в теории и практике перевода диалектизмы традиционно относят к переводческим трудностям – она заключается в том, что невозможно использовать при переводе в качестве эквивалентного соответствия диалектные формы принимающего языка. В противном случае складывается впечатление, что текст изначально был создан на родном языке читателя (языке перевода).

Как показывает анализ перевода, часть фонетических особенностей диалектизмов «шти» в речи персонажей была нейтрализована. Вместе с тем, нельзя говорить о полной утрате стилистических функций диалектизмов оригинального текста – нулевая передача диалектизмов «шти», обезличивающая текст фильма, в целом не характерна для анализируемого перевода. С целью воссоздания прагматического потенциала текста оригинала и компенсации культурной специфики диалектизмов, переводчик использует просторечия, жаргонизмы и различные виды отклонений от грамматической и орфоэпической нормы языка, что позволило сохранить стилистическую функцию диалектизмов «шти» (усиление выразительности речи, создание местного колорита и создание юмористического эффекта). Кроме того, переводчику удалось частично воссоздать алгоритм отступления от языковой нормы, присутствующий в оригинале. Данный факт свидетельствует о мастерстве переводчика и особом внимании к культурной специфике текста. В связи с этим следует отметить особую сложность работы в художественном переводе. Этот вид перевода, возможно, является более сложным видом творчества, чем литературная деятельность, так как переводчик, в отличие от автора оригинала, испытывает целый ряд дополнительных ограничений со стороны «чужого» (авторского) текста [2: 16].

В контексте современной культуры диалектная «неправильность речи» приобретает самостоятельную ценность, свидетельствуя о близости человека народной культуре. Применительно к переводу, признание региональной специфики в качестве культурной ценности, требует от переводчика выработки переводческой стратегии, направленной на воссоздание маркеров специфичности при переводе.

Литература

1. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции). Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 5. – С. 29-38.
2. Герасимова Н.И. Художественный перевод как особый вид творчества // материалы Международной научно-практической конференции «Новая наука: проблемы и перспективы». – Стерлитамак, 2016. – С. 15-17.
3. Официальные и региональные языки Франции. [Электронный ресурс] – URL: <http://tourismeu.ru/208-more.html>
4. Dauzat A. Les patois. P.: Delagrave, 1946. – 439 p.

Т.В. Гиляровская, Е.В. Кашкина
(г. Воронеж, Россия)

ОЗНАКОМЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ МАРОККАНЦЕВ

Актуальность темы связана как с расширением изучения территориальных вариантов французского языка, так и с развитием экономических и культурных контактов нашей страны со странами Магриба, в частности, с Марокко, где официальным языком является арабский, а рабочим языком международных проектов становится французский язык. В этой связи, важно информировать будущих переводчиков об особенностях социолингвистической ситуации в стране. Также следует знакомить студентов с типичными ошибками в речи марокканских билингов на французском языке, в свете их преодоления при переводе.

Грамматические различия и ошибки во французском языке взрослых марокканцев являются результатом не столько низкого уровня владения языком, но чаще связаны с лингвистической интерференцией. Интерферирующее воздействие арабского языка проявляется в речи на французском языке, нарушая её коммуникативную функцию, осложняя восприятие. Что может привести к потере скорости при переводе или неверному переводу.

По определению У. Маккея «интерференция – это использование элементов, принадлежащих одному языку, во время говорения или письма на другом» [4: 97]. У. Вайнрайх пишет, что следствием контактирования языков часто является интерференция, т. е. «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингов в результате их знакомства с более чем одним языком [1: 23]. В российской лингвистике В.Ю. Розенцвейг считает, что интерференция – это нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы [3: 28].

В Марокко два официальных языка: арабский литературный и тамазигхтский, язык коренного населения – берберов (получил этот статус в 2012 году). Арабский язык разделяется на литературный и разговорный. Литературный арабский это язык государственной религии, он используется в официальных документах и в средствах массовой информации, изучается в школах и вузах, хотя и не является родным ни для одной части населения. Родной для большинства марокканцев это разговорный, бесписьменный диалект арабского «дарижа». Второй государственный язык – тамазигх, используется в основном в горных и пустынных сельских районах страны. Его изучают в государственных школах. Французский язык в Марокко остаётся первым иностранным языком, который широко преподаётся, и на котором преподают; он выполняет многообразные административные функции, это язык дипломатии и бизнеса. По данным опросов 45,4 % марокканцев постоянно пользуются одновременно арабским и французским [5], т.е. являются официальными билингвами.

Языковое разнообразие Марокко и функционирование внутри него французского языка связано с явлением интерференции в паре арабский-французский языки. Интерферирующее воздействие арабского языка проявляется в речи на французском языке, нарушая её и осложняя восприятие.

Знакомство будущих переводчиков с явлением лингвистической интерференции, с наиболее типичными отклонениями и примерами ошибок во французском языке под влиянием арабского, поможет предупредить непонимание и трудности при переводе с французского языка.

Арабский и французский языки различаются фонетически, морфологически, синтаксически, семантически и прагматически. Зная об основных различиях французского и

арабского языков можно определить прогнозируемые сферы интерференции, которая затрагивает в разной степени фонетику, лексику, морфологию и синтаксис.

Очевидным различием между арабским и французским языками является то, что, первый относится к семье семитских языков, а второй – к романской группе индоевропейской семьи языков. Очевидно отличие в графике, где немаловажным моментом является написание справа налево и отсутствие заглавных букв в арабском языке.

Фонетически, арабский язык отличается способами артикуляции, которой нет во французском языке, присутствием, например гортанных и эмфатических звуков. Одновременно в арабском языке отсутствуют назальные и такие звуки как [v], [p], [y]. *Морфологически*, флексии арабского языка более сложны и разнообразны, чем во французском. *Семантически*, слова – эквиваленты двух языков могут в одном языке иметь больше значений. Большинство *синтаксических* ошибок связано с тем, что французский и арабский языки имеют разную структуру. Во французском языке преобладают аналитические формы выражения грамматического значения, арабский язык – флективный синтетический. Отсюда различия в структуре предложения, порядке слов, согласовании.

В *окончании* арабского глагола выражена форма лица и числа, поэтому необязательно использовать с глаголом личное местоимение, как это принято во французском языке «...va au marché» – норма «il va au marché». Первая конструкция может быть воспринята как повелительное наклонение, хотя фраза таковой не является. В арабском языке *прилагательные* стоят после существительного, а во французском языке есть смысловое различие, зависящее от места прилагательного: «il parvient à un âge grand», правильно «grand âge» – преклонный возраст. В арабском языке нет неопределенного артикля. Определенный *артикуль al* употребляется с меньшими ограничениями, поэтому арабские носители часто некорректно используют артикли во французском языке. В арабском языке не существует глагола-связки *être* – «быть». Как результат появляются фразы «Moi malade», правильно «je suis malade». Примеры можно продолжить. Но стоит сделать оговорку, что проблема языковой интерференции на сегодня не имеет однозначного решения. С чем мы имеем дело: с недопустимым явлением, против которого необходимо бороться или с языковым фактом, имеющим шанс укорениться, как это произошло с канадским французским [2: 66].

Подобное ознакомление студентов-переводчиков с исследованиями интерференции, её истоков с опорой на сравнение двух языковых систем, даёт возможность не только осознанного подхода к встрече с явлениями интерференции, но и её прогнозирование, что, несомненно, послужит эффективности и качеству перевода.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – К., 1968. – С. 23-76.
2. Кашкина Е.В., Синтаксическая интерференция в простом предложении (на примере французского языка в Марокко) / Научное обозрение: гуманитарные исследования. Издательский дом «Наука образования». Москва, 2017. – С 59-66.
3. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. – Л., 1972. – С. 28.
4. Mackey, W. Bilinguisme et contact des langues // W. Mackey. – P/ ed. Klincksieck, 1976. – 534 p.
5. Indicateurs RGPH2014 - Démographie - Maroc [Электронный ресурс]. – URL: <http://rgphentableaux.hcp.ma/Default1/> дата обращения 17.11.2017

А.С. Дадаян

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ И СЛОГАНОВ

Рекламный текст представляет собой один из функциональных стилей языка. Частотность использования рекламы стала увеличиваться относительно недавно, в частности, во второй половине XX в. и начале XXI в. Существует ряд предпосылок развития

индустрии рекламы. Во-первых, это стремительное развитие технологий — научно-технический прогресс, благодаря которому заметно увеличился темп производства товаров и услуг, что вызвало, соответственно, потребность в их реализации. Во-вторых, важную роль играет процесс глобализации, способствующий росту количества международных отношений и объединению государств в общее экономическое пространство. В-третьих, огромное значение имеет также развитие телекоммуникаций, средств массовой информации и появление Интернета, которые составили новое медиапространство, ставшее эффективной площадкой по продвижению товаров [1: 4].

Эффективность рекламного текста зависит от удачного соединения всех составляющих его компонентов: изображение, звук, образ, слова. Наряду с этим исследователи отмечают основную важность именно вербального компонента рекламы — словесного текста.

Вербальная часть рекламного текста обладает внутренней структурой: как правило, это заголовок (зачин), основной рекламный текст (информационный блок) и эхо-фраза — tagline (слоган). Слоган — наиболее емкая и запоминающаяся фраза, которая передает в яркой, образной форме основную идею рекламной кампании. Перевод слоганов несколько отличается по форме и языковым средствам от перевода художественной литературы, перевода слоганов. При переводе слоганов на первый план выходит сохранение коммуникативной составляющей исходного текста. В процессе перевода переводчику приходится решать как чисто языковые, лингвистические проблемы, обусловленные различиями в семантической структуре и особенностями использования двух языков в процессе коммуникации, так и проблемы социолингвистической адаптации текста. Одним из самых важных языковых уровней рекламного текста является стилистический. Основу текста обычно составляет нейтральная лексика, однако, эффективность рекламы обеспечивает именно употребление стилистически окрашенных слов, таких как неологизмы, устаревшие слова, термины, разговорная и жаргонная лексика, окказионализмы [3: 75].

Что касается перевода текстов рекламы, то он может определяться как близкий к «адекватному». Данный подход требует хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале, что хотел сказать автор рекламного текста, т.е. коммуникативное намерение рекламного текста. Перевод рекламного текста при изменении словесной формы должен быть, вместе с тем, точно передан по смыслу [2: 76].

Чаще всего при переводе рекламы, в особенности слоганов, используется вольный перевод или адаптация, так как важно учитывать национальные и культурные особенности аудитории. Примерадаптации в рекламе:

Carlsberg: «Carlsberg — probably the best lager in the world»
«Carlsberg — пожалуй, лучшее пиво в мире».

В этом примере хоть и сохранена форма слогана, но слово lager заменили на пиво, поскольку lager (название, которые используют англичане для обозначения светлого пива) у нас встречаются довольно редко, да и не каждый знает, что это такое.

В некоторых случаях слоган оставляют без перевода на языке оригинала. Это нужно для того, чтобы подчеркнуть иностранное происхождение и, следовательно, качество товара. Например:

«Volkswagen. DasAuto» или *«Nike. Justdoit»*

Такой способ, конечно, нецелесообразно использовать при переводе длинных слоганов, а лишь кратких и максимально лаконичных, со значением, которое будет понятно большинству аудитории.

Дословный перевод слоганов встречается часто и существуют удачные примеры:

1. *M&M's «Melt in your mouth, not in your hands» «Тает во рту, а не в руках».*

2. *LG: «Life'sGood» «Жизнь хороша».*

Помимо перечисленных тропов и стилистических приёмов используются также и многие другие. Как можно заключить из рассмотренных выше примеров, для рекламного текста стилистические средства являются ключевыми. Они выступают именно тем

средством, которое позволяет достигать главных целей рекламы — они обращают на себя внимание, оказывают достаточное эмоциональное воздействие и запоминаются реципиенту объявления. При переводе рекламы особенно важно релевантно передать стилистику первоначального текста для сохранения исходного коммуникативного эффекта сообщения.

В заключение можно сказать, что сложность перевода английских слоганов на русский язык обусловлена как структурными различиями русского и английского языков, так и определенными культурными традициями языка оригинала и языка перевода. Кроме того, для успешного достижения целей перевода переводчик должен обладать достаточным уровнем знания национальной психологии производителя и потребителя. Учет таких факторов является основой создания качественного слогана, выполняющего свою основную задачу – побудить потребителя к совершению покупки.

Литература

1. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса: на материале русского и английского языков: дисс ... канд. филол. наук: 10.02.19. ЮФУ – Р.н/Д., 2009.– 159 с.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
3. Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ». №1. – 2009. – С. 75-77.

Л.М. Демченко
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аббревиация, как один из продуктивных способов словообразования наблюдается в языке уже достаточно давно, однако особо частотный характер она стала приобретать в начале XIX в. Главной причиной этому послужило развитие науки, технологий, средств массовой информации, появление Интернета и медиaprостранства, а также процесс глобализации и увеличение количества межнациональных контактов. Именно поэтому определение понятия сокращения как языкового явления приобретает сейчас особое значение.

Существует множество определений сокращения, однако на данный момент языкознание пока не смогло прийти к единому пониманию этого явления и не выработало универсальной теории аббревиации. Это во многом обусловлено тем, что в значительном количестве работ, посвящённых изучению сокращений, внимание уделяется лишь отдельным аспектам данного явления — аббревиация не рассматривается во всей своей полноте, что и объясняет множественность толкований этого термина и нередко их неточность и неполноту.

Так, согласно лингвистическому энциклопедическому словарю В.Н. Ярцевой, аббревиатура является особым способом словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимических им номинаций [3: 9].

Как показывают наблюдения, новообразования последнего времени широко представлены в языке прессы. Это объясняется тем, что пресса, как один из видов массовой коммуникации, разносторонне и быстро отражает события каждого нового дня [1: 92]. Одна из основных целей газеты состоит в том, «чтобы как можно быстрее, в компактной и в то же время выразительной и яркой форме донести до читателя свежую информацию, умелым использованием языковых, графических и изобразительных средств вызывая «запланированную» реакцию на нее. В силу этого язык газеты отличается наибольшей восприимчивостью к различным языковым инновациям» [2: 6]. Одной из таких инноваций и является использование аббревиации в языке прессы.

Выделяют 6 способов перевода иноязычных аббревиатур, а именно: калькирование, заимствование аббревиатуры переводимого языка, транслитерация, транскрипция, описательный перевод и создание новой аббревиатуры.

Выбор того или иного способа при переводе текста всегда обусловлен рядом факторов, таких как, например, жанр текста, функциональный стиль текста, дискурс, способ образования конкретного сокращения, наличие или отсутствие эквивалента в ПЯ и др.

Рассмотрим и проанализируем часто встречаемые способы переводов аббревиатур на примере публицистических текстов.

Данный пример иллюстрирует такой прием, как калькирование:

Trump also echoes Putin when it comes to Syria and the Islamic State, or ISIS [4].

Трамп созвучен Путину и тогда, когда речь идет о Сирии и ИГИЛ.

Данный пример иллюстрирует употребление калькирования. Поскольку английская аббревиатура ISIS имеет несколько значений в русском языке. Главной задачей переводчика является выбор подходящего по смыслу эквивалента. В данной статье речь идет о политике, следовательно переводчик выбрал такую аббревиатуру как ИГИЛ.

Следующим приемом является заимствование:

... if the country remained in breach of the WADA code and its anti-doping laboratories continued to be suspended [5].

... если страна продолжит нарушать правила WADA и ее антидопинговые лаборатории останутся закрытыми.

Так как многие страны взаимодействуют друг с другом, большинство иностранные аббревиатур заимствуются другими языками. На примере вышеуказанного предложения, можно заметить, что инициальная аббревиатура WADA вошла в состав русского языка и не имеет русского эквивалента.

Использование транслитерации при переводе иноязычных аббревиатур также часто употребляемым способом:

To give O'Neill his due, he penned a rider to his analysis, stating the BRICS would only thrive if they pursued sound economic policies [6].

Отдадим должное О'Нилу - он написал дополнение к своему исследованию, заявив, что страны БРИКС будут процветать только в том случае, если они будут проводить рациональную экономическую политику.

В данном примере аббревиатура BRICS обозначает группу из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. В переводимом языке не была создана русскоязычная аббревиатура. Под этим понятием закрепилась такая аббревиатура, как БРИКС, которая передается только с помощью транслитерации.

Проанализировав переводы аббревиатур, можно сказать, что в настоящий момент перевод сокращений представляет собой недостаточно хорошо разработанную область лингвистических знаний и требует разностороннего и обстоятельного исследования, направленного на конструктивный анализ языкового материала и совершенствование методов его перевода.

Литература

1. Солганик Г. Я. Лексика газеты. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 92.
2. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы: Лексикосемантические аспекты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С.6.
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь – М: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.9.
4. Michael V. Hayden. Former CIA chief: Trump is Russia's useful fool. The Washington Post, November 3, 2016 [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/former-cia-chief-trump-is-russias-useful-fool/2016/11/03/cda42ffe-a1d5-11e6-8d63-3e0a660f1f04_story.html?utm_term=.a76b9bc5749a
5. Sean Ingle. After the McLaren report should Russia still have the World Cup? The Guardian, 19 July 2016 <https://www.theguardian.com/sport/blog/2016/jul/19/mclaren-report-russia-world-cup-ioc>
6. Chris Blackhurst. It's all over for the Brics countries now - upstarts are taking the initiative. Independent, 19 August 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.independent.co.uk/voices/its-all-over-for-the-brics-countries-now-upstarts-are-taking-the-initiative-10462624.html>

Л.Я. Довбнюк, И.Г. Ковалёва
(г. Горки, Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

При переводе текстов экономической тематики важно учитывать их лексические и грамматические особенности. Актуальность данной темы обусловлена возрастающей потребностью в изучении терминологии и способах ее перевода в текстах экономической тематики, так как экономика прочно вошла практически во все сферы деятельности. Именно термины являются основой специального перевода и представляют самую большую сложность при переводе. Говоря об эквивалентности терминов, необходимо отметить, что из-за типологических различий между русским и немецким языками при переводе терминов прослеживаются определенные семантические расхождения.

В немецком языке преобладают сложные слова-термины, которые не всегда имеют точные эквиваленты в других языках. Иногда их переводят, используя аналогичные по смыслу простые слова, иногда с помощью разного рода словосочетаний либо подбора лингвистических аналогов. Так, например, значение сложных и производных слов, которыми так богат немецкий язык, часто переводят неправильно, исходя лишь только из значения составных элементов слова и не сверяясь с лингвистическими соответствиями терминов в двух языках перевода. Например:

- fortgeschrittene Volkswirtschaften – «промышленно-развитые государства», а не «прогрессивные экономики»;
- Geschäftsrückgang – «спад деловой активности», а не «упадок дел»;
- Konsumklimaindex – «индекс потребительского доверия», а не «индекс потребительского климата» и др.

Проблема в том, что в русском языке функционируют, как правило, только сложные слова, однозначно являющиеся единицами словарного состава языка. В отличие от русского языка в немецких текстах часто встречаются слова, не являющиеся лексическими единицами, относящимися к словарному составу немецкого языка.

От терминологии следует принципиально отличать так называемую безэквивалентную лексику. Согласно Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову «безэквивалентная лексика – это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода (они не имеют устойчивых соответствий в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственных другому языку), то есть слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [8: 56].

К разряду безэквивалентной лексики относятся терминологические единицы единичного характера – неологизмы и страноведческие реалии. Проблема безэквивалентной лексики достаточно актуальна при переводе, например, рекламных буклетов компаний с немецкого языка на русский. Основными приёмами перевода неологизмов и реалий являются калькирование (создание нового слова на основе элементов немецкого слова), приём описательного либо приближенного перевода, транслитерация (написание слова русскими буквами) и транскрипция.

Для специальных текстов характерно наличие сокращений и аббревиатур, большинство из которых используются только в экономических текстах и документах (напр., AWV = Außenwirtschaftsverordnung, GmbH = Gesellschaft mit beschränkter Haftung, BIP = Bruttoinlandsprodukt). Однако следует помнить, что одно сокращение может заменять разные слова, что влечёт за собой определённые трудности в профессиональной коммуникации. Например: AA = 1) das Arbeitsamt – биржа труда; 2) die Auslandsabteilung – зарубежный филиал. Практика показывает, что сокращения являются одним из наиболее трудных для

понимания и перевода элементов иностранных специальных текстов. Полное понимание сокращенных лексических единиц возможно лишь при отличном знании предмета, которому посвящен конкретный текст, а также в том случае, когда читающему заранее известно значение используемых в тексте сокращений [4: 185].

К терминологическим единицам единичного характера принадлежат также и англицизмы. При общении в сфере экономики встречаются как общеупотребительные интернациональные термины (Business, Distributor, Meeting), так и слова, о смысле которых можно догадаться только по контексту (напр., Deal = Handel, Management = Unternehmensleitung, Lobby = Interessenvertretung). Особенно многочисленны англицизмы в рекламных слоганах. Таким образом, компании преследуют цель глобального позиционирования своего товара либо услуги.

Особого внимания при переводе экономических текстов заслуживают лексические единицы, известные как «ложные друзья переводчика». Согласно К.Г. Готлибу, «ложные друзья переводчика» – это слова двух языков, которые из-за сходства их формы и содержания способны вызывать ложные ассоциации и приводят к ошибочному восприятию информации на иностранном языке, а при переводе – к более или менее существенным искажениям содержания или неточностям в передаче стилистической окраски [3: 209]. Например, «Absatz» – сбыт, «Termin» – срок, «Data» – данные и другие слова, транслитерационный перевод которых приводит к искажениям смысла переводимого текста. По мнению Р.А. Будагова, «ложные друзья переводчика» представляют большую опасность в письменной речи. Он аргументирует это тем, что в устном переводе можно «обойти» трудное или не совсем ясное слово, а на письме это недопустимо. Поэтому проблема «ложных друзей переводчика» выступает как проблема, прежде всего письменной речи, хотя с ней должен считаться и устный переводчик [2: 268].

Таким образом, нами рассмотрен ряд проблем, встречающихся при переводе экономических текстов с немецкого языка на русский. Следует отметить, что экономическая жизнь постоянно изменяется и усовершенствуется, вследствие чего меняется и терминология, присущая таким изменениям. В свою очередь это будет приводить к появлению всё новых затруднений при переводе. Но человек, прекрасно владеющий иностранным и русским языками, знающий тонкости профессии экономиста несомненно выполнит перевод точно и грамотно.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Будагов Р. А. «Ложные друзья переводчика» // Человек и его язык. М., 1976. С. 267–274.
3. Будагов Р. А. Несколько замечаний о «ложных друзьях переводчика» // Мастерство перевода. М., 1971. С. 362–368.
4. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Русский язык, 1990. – 387 с.
5. Гильченко Н. Л. Практикум по переводу с немецкого на русский язык. СПб. 2008. – 134 с.
6. Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 398 с.
7. Мисуно Е.А. Письменный перевод специальных текстов: учебное пособие – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 256 с.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Н. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка – М., 1983. – 56 с.

В.А. Лавриненко
(г. Таганрог, Россия)

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

А.П. Чехов – яркий представитель мировой литературы, в которую входят произведения, объединяющие общность тенденций, стилей и жанров, но сохраняющие при этом своеобразие национальной культуры. Предметом нашего исследования являются переводы на французский язык фразеологизмов, обнаруженных в таких рассказах А.П. Чехова, как «Ионыч», «Попрыгунья», «Степь», «Дом с мезонином», «Человек в футляре» и некоторых других в переводе В. Волкофф (1932-2005). В. Волкофф – известный французский писатель, рожденный в семье русских белоэмигрантов, кавалер Ордена Почетного Легиона Искусств и Литературы, лауреат Международной премии Мира и литературных премий Французской Академии, а также Пушкинской медали Российской словесности. Героями рассказов А.П. Чехова являются люди из разных социальных слоев, от представителей дворянства до неграмотного крестьянина. Их речь насыщена эмоционально-экспрессивной лексикой, встречаются просторечные выражения, архаизмы, фразеологизмы, грубые слова, различные метафоры. Этот пласт лексики и составляет наибольшие трудности для переводчика.

Общеизвестно, что фразеологизмы занимают одно из первых мест среди трудностей перевода, что обусловлено не только их лингвистической природой, но и тем, что одним из компонентов многих фразеологизмов является национально-культурный или этнокультурный компонент. В.Н. Телия пишет, что культурная память образа, мотивирующего значение фразеологизма, служит той «нишей», в которой культура живет во фразеологизмах как языковых знаках [4: 781]. Однако не все фразеологические единицы могут стать носителем культурно-национальной информации: речь идет о тех фразеологизмах, которые, будучи национальными в плане выражения, в плане содержания являются достоянием мировой культуры и цивилизации [3: 81].

В переводческой практике традиционно выделяют две группы перевода фразеологизмов: 1 – фразеологический перевод, или эквиваленты, когда исходный фразеологизм переводится фразеологическим соответствием в переводящем языке; эквиваленты могут быть полными, частичными или выборочными; 2 – нефразеологический перевод, или безэквивалентный, когда в ПЯ нет фразеологического соответствия, и значение соответствующего фразеологизма передается описательным переводом, свободным сочетанием слов или лексическим переводом. Большое значение при переводе фразеологизмов играет контекст, так как только в контексте проявляется одно из значений многозначных фразеологизмов, и только контекст позволяет переводчику подобрать необходимое соответствие оригиналу. Естественно, не возникает трудностей при переводе интернациональных фразеологизмов, которые имеют в ПЯ фразеологические эквиваленты, полные, выборочные или частичные.

Проанализируем несколько примеров:

- 1). Людей одиноких по натуре, которые как рак отшельник или улитка стараются *yǐtmi в свою скорлупу*, на этом свете немало [7: 248]. – Les êtres humains solitaires par nature, qui comme le bernard-l'hermite ou l'escargot cherchent à *rentrer dans leur coquille*, ne manquent pas dans ce bas monde [10: 857]. Фразеологизм *rentrer dans sa coquille* являет собой наглядный образец полного эквивалента, совпадающего с оригиналом семантически, структурно, лексически, по образности и стилистически.
- 2). А оттого .... *Матернее молоко на губах еще не обсохло*. Купить-то купил шерсть, а чтоб продать – ума нет, молод еще [6: 775]. – Parce que. *Si on lui pressait le nez, il en sortirait du lait*.

La laine, il l'a bien achetée, mais pour la vendre, il ne sait pas, il est trop jeune [10: 431]. Несмотря на структурные, лексические отличия и другую внутреннюю форму мы рассматриваем французскую ФЕ *si on lui pressait le nez, il en sortirait du lait* (досл. если бы ему сдавили нос, из него бы потекло молоко) как частичный эквивалент, так как ее фразеологическое значение полностью совпадает со значением русской ФЕ. В основе образа этих фразеологизмов лежит метафора, уподобляющая неопытного, несамостоятельного, некомпетентного и безответственного молодого мужчину грудному ребенку, который питается грудным молоком и который своим поведением вызывает ироничное отношение к себе [2: 373; 11: 547].

Наибольшие трудности возникают при переводе фразеологизмов, образность которых основана на культурно-национальном компоненте, через который проявляется национальный менталитет. Подобрать фразеологическое соответствие в ПЯ трудно, но возможно. Например:

- *Хлеб да соль*, братцы [6: 307]! – *Bon appétit, les gars* [10: 772]! Оба фразеологизма имеют одинаковое значение: пожелание приятного, хорошего аппетита тому, кого застали за столом. Только русская формула пожелания, национально-культурный компонент которой выражен словами «хлеб» и «соль», больше соответствует ситуации (ужин у костра в поле) и историческому контексту (конец 19 века, простые крестьяне не могли употреблять формулу «Приятного аппетита!»). Формула «Хлеб да соль» более важна и значима для крестьян, она включает в себе также пожелание того, чтобы эти продукты всегда были на столе, так как они являются гарантом защиты от голода.

Возрастает роль контекста при переводе безэквивалентных фразеологизмов, которые имеют ярко выраженную культурную специфику. А.М. Червонный называет такие фразеологизмы «русские прецедентные тексты» [8: 147-148]. В этом случае переводчики используют нефразеологические соответствия, цель которых – передать на французском языке содержание русского фразеологизма. Вот несколько примеров:

1). Я буду о вас думать... вспоминать – говорила она. – Господь с вами, оставайтесь. *Ne vous inquiétez pas*. Мы навсегда прощаемся, ... [7: 309]. – *Je vais penser à vous, me souvenir...disait-elle. Dieu vous garde. Restez. Sans rancune. Nous nous quittons pour toujours*, [10: 912]. *Sans rancune* – лексический перевод, (досл. без злопамятства). Можно также перевести устоявшимся выражением «Забудем прошлое!».

2). Еще один пример перевода этого же фразеологизма.

А хозяйка, баба-то, глядит на нас и говорит: «Вы же, добрые люди, *ne vous inquiétez pas* нас на том свете *liхом* и не молитесь богу на нашу голову, потому мы это от нужды» [6: 305]. – *Et la bonne femme, la patronne, elle nous regarde et elle dit : « Vous autres, bonnes gens, quand vous serez de l'autre monde, ne dites pas de mal de nous et ne priez pas le bon Dieu contre nous, parce que c'est le besoin qui nous fait agir »* [10 : 470]. В данном контексте употреблен описательный перевод *ne pas dire mal de qn* (досл. не говорить плохо о ком-либо).

Ne vous inquiétez pas – вспоминая не думать и не говорить плохо о ком-либо. Оба перевода соответствуют контексту, но не передают эмоциональности и экспрессивности, заложенной в русской ФЕ, так как компонент *liхо* соотносится с демоническим кодом культуры. Это персонифицированное воплощение злой доли, горя, зла [2: 472-473].

3). Иногда встречаются фразеологизмы, которые переводчик не переводит, считая, что логика изложения не пострадает. Например:

– Хочешь вернуться? – спросил Кузьмичев.

– Хо... хочу... – ответил Егорушка, всхлипывая.

– И вернулся бы. Все равно попусту едешь, *за семь верст киселя хлебать* [6: 259].

Последняя реплика Кузьмичева полностью отсутствует в переводе [10: 411], а ведь она раскрывает его ироничное отношение к учебе: *за семь верст киселя хлебать*, то есть далеко и попусту идти, ехать, тащиться куда-то.

Анализ выше изложенных фразеологизмов приводит к следующим выводам:

- эквивалентные соответствия интернациональных фразеологизмов, национальных по форме, но универсальных по содержанию, позволяют сохранить эмоциональную и стилистическую направленность контекста;
- при переводе фразеологизмов с национально-культурной спецификой возможны два варианта: 1) подбор фразеологического соответствия и 2) нефразеологический, т. е. безэквивалентный перевод, выбор которого определяется в первую очередь контекстом. Но французские фразеологические соответствия и французский перевод, передающий содержание ФЕ, не раскрывают выразительности и самобытности речи персонажей. Весь текст также значительно проигрывает в эмоционально-экспрессивном плане.

Литература

1. Баранов А.Н. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв.ред В.Н. Телия. 2-е изд. Стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. Центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв.ред В.Н. Телия. 2-е изд. Стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 544 с.
6. Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 1 – М.: Изд. Художественная литература, 1986. – 735 с.
7. Чехов А.П. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Изд. Художественная литература, 1986. – 735 с.
8. Червоный А.М. Перевод русских прецедентных текстов на французский язык // Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: VI Международная научно-практическая конференция. Современные проблемы психологии и филологии. Таганрог: Изд-во НОУ ВПОТИУиЭ, 2009. – 224 с.
9. Chollet I. Précis. Les expressions idiomatique / I. Chollet, J.-M. Robert. – P.: Clé international, 2008. – 224 с.
10. Tchekhov A. Nouvelles. – P.: Le Livre de Poche, 2010. – 1000 с.
11. Rey A. Dictionnaire des Expressions et Locutions. – P.: Le Robert, 2007. – 888 с.

Н.С. Милутка
(г. Таганрог, Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Такой феномен, как коммуникация, в современном обществе приобрел особое значение и привлекает все больше внимания специалистов в разных областях знаний. Происхождение термина «коммуникация» латинское, означает общее, общность между передающим и получателем информации. Исходя из данного определения, коммуникация – это передача не просто информации, а самого смысла с помощью символов.

Понятие «коммуникация» в науке получило широкую трактовку. Так, американские ученые Ф. Дэне и К. Ларсон исследовали 126 дефиниций данного термина [1:89].

Принято считать, что межкультурная коммуникация – это общение, осуществляющееся участниками со значительными культурно обусловленными различиями коммуникативной компетенции, которые влияют на успех или неудачу интеракции.

К функциям межкультурной коммуникации можно отнести:

- обеспечение межкультурного обмена идеальными и материальными ценностями;
- кооперация при обсуждении вопросов локального и глобального уровней между коммуникантами различных наций.

Перевод как важнейшая составляющая межкультурной коммуникации является неотъемлемым имманентным компонентом культуры.

Как отечественные, так и зарубежные ученые отмечают особую роль перевода в развитии культуры, науки самого языка и литературы. Перевод – средство межязыковой и

межкультурной коммуникации, так как служит средством общения людей различных национальностей. Согласно А. Д. Швейцеру, «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), который заменяет первичный в другой языковой и культурной среде...». Перевод – это процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями [3: 75].

Перевод представляется одним из видов языкового посредничества. Главное отличие перевода от других форм репродукции текстового материала состоит в том, что он является процессом, в результате которого воссоздается единство содержания и формы подлинника. Перевести – это значит точно и верно изложить одним языком то, что когда-то было изложено другим.

Приверженец лингвистической концепции теории перевода Б.А. Ларин утверждал: «Всякий перевод должен начинаться с филологического анализа текста, сделанного во всеоружии лингвистической подготовки, и завершаться литературным творчеством» [цит. по 2: 75].

Безусловно, нужно разграничивать профессиональный и учебный перевод. Целью учебного перевода является постижение методов и техники перевода, совершенствование знаний иностранного языка, профессиональный же перевод требует специальной подготовки, навыков и умений, владения на высоком уровне иностранным и родным языком, знания не только своей, но и иноязычной культуры.

Перевод выступает в качестве межкультурного коммуникативного посредника в процессе общения людей, в котором коммуниканты играют роль субъектов культуры.

В процессе перевода вступают во взаимоотношения не только два языка, но две культуры, каждая из которых имеет свою национальную специфику, поэтому для достижения адекватности перевода, переводчик должен как минимум прекрасно владеть своим родным и иностранным языками и быть компетентным культурологом.

Литература

1. Словарь иностранных слов / Под редакцией И.В.Лехина и Ф.Н. Петрова. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей. 2011.– 805 с.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. 4 –е изд.– СПб.2014 – 416 с.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты.– М.: 2012. – 352 с.

А.Г. Пимкина
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСАХ

Существует много определений комикса, однако все они, в целом, сводятся к тому, что комикс представляет собой серию изображений, в которой рассказывается какая-либо история. Согласно большинству исследователей, комикс – это единство повествования и визуального действия. Скотт МакКлауд, автор книги «Суть комикса» (англ. Understanding comics), предлагает краткое определение «последовательные изображения», и более полное – «смежные рисунки и другие изображения в смысловой последовательности»[5: 6].

Одним из самых важных аспектов перевода комиксов является перевод реалий. Поскольку большинство реалий являются вымышленными, то в данном случае на переводчике лежит вся ответственность за достижение коммуникативной задачи. Он должен посредством

перевода и адаптации используемых реалий создать понятный читателям русскоязычный комикс.

В.В. Виноградов, русский советский филолог-энциклопедист, выделяет несколько тематических групп: 1) бытовые реалии; 2) этнографические и мифологические реалии; 3) реалии мира природы; 4) реалии государственно - административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические); 5) ономастические реалии; 6) ассоциативные реалии [2: 145].

К примеру, в комиксе «Batman Issue №1», 2016 г. перевод топонимов основан на применении транскрибирования и транслитерации:

Ladies and gentlemen, we are beginning our final descent into Gotham. – Леди и джентельмены, мы заходим на посадку в аэропорту Готэма.

...But lost him somewhere in the Narrows. – ... Но потеряли где-то в районе Нэрроуз (название острова).

They expect to come down near the base of Kane Plaza, in Gotham Square... – Предположительно они упадут у подножия Кейн Плаза, на Готэмскую площадь...

Теми же принципами руководствуется переводчик в отношении названий печатных изданий в комиксе «Watchmen Issue #3», 1986 г.:

Nova Express is holdin' its front page, so no delivery 'till tonight! – «Нова Экспресс» придержал первую полосу, и до вечера доставки не будет!

Tina Price from The Washington Post. Are these allegations true? – Тина Прайс, «Вашингтон Пост», скажите, эти обвинения – правда?

National Examiner reported a two-headed cat born in Queens. – «Нэшнл Экзаминер» пишет, что в Квинсе родилась двухголовая кошка.

Перевод ономастических реалий также является одним из важных элементов. Существуют различные методы передачи иностранных имен с английского языка. Метод транскрибирования – передача звукового облика – является одним из самых распространенных способов перевода на данный момент. Используется и метод транслитерации – графическая передача слова (Joker – Джокер, Flash – Флэш, Rorschach – Роршах). Метод калькирования – построение лексических единиц, соответствуя образцу данных слов англоязычной культуры – применяется при переводе прозвищ (Black Canary – Черная Канарейка, Green Arrow – Зеленая Стрела, Martian Manhunter – Марсианский Охотник). Также при переводе прозвищ наиболее адекватный способ перевода – это раскрытие значения для выполнения коммуникативной функции (War Machine – Воитель, Daredevil – Сорвиголова).

В официальных переводах не используются такие варианты, как Машина Войны или Дарdevil. Имена персонажей могут быть говорящими (имя Супермена – Clark – фр. «священник», имя Чудо-Женщины – Diana – лат. «божественная»). При использовании транслитерации имена иностранных граждан не переводятся и сохраняются исходными (Jonathan Osterman – Джонатан Остерман, Alfred Pennyworth – Альфред Пенниуорт, Damian Wayne – Дэмиан Уэйн). Но существуют некоторые имена и прозвища, при переводе которых у переводчика могут возникнуть затруднения.

К примеру, главный антагонист Лиги Справедливости (серия комиксов «Justice League» – Darkseid (Дарксайд). Этот перевод противоречит фонетическим правилам английского языка, но именно он используется во всех официальных переводах. Существует ряд предположений.

Во-первых, имя персонажа является неологизмом, созданным его автором, Джеком Кирби. Во-вторых, согласно задумке, лицо Дарксайда должно напоминать поверхность луны, и вторая часть его имени – искаженное «side» (сторона). Иными словами, по этой теории, его имя переводится как «Темная сторона», и тогда оно становится говорящим, указывая нам на выбор стороны персонажа. И в-третьих, произношение имени является квазигерманским. Ещё более сложным объектом для перевода стал псевдоним наёмника Слэйда Уилсона – Deathstroke (Дэфстроук) (серия комиксов «Batman»).

Если рассматривать произношение, то в первой половине слова – «Death» – на конце находится глухой межзубный (интердентальный) согласный звук, нехарактерный для русского языка. Вторая половина звучит как «строук».

При написании возникает определенная проблема, поскольку в русском языке нет букв, равно как и их сочетания, которые адекватно могут передать этот звук. Вследствие этого возникает выбор между двумя вариантами перевода: Дэтстроук или Дэфстроук, из которых в официальных русских переводах используется второй. В некоторых случаях появлялись дополнительные варианты, такие как Дэсстроук или Дэзстроук, но они являются ошибочными из-за неверной передачи звука [th] на русский язык.

На основе проведенного исследования можно сказать, что основная задача переводчика при работе с реалиями в американских комиксах – обеспечение адекватного перевода топонимов, ономастических реалий. Наиболее часто употребляемыми способами перевода являются транскрибирование, транслитерация и калькирование. При затруднении переводчик рассматривает контекст и адаптирует реалию таким образом, чтобы она была понятна русскоязычным читателям.

Литература

1. Ахманова О.С., Задорнова В.Я. Лингвистические проблемы перевода М.: Академия, 2001. – 127 с.
2. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978 – 172 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Михалкович В.И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. – М.: Наука, 1986. – 224 с.
5. Суть комикса [Understanding Comics] (перевод) [Электронный ресурс]. – URL: <https://acomics.ru/~understanding-comics>
6. Архив комиксов [Электронный ресурс]. – URL: <http://comicsgeek.ru>
7. [Электронный ресурс]. – URL: <http://com-x.life>
8. [Электронный ресурс]. – URL: <http://readcomicbooksonline.com>

М.М. Поркшеева
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АСПЕКТЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются особенности лексических трансформаций в целях адекватности перевода художественных текстов. В современном мире выпускается огромное количество иностранных произведений, которые нуждаются в качественном и адекватном переводе. Адекватный, или как его еще называют, эквивалентный перевод – это такой перевод, который осуществляется на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении соответствующего плана выражения, т. е. норм переводящего языка. Данная проблема вызывает потребность в высококвалифицированных переводчиках, которые при работе с текстом используют различные трансформации, в частности лексические.

Лексические трансформации представляют собой преобразования, при которых происходит замена отдельных лексических единиц (слов или словосочетаний) ИЯ лексическими единицами ПЯ, которые не являются их словарными эквивалентами, и, т.е., которые имеют иное значение, нежели передаваемые ими при переводе единицы ИЯ [1: 196].

Существует несколько вариантов классификации лексических трансформаций. Согласно В.Н. Комисарову лексические трансформации подразделяются на переводческое калькирование, транскрибирование и транслитерацию и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

В целях ознакомления с особенностями перевода такого рода трансформаций, рассмотрим 2 вида преобразования - генерализацию и конкретизацию.

Проанализируем трансформации на примере современного бестселлера – романа Джозеф Мойес «До встречи с тобой» («Me before you») в переводе А. Килановой 2003 г.

Генерализация применяется в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке и заключается в замене частного общим, видового понятия родовым.

Например:

The tables still sported Formica tops, and the menu hadn't altered since I started (p.10).

Столы покрывал старомодный пластик, а меню не менялось с тех пор, как я приступила к работе.

В данном случае переводчик А. Киланова заменила определение столешницы фирмы Formica на обобщенное словосочетание.

В следующем примере переводчик также заменяет частное понятие общим.

It looks like the castle is definitely going to start doing its own refreshments.

В замке явно собираются сделать собственное кафе.

Проанализируем далее перевод романа при помощи конкретизации.

Конкретизация используется, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы ниже, чем мера упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке.

Например:

Uh-oh. I didn't put salt in the sugar cellars again, did I? (p.12)

Неужели я опять насыпала соль в банки для сахара?

А. Киланова при переводе вместо разделительного вопроса использовала другую лексическую единицу для создания большей выразительности на русском языке.

В представленном ниже примере переводчик заменил общее понятие провождения времени вне дома на романтический вечер.

It is not exactly a night out, is it?(p. 218)

Не слишком похоже на романтический вечер.

В ходе данной работы были рассмотрены и проанализированы переводы художественного текста с помощью таких лексических трансформаций как конкретизация и генерализация.

Таким образом, использование трансформаций в целях адекватности перевода состоит в том, чтобы воссоздать при переводе новый текст, эквивалентный оригиналу по его содержанию, при этом преодолевая трудности, связанные с различиями языковых культур.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975.– 240 с.
2. Джозеф Мойес. До встречи с тобой (Me before you). – Великобритания: Penguin Random House UK, 2012. – 480 с.
3. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика: Учеб. для студ. переводческих факультетов. – СПб.: Ин. Яз. издательство, 2006.– 535 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Портал переводчиков. Лексические трансформации. [Электронный ресурс].– URL: <http://translations.web-3.ru/intro/equivalents/lexical/>

А.Ю. Притыка
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЭНА БРАУНА «УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ»

Язык является отражением национального колорита, истории, социального развития и особенностей быта определенной культуры. Реалиям, как носителям национально-культурного кода какого-либо народа, уделяется много внимания в современной лингвистике.

При осуществлении перевода с одного языка на другой, переводчик сталкивается с тем, что некоторые элементы одного языка не имеют точного соответствия в словарном составе другого языка. Такие несовпадающие элементы принято относить к безэквивалентной лексике. К данной категории относятся и реалии.

Сталкиваясь с реалиями, переводчик встает перед сложным выбором того или иного способа их перевода. Этот выбор обуславливается несколькими предпосылками:

- характером текста;
- значимостью реалий в контексте;
- характером самой реалии, ее местом в лексических системах ИЯ и ПЯ;
- самими языками;
- читателем перевода [2: 94].

Прежде чем приступать к переводу, необходимо обратить внимание на место, подачу и осмысление реалии в тексте.

Вопрос о подаче и осмыслении реалии очень важен для переводчика: введение реалии обусловлено, с одной стороны, ее местом в подлиннике и, соответственно, ее осмыслением автором, а, с другой, средствами для раскрытия ее содержания [2: 86].

«Утраченный символ» – роман в жанре интеллектуального детективного триллера американского писателя Дэна Брауна изобилует реалиями американской действительности.

Среди реалий, отобранных из данного произведения, одной из наиболее многочисленных по способу передачи оказалась группа реалий, переведенных при помощи калькирования, то есть буквального перевода слов или словосочетаний на ПЯ. Например, обширная группа ономастических реалий, *Institute of Noetic Sciences (IONS)* - *Институте нозтических наук (IONS)*, *the Princeton Engineering Anomalies Research Lab (PEAR)* – *Принстонской лаборатории аномальных исследований (PEAR)*, *America's Egyptian obelisk* - *Египетский обелиск Америки*. Стоит отметить, что большая часть из присутствующих в романе ономастических реалий имеет устоявшийся перевод в русском языке и не представляет собой трудности в процессе перевода. При переводе реалии *Harvard's Sanders Theatre* – *театр Сандерса* переводчик опустил первую часть реалии, указывающую на принадлежность театра к Гарвардскому университету, а само название театра перевел при помощи калькирования. Сложности при переводе могут представлять реалии-аббревиатуры, например, *NFC*, которую переводчик передал как *Национальная футбольная лига*, расшифровав аббревиатуру, присутствующую в оригинальном тексте, чтобы донести ее смысл до читателя, и используя прием калькирования.

Не менее многочисленной в данном произведении является группа реалий, переведенных при помощи транскрипции. Данный способ передачи реалий наиболее часто употребляется для перевода обращений, антропонимов, топонимов, потамонимов, а также названий компаний. Например, *Mr. Solomon* – *Мистер Соломон*, *Independence Avenue* – *Индепенденс-авеню*, *the Anacostia River* – *Анакостия*. Название профессионального клуба по американскому футболу *the Redskins* было транскрибировано на русский язык как *Редскинз*.

Также при передаче реалий довольно часто переводчики прибегают к такому способу перевода, как транслитерация. Данный способ перевода применяется в большинстве своем для передачи имен собственных. «*The Otis*» – название компании-производителя подъемного оборудования, было транслитерировано как «*Отис*». Название реактивного административного самолета *Falcon 2000EX* было, соответственно, переведено как *Фалкон 2000EX*.

Сталкиваясь с безэквивалентной лексикой и трудностями ее передачи, переводчики порой прибегают к такому способу перевода, как описательный перевод, свободно передавая смысловое содержание лексической единицы оригинального текста. Упомянутый в романе *Eastern Star* был переведен при помощи описательного перевода с элементами калькирования как *орден Восточной звезды*. С помощью кальки переводчик передал название организации, указав при этом, что речь идет об ордене, чтобы дать русскоязычным читателям представление о роде деятельности данной организации. При передаче реалии *the Signature* – *авиаслужба «Сигначер»* переводчик использует описательный перевод, чтобы дать читателям, не знакомым с данной реалией американской действительности, понять, что речь идет о названии авиаслужбы.

Наименее употребляемым приемом передачи реалии в данном произведении оказался прием генерализации. Реалия *kayak* была переведена как *лодка*. Согласно Оксфордскому словарю слово *kayak* означает: «*A canoe of a type used originally by the Inuit, made of a light frame with a watertight covering having a small opening in the top to sit in*». При переводе данной бытовой реалии переводчик воспользовался приемом генерализации, заменив видовое понятие в ИЯ на родовое понятие в ПЯ.

На сегодняшний день проблема перевода реалий по-прежнему остается открытой. Это связано с тем, что исследователи не могут прийти к единому мнению, касательно сразу нескольких вопросов: толкования понятия «реалия», классификации реалий и способов их передачи.

На основе проведенного исследования, можно сказать, что роман Дэна Брауна «Утраченный символ» изобилует реалиями, наиболее употребляемыми из которых являются реалии государственного строя и общественной жизни, и ономастические реалии (антропонимы, топонимы, названия музеев и аэропортов). Наиболее часто при переводе использовались такие способы перевода, как калькирование (практически половина выделенных нами реалий была переведена данным способом), транскрипция и транслитерация, употребляемые в большинстве случаев для передачи ономастических реалий и реалий государственного строя и общественной жизни. Следует отметить, что практически половина выявленных реалий имеет устоявшийся перевод в русском языке.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975.– 240 с.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе; Под ред. М.А. Романовой. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Кудряшов. В.С. Семантико-прагматический аспект перевода реалий // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1989. Вып.23. – С.40-48.
4. Паморозская Н.И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения // Лексика и культура. Тверь: Тверской государственный университет, 1990.– С.59-62.
5. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988.– 239 с.
6. Дэн Браун. Утраченный символ [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-libra.ru/read/311643-utrachennij-simvol.html>
7. [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-libra.ru/read/328878-the-lost-symbol.html>

Е.В. Прокофьева
(г. Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАИМСТВОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Вопрос об истоках возникновения фразеологических заимствований является частью большой проблемы связи явлений языка с историей общества. Связь истории языка с историей народа, в основу которой положен принцип отражения в языке специфического характера истории данного народа, выявляется и определяется как наиболее типичная из связей этого порядка.

Одним из важнейших литературных истоков заимствований явилась Библия. Она всегда привлекала внимание исследователей, так как представляет собой собрание духовных ценностей не только одного народа, но достижения всей европейской культуры. Наличие большого числа фразеологических единиц библейского происхождения во фразеологических фондах разных языков связано с распространением христианства в Европе и последующим, многовековым, широким цитированием текстов из книг библейского писания [1: 36].

подавляющее большинство фразеологизмов библейского происхождения возникли путем пословного перевода с греческого и латинского языков и распространены во всех языках народов, исповедующих христианскую религию.

Переводные библеизмы передают содержание иноязычного прототипа путем его воспроизведения средствами языка рецептора. Как известно, пословный перевод может быть как абсолютно точным, так и весьма приблизительным. Экстралингвистические факторы являются решающими при заимствовании иноязычного фразеологического оборота. Все заключается в том, что форма фразеологической единицы обуславливается, с одной стороны, иноязычным прообразом, а с другой – языковой системой заимствующего языка [2; 57]. Это и приводит к тому, что фразеологизмы библейского происхождения имеют неодинаковую форму выражения в разных языках. Например:

1. the prodigal son (англ.) – *l'enfant prodigue* (фр.);
2. a wolf in sheep's clothing (англ.) – *le loup dans la peau de la brebis* (фр.).

В данном случае расхождения проявляются в использовании различных лексических вариантов.

Слова также могут быть опущены или добавлены без ущерба для общего смысла высказывания: *pays de lait et de miel* (фр.) (букв. 'земля молока и меда') – ср. англ. the land flowing with milk and honey (букв. 'земля, где течет молоко и мед'); the mark of Cain (англ.) (букв. 'Каинова печать') – ср. во фр. *marque au front de Cain* (букв. 'печать на лбу Каина').

Во фразеологизмах разных языков могут быть использованы слова, обозначающие соподчиняющие понятия: *Rien de nouveau sous le soleil* (фр.) – *There is nothing new under the sun* (англ.) – Ничто не ново под луной (рус.) (солнце и луна – названия двух небесных светил). *L'abole de la veuve* (фр.) – *Лепта* вдовы (рус.) (обол и лепта – названия двух разных монет). Иногда наблюдается перестановка некоторых слов в составе фразеологизма, хотя смысл от этого не нарушается: *separate (divide) the sheep from the goats* (англ.) (отделить овец от козлиц) и *die Böcke von den Schafen scheiden* (нем.) (отделить козлиц от овец).

Метонимия также представлена в разных языках по-разному: В поте своего лица (рус.) – *a la sueur de son front* (фр.) (букв. 'своего лба', т. е. часть лица) – *by the sweat of one's brow* (англ.) (букв. 'своей брови').

Таким образом, при переводе каждый язык прибегает к описанию заимствованного понятия, использует свои лексико-грамматические и общекультурные нормы и реалии, в которых заключается специфика действительности народа. Иными словами, фразеологический состав языка – "зеркало, в котором лингвокультурная общественность идентифицирует свое национальное сознание" [3: 59].

Литература

1. Иванова Л.Ю. Прагматика текста и дезархизация перевода (на материале переводов Библии на французский язык) // Вопросы семантических и прагматических единиц высказывания. Сб. научн. трудов. – Челябинск, 1995. – С. 36-45.
2. Киктева Е. И. Основные источники образования английской фразеологии, сформировавшейся в XVII в. // Фразеологическая семантика в коммуникативном аспекте.– М., 1985. – Вып. 244. – С. 62-73.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

Е.В. Рочняк

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

ОТНОШЕНИЕ СИНОНИМИИ МЕЖДУ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМАМИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ

Существуют разные точки зрения на определение явления синонимии, что объясняется особенностями самого предмета рассмотрения, наличием различных типов семантических сходств и различий. В качестве основополагающих исследователи называют следующие критерии: общность выражаемого понятия, взаимозаменяемость, общая номинативная и денотативная соотнесенность, семантическая близость.

Согласно определению В.А. Татарина, синонимия – это «тип семантических отношений, заключающийся в способности ... обозначать одно и то же понятие для указания на его разные существенные и несущественные признаки, а также для выражения стилистического отношения автора к излагаемому материалу [1: 172]».

На сегодняшний день различают два вида синонимов: абсолютные (дублеты) и неполные (условные). Абсолютные синонимы представляют собой полное совпадение определённых дифференциальных признаков при отсутствии эмоционально-экспрессивного окрашивания. Совпадение же лишь некоторых признаков, а также наличие оттеночных отношений у неполных (условных) синонимов является основным условием дифференциации их употребления. При выделении данных типов синонимов учитывается характер смысловых отношений (который изменяется от полного тождества между членами синонимических рядов до семантической близости), степень многозначности терминов, взаимозаменяемость синонимичных терминов (может быть либо полной, либо ограниченной и осуществляться только на основе контекста).

Синонимический ряд может состоять из двух компонентов (наиболее частый вариант):

live – on-line (вживую, непосредственно, в данный момент)

Boss – Chef (начальник)

cool – crazy (круто, классно)

Однако встречаются случаи, когда он состоит из большего количества терминов, например:

Jeep – Beamer – car (автомобиль)

Body Lotion – deodorant – deodorizer – spray (лосьон – дезодорант – спрей – разница в упаковке косметического средства);

Kids – Babys – Teenager – Twenty (дети – маленькие, грудные дети – подростки – молодые люди от 20 до 30);

sale (распродажа) – *pre-sale sale* (предраспродажа) – *post-sale sale* (постраспродажа) – *final sale* (окончательная распродажа);

nice – sweet – pretty – honey (милый).

Среди англоамериканизмов можно выделить три модели синонимических отношений, а именно:

1. простая лексическая единица / простая лексическая единица:
ticket – card (билет);
marketing – trading (торговый);
respectable – presentable (приличный, респектабельный, презентабельный)
easy – simple (простой);
supermarket – mall (супермаркет);
t-shirt – t-short (футболка).

2. простая лексическая единица / сложная лексическая единица:
consultancy – advisory service (консультационная услуга);
Trenchcoat – waterproof coat (непромокаемое пальто, дождевик);
Make-up – beauty products (косметика);

3. сложная лексическая единица / сложная лексическая единица:
in excellent shape – in top form (в отличной форме);
insurance policy – insurance certificate (страховое свидетельство).

Как особую модель синонимии, представленную среди лексических единиц, употребляющихся в немецкоязычных молодежных сетевых журналах, мы хотели бы выделить синонимы, составляющей частью которых выступают морфемы разных языков (в нашем случае – немецкого и английского):

Moisturizing Cream – Feuchtigkeitscreme (увлажняющий крем).

Таким образом, можно увидеть, что явление синонимии достаточно широко представлено среди англоязычной лексики немецкоязычных молодежных интернет-сайтов. Каждый из синонимов необходим для устранения повторов, уточнения или пояснения содержания понятия, передачи экспрессивности высказывания. Причём в синонимические отношения наиболее часто вступают простые лексические единицы и словосочетания, которые служат своего рода толкованием и конкретизацией тех или иных понятий.

Изучение специфики функционирования англоамериканизмов в контенте современных немецкоязычных молодежных интернет-сайтов представляет интерес не только как отдельное направление работы в сфере лексикологии или стилистики, но и как путь создания лингвистической базы такого рода лексики. Работа с ними и правильное употребление способствует формированию профессиональной личности специалиста, развивает лингвистическое чутье. Кроме того, результаты исследований могут оказаться полезными в практике узкопрофессионального перевода.

Литература

1. Наумов В. В. Языковые изменения, причины, механизмы и последствия / В. В. Наумов // Тенденции развития в лексике и синтаксисе германских языков : Межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1997. – С. 35-40.

Б.Г. Солдатов
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО БИЛИНГВИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье рассматривается вопрос о достоинствах и недостатках синонимического способа определения значения слова в английской одноязычной лексикографии. Вопреки разным мнениям о приемлемости данного приема толкования, последний широко используется в толковых словарях английского языка на протяжении нескольких столетий и продолжает применяться в настоящее время.

В современной филологии синонимы рассматриваются с двух точек зрения: тождества и различия. В английской филологической науке синонимы рассматриваются как

абсолютно тождественные слова. Для российских лингвистов более предпочтителен взгляд на синонимы как на слова не с тождественными, а с близкими значениями. Другими словами, в качестве основы синонимии рассматривается близость значений, выражающих оттенки данного понятия.

Проблема словарной дефиниции не является новой, потому что словари составляются уже не одно столетие. Всегда принимался как должное тот факт, что значение одной языковой единицы может быть передано или объяснено средствами другой или нескольких других единиц того же языка [1: 52]. Синонимизация является информативным способом указания на значение, так как она эксплицирует внутриязыковые связи лексической единицы и является средством дифференциации значений и установления границ варьирования контекстов использования слова в рамках того или иного значения в случае полисемии. В «карманных» словарях этот способ часто используется как самостоятельный при отсутствии других определений, что является и неизбежным, и оправданным.

Использование синонима для определения значения слова является одним из видов так называемого «внутриязыкового перевода» или «внутреннего билингвизма». Сущность данного явления заключается в том, что лексическая единица, требующая по тем или иным причинам пояснения или уточнения, толкуется с помощью синонимичной лексической единицы того же языка. Следует отметить, что вышеупомянутое явление наблюдается не только в толковой лексикографии, но также и в художественной литературе и в устной речи [2: 101].

Явление синонимического внутриязыкового перевода в лексикографических источниках (словарях «карманного» и учебного типа) представлено в двух видах: «буквальный» внутриязыковой перевод – полное уравнивание определяемого слова с его синонимической дефиницией, например: *laundress* – *washerwoman*; *khan* – *ruler*; *khaki* – *dull-yellow*; и так называемый «компенсированный» внутриязыковой перевод, когда в правой части употребление синонима осложняется другими лексикографическими приемами. Примерами подобной компенсации могут служить: толкование с описанием сочетаемости определяемого слова: *kidnap* – *steal (child)*; толкование с использованием помет, указывающих на стилистическую и диалектную принадлежность слова (*kid* – (sl)child; *ken* – (Sc) know); толкование с указанием на источник происхождения слова (т.е. с приведением этимологической информации): (*supersession* – *superseding* [L *sedeo-sit*]). В толковом словаре *Cambridge International Dictionary of English* встречается такой способ толкования, как использование синонимического слова в качестве GUIDE-WORD (указателя на значение) (*lay* obj CAUSE v; *sick* ILL adj).

Таким образом, исследование фактического материала показывает, что простые синонимические толкования путем не могут быть признаны абсолютно приемлемыми, т.к. не отражают различия между сопоставляемыми словами. Более точными являются синонимические толкования, осложненные различными лексикографическими приемами, т.к. указывают на различные оттенки значения сопоставляемых слов.

Литература

1. Карпова О. М. Английская лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с.
2. Букина В.А. Современная английская лексикография // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т.1. Вып. 4. – С. 99 -102.

Б.Г. Солдатов, Ю.А. Козлова
(Ростов-на-Дону, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА

Как известно, английский язык – это язык международного общения, и область науки исключением не является. Именно на английском языке публикуются научные труды ученых из разных стран, проводятся международные семинары и конференции.

Чтобы понять специфику научного текста необходимо учитывать тот факт, что любой научный труд является результатом как речемыслительной, так и познавательной деятельности человека.

Основная цель научного стиля – донести до читателя сообщаемую информацию с предельной степенью ясности и точности. Доказательное изложение научной информации является основной задачей научного текста. Для этого стиля характерен строгий отбор языковых средств и предварительное обдумывание высказывания, а также: информативная насыщенность; объективность изложения; синтаксическая полнота оформления высказывания; логичность; точность.

Развитие рыночной экономики в России привело к необходимости совершенствовать экономические знания. Одним из источников информации в данной области является научная литература, созданная в экономически развитых странах. К таким странам относятся США, Великобритания, поэтому сегодня англоязычные экономические термины активно заимствуются другими современными языками.

Перевод научной литературы в сфере экономики имеет целый ряд особенностей.

Очень часто в процессе перевода возникают трудности ввиду синтаксических и морфологических особенностей разных языков. Так как терминология отражает прежде всего определенную систему понятий, она, безусловно, является частью определенного языка, и не может существовать вне его законов, поэтому переводчик должен обладать не только лингвистическими, но и экономическими знаниями.

При переводе глагольных единиц с английского языка на русский серьезного изучения требуют такие лексические трансформации как функциональная замена, конкретизация, добавление и опущение [1].

Функциональная замена используется в таких случаях, когда ни один из эквивалентов лексической единицы, предлагаемый двуязычным словарем, не может быть использован в языке перевода применительно к рассматриваемому контексту [2: 201]. Например, английское предложение: “The interest rate was raised to attract customers” переводится на русский язык следующим образом: «Процентная ставка была увеличена с целью привлечения вкладчиков». Так как английский глагол to attract имеет такие значения, как «притягивать», «привлекать», то английский инфинитив в функции обстоятельства цели to attract в русскоязычном варианте представлен предложной фразой.

Применение конкретизации оправдывается фактом отсутствия эмоциональной окраски научного текста, а также необходимостью конкретизации исходного значения.

Такой вид перевода, как добавление, довольно распространен. Использование дополнительных слов обусловлено различиями в структуре предложения русского и английского текста. Прием добавления может быть рассмотрен на следующем примере:

“In order to operate the above areas, appropriate support services will be needed, such as central bank accounting and internal audit, primary data collection and processing”. – «Для выполнения банком указанных функций необходимы соответствующие вспомогательные службы, занимающиеся бухгалтером и внутренней ревизией, сбором и обработкой первичной информации».

В данном случае при переводе с английского языка на русский в русскоязычном варианте употреблено действительное причастие «занимающиеся». Причина такой замены

заключается в том, что в английском языке лексическая единица *services*, которая имеет значение «службы, заслуги», в рассматриваемом контексте употребляется в более узком значении, чем в русском языке.

Следует отметить, что выбор того или иного приема перевода зависит от контекстуального окружения глагола. Наиболее часто при переводе используются функциональная замена, конкретизация, добавление, в меньшей степени – опущение.

Если рассматривать грамматические трансформации, то следует обратить внимание на перестановки, грамматические замены частей речи, членов предложения, форм слова.

Таким образом, при работе с англоязычными текстами на экономическую тематику достаточно часто возникают переводческие трудности. Причина этих сложностей заключается в различных специфических особенностях научного стиля в русском и английском языках.

При переводе текстов с русского языка на английский, необходимо принимать во внимание такие внутренние языковые особенности как сочетаемость лексических единиц, структура высказывания, семантическая структура слов.

Перевод англоязычных экономических текстов включает такие аспекты как перевод специальной лексики, общеупотребительной лексики, аббревиатур. Следует учитывать, что некоторые многозначные слова в английском языке в экономических текстах употребляются в несколько иных значениях, чем в сфере общего употребления. Например, в сфере экономики слово «*interest*» означает «доля», «процент».

Отдельного рассмотрения заслуживает перевод аббревиатур, часто встречающихся в экономических текстах. Представляется целесообразным выделить следующие способы перевода:

– использование эквивалентов в языке перевода: «Группа семи стран» или «Большая семерка» на английский язык переводится как *G7*;

– перевод словосочетания или слова, являющегося основой данной аббревиатуры: ВВП (валовой внутренний продукт) на английский язык переводится как *GDP* (*gross domestic product*);

– использование транслитерации при переводе наименований фирм, учреждений, компаний: название банка «*Monte dei Paschi di Siena Bank*» на русский язык переводится как «Монте дей Паски ди Сиена»;

– дословный перевод: название организации «Всемирный банк» на английский язык переводится как «*World Bank*».

При переводе экономических терминов широко применяется калькирование: утечка мозгов – *brain drain*; теневой кабинет – *shadow Cabinet*. При калькировании иногда приходится прибегать к некоторым трансформациям (изменение порядка слов, падежных форм и т.д.) [3].

Следовательно, кроме выбора необходимого слова-эквивалента или варианта слова, максимально соответствующего значению лексической единицы в языке оригинала, к трудностям перевода научной литературы в сфере экономики можно отнести и способность выделить главное, при этом, не упустив второстепенные элементы, доподлинно сохранить стиль переводимого текста.

Литература

1. [Электронный ресурс] – URL: <https://studfiles.net/preview/3564730/> (дата обращения 18.11.2017)
2. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2016. – 320 с.
3. Реснянская М.А., Татусь К.Ю., Лихошва И.С. Выявление особенностей перевода научно-популярных текстов экономической направленности // Материалы VIII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс] – URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1661/22344> (дата обращения 18.11.2017)

Н.В. Солдатова
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Обучение иностранным языкам в неязыковых вузах является неотъемлемой частью формирования профессиональной компетенции, так как данные вузы готовят специалистов, владеющих иностранным языком в объеме, позволяющим обеспечить студентов знаниями в области межкультурной коммуникации в профессиональной деятельности, определяемой спецификой вуза.

Особенностью современного социального заказа является высокий уровень требований к владению иностранным языком: выпускник вуза должен быть компетентен в восприятии иноязычной текстовой деятельности с точки зрения лингвосоциокультуры.

Это, несомненно, требует серьезной работы над совершенствованием навыков перевода общественно-политических текстов. Существуют два основных вида перевода: по стилистической принадлежности текстов и по приемам, которые использует переводчик. Первый вид перевода связан с жанровыми и стилистическими особенностями текста и обуславливает выделения следующих классификаций: художественный и информативный перевод. Второй вид перевода характеризуется способностью осуществлять речевые действия с учетом психологических и лингвистических особенностей переводчика [1: 77].

Раскрывая специфику перевода текстов на общественно-политическую тематику, необходимо учитывать некоторые психологические и лингвистические характеристики материалов этого жанра. Во-первых, это может оказать воздействие на процесс интерпретации материала и способствовать проявлению креативных способностей переводчика. Во-вторых, при передаче содержания оригинала необходимо ориентироваться на стилистические особенности переводимого текста и выбирать соответствующие языковые средства.

Основная задача материалов публицистического стиля заключается в передаче сведений и фактов с определенных позиций, следовательно, важно точно обозначать понятия и явления. Большая роль отводится терминам, именам и названиям, которые однозначно указывают на объект мысли. В данном стиле наличие политических терминов, которые обозначают имена, политические партии, государственные учреждения, общественные организации и их деятельность, является обязательным [3: 31]. При этом важно, чтобы рецептор обладал значительными предварительными (фоновыми) знаниями, которые позволили бы ему связать названия с называемым объектом. Наличие сокращений характерно для вышеупомянутого стиля современного английского языка. В текстах общественно – политического характера синтаксическая организация текста является преобладающей: краткие самостоятельные сообщения, которые состоят из сложно - структурных предложениях; деление текста на абзацы; подзаголовки в тексте для того, чтобы вызвать интерес у читателя; многочисленные атрибутивные группы. Для газетного текста свойственны такие особенности лексики, как аллюзии, образные выражения, фразеологические единицы, слова – синонимы для передачи тонких различий в одном и том же денотативном значении слова, элементы разговорного стиля и жаргонизмы, эпитеты.

Следовательно, основа перевода газетных и журнальных информационных текстов – компоненты, которые определяют ситуацию общения – воздействовать на партнера по общению, сообщая и оценив определенные сведения. Ниже приведем компоненты коммуникативного намерения:

1. Однозначные эквиваленты: числа, имена собственные, наименования организаций. В этом случае единицей перевода выступает слово или словосочетание.

2. Клише и фразеологизмы: словосочетание и предложение являются единицами перевода при передаче их значений.
3. Использование соответствий или трансформаций при переводе скрытых цитат, при этом применяется комментирование (внутреннее или внешнее).
4. Контрастирование по сложности длинных и коротких предложений: подобные по функции структуры с сохранением контраста используются при переводе. Ирония: адекватность перевода подразумевает применение эквивалентных слов, словосочетаний, предложений, которые сохраняют стилистический эффект [2: 54].

Таким образом, знание психологических, лингвистических особенностей текстов общественного и политического характера, владение студентами переводческой компетенцией, которую можно считать частью коммуникативной компетенции, создаёт основу для успешного обучения письменному переводу данных текстов.

Переводческая компетенция, владение которой является необходимым условием формирования профессиональной компетенцией, включает в себя языковую компетенцию (знание языковой нормы и языковой системы, словарного запаса языка, грамматики, правил употребления языковых единиц в речевых высказываниях в различных сферах общения и т.д.), текстообразующую компетенцию (навыки создания разноплановых текстов с учетом принятых в сообществе правил и стереотипов), коммуникативную (умение ориентироваться в ситуативных факторах текста оригинала и применять мотивационно – целевые компоненты) и техническую (необходимые знания, умения, навыки для того, чтобы осуществить данную деятельность) компетенцию.

Кроме того, общественно – политические тексты на иностранном языке дают материал для критического анализа информации и стимулируют поиск ответов на сложные проблемы современности. У студентов появляется потребность передать содержание заинтересовавшей его статьи, сопоставить авторскую оценку описываемых событий со своей собственной и, наконец, выразить свою точку зрения.

Литература

1. Гейбатова Н.А. Особенности перевода общественно-политического лексикона // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.) – СПб.: Свое издательство, 2016. – С. 76 - 79.
2. Гейко Н.Р. Специфика перевода атрибутивных конструкций общественно-политической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч.3. – С. 53 - 56.
3. Мкртычева Н. С., Бакланова В. В. Особенности перевода общественно-политической тематики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2. Июнь, 2014. – С. 30 - 32.

О.Г. Талалаева

(Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск)

ЭМОТИВНОСТЬ ПРИ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В последние годы эмотивной (эмоциональной) стороне речи уделяется все большее внимание: отечественные и зарубежные исследователи относят проблему эмотивности к числу первостепенных задач антропоцентрической лингвистики. Современные работы по прагматике не могут рассматриваться без эмотивности. Мир эмоций все чаще и чаще интересует лингвистов и является актуальной темой для изучения. Вопрос о природе и специфике текстовой эмотивности обсуждается в ряде специальных работ, в которых эмоциональный характер текста объясняется не с помощью анализа эмотивных единиц языка, а путем выявления крупных (собственно текстовых) элементов. Эмотивная сторона текста и метатекста является неотъемлемой, так как художественный текст не может не затрагивать чувства и переживания, как героев, так и читателей. Изучение эмоций в языке и произведения уже имеет ряд работ, а также различные точки зрения на эту проблему.

В нашем исследовании мы проводим анализ эмоциональных состояний героев в авторских ремарках текста оригинала пьесы Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше» («Cat on a Hot Tin Roof») и ее перевода, выполненный В. Вульфом, А. Дорошевичем и В. Ворониным.

Для просодической реализации замысла драматургического произведения в соответствии с авторским намерением интерес представляют ремарки, в которых содержится информация об эмоциональном состоянии персонажа в момент речи. Также его отношение к собеседнику и к событиям, происходящим с его участием, является немаловажным. Дается характеристика его языкового и кинесического (невербального) поведения, то есть указания на средства передачи модально-эмоционального содержания реплики.

Ремарки, содержащие информацию об эмоциональном состоянии персонажа в момент произнесения реплики и его отношение к собеседнику или предмету разговора, в лингвистической литературе принято называть интроспективными [1]. К данным ремаркам относятся такие, как «*angrily, outraged, contemptuously, ironically, bitterly, sadly, frightened, triumphantly, calmly, sweetly, satisfied, approvingly*»: «*Big MAMA [sadly]: No, son. I wish you wouldn't!*» [4: 101]; «*MAE [sweetly and sadly] Yes, Doctor Tooker, you go*» [4: 106].

Ремарки, в которых представлены указания драматурга об просодических средствах передачи эмоциональной информации реплики, то есть характер речевого поведения персонажа, называют просодическими [1]. К просодическим ремаркам относятся такие, как «*dropping his voice, tonelessly, raising his voice, loudly, in a low voice, rapidly, slowly*»: «*BIG MAMA [still louder]...*» [4: 51]; «*BIG MAMA [loudly, startling Margaret]*» [4: 33]; «*BIG MAMA [terrified, raising his voice]...*» [4: 103].

Автор текста характеризует своих персонажей двусмысленно. Герои обладают запутанными психологическими портретами, и автор дает читателю шанс сделать свои собственные выводы. Сравнивая системы русского и английского языков, можно сказать, что первый стремится к ясному изложению, а второй имеет тенденцию к "красноречию" и дополнительно не объясняет образы. Он зачастую зависит от контекста, а не от значения одной лексемы.

Так, в переводе драмы «Cat on a Hot Tin Roof» на русский язык («Кошка на раскаленной крыше») переводчики пытались сохранить оригинальные особенности авторских ремарок, но все же прибегли к переводческим трансформациям, например, добавлению, развернутому переводу: «*[...he is not looking at her but into fading gold space with a troubled expression. [It is constant rejection that makes her humor "bitchy".]*» [4: 20]. – «(С отсутствующим выражением лица он глядит в пространство, залитое тускнеющим золотым светом. Это постоянное ощущение стены отчуждения, которой Брик отгородился от нее, придает юмору Маргарет горький характер)» [3: 139].

Характерные особенности речевой манеры героини драмы Маргарет в переводе авторской ремарки представлены в расширенном и детализированном варианте для более точного понимания русскоязычным читателем (использование замены и добавления): «*MARGARET, [shouting above roar of water]... [Margaret's voice is both rapid and drawling. In her long, speeches she has the vocal tricks of a priest delivering, a liturgical chant, the lines are almost sung, always continuing a little beyond her breath so she has to gasp for another. Sometimes, she intersperses the lines with a little wordless singing, such as «Da-da-daaa!]*» [4: 15] – «*Маргарет (старается перекричать шум воды): (Маргарет говорит одновременно и быстро, и растягивая слоги. Произнося длинные пассажи, она напоминает священника, нараспев читающего молитву, вдох делается после конца строки, поэтому фраза завершается на последнем дыхании. Иногда Маргарет перемежает свою речь негромким пением без слов, типа: «Па-па-па!»*» [2: 195].

Таким образом, ремарки с эмоциональным содержанием служат сигналами, «поддерживающими некую неопределенность» в тексте оригинала драмы, а их перевод должен иметь определенные композиционно-стилистические единицы, которые, наряду с

монологами и репликами персонажей, способствуют воссозданию эмоциональности произведения.

Литература

1. Стриженко А. А. Взаимодействие авторской речи и речи персонажей в современной драме тургии: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 31 с.
2. Уильямс Т. Кошка на раскаленной крыше. – М.: Подкова, 2001. – 504 с.
3. Уильямс Т. Трамвай «Желание». Кошка на раскаленной крыше. Ночь игуаны: [пьесы]. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 374 с.
4. Williams T. Cat on a Hot Tin Roof. – New York: New American Library, 1955. – 158 p.

А.В. Чернышкова
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ В АСПЕКТЕ ЭКОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

В настоящее время совершенствование знаний является необходимым условием для развития любого научного направления. Среди различных междисциплинарных наук, которые выдвигают данное требование, не стало исключением и экология перевода – новое направление в теории и практике перевода, сформировавшееся в результате взаимопроникновения лингвистики и экологии.

Целью настоящей статьи является попытка показать, какова роль переводческой ошибки, с конкретизацией ее видов, в развитии экологии перевода, способствующей расширению исследований в рамках переводческой науки.

А. Честерман (ученый в области лингвистики, профессор университета в г. Хельсинки) называет ошибки в переводе нарушениями норм, коммуникативного эффекта и содержания текста оригинала.

Отечественные авторы, исследующие данное понятие, среди которых, например, Р.К. Миньяр-Белоручев, Е.А. Княжева, В.Н. Комиссаров, определяют переводческую ошибку как меру несоответствия перевода оригиналу, «нечаянную ошибку», которая совершается неосознанно, спонтанно, и не входит в намерение переводчика [2]. Мы видим, что взгляды лингвистов сходятся в том, что это отклонение от нормы, т.е. несоответствие принятому употреблению языковых средств, совокупности речевых правил.

Базовой классификацией переводческих ошибок является типология Н.К. Гарбовского, которую составляют ошибки на этапе восприятия текста и ошибки на этапе воспроизведения текста. Существует также градация Л.К. Латышева, которая, с точки зрения дезинформирующего воздействия, представляет собой [1]: I. Смысловые ошибки: а) Искажения – переводческая ошибка, которая является субъективным отклонением содержания перевода от оригинала, искажающим функции исходного текста и вводящим конечного получателя текста в заблуждение (в том числе, целенаправленно) относительно описываемых событий, предметов и явлений.

Для примера переводческой ошибки «Искажение» обозначим следующее. В романе Elizabeth Gilbert «Eat, Prove, Love», 2006 («Есть, молиться, любить», перевод с английского Ю.Ю. Змеевой, 2007) было искажено представление о персонаже, с которым познакомилась главная героиня в Индии: «Richard from Texas really is named Richard, and he really is from Texas. I wanted to use his real name because he was so important to me when I was in India». В переводе с английского на русский язык – «Ричард был из Техаса, и я не захотела менять его имя, потому что этот человек был важен для меня» его роль в романе не совсем понятна, а также не указано, где произошло их знакомство (заметим, что в данном романе, это является важным).

б) Неточности и неясности – выражения, неточно раскрывающие смысл оригинального текста, который четко выражен в исходном тексте. Например, в новом детективе «Into the water» («В тихом омуте», 2017) известной журналистки П. Хокинс встречается достаточное количество вышеназванных переводческих ошибок (перевод с английского В.В. Антоновой, 2017): *At the crest of the bridge, Lena turned, just for a second, to look at me. I clenched my fists together and bit my lip: I cannot be afraid of her! She's just a child. My feet hurt. I could feel the prickle of sweat at my hairline, I wanted to rip the fabric of my shirt, I wanted to rip my skin. I could see a small crowd gathered in the car park in front of the church, they were turning now, turning towards us, watching our approach. I thought about how it would feel to pitch myself over the stone walls: terrifying, yes, but only for a short while.* Перевод на русский язык: «На середине моста Лена обернулась посмотреть, где я. Я сжала кулаки и губы – она не внушает страх! Ноги у меня болели. Пот был на лице, мне хотелось разорвать блузку. На стоянке возле церкви я увидела толпу – все смотрели, как мы идем. Интересно, что если перемахнуть через каменный мост и броситься вниз? Конечно, страшно, но только в первый момент».

Оценивать переводы с английского на русский язык сложно, но анализируя данное произведение, можно заметить: во-первых, название детектива. Здесь, мы, скорее всего, отдадим должное переводчику, поскольку для русской культуры и русского человека, лексемы и фразеологизмы «тихий омут» или «в тихом омуте черти водятся» достаточно понятны и знакомы. Что касается, некоторых имен и перевода текста произведения, то русский вариант оказался неточным, особенно в области передачи эмоционального состояния героев. Также на наш взгляд, практически отсутствует психологическая нагрузка на читателя, которая очень четко отражается в оригинальном тексте.

В каждом из отрывков отслеживаются: немотивированные добавления или опущения; искажение авторской интенции; вольности, неудачные формулировки и другие переводческие ошибки.

II. Языковые ошибки и их подвиды (лексические, грамматические, стилистические, орфографические, пунктуационные и ошибки, связанные с оформлением текста [3]). Еще один отрывок из произведения «Into the water»: *«Three days before her birthday, there was a storm. It built all day, a vicious wind ripping down the valley, white horses riding the breadth of the pool. At night, the storm broke, the river pushing at its banks, trees felled along its length. The rain came down in sheets, the whole world underwater».* И представленный для круга читателей, знающих русский язык, перевод: «За три дня до ее дня рождения была буря. По долине гулял злобный ветер и тихая заводь покрылась белыми барашками. Буря началась ночью, река билась о берега, деревья сгибались под порывами ветра, с неба низвергались потоки воды, превращая землю в подводное царство!». В целом, сюда можно отнести: тавтологии; паронимы; терминологические ошибки; морфологические ошибки; неуместное использование диалектов и другие.

Конечно, абсолютно тождественных текстов на разных языках нет, но переводчик должен стремиться к максимальной степени содержательной и формальной близости перевода к оригиналу, потому что оригинал оценивается читателями по тексту перевода и воспринимается так, как будто он и есть оригинал. Невыполнение нормативных требования к тексту перевода влекут за собой комплексную негативную оценку работы переводчика, а некорректный перевод порой приводит к возникновению недопонимания и смешных, а иногда и серьезных (даже опасных) казусов.

Таким образом, рассмотрев переводческие ошибки и их классификацию, мы можем отметить:

- 1) В аспекте качественного, адекватного, а значит, и экологичного перевода, переводческие ошибки играют особо важную роль, поскольку они оказывают негативное влияние на конечный результат перевода, а значит и на профессиональную деятельность переводчика.

- 2) Переводческие ошибки нарушают идиостиль автора, искажают исходную мысль, содержание, что приводит к совершенно иному восприятию текста. В связи с этим возникает необходимость более тщательного отбора переводчиков, строго набора критериев и оценок работы переводчика.
- 3) И, наконец, анализируя переводческие ошибки, выявилась следующая закономерность, современные переводы с иностранных языков на русский язык оказались наименее качественными, далекими от оригиналов, имеющие очень много различных языковых ошибок, которые заметны не только ученым и исследователям переводческой науки, но и читателям, интересующимся и изучающим иностранные языки.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2004. – С. 242.
2. Латышев Л.К. Курс перевода / Л.К. Латышев. М.: Международные отношения, 2005. – С. 247.
3. Федюченко Л.Г. Экологический аспект перевода: переводческая ошибка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-aspekt-perevoda-perevodcheskaya-oshibka> (дата обращения: 25.10.2017).

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Д.А. Алтунян
(г. Таганрог, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СМИ

Средства массовой информации на сегодняшний день являются неотъемлемым общественным институтом, формирующим образ мышления в обществе и определяющим правила поведения в социуме, и, как следствие, представляют собой один из способов влияния на аудиторию. Если в недавнем прошлом язык СМИ не противоречил литературным нормам, то сейчас происходит изменение восприятия речи, применяемой в СМИ. Такая тенденция обусловлена, прежде всего, более открытым характером взаимоотношений в обществе, демократизацией языка СМИ и в некоем роде стремлением людей к свободному выражению своих мыслей. Именно поэтому на современном этапе развития велика значимость изучения способов речевой агрессии, используемых в журналах, газетах, на телевидении и иных средствах коммуникации.

Речевая агрессия представляет собой активное словесное действие, которое нацелено на конкретный объект, мотивом к такому действию является обычно враждебность к этому объекту. Направлена такая агрессия может быть на определенное явление, на группу лиц, на отдельного человека и т.д. [2: 25]. Речевая агрессия в мейдийных средствах информации может проявляться в многообразных формах. Так она может реализовываться путем «наклеивания ярлыков», возможно также обострение негативных ассоциаций, обыгрывание имени (должности, социального статуса и т.п.), в СМИ также может делаться акцент на неприятных для объекта деталях или прямое оскорбление и т.д. [1].

Исследованием видов и способов речевой агрессии занимались множество специалистов. Ю. В. Щербинина рассматривает типологию вербальной агрессии в зависимости от различных критериев. Данная классификация приведена в таблице 1. [3].

Таблица 1. Классификация речевой агрессии

Критерий классификации	Виды речевой агрессии
Интенсивность	<ul style="list-style-type: none"> • слабые ("стертые", "размытые"); • сильные ("максимальные", "предельные").
Степень осознанности действий говорящего	<ul style="list-style-type: none"> • осознанная; • неосознанная.
Способ выражения	<ul style="list-style-type: none"> • выражение агрессии и в форме, и в содержании; • выражение агрессии исключительно формальное; • выражение агрессии в содержании.
Число участников	<ul style="list-style-type: none"> • массовая; • социально замкнутая (групповая, межличностная).

В межличностном общении выделяют следующие виды речевой агрессии: оскорбление; угроза; грубое требование; грубый отказ; враждебное замечание; порицание; насмешка; ссора.

Детально хотелось бы рассмотреть лексические средства речевой агрессии.

1. В средствах массовой коммуникации широко распространена оценочная (в том числе инвективная и стилистически сниженная) лексика. Она является самой простой формой вербальной агрессии.

Пример: *Сирия пытается заставить США надавить на Израиль. Сложно как-то иначе интерпретировать письмо, которое президент Асад направил в Вашингтон. В письме указывается, что в случае еще одного израильского удара ответ будет таков, что мало не покажется. И что удивительно: ответа из-за океана Асад ждет в течение суток. Похоже на ультиматум и на то, что нервы сдают. Причем, у Израиля тоже. Там готовят бомбоубежище. Российский МИД призвал мировое сообщество не нагнетать ситуацию* (Телеканал «Россия-1». «Вести». 2013. Май, 6.).

2. Жаргонная лексика – это лексика, характеризующаяся наличием слов и выражений, свойственных для определенных социальных групп. В медийных средствах информации применяются для того, чтобы установить благоприятное, основанное на доверии отношение к себе или же, чтобы указать определенную социальную группу, также жаргонизмы используются для изображения чужой манеры речи, а зачастую для выражения негативного отношения к адресату.

Пример: *В уникальный поселок мастеров-ювелиров покупатели на «мерсах» не могут добраться по бездорожью* (Комсомольская правда. 03–10.09.2009).

3. Окказионализмы в СМИ встречаются гораздо реже, они представляют собой авторские словообразования, созданные кем-либо индивидуально.

Примеры: *«Эстонизация» всей страны. Правительство Эстонии упростило процедуру «эстонизации» фамилий* (Московский комсомолец. 27.03.2009). *Нам американофобия свойственна и на уровне массового сознания* (т/к Россия. 01.02.2009).

4. Выразительные средства речи (сравнения и метафоры) также являются одним из средств выражения негативной оценки и представляют собой оценочное содержание в особой синтаксической конструкции или путем непрямого содержания «безоценочного» слова.

Пример: *Кризис выставил на всеобщее обозрение того уродца, которого нам в течение 15 лет рекламировали как дитя российских реформ. Дитя оказалось капиталистическим недорослем, к тому же жадным, ненасытным и вороватым* (Аргументы и факты. 2009. № 9).

5. Иноязычные слова и варваризмы – использование иноязычных слов, которые еще не совсем прочно вошли в речь, создает агрессивность следующего рода: люди, не понимающие значения данных слов, будут чувствовать себя отстраненно относительно говорящего.

Пример: *Смотреть на выставленные на продажу таунхаусы и коттеджи в элитных поселках приехала знаменитая пара Александрова – Домогаров* (Комсомольская правда. 15–22.02.2007).

Лексические средства речевой агрессии имеют широкое применение во всех средствах массовой информации. Это объясняется более свободной и демократичной формой публицистического стиля и увеличением нормативных границ языка СМИ, что в свою очередь определяется либерализацией общественных отношений.

С одной стороны, столь свободная форма преподнесения новостей сообщения информации делает ее более доступной для адресата. Но с другой стороны, медийные средства коммуникации являются мощным инструментом воздействия как на отдельного человека, так и на общество в целом. И данное воздействие не всегда бывает положительным. Поэтому проблема речевой агрессии на данный момент рассматривается специалистами не только в сфере лингвистики, но и психологии и социологии.

Литература

1. Коваленко Д.А. Речевая агрессия в современных СМИ как источник языковых конфликтов. // Вестник АГУ – 2015. – Выпуск № 1(152). – С. 217-222.
2. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 160 с.
3. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. – 2-е изд., стер.– М.: Флинта, 2013. – 224 с.

Е.С. Грушевская
(г. Краснодар, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: МНОГОСЛОЙНОСТЬ СТРУКТУРЫ

Центральным звеном любого процесса коммуникации является Личность. Именно она является инициатором общения в самых различных его дискурсивных и жанровых ипостасях и именно на неё направлена текстовая информация, возникающая в процессе коммуникации между общающимися субъектами. Вступая в контакт, личность, создающая текстовый материал, ориентируется на другую личность, которой адресуется создаваемая ею информация. Представляя собой продукт той или иной сферы деятельности, личность, создающая текст, несёт на себе отпечаток не только её (сферы деятельности) профессиональных параметров, но и колорит своих собственных характеристик, а также картинку той личности, на которую и направлен создаваемый ею текстовый материал. Иными словами, личность представляет собой сложное переплетение индивидуального, коллективного, национального, социального, политического и культурного и многого другого. Личность неотделима от дискурса, в рамках которого она в тот или иной момент функционирует. Таким образом, и как продукт и как носитель информации дискурса Личность характеризуется многослойностью своей структуры, что в свою очередь чётко вычленяет два плана её представления: дискурсивно-процессуальный и содержательно-структурный.

Дискурсивно-процессуальный план отражает основные характеристики того дискурсивного пространства, в котором личность в данный момент функционирует, основные ментально-мировоззренческие параметры той сферы деятельности, в рамках которой создаётся текстовый материал и базовые маркеры всего процесса существования

текста в ситуации общения. Дискурсивно-процессуальный план имеет, таким образом, три основных ракурса:

- *лично-субъективный*, отражающий идентичность личности с самых разных ракурсов её описания и представления,
- *коммуникативно-процедурный*, отражающий ту специфику дискурсивного пространства, в котором личность функционирует и которая самым существенным образом влияет на её сущностные характеристики,
- *рефлексивно-репродуктивный*, отражающий посредством языковой природы текстового материала мышление личности, то есть субъективно-процессуальную рефлексию той информации, которую она (личность) должна представить (или воспринять).

Содержательно-структурный план отражает как уровни организации личности как создателя, носителя и интерпретатора той или иной информации, которая лежит в основе создаваемого ею текстового пространства (личность коммуникатора), так и уровни организации личности как получателя, интерпретатора и дальнейшего распространителя полученной информации (личность реципиента).

Содержательно-структурный план имеет, таким образом, пять основных уровней своей организации:

- *индивидуально-статусный*, констатирующий социально-физиологическую идентичность личности, а именно: физиологическую идентичность, возраст, гендер, национальность, уровень образования, профессиональную идентичность и т.д.
- *ментально-мировоззренческий*, констатирующий совокупность умственных навыков и духовных установок личности, а также совокупность её взглядов, оценок и принципов понимания окружающей реальности,
- *концептуально-информативный*, констатирующий те идеи, понятия и направления, которые отражают определённое понимание сущности представляемого предмета / явления действительности, а также нацеленность личности коммуникатора на определённого реципиента как второго участника акта коммуникации и нацеленность реципиента на участие в том или ином определённом дискурсе,
- *когнитивно-креативный*, констатирующий совокупность параметров, определяющих уровень обработки информации сознанием личности на основе её профессионально-образовательных ресурсов, а также её творческий потенциал, позволяющий личности коммуникатора создавать текст, а личности реципиента его воспринимать,
- *вербально-структурный*, констатирующий специфику семиотической организации текстового материала на основе выбранного лексического, синтаксического, стилистического языкового материала и композиционной структуры текста как со стороны его кодирования (языковая личность коммуникатора), так и со стороны его декодирования (языковая личность реципиента).

Дискурсивно-процессуальный и содержательно-структурный планы наглядно демонстрируют многослойную структуру языковой личности как доминантного параметра любого дискурсивного пространства и самым тесным образом связаны между собой:

Личностно-субъективный ракурс отражает различные аспекты физиологической, социальной, национальной, культурной, политической, психологической и любой другой идентичности личности, а также её интеллектуальные и образовательно – компетентностные характеристики. В содержательно-структурном плане он представлен *индивидуально-статусным и ментально-мировоззренческим уровнями*.

Коммуникативно-процедурный ракурс, отражая специфику дискурса, в котором личность либо информирует, либо воспринимает информацию, в содержательно-структурном плане представлен *концептуально-информативным уровнем* личности. Именно этот уровень отражает желание языковых личностей коммуникатора и реципиента вступить в имплицитный диалог посредством текстовой информации.

Рефлексивно-репродуктивный ракурс, представляя собой модель языковой организации текста, в содержательно-структурном плане представлен *когнитивно-креативным и вербально-структурным уровнями*, наглядно демонстрирующими умение одной языковой личности эксплицитно и/или имплицитно представить те или иные идеи, мысли и оценки, а другой языковой личности их понять, декодируя ту оценку, мнение и отношение к представляемому, которое коммуникатор мог заложить в текстовый материал имплицитно.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
1. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка.– М.: Наука, 1981. – 367с.
2. Караулов Ю.Н. Языковая личность и национальный характер // Современная наука: познание человека. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
3. Миронова Н.И. Языковая картина мира личности как зеркало мотивов и потребностей // Русский язык: исторические судьбы и современность: тез. конф. – М., 2001. – С.76.
4. Рубинштейн М.М. Идея личности как основа мировоззрения.– М., 1909. – 124 с.
5. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар, 2004. – 155 с.
6. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. – С.75-85.

Ю.М. Демонова
(г. Таганрог, Россия)

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РЕЧИ УЧАСТНИКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТОВ

В выбранной нами форме политических дебатов время ответа участников на вопросы модератора ограничено и варьируется от тридцати секунд до двух минут. Обычно представители политических партий говорят без продолжительных пауз, практически без перефразирования одной и той же идеи. Очевидно, количество интонационных групп варьируется в зависимости от долготы звучания речи, тем не менее, структура фонотекста участников остается довольно единообразной вне зависимости от времени.

Приведем пример ответов четырех республиканцев на вопрос модератора, лимит времени – 30 секунд.

(CNN) — TAPPER: What is this election for you? Governor Kasich, we will start with you.

KASICH: Well, | thank you. You know, | I look in the faces of people all across this country, | and I know they want to be hopeful. And many are hopeful. Look, | I can take conservative policies to the White House, | to Washington, | to restore the strength of our economy. But I also want to transfer power, | money and influence | to where you live, | because I believe the strength in this country | rests in the neighborhoods, | the families, | the communities and our states.

And I believe | it's a new partnership | - a partnership that can allow us to restore the spirit of America | and strengthen America for the best century we've ever had. Thank you.

TAPPER: Senator Rubio?

RUBIO: Every election is important. I believe | this | is the most important election in a generation. Because what's at stake in this election | is not simply what party is going to be in charge | or which candidate wins. What's at stake is our identity as a nation | and as a people.

For over two centuries, | America has been an exceptional nation. And now | the time has come for this generation to do what it must do | to keep it that way. If we make the right choice in this election, | our children | are going to be the freest | and most prosperous Americans | that have ever lived. And the 21st century | is going to be a new American century.

TAPPER: Senator Cruz?

CRUZ: Fifty-nine years ago, | Florida welcomed my father to America | as he stepped off the ferry boat from Cuba onto Key West. He was 18. He was filled with hopes and dreams, | and yet he was in the freest land on the face of the earth.

This election, | this debate is not about insults. It's not about attacks. It's not about any of the individuals on this stage. This election is about you | and your children. It's about the freedom | America has always had and making sure that that freedom is there for the next generation, | that we stop Washington from standing in the way of the hard-working taxpayers of America.

TAPPER: Mr. Trump?

TRUMP: One of the biggest political events anywhere in the world | is happening right now with the Republican Party. Millions and millions of people are going out to the polls | and they're voting. They're voting out of enthusiasm. They're voting out of love. Some of these people, frankly, | have never voted before - 50 years old, 60 years old, 70 years old - | never voted before.

We're taking people from the Democrat Party. We're taking people as independents, | and they're all coming out | and the whole world is talking about it. It's very exciting. I think, frankly, | the Republican establishment, | or whatever you want to call it, | should embrace what's happening.

We're having millions of extra people join. We are going to beat the Democrats. We are going to beat Hillary | or whoever it may be. And we're going to beat them soundly.

TAPPER: Thank you. Thank you [1].

Терминальная паузация проставлена не была, так как она в 100% случаев полностью совпадает с пунктуационными знаками точки.

Как в рассмотренном нами примере, так и в других подобных случаях, актуальное членение фраз процентов на 70% совпадало с синтаксической структурой предложения, а на 30% было от него отличным и служило скорее цели выражения интенции говорящего, чем цели поддержания объективной модальности текущей грамматической конструкции. Причем практически везде, где грамматическая структура требует знаки препинания, спикеры используют диэрему, либо выдерживают паузу. Данный способ актуального членения потока речи, когда просодия играет второстепенную роль и в основном сопровождает грамматическое построение звучащего текста характерен для информационного фонотипа.

С другой стороны, количество интонационных групп на 30% превышало количество грамматических конструкций, требующих отдельного просодического оформления, что говорит о контрастном выделении определенных блоков информации исходя из интенции говорящего. Такой способ деления потока речи на интонационные группы характерен, скорее, для публицистического фонотипа для реализации прагматического посыла, заложенного в тексте. Повторим прописную истину, что чем больше смысловых групп делает диктор, тем более эмоционально, доходчиво и убедительно звучит его речь. Обратимся вновь к примеру. В своем ответе Сенатор Рубио в трех предложениях делает 10 пауз, включая терминальные, отмеченные двумя чертами.

For over two centuries, | America has been an exceptional nation. || And now | the time has come for this generation to do what it must do | to keep it that way. || If we make the right choice in this election, | our children | are going to be the freest | and most prosperous Americans | that have ever lived. || And the 21st century | is going to be a new American century.

Во втором предложении первая интонационная группа, очевидно, является грамматически неоправданной и служит целям контрастного выделения, хотя вторая полностью совпадает с синтаксической структурой. То же самое можно сказать и о смысловой группе *our children* в третьем предложении, которая не требуется по структуре, но присутствует, исходя из интенции.

Таким образом, актуальное членение речи политиков подчиняется законам объективной и субъективной модальности, исходя из интенции говорящего.

Литература

1. Full Transcript: Republican Presidential Debate [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/14/us/politics/republican-debate-transcript.html> (дата обращения: 28.09.2017).

С.Н. Дубровина
(г. Горки, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основные понятия теории вариативности отражены в терминах ‘вариативность’, ‘вариантность’, ‘варьирование’, ‘вариант’, ‘инвариант’, ‘константность’, ‘норма’. Первые два термина обычно употребляют синонимично. Выделяют их широкое и узкое толкование. Вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. При таком понимании нет необходимости в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как „характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии” [4: 31].

В качестве проявлений языковой вариативности в лингвистической литературе чаще всего называют следующие: 1) *социолингвистическая* вариативность (влияние социальных изменений и социальной мобильности на развитие языка, включая уровень социальных отношений и уровень официальности и т. д.); 2) *текстуальная* вариативность (взаимодействие жанра и темы текста, его лингвистической экспрессии, включающей ситуацию дискурса и способ передачи информации); 3) *региональная* вариативность (различия и сходства региональных разновидностей языка, включая явления языкового контакта); 4) *индивидуальная* вариативность.

Развитие когнитивной лингвистики, лингвистической стилистики, социолингвистики и прагматики вывели исследования проблематики вариативности на новые рубежи. Благодаря становлению когнитивной лингвистики в результате общего методологического сдвига, начавшегося в лингвистике с конца в 1950-х годов, были сняты запреты на рассмотрение “далеких от поверхности”, недоступных непосредственному наблюдению теоретических (модельных) конструктов. В качестве такого рода модельных конструктов (когнитивных структур) были обоснованы *фрейм, идеализированная когнитивная модель, ментальные пространства, 2S-мерный набросок, семантико-грамматические суперкатегории, динамика сил, цепция* и т.д. [3].

С течением времени ученые пришли к выводу о том, что любые структурные абстракции адекватны до тех пор, пока наш интерес ограничен “языковыми универсалиями или типологией и сравнительно-исторической реконструкцией”, и требуют корректировки, “когда мы переходим от изучения языка как особого явления к анализу речевого поведения в рамках того или иного общества” [1: 183].

Поскольку любое языковое высказывание предполагает наличие ситуации общения, т.е. контекста с присущими ему пресуппозициями и коннотациями, изучение возможностей реализации различных оттенков однотипных актов речи приводит к необходимости постановки вопроса о наличии в языке еще одной разновидности вариативности, которую возможно назвать *прагматической*.

Прагматика учитывает различные коммуникативные намерения, цели, мотивы и причины, изучает различные способы реакции получающего информацию, а также взаимоотношение между интенцией отправителя, реакцией адресата, всеми системами эмоций и отношений, с одной стороны, и такими явлениями, как социальная структура и ролевые отношения, с другой стороны.

Обращение к понятию *речевого акта* как реализуемого средствами языка социального феномена открыло новые перспективы в исследовании проблемы вариативности. В лингвистической теории понятие прагматической вариативности впервые употребила Т.С. Глушак [2], которая считает, что прагматическая вариативность реализуется в виде *семантико-прагматической* и *риторико-прагматической вариативности*.

Прагматическая вариативность обуславливает появление форм речевых актов, выполняющих одно и то же глобальное коммуникативное задание, но имеющих различную языковую репрезентацию и отличающихся нюансами дополнительных прагматических значений.

В качестве посылки анализа вводятся понятия *гиперактов* – инвариантов речевого информирования и побуждения, синтезирующих в себе основные признаки своих конкретных вариантных реализаций, не отягченных дополнительными иллокутивными значениями. Для гиперакта информирования это – представление-репрезентация, для побуждения – стремление говорящего побудить партнера по коммуникации к определенному действию.

Прагматическая вариативность выступает как неотъемлемое свойство языка, которое проявляется в возможностях различной репрезентации интенционально заданных мыслительных комплексов на основе форм однотипных речевых актов, регулирующих степень апеллятивности конкретных текстов за счет использования комплекса языковых и невербальных средств.

В политическом дискурсе, объединяющем тексты различных жанров, решение подобной задачи предполагает выяснение роли средств различных языковых уровней в структурировании базовых коммуникативно-речевых образований общественно-политической коммуникации – речевых актов информирования и побуждения. Реализуя фундаментальную функцию языка – коммуникативную, изложение в политическом дискурсе детерминировано и рядом других функций: привлечение внимания адресата (апеллятивная), контактоустанавливающая (фатическая), социально-регулирующая, этикетная/неэтикетная ориентация на адресата (конативная), стилистическая. Апеллятивная функция выступает при этом в качестве доминирующей, позволяющей продвигать в желаемом направлении интенционально маркированные комплексы смыслов.

Использование "апеллятивно заряженных" речевых конструкций обретает в газетно-политических текстах отчетливый двойной статус, поскольку они принадлежат одновременно всему газетно-публицистическому стилю, элементы которого мастерски "встраиваются" в конкретные тексты, и несут черты уникального авторского "почерка" создателей текстов.

Думается, что прагматическая вариативность содействует созданию таких "образов речи", исследовать которые важно как для постижения способов осуществления эффективной коммуникации в пределах данной сферы функционирования немецкого языка, так и в аспекте межъязыковой и межкультурной коммуникации на фоне той роли, которую играют СМИ в плане воздействия на повседневное межличностное общение.

Литература

1. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 182-198.
2. Глушак Т.С. Функционально-коммуникативное взаимодействие разноуровневых единиц языковой системы: Автореф. дис. ...д-ра филол наук: 10.02.04. – Минск, 1991. – 60 с.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 246 с.
4. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31-42.

А.Г. Интымакова, З.Г. Стародубцева
(г. Таганрог, Россия)

МАЛЫЕ ЖАНРЫ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

В условиях стремительно изменяющегося мира, в сложных социальных и экономических обстоятельствах речевое поведение современника усиливает и развивает личностное начало, активизирует формирование новых форм образности. Происходит, по мнению М. Кронгауза, «гигантская перестройка языка» [2: 30], вызванная сложнейшими технологическими, производственными, общественными изменениями. Современные языковые процессы протекают чрезвычайно динамично. В них объективируются речевая раскрепощенность и выработка новых форм выражения, отмечается ослабление цензуры в средствах массовой информации. Человек XXI века живет в непростых условиях. Его отношение к окружающему миру и к способам интерпретации фактов жизнедеятельности вызывают предметный интерес у исследователей: как в процессе коммуникации наш современник добивается смысловой убедительности? Какие с этой целью привлекаются средства образности? Как формируется эмоциональный фон высказывания? Немаловажную роль в установлении здоровых отношений человека с окружающим миром играет юмор. Приведем примеры, демонстрирующие оригинальное осмысление жизненного опыта в комическом ключе. Примеры эти интересны и в плане исследования особенностей народной речи, ее бытования, понимания того, что в использовании языковых афоризмов может осуществляться их перефразирование, усечение, модификация формы:

– Вы сомневаетесь в мастерстве Евгения Анатольевича? Да он и шилом вас побреет!

Дочь недавно на первое свое свидание ходила. Ух, как она перенервничала! По комнате бегают, одеваются – переодеваются, то вывалит все из шкафа, то кричит, что нет у нее ни одной красивой вещи, надеть нечего. Да и непонятно, как жених себя поведет. Стоит ли это свидание таких хлопот? А я ей так спокойно говорю:

– Доча, послушай. Правило простое: если он распустит руки – делай быстро ноги.

В настоящее время активно функционируют такие жанры народного творчества, как антипословица, народный афоризм, фразочка, стишок-порошок и т.п.

Наблюдается демократизация малых жанров народного творчества. Многие антипословицы рождаются в результате контаминации хорошо известных пословиц. Корни антипословицы уходят в глубокую древность; «новые» пословицы рождаются нечасто, но все же этот процесс идет.

Жанр антипословицы становится все более популярным и в нашей стране, и в Европе. Под антипословицей исследователи понимают «языковые единицы широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий...; вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей...; бранные паремии...; веллеризмы...» [1: 2].

Антипословица – это и протест против затверженного смысла народной мудрости, выраженный оригинально; это и веселая языковая игра, помогающая человеку выживать в непростых условиях современного мира.

Антипословица реализуется в вариантах антикрылатого слова и антикрылатого выражения. Она входит в состав народного афоризма.

Приведем примеры антипословиц.

Любишь на «Запорожце» кататься, люби и «Мерседесы» чинить [1: 249].

Назвался груздем, не будь сыроежкой [1: 284].

Человек создан для счастья, как «Вольво» для хорошей езды [1: 400].

Если здоровье от вас уходит, значит, вы о нем плохо заботитесь [1: 193].

Примеры народных афоризмов:

Любовь – это чувство, при котором даже лягушка кажется царевной [1: 556].

Самые надежные пароли – у безграмотных людей [3].

Взглянув трезво на некоторые вещи, понимаешь – надо срочно выпить [4].

Комическая доминанта актуализируется в самых разных ситуациях общения (в деловом общении, бытовом общении, творческом поиске и т.п.) и осмысливается в таких языковых единицах, как шутливая пословица, шутливая сентенция, шутливое определение, шутливый парадокс, крылатое выражение предикативного типа и т.п.

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2006. – 574 с.
2. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 217 с.
3. Литературная газета. №31(6562), 3-9 августа 2016.
4. Нескучная газета. №21/718, 2016.

Р.Н. Кадимова
(г. Москва, Россия)

ПРЕАМБУЛА К ДЕЛОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ИНТЕРВЬЮ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ИНИЦИИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ (на материале французского языка)

В настоящей статье под деловым экономическим интервью понимается интервью с представителем коммерческих компаний. Причем интервьюируемые – это не рядовые служащие, а руководители высшего звена (президенты, генеральные директора). Тематика общения с руководством компании может быть самая разнообразная в зависимости от сектора, департамента, отдела, который он представляет (продажи, маркетинг, инвестиции и т.д.). Генеральные директора, в силу занимаемой ими должности, как правило, общаются на глобальные темы (например, о проводимой экономической политике в эпоху кризиса, об особенностях развития бизнеса в разных регионах, странах, дают комментарии о годовом торговом обороте и т.п.).

Задача журналиста в деловом экономическом интервью заключается в том, чтобы получить максимально объективную, актуальную информацию от интервьюируемого. Причем, поскольку эта информация относится к специфической области знаний, представитель компании должен донести ее до реципиента в доступной форме. Мы предлагаем, в виду основной задачи журналиста, рассматривать его коммуникативное поведение в рамках стратегии по организации интервью.

Деловое экономическое интервью включает три основных компонента: заголовок, преамбулу, вопросно-ответную часть. Если речь идет о видео-интервью и, в частности, его интернет-версии, то заголовок может отсутствовать как таковой (дается лишь ссылка на видео-файл в теле сопроводительного текста к нему) или же он имеется, но уже не выполняет функцию по привлечению внимания потенциальной аудитории, что является неотъемлемой особенностью заголовков газетных интервью. Тем не менее, информация, приведенная на портале, позволяет реципиенту составить представление о тематике общения.

Итак, рассмотрим роль преамбулы в деловом экономическом интервью. Журналист отвечает за решение важной задачи: он представляет интервьюируемого, компанию, тему беседы. Мы полагаем, что, прежде всего, преамбулу стоит рассматривать, с точки зрения реализации одной из тактик стратегии по организации интервью, а именно тактики инициирования коммуникации. Тактика инициирования коммуникации предполагает осуществление таких коммуникативных действий, которые побуждают интервьюируемого к

активной и плодотворной беседе, в частности к открытому реагированию на запросы информации, исходящие от журналиста.

Приведем несколько примеров языкового оформления данной части интервью в видео-интервью, представленных на портале EuroBusiness Media (далее ЕВМ), который предлагает материалы, обращенные не только к специалистам из сферы бизнеса и экономики, но и к широкому кругу лиц, например потенциальным клиентам. Изученные нами видеоматериалы снабжены скриптами, полностью передающими содержание беседы. Таким образом, преамбула к интервью присутствует и в исходной версии – видеозаписи, и в скрипте.

(1) *ЕВМ: Société Générale, l'un des plus grands groupes européens de services financiers, publie ses résultats pour le premier semestre 2017. Frédéric Oudéa, bonjour.*

Frédéric Oudéa: Bonjour!

ЕВМ: Vous êtes le Directeur général de Société Générale. Alors, comment le groupe s'est-il comporté au 2e trimestre 2017 ?

Frédéric Oudéa : Nous avons enregistré des performances solides à l'image du 1er trimestre /.../. [1]

(2) *ЕВМ: Orange, premier opérateur français de téléphonie et l'un des leaders européens du secteur, publie ses résultats pour l'année 2016. Stéphane Richard, bonjour.*

Stéphane Richard: Bonjour!

ЕВМ: Vous êtes le Président-directeur général d'Orange. Eh bien, l'année 2016 est finalement une année historique, à la fois avec un retour de la croissance sur le chiffre d'affaires, mais également sur l'EBITDA ajusté. Vous avez même une année d'avance sur votre plan de marche, si je comprends bien ?

Stéphane Richard: Oui, on peut dire que 2016 est une année charnière puisque c'est la première année où nous récoltons vraiment les fruits de notre stratégie /.../. [2]

Преамбула выполняет двойную функцию – приветствия интервьюируемого и представления его широкой публике. Приветствие в адрес гостя студии автоматически делит эту часть интервью на две: приглашенный должен ответить на приветствие журналиста (этого требуют нормы этикета), после чего интервьюер либо продолжает представление гостя, либо обозначает проблематику беседы.

Так, в примерах (1, 2) интервьюер начинает с представления компании: он не только называет ее, но и определяет сферу ее деятельности, используя такие характеристики, как *l'un des plus grands groupes européens de services financiers, premier opérateur français de téléphonie, l'un des leaders européens*. Далее следует приветствие главного участника интервью, и только после него журналист называет должность интервьюируемого и переходит к вопросам.

Мы полагаем, что обозначение должности играет двойную роль в данных контекстах: во-первых, реципиентам важно знать, кто доносит до них информацию; во-вторых, журналист обращается к интервьюируемым руководителям именно таким образом, чтобы они дали ответы и комментарии именно с позиции занимаемых должностей.

По такой схеме построено большинство деловых экономических интервью на данном портале. Однако имеются и исключения. Так, в примере (3) интервьюер начинает коммуникацию с Жаном-Лораном Боннафе, исполнительным директором банка BNP Paribas, не называя его должность. Указав название банка, упомянув о его лидирующих позициях в Европе и обменявшись приветствиями с собеседником, журналист переходит к вопросно-ответной части делового интервью.

(3) *ЕВМ: BNP Paribas, l'une des banques leader en Europe, publie ses résultats annuels 2015. Jean-Laurent Bonnafé, bienvenue !*

Jean-Laurent Bonnafé : Bonjour !

ЕВМ: Quels sont vos commentaires sur les résultats 2015 du Groupe? [3]

Преамбулы, которые одновременно используются как приветственное слово журналиста, иллюстрируют тактику инициирования коммуникации, суть которой

заключается в самом названии. Представление компании, самого интервьюируемого и его должности, а также обозначение темы беседы, логично подводят журналиста к первому вопросу интервью, который, как правило, носит более или менее общий характер.

Литература

1. EuroBusiness Media: электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurobusinessmedia.com/fr/video/societe-generale-resultats-t2-2017/>
2. EuroBusiness Media: электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurobusinessmedia.com/fr/video/orange-resultats-annuels-2016/>
3. EuroBusiness Media: электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurobusinessmedia.com/fr/video/interview-de-jean-laurent-bonnafe-administrateur-directeur-general-resultats-annuels-2015/>

К.И. Качан
(г. Таганрог, Россия)

ПРЕПОЗИТИВНО-АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕДИЙНОМ СТИЛЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ.

Для речи характерно деление на функциональные стили, каждый из которых характеризуется своими особенностями: цель высказывания, жанры выражения, а также языковые средства. Согласно И. Р. Гальперину, «функциональный стиль – это вариант литературного текста, в котором выбор и организация взаимосвязанных и взаимозависимых языковых средств рассчитаны на обеспечение цели коммуникации» [1: 227]. В современной лингвистике принято выделять, по крайней мере, пять стилей: научный, официально-деловой, разговорный, художественный и публицистический [3: 13]. В данной статье мы рассмотрим функционирование ПАО в публицистическом стиле речи.

Под ПАО мы понимаем конструкции с существительным маргинальным правым членом, который определяется самыми различными атрибутами. Препозитивно-атрибутивные образования отличаются яркостью, компактностью и лаконичностью. Функциональный стиль определяет особенности употребления препозитивных конструкций. В связи с этим, медийные издания представляются идеальными для их употребления. В газетных статьях и журналах ПАО используются для емкой передачи смысла, а будучи прагматически окрашенными, они привлекают внимание читателя.

Публицистический стиль – это функциональный стиль речи, являющийся официальным стилем средств массовой информации и устных выступлений, главная задача которых заключается в донесении важной общественно-политической информации, а также побуждении читателя к активным действиям. Характерными чертами являются коммуникативная общезначимость, социальная оценочность языковых средств, принцип конструктивного конфликта экспрессивных и информативно стандартизованных единиц. Газетные тексты «отражают действие совокупности прагматических факторов, каковыми являются: коммуникативные задачи текста, воздействие на получателя информации». Еще одна черта языка газеты – экономия средств. В связи с динамически развивающейся языковой средой современных СМИ, постоянно появляются новые средства выразительности и обновляются традиционные. Политический дискурс является актуальным использованием языка в социально-политической сфере общения [2: 63].

В двух газетных источниках нами было отобрано методом сплошной выборки 150 ПАО [5; 6]. Мы разделили их на две группы: узуальные и окказиональные.

Узуальные ПАО зарегистрированы в словарях, поэтому широко используются в повседневной, разговорной речи носителя. Чаще всего они двучленны. В медийных изданиях узуальные препозитивно-атрибутивные образования составляют 45%. В тексте они

выполняют номинативную функцию: называют предметы, явления, процессы в сфере политики, экономики, образования, медицины, науки и повседневной жизни. К данной группе мы отнесли все ПАО, обозначающие названия учреждений, служб и должностей. Проследим их структуру: *AdjN+N: A European Union Summit*, *NNN+N: The Pew Research Center Report*, *N+N: A business issue*.

Что касается окказиональных конструкций, они составляют 55%. Данная группа образований не зарегистрирована в словарях. Окказиональные конструкции интерпретируются только в определенном контексте произведения. С точки зрения прагматики мы можем подразделить их на две группы: компрессивные и контекстные.

Контекстные ПАО способствуют созданию и раскрытию образов, атмосферы произведения, однако требуют от читателя времени для осмысления точности и образности конструкции. Чаще употребляются в художественных текстах.

В медийном тексте широко употребляются компрессивные ПАО. Они экономят время читателя, не заставляя его осмысливать контекстные конструкции. Поэтому, за счет экономии языковых средств они помогают автору статьи емко изложить основное содержание и сократить место на газетной полосе. Приведем примеры: *NUMN+N: 14 country employees*, *N-N+N: consumer-brand names*, *NUM-N+N: 19-day stretch*

Таким образом, ПАО являются одним из самых выразительных и экономных средств передачи определительных связей в медийном дискурсе. ПАО отражают особенности функционального стиля, в котором употребляются. Большое количество статей в газете и их тематическое разнообразие вынуждают журналистов бороться за внимание читателей. Решить эту задачу помогает использование ПАО как в заголовках, так и в тексте газетного материала. Они позволяют выразить основную идею статьи в лаконичной, недосказанной или сенсационной форме, что обращает на себя внимание, вызывает интерес и заставляет прочитать всю статью. ПАО помогают автору достичь определенного перлокутивного эффекта, побудить читателя к знакомству с газетным материалом.

Литература

1. Galperin I. R. Stylistics. – М.: Издательство «Высшая школа», 1981. – 316 с.
2. Кликушкина Т.Г. Эвфемизмы в политическом дискурсе // Дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе. Коллективная монография; [под ред. Е.В. Полякова]. – М.: Перо, 2017.– С. 60-108.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
4. Левицкая, Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 123 с.
5. Los Angeles Times. – 2015. – 16. 10. 2017
6. The Wall Street Journal. – 2013. – 23. 10. 2017

Т.Г. Кликушкина
(г. Таганрог, Россия)

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Речевое поведение британцев и американцев существенно отличается от российского, особенно, если принимать во внимание способы и приёмы выражения вежливости. Вежливость ассоциируется у русских с такими составляющими, как уважение, почтение старших, интуиция и тактичность, теплота и внимательность, учтивость и участливость, спонтанность выражения эмоций и неподдельный интерес, общительность. основополагающим признаком русскоязычного общения является его естественность, определяющая такие его черты, как однозначность, прямолинейность и эмоциональность.

Под **речевым поведением** следует понимать определённую форму вербального взаимодействия человека с социальной средой, обусловленную такими факторами как: национально-культурная специфика поведения, ситуация, задача, условия общения,

коммуникативные потребности участников общения. Речевое поведение (в речи или письме) строится в зависимости от ситуации общения (официальная / неофициальная), времени, места, социального статуса собеседника или адресата, коммуникативной компетенции и др.[5].

Необходимо тем не менее отличать речевое поведение от речевой деятельности. В.И. Максимов даёт следующее определение данных понятий:

Речевая деятельность – это словесное (реальное) воспроизведение человеком окружающего и «идеальное» (в уме) воспроизведение того, что требуется сказать (совершить); специализированное употребление речи в процессе взаимодействия между людьми, частный случай деятельности общения [4:11].

"Речевое поведение – использование языка людьми в предлагаемых обстоятельствах, в многообразии реальных жизненных ситуаций, совокупность речевых поступков" [4:11].

Таким образом, если **речевая деятельность** – это осознанно мотивированная целенаправленная человеческая активность, то **речевое поведение** – это менее осознанная и куда более зависимая непосредственно от ситуации общения активность, проявляющаяся в образцах и стереотипах действий, усвоенных человеком либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта [3]. Следовательно, в речевой деятельности отражены процессы, происходящие в нашем сознании, тогда как в речевое поведение более "инстинктивно" склонно к использованию речевых шаблонов, стереотипов и иных принятых в той или иной ситуации форм общения. Анализ мотивов тех или иных поступков в речевом поведении отсутствует. Так же стоит отметить различие результатов речевой деятельности и речевого поведения. Результатом речевой деятельности является проявленная и оформленная тем или иным образом (речь или текст) мысль, а результатом речевого поведения выступают психологические **отношения** между людьми (доброжелательные, недоброжелательные и др.) а так же эмоциональная составляющая отношений существенно определяемая речевым поведением собеседников [3].

Наибольшие расхождения англоязычного поведения по сравнению с русскоязычным, очень хорошо показаны в работе Ю.Б. Кузьменковой. Они наблюдаются при решении речевых задач, ориентированных на выражение побуждения, позитивной и негативной оценки [1: 10]. Для эффективного контакта с англоговорящими собеседниками, по мнению автора, следует руководствоваться следующими стратегиями: 1. Стратегии дистанцирования [1: 15]; 2. Стратегии намёка [1: 27]; 3. Стратегии уклонения [1: 37]; 4. Стратегии коммуникативной поддержки собеседника [2: 14]; 5. Стратегии поддержания контакта [2: 24]; 6. Стратегии правил хорошего тона и политкорректности.

Коммуникативная стратегия – это совокупность языковых средств и речевых приёмов для достижения намеченной цели общения.

Первая группа стратегий – дистанцирование, уклонение и намёк, отражают характерные черты англоязычной коммуникации. Хорошо известные россиянам, изучающим английский язык, особенности уклонения от прямолинейности, вербальное маневрирование и лавирование и иносказательность в высказываниях.

Вторая группа стратегий – "макростратегия реагирования". Важна для слушающего, который поддерживает главного говорящего отдельными репликами, заполняет паузы, не допускает возникновения неловкого молчания. Каждая из коммуникативных стратегий имеет в английском языке характерное лингвистическое оформление.

Стратегия **дистанцирования** предполагает использование целого ряда лексико-грамматических средств, связанных с категорией модальности.

Стратегия **намёка** является характерной чертой эмотивной коммуникации. Эмотивность, с одной стороны – это быстрые и сильные немотивированные или мало осознаваемые реакции в области тонких эмоций, с другой стороны – сознательная контролируемая демонстрация эмоционального отношения.

Продолжением предыдущей стратегии намёка является **стратегия уклонения**. Выражается это либо в уклонении от ответственности за объективность высказываемого и

переносом акцентов на общепринятое мнение (It is well known that.../ They say...), или, наоборот подчёркиванием собственного мнения (to my mind.../ in my opinion.../ as far as I am concerned.../ Well, personally I sort of think ...)

Стратегия **коммуникативной поддержки собеседника** включает прежде всего тактики усиления значимости высказывания и преувеличения, или иначе, *overstatement*, придающие высказыванию (в отличие от *understatement*) большую весомость, что можно трактовать как избыточную, чрезмерную вежливость, функция которой – продемонстрировать или подчеркнуть свой интерес к партнеру по коммуникации.

Выбор речевых средств в подобных ситуациях, как в русском, так и в английском языке, определяется контекстом беседы. Основное требование англоязычной беседы относительно непрерывности коммуникативного контакта (*keep-the-conversation-going*) предполагает использование реплик таким образом, чтобы за ними непременно последовало продолжение разговора.

Стратегия **поддержания коммуникативного контакта** предполагает взаимную ответственность партнёров за создание комфортной атмосферы общения и размеренное ведение беседы на основе адекватного реагирования, что достигается при помощи тактики построения ответных реплик и тактики заполнения пауз.

Мы предлагаем ввести ещё одну стратегию – стратегию **правил хорошего тона и политкорректности**. Не достаточно просто знать язык, необходимо представлять, как люди общаются на этом языке между собой. Нельзя забывать про присущие англоговорящим оптимизм, доброжелательность и *positive thinking* и про то, что серьёзных споров даже между друзьями не бывает: *We agree to disagree*, как говорят американцы. Важно также понимать, что правила политкорректности нравятся не всем носителям языка и козырять тем, что вы знаете, как заменить слово *pets* на *nonhuman animal companions* стоит не во всех ситуациях общения, так как пренебрежение прежними словами может вызвать у носителей языка возмущение. Для многих англоговорящих данная тенденция замены старых слов на новые – это своего рода лингвистическая болезнь.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что ведение англоязычной беседы предусматривает достаточно чётко очерченные фазы и регламентированные правила участия, что прослеживается в структурной организации практически любого разговора и отражает характерную для британцев и американцев привычку к линейному мышлению.

Действительно, мы очень мало задумываемся на занятиях по "Практическому курсу английского языка" и "Практикуму по культуре речевого общения" о том, насколько вежливо и культурно мы передаём все наши мысли и как точно хотим выразить все наши эмоции, пользуясь зачастую устаревшими клише на все случаи жизни. Но можно и по-другому взглянуть на осуществление процесса межкультурной коммуникации, ведь продуктивность общения может быть достигнута в значительной мере с помощью правильной интерпретации мыслей, адекватной линии поведения и оформления речи нормами привычными для носителя языка.

Знание культуры речевого поведения в англоязычной среде даёт возможность не только почувствовать, что Вы можете быть равноправным участником той или иной заданной ситуации общения и разрешить любые проблемы или противоречия, но и показать уважение к собеседнику как это привычно делают носители языка. Каждый ответ должен быть связан с контекстом, с конкретной фразой, на которую Вы хотите отреагировать.

Именно так можно решить трудности, возникающие при общении с представителями англоязычной культуры, объяснить ситуации, в которых присутствует недопонимание, а также выработать основные возможные стратегии речевого поведения в каждой конкретной ситуации общения. А для этого необходимо чётко представлять, чем подход россиянина к общению отличается от распространённого среди британцев и американцев, а именно: фоновыми знаниями из области родной и иноязычной культуры.

Следовательно, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что для того, чтобы лучше понимать иноязычную речь, нужно действительно научиться её чувствовать, развивать так

называемое «языковое чутьё», «языковую догадку» то есть научиться интуитивно подбирать правильный вариант реагирования на заданную коммуникативную ситуацию общения. Конечно же, нужно знать основные отличия английского и русского языков, а также учитывать их прагматические особенности.

Литература

1. Кузьменкова Ю.Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Часть 1. Лекции 1-4. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. – 48с.
2. Кузьменкова Ю.Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Часть 2. Лекции 5-8. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010.– 44с.
3. Речевая деятельность и речевое поведение [электронный ресурс]. URL: <https://infopedia.su/18x1696.html> (Дата обращения 13.11.2017).
4. Русский язык и культура речи: Учебник / Под. ред. проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2001. – 413 с.
5. Словари и энциклопедии на Академике. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Под ред. Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина. – М.: Издательство ИКАР, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: https://methodological_terms.academic.ru/ (Дата обращения 13.11.2017).

Т.Н. Ковалева
(г. Воронеж, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА ТУРИСТИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ

В научной литературе существуют различные определения понятия «дискурс». В данной статье, под «дискурсом», вслед за Р. Д. Арутюновой, мы понимаем совокупность устных и письменных текстов, объединенных по жанрам и тематикам, и функционирующих в определенной общественной сфере.

Рассмотрение туристического дискурса как самостоятельного типа дискурса до сих пор считается спорным, поскольку в туристических текстах присутствуют элементы, связанные с различными сферами жизни общества. Однако наличие в туристическом дискурсе таких параметров, как особая тематика, ориентация на определенного адресата, уникальная цель, определенные институты, особая этика и обширная терминология является основанием его выделения как отдельного типа дискурса [4].

Одним из конститутивных признаков туристического дискурса является характерный комплекс жанров. В лингвистике под жанром понимается совокупность характеристик текста, среди которых манера изображения, общепризнанная речевая форма, принятые обществом традиционные способы строения речи и объединения речевых единиц [5]. М.М. Бахтин отмечает, что речевой жанр является относительно устойчивым типом высказывания, выработанным определенной сферой использования языка [2].

Жанры туристического дискурса подразделяются исследователями на рекламные и не рекламные. Рекламные жанры характеризуются присутствием общего культурного кода отправителя и получателя, а также легкостью и понятностью языка. К рекламному типу относятся брошюры и буклеты, рекламные материалы, туристические каталоги. К не рекламным жанрам относят путеводители и репортажи, специализированные словари, профессионально ориентированные издания [3].

Жанры туристического дискурса также могут быть классифицированы по каналу коммуникации на вербальные (зависящие от того, в каких условиях и при каких обстоятельствах происходит вербальное общение) и невербальные (письменные или печатные разновидности туристических текстов: буклеты, брошюры, туристические справочники, путеводители и энциклопедии) [2].

Цель данной статьи – охарактеризовать специфику путеводителя как особого жанра туристического дискурса. Одной из жанровых характеристик путеводителя становится его

структура, которая, в большинстве случаев, включает следующие разделы: 1) исторические факты; 2) культурные мероприятия и праздники; 3) достопримечательности и их описание; 4) информация о расположении, карта; 5) программы экскурсий; 6) стоимость и время туров; 7) контактная информация [1]. Однако путеводители могут включать и другие разделы в зависимости от типа организации основной части путеводителя: центробежной, логической, маршрутообразующей [4].

Кроме того, жанровая специфика путеводителя проявляется в его функциональном, дискурсивном и лингвистическом аспектах.

Функциональная специфика путеводителя. Основываясь на терминологии Р. Якобсона, исследователь Х. Каррон выделяет следующие функции путеводителя:

– эмотивная: заключается в передаче не только мыслей, но также чувств и эмоций. Данная функция реализуется за счет эмоционально окрашенной лексики, превосходной степени прилагательных, сравнений;

– конативная: выражается в стремлении убедить адресата, повлиять на него, заставить действовать определенным образом. Это достигается посредством вокатива и императива;

– референциальная или информативная: заключается в информировании адресата [9].

Дискурсивная и лингвостилистическая специфика путеводителя: путеводитель как вид печатного текста в туристической сфере является наиболее распространенным и сочетает в себе черты других типов дискурса и других жанров туристического дискурса [4: 32], что находит свое отражение в использовании вербальных и невербальных средств.

К примеру, в путеводителе присутствуют такие черты публицистического текста, как сочетание стандарта и экспрессии. Стандарт представлен за счет широкого использования клише: *пышное убранство, царственный фасад, провинциальное очарование*. Экспрессия создается по средствам ономастики: экспресс «*Трамвай желаний*»; метафорами: *Аккуратные цветные ленты полей перемежаются с зеленым плюшем пастбищ*; олицетворением: *Из-за мощной стены выглядывает шпиль Петропавловского собора* [5].

Из черт, присущих рекламе, в путеводителе присутствует креолизованность, то есть наличие иллюстраций, поясняющих текст (фотографий достопримечательностей, карт, схем). Креолизация текста путеводителя служит формированию высокой положительной оценки предлагаемого туристического продукта.

Путеводитель включает в себя признаки научного стиля, например, информативность, точность, обобщение и имперсональность. Признак обобщения реализуется при помощи категориальной номинации: *Экскурсии на теплоходе организуют по большинству крупных рек страны*. Точность достигается по средствам употребления числительных в тексте: *В 500 м к югу от мечети Масалла находится площадь Вали-Аср. В 1 км к югу от этой площади раскинулась площадь Мейдан-е Рах-Ахан* [5]. Для создания имперсональности применяются безличные предложения или пассивные конструкции: *В течение года здесь проводится несколько концертов, показов мод и выставок; Listen to jazz amongst the vines in the Hunter Valley, bush walk in the Blue Mountains or float down the Hawkesbury River on a houseboat* [9]. Тем не менее, перечисленные признаки научного стиля нечасто проявляются в текстах туристического дискурса в чистом виде.

В заключение отметим, что туристический дискурс обладает набором характерных особенностей, позволяющих выделять его как отдельный вид дискурса. Он строится на определенном ряде жанров, отвечающих потребностям в оптимизации коммуникации продавцов и потребителей туристических услуг в различных ситуациях. Жанр путеводителя является одним из самых сложных по структурной организации и по разнообразию речевых тактик, вербальных и невербальных кодов.

Литература

1. Акуличева В.В. Рекламный текст как предмет исследования в тендерной лингвистике // Филологические науки. М., 2008. № 3. – С. 100-108.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. Работы 1940-1960 гг. – С. 159-206.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
4. Косицкая Ф.Л. Жанровая палитра французского туристического дискурса / Ф.Л. Косицкая // Вестник ТГПУ. – 2013. – №3 (131). – С. 192-195.
5. Кришат М.В. Швейцария. Лихтенштейн. Путеводитель. М., 2006. – 536 с.
6. Михайлов Н.Н. Английский язык для направлений «Сервис» и «Туризм». М.: Академия, 2011. – 198 с.
7. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. М., 1973. – 42 с.
8. Carrón H. Caractéristiques textuelles du discours touristique : une étude comparative des substantifs valorisants dans des brochures touristiques wallonnes et flamandes. – Master III de Meertalige Conummunicatie. Universiteit Gent. Faculteit Letteren & Wijsbegeerte, 2015. – 130 p.
9. Swales J.M. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 1990. – 69 p.

Н.Б. Кудрявцева
(г. Москва, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В современной лингвистике изучение проблемы модальности представлено двумя принципиально различными подходами. С одной стороны, модальность непосредственно интегрируется в семантическое описание высказываний; с другой, она предстаёт как отношение говорящего субъекта к собственному речевому произведению и к его адресату. Так, стремление связать модальность со значением лексем типично для работ, развивающих когнитивные работы Р. Лонгакра [3]. А представители французской школы анализа дискурса выделяют среди прочих межсубъектную разновидность модальности, которая характеризует отношения между коммуникантами (приказ, разрешение, вопрос и пр.) и посредством которой адресант стремится воздействовать на других [4: 110].

В наших исследованиях [1:46; 2:60] **модальность рассматривается как прагматическая категория**, отражающая сложное взаимодействие между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, слушающим, содержанием высказывания и действительностью. Причём мы различаем две разновидности прагматической модальности: **иллокутивную** и **интерактивную**.

Иллокутивная модальность охватывает все компоненты высказывания, которые так или иначе связаны с передачей коммуникативного намерения (интенции) говорящего субъекта. При этом коммуникативная интенция понимается очень широко: это присущая высказыванию направленность на разрешение определённой задачи речевого общения. В частности, к сфере иллокутивной модальности относятся такие значения, как: утверждение, побуждение, вопрос; возможность, необходимость, вероятность и т.п.; различные виды оценочной (*bon, mauvais, utile* и т.д.) и эмоциональной (*heureux, malheureux* и т.д.) квалификации высказываемого.

Интерактивная модальность характеризует взаимоотношения говорящего и слушающего с точки зрения их вовлечённости в коммуникативный акт. В соответствии с охватом коммуникантов, мы выделяем: **аллокутивную модальность** (вовлекающую в акт общения обоих коммуникантов, но ориентированную главным образом на адресата: *Dis-moi où tu vas*), **элокутивную модальность** (вовлекающую в коммуникативный акт говорящего, который полностью берёт на себя ответственность за свой речевой продукт: *Je crois que ce roman est génial*) и **делокутивную модальность** (позволяющую представить говорящего и слушающего как формально отсутствующих в высказывании: *Il est probable / On dit qu'il pleuvra ce soir*).

Критерий прагматической модальности можно использовать при классификации речевых актов. Так, на основе иллокутивно-модального критерия мы различаем такие речевые акты, как ассертивы, интеррогативы, директивы. На основе интерактивно-модального критерия, то есть в соответствии с охватом коммуникантов, все речевые акты также могут быть поделены на три группы: аллокутивные, элокутивные и делокутивные.

Аллокутивы (приказы, вопросы, предупреждения и т.п.) характеризуются тем, что в них говорящий играет активную роль, вовлекая в коммуникативный акт слушающего и навязывая ему содержание этого акта. Содержание элокутивных актов (суждений, оценок, деклараций и т.д.) слушающему не навязывается. В делокутивах же отсутствуют формальные показатели вовлечённости в коммуникативный акт как говорящего, так и слушающего (*Il est probable / Paul dit que Pierre viendra demain*).

Однако, поскольку в ситуации реального общения иллокутивные и интерактивные характеристики высказывания теснейшим образом переплетаются, есть смысл осуществить классификацию речевых актов на основе иллокутивно-интерактивного критерия. Наложение иллокутивно-модальной и интерактивно-модальной типологий друг на друга позволяет выделить следующие классы речевых актов: 1) аллокутивные ассертивы: *Je te préviens que tu en verras de belles si tu continues à faire des bêtises*; 2) аллокутивные директивы: *Je te demande de te taire un instant*; 3) аллокутивные интеррогативы: *Crois-tu avoir raison?*; 4) элокутивные ассертивы: *Je veux réussir à tout prix*; 5) делокутивные ассертивы: *Il est probable que nous gagnerons ce match. On dit que cette équipe se classera première*.

Мы специально не выделяем элокутивные интеррогативы (*Je me demande si j'ai raison*) и элокутивные директивы (*Je m'ordonne de me taire*), поскольку на глубинном уровне подобные высказывания являются ассертивами. Действительно, они обозначают не непосредственный вопрос или приказ самому себе, а сообщение о факте постановки вопроса или отдачи приказа. Если же говорящий адресует самому себе высказывания типа *Réfléchis bien avant d'agir!* или *Où pourrai-je trouver un appui?*, то он обращается к себе как к собеседнику. Такие высказывания логичнее отнести к аллокутивным, хотя говорящий и слушающий представляют собой две ипостаси одного лица, а не разные лица.

Статус делокутивных интеррогативов и директивов также спорен. Например, обращаясь к непосредственному собеседнику, говорящий может адресовать ему вопрос *Est-il possible que le temps s'améliore demain?*, на который он вправе ожидать от слушающего ответ в виде недостающей информации *Oui, la météo promet des éclaircies*, если партнёр по диалогу сочтёт, что вопрос адресован именно ему. С другой стороны, произнося *Est-il possible d'être si grossier?* в ответ на грубость или нетактичность адресата, говорящий всего лишь осуществляет акт риторического вопроса, не требующего ответа, поскольку последний имплицитно содержится в самом вопросе: *Il est impossible d'être si grossier*. Это означает, что риторические вопросы подобного рода в действительности являются косвенными ассертивами, за которые говорящий не берёт на себя ответственность. Специфика делокутивных директивов также неоднозначна. Например, если мы имеем дело с такими высказываниями, как *Il faut que tu rentres plus tôt aujourd'hui*, то они, скорее, относятся к категории аллокутивных директивов. С другой стороны, примеры типа *Il me faut faire très attention* могут быть отнесены к элокутивным ассертивам, передающим модально-прагматическое значение долженствования.

Литература

1. Кудрявцева Н. Б. Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МГЛУ, 2009. – 388 с.
2. Кудрявцева Н. Б. К проблеме организации прагматического модуля франкоязычного диалогического дискурса // Проблемы дискурса в романском языкознании (Вестник МГЛУ, вып. 643). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 57 – 65.
3. Langaker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 1. Theoretical Prerequisites. – Standford: California, 1987. – 516 p.
4. Vignaux G. Le discours acteur du monde. Enonciation, argumentation, cognition. – P.: Ophrys, 1988. – 243 p.

С.А. Кузнецова
(г. Брянск, Россия)

«ЯЗЫКОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ А.К. ТОЛСТОГО» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ЭПИСТОЛЯРИЯ)

*«Его главною духовною стихией была свобода,
опять-таки в идеальном значении этого слова...»*

Князь А.В. Мещерский

Эпистолярный А.К. Толстого обнаруживает в высшей степени аристократизм языковой личности поэта. Величайший драматург, виртуоз слова, Толстой создавал свои письма, подобно каждому своему стихотворению. Каждое письмо поэта – высшее проявление искусства, которое Толстой воспевал в каждом своем слове. *«Не зная еще никаких интересов жизни...я сосредоточил все свои мысли и все свои чувства на любви к искусству...»*(из письма к С.А.Миллер)[1]. Воспевая искусство во всех его проявлениях, поэт раскрывает необычайно тонкую эстетику души.

На основе изучения языка и содержания эпистолярного выделяются несколько направлений ЯЛ А.К. Толстого:

1. Эмоциональная сфера;
2. Общекультурные темы;
3. Темы семьи, брака;
4. Тема патриотизма, любви к отечеству.

Ядром ЯЛ Толстого является Толстой-литератор и Толстой-теоретик искусства. С раннего детства Толстой был приучен к искусству, эстетике. В сферу эмоциональной ЯЛ входят подробнейшие описания Толстым поездок по Европе, впечатлений от увиденных картин, скульптур, архитектурных сооружений, услышанной музыки, словесные зарисовки пейзажей и представителей конкретного народа. *«...Я ощущал смешанное чувство уважения, восхищения, жалости и алчности, – пишет Толстой С.А. Миллер о своей пребывании в Венеции в возрасте 13-ти лет. – Моя алчность была, главным образом, возбуждена великолепною мраморною головой фавна, самого Микеланджело...Я прыгал, плакал от радости...я не верил своему счастью»*. Такая безграничная любовь к искусству пронизывает каждое его письмо. Однако его эмоциональная сторона не ограничивалась любовью только к искусству: любовь была его жизнью. И главной любовью его жизни была его жена – С.А. Миллер (Толстая). *«Мне тяжело на сердце, когда я вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя...говорю тебе уже 20 лет, – что я не могу жить без тебя, что ты моё единственное сокровище на земле...»* – пишет драматург своей жене, любовь к которой для него священна. Жена для поэта была не только спутницей жизни, его вдохновением и музой – она была его главным критиком, к которому он прислушивался и к которому прибегал за помощью.

В эпистолярном А.К. Толстого заслуживает внимания ряд писем, адресованных его друзьям, критикам, издателям и жене, где он описывает свое литературное творчество. Более того, он советуется с С.А. Толстой, просит ее помощи в поисках информации для создания произведений: о названиях улиц, обычаях, именах граждан, должностях и т.д. Большое количество писем к Павловой К.К. с просьбами о конструктивной критике и с объяснениями поведения героев в пьесах. А.К. Толстой скрупулезно прорабатывал каждую мелочь в своих произведениях. Письма изобилуют описаниями постановок драм А.К. Толстого на сценах российских и зарубежных театров.

Эпистолярный А.К. Толстого примечателен как в биографическом ключе, так и в выражении его политической точки зрения. Политические взгляды А.К. Толстого слагались во многом благодаря тому факту, что с 8 лет он был избран из числа детей дворянского

происхождения для совместного обучения и проведения досуга с цесаревичем Александром Николаевичем, будущим императором. До конца своей жизни Толстой оставался не только преданным гражданином своего Отечества, но верным и любящим другом Александра II.

Патриотизм графа А.К. Толстого носит рассудительный и оценочный характер. *«Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению...»* (из письма Б.М. Маркевичу 26.04.1869). Здесь поэт не оскорбляет свою страну, напротив, он выступает против равнодушия русского народа к его ценностям, традициям и истокам (*Русская нация сейчас немногого стоит...*). Позиция Толстого обнаруживает явно негативное представление об историческом периоде, связанном с татаро-монгольским нашествием и его наследством (*И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, ещё более позорной, чем самые монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом!*). Из приведенного отрывка следует, что Толстой смотрит на историю народа опять же сквозь призму любви к искусству.

Рассуждая о государственном строе, в своих письмах А.К. Толстой замечает коротко и ясно: *«я – монархист»*. Поэт убеждён, что русский народ не заслуживает конституции и ему необходим царь, *«каким бы варварским ни был наш образ правления, правительство лучше, чем управляемые...»*. Однако, такой образ мыслей поэта объясняется тем, что он не видел для России на тот момент лучшей судьбы, чем быть монархией, хотя сам А.К. Толстой является певцом свободы и прав человека. Об этом свидетельствуют его слова: *«Скандинавы не устанавливали, а нашли уже вполне установившееся вече. Заслуга их в том, что они его сохранили, в то время как гнусная Москва его уничтожила – вечный позор Москве! Не было нужды уничтожать свободу, чтобы победить татар, не стоило уничтожать деспотизм меньший, чтобы заменить его большим...»*. Такая откровенная неприязнь Толстого к старой столице России объясняется отсутствием сильных освободительных движений со стороны Москвы в период Татаро-монгольского нашествия и ее подчинением ханству. Идеальным государственным устройством, соответствующим национальному характеру русского народа, он считал Киевскую Русь и древний Новгород. Толстой пишет в письме к Н.А. Чаеву: *«Не в Москве надо искать Россию, а в Новгороде и в Киеве...»*.

Сам А.К. Толстой был ярким противником государственной службы. *«Я не чиновник, а художник»*, - писал граф своей жене. И несмотря на его резко негативное отношение к государственной службе, в которой он усматривал «чиновнизм» и «капрализм», сам он глубоко переживал за судьбу своего отечества. В письмах к Б.М. Маркевичу граф просит друга рассказать о политической обстановке, об угрозе войны в Европе, которая обсуждается в высших кругах в то время, как поэт находится в своём имении в Красном Роге. Ярким примером истинного патриотизма является и тот факт, что А.К. Толстой сам участвовал в военных действиях во время Крымской войны 1855г.

Итак, центральным аспектом ЯЛ в эпистолярной поэме является любовь к искусству, которое было для него интернациональным. Свою страну Толстой любил всем сердцем и душой. В его письмах можно встретить слова «я славянин», «я русский». Однако, это не означало для него приоритет РИ в вопросах искусства, ибо прежде всего Толстой воспекает прекрасное, где бы оно не находилось: в России, на Украине, в Австрии, Германии или Италии.

Литература

1. Толстой А.К. Собрание сочинений // Том четвертый // Письма. М: Художественная литература, 1964. – С. 45-453.

Т.В. Куклина
(г. Таганрог, Россия)

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Язык – это открытая система, которая состоит из субкультурных образований: территориальных, профессиональных и т.д. Эти субкультурные образования представляют собой специфическую лексику, среди которой можно выделить сленг [3]. Данное исследование посвящено рассмотрению молодёжного сленга в рамках русского языка.

Под молодёжным сленгом понимаются слова, употребляющиеся только людьми определенной возрастной группы в сфере непринуждённого общения. Как правило, молодёжный сленг наиболее распространен среди молодежи 13-20 лет. Следует отметить, что молодёжный сленг характеризуется антропоцентрическим характером, т.е., отражая возрастные и психологические особенности молодых людей, выражает отношение человека к окружающей действительности, показывает его эмоции, отношения в кругу семьи и друзей, например, *патимейкер* – новая песня с незамысловатым текстом; *рофл* – громко смеяться или хохотать; *заиквар* – что-то не модное; *дратуте* – здравствуйте, привет; *баян* – потерявшее актуальность, *комп* – компьютер.

Использование сленговых выражений в молодёжной среде можно объяснить тем, что, во-первых, молодёжный сленг является средством общения людей одного возрастного периода, это способ идентифицировать себя с компанией, показать, что ты свой. Во-вторых, фразы, используемые молодыми людьми, не понятны для окружающих, это становится некой игрой. В-третьих, молодые люди противопоставляют себя таким образом старшему поколению. В этом и проявляется черта индивидуальности и взрослости [2:5].

Отметим, что сленг не остается неизменным. Сленг – это явление, которое отражает модные явления в обществе. Одни сленговые выражения выходят из употребления и заменяются другими. Другие сленговые слова существуют долгое время, такие как *литра*, *инглиш*, *требан*, *тубзик*, *училка*, *физичка*, *химичка* [1]. Третьи устаревают и заменяются новыми словами: *лимита*, *стиляги*. Отдельные сленговые выражения настолько входят в обиход людей, что становятся общеупотребительными. Так, слово «водолазка», которое появилось в 70-х годах 20 в. в молодёжной среде для обозначения облегающего свитера, было изначально сленговым словом. В настоящее время данное слово не является сленговым [4].

Учитывая социально-исторические события в стране, можно выделить четыре периода в развитии русского молодёжного сленга. Первый период относится к 20-м годам XX века, когда в стране в послереволюционное время увеличилось количество беспризорников, и речь молодежи пополнилась новыми словами. Второй период приходится на 50-е годы, когда в стране появились «стиляги». Третий период связан с эпохой застоя, когда появились неформальные направления молодёжи, и молодые люди-хиппи стали говорить на непонятном языке [6]. Увлечение английским языком и повсеместная компьютеризация позволяют выделить четвёртый период в изучении сленгов. Подобным образом молодые люди становятся ближе американской культуре и стилю жизни.

Заемствованное из английского языка слово либо усваивается полностью со своим написанием, произношением и значением, либо упрощается для постоянного использования: *бёздник* – день рождения (от англ. birthday); *френд* – друг (от англ. friend); *дринк* (спиртные напитки) – дринкач, дринкер, дринк-команда, дринчать, дринкать; *хакнуть* (от англ. to hack) – взломать; *апгрейдить* (от англ. to upgrade) – обновлять; *кликать* (от англ. to click) – нажимать на кнопки мыши; *аватар*, *аватарка*, *ава*, *авка* (от avatar) – фотография или картинка пользователя социальных сетей в интернете; *гуглить* (от google.com) – находить

информацию на поисковых сайтах, причем не обязательно на google.com; *мем* – идея, фраза, картинка, которые быстро распространяются по сети Интернет [5].

В заключении необходимо отметить, что сленг довольно интересен как языковое явление. Он развивает язык, с одной стороны, упрощая его, а с другой – усложняя. Данное явление представляет интерес для лингвистов, так как отражает актуальные лингвистические процессы в языке.

Литература

1. Баранова Я.А. Школьный сленг: за и против [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.school-science.ru/2017/10/27156> (дата обращения 18.11.2017)
2. Казачкова Е.М. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде [Электронный ресурс]. // URL: <http://cheloveknauka.com/formirovanie-i-funktsionirovanie-molodezhnogo-slenga-v-lingvokulturnoy-srede#ixzz4zCKUOiNZ> (дата обращения 20.11.2017)
3. Люмшина Н.В. Функционирование сленга на материале художественных фильмов против [Электронный ресурс]. // URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/10/29/funktsionirovanie-slenga-na-materiale-khudozhestvennykh-filmov> (дата обращения 20.11.2017)
4. Марушкина Н.С., Неупокоева В.Ю. Молодежный сленг как языковое явление [Электронный ресурс]. // Молодой ученый. — 2015. — №23.2. — С. 103-105. URL: <https://moluch.ru/archive/103/24346/> (дата обращения 20.11.2017)
5. Разумова Е. Молодежный сленг [Электронный ресурс]. // URL: <http://parnasse.ru/prose/essay/publicism/molodezhnyi-sleng.html> (дата обращения 20.11.2017)
6. Рубцова Е.А. Лингвокультурологический анализ молодежного сленга начала 21 в.: на материале печатных СМИ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-analiz-molodezhnogo-slenga-nachala-xxi-veka-na-materiale-pechatnykh#ixzz4yuKUApoF> (дата обращения 20.11.2017)

Е.А. Мурашова
(г. Таганрог, Россия)

ДОМИНАНТЫ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ЕДИНИЦЫ

Феномен прагматического значения речевых единиц, восходящих к различным уровням языка, продолжает оставаться в фокусе внимания современной антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований. Работы последних десятилетий стремятся к систематизации сведений, накопленных во всевозможных отраслях лингвистического знания и дальнейшему развёртыванию проблемы с учётом особенностей отдельных параметров коммуникативной ситуации и характеристик её участников. Лингвистическая прагматика не является исключением из общей тенденции, представляя новые подходы и методы к решению данной проблемы.

С позиций лингвистической прагматики прагматическое значение выделяется из сложной системы значения по основанию «привязанность к коммуникативной ситуации». Особое внимание при этом уделяется зависимости прагматической информации, содержащейся в речевой единице, от характеристик субъекта-отправителя, индивидуально и конвенционально детерминированных, в том числе исходных намерений отправителя, его пресуппозиций и речевого опыта. Реализуя соответствующие интенции субъекта-отправителя в конкретном коммуникативном окружении, прагматическое значение благодаря взаимодействию эмотивно и конативно окрашенных компонентов своей внутренней структуры одновременно представляет ориентацию на потенциального получателя и уникальные стереотипы речевого поведения отправителя, а также субъективные ценностные ориентации, морально-этические нормы, установки, приоритеты, переживания и ощущения и групповые (социальные) нормы морали, ценности, приоритеты и установки.

Лингвопрагматическое изучение прагматической информации в широком коммуникативном контексте позволяет экспериментально установить и доказать наличие системных связей прагматического значения с различными типами субъектно маркированных референций (например, с дейктической референцией, эксплицирующей отношение отправителя к темпорально-локальному позиционированию фрагментов действительности действительности; оценочной референцией, представляющей ценностное или вероятностное отношение отправителя к изображаемому; эмотивной референцией, направленной на выражение отношения отправителя к эксплицируемому эмоциональному или / и психическому состоянию; контактивной референцией, представляющей отношение отправителя к необходимости установить контакт, изменить условия контакта или прервать контакт; регулятивной референцией, выражающей субъективные ожидания отправителя по поводу необходимости осуществления определённого действия получателем / получателями, участвующим / участвующими в коммуникативном процессе, квестивной референцией, указывающей на отношение субъекта-отправителя к ситуации, когда объём наличествующей информации представляется ему недостаточным для успешной коммуникации и должен быть пополнен получателем или отправителем).

Лингвопрагматические эксперименты подтверждают [1], что прагматическое значение (как сложное образование, отображающее позиционирование субъекта по отношению к различным фрагментам действительности) актуализируется в пределах синтаксических групп, в которых обязательно наличие указания на субъект-отправитель. Например, в следующей серии высказываний с актуализированными прагматическими маркерами (*курушivenessкий, шутоломный, бензился, грохотал, жалочка, бзыкала, склянку из души вынул*), выражающими отношение отправителя к эмоционально валентному фрагменту действительности, а также его перцептивный и аффективный опыт (эмотивная референция → эмотивы): *По молодости я был курушivenessкий, но шутоломный, всё бензился да грохотал. Жалочка моя бзыкала на меня, говорила, всю склянку-то я ей из души вынул*, указание на активный коммуницирующий субъект осуществляется с помощью личного и притяжательного местоимений в форме первого лица единственного числа (*я, моя, меня, я*). В общем виде формулу высказываний, содержащих указание на активный коммуницирующий субъект, можно представить следующим образом: $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$, где $S(m)$ – эксплицитный модусный субъект; $P(m)$ – управляющий модальный, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект; а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат.

Качественно количественный анализ средств-носителей прагматического значения, принадлежащих к различным языковым уровням позволяет установить их иерархию, выделить наиболее репрезентативные группы маркеров и организовать их в специальные корпуса со слотовой структурой, дифференцировав, к примеру, в соответствии с нюансами того отношения, которое выражает отправитель, актуализируя соответствующий тип прагматического значения (констативы, регулятивы, эмотивы, контактивы, квестивы, репрезентативы) [2]. В том числе лексические констативы (например, *донец* – донской казак, *даве* – недавно, несколько часов тому назад, *кушири* – густые заросли в реке у самого берега), лексические регулятивы (*гайда* – пойдем, *нехай* – пусть, пускай), лексические эмотивы (*бульнда* – надутый, хмурый, озлобленный человек, *бунтеть* – кричать, настаивая на чём-либо, ссориться, *гомониha* – говорливая, весёлая женщина), лексические контактивы (*ай* – вопросительный отклик на обращение, *балабонить* – говорить быстро и непонятно), лексические квестивы (*кавося* – кого, *чивось* – что, чего), лексические репрезентативы (*байдак* – бездельник, *балдятный* – бестолковый, *чутской* – интеллигентный).

Используя доминирующие типы прагматического значения в качестве своеобразной прагматической системы координат, с применением методов лингвистической прагматики возможно целенаправленно изучить прагматический фон текстов различной жанровой направленности, включить в поле исследования лингвокультурный и исторический контекст создания и интерпретации данных текстов. Это способствует представлению качественно-количественных характеристик индивидуального субъективного отношения отправителя к

изображаемым им фрагментам действительности и проведению лингвопрагматической реконструкции прагматических доминант, релевантных для той лингвокультуры, к которой данный отправитель относится.

В целом лингвопрагматический подход к трактовке прагматического значения и прагматических смыслов позволяет увидеть важные моменты для решения ключевой проблемы современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы – представления субъекта и проецируемого им образа действительности (языковой картины мира) средствами данного национального или субнационального языка.

Литература

1. Мурашова Е.А. Прагматическое значение речевой единицы. Проблемы и перспективы. – М.: Перо, 2015. – 292 с.
2. Мурашова Е.А. Прагматические значения и их референциальные основания (на материале казачьего дискурса): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. – Белгород: БелНИУ, 2017. – 657 с.

Е.Е. Нужнова
(г. Таганрог, Россия)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Цель данного исследования состоит в том, чтобы диагностировать некоторые качества личности по ее речевому поведению. Материалом послужили статьи одиннадцати компьютерных экспертов – носителей английского языка. Все рассматриваемые тексты относятся к одному речевому жанру – научная журнальная статья. Единицей исследования является малая синтаксическая группа (МСГ) – это простое предложение, части сложного предложения, причастные и инфинитивные обороты.

Как известно, каждый человек использует в речи средства своего уникального речевого опыта. Следовательно, они несут информацию о человеке: о его отношении к миру, его потребностях, системе ценностей и т.п., то есть определенные единицы языка, используемые автором текста, позволяют диагностировать его личностные качества. В данной работе мы рассмотрим, как характеризуют человека средства выражения реальности/ проблематичности/ нереальности, которые он использует в речи.

Реальность/нереальность речевого события отражается в языке и речи с помощью категории наклонения. Наиболее точное определение, релевантное для прагмалингвистического исследования, по нашему мнению, дает В.В. Виноградов. Категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, то есть обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом [3: 581].

Для данной работы существенно то, что событие является реальным или нереальным именно для автора сообщаемого. С нашей точки зрения, Б.А. Ильиш предлагает убедительное обоснование важности того факта, что действие как реальное представляет говорящий или пишущий. В противном случае, как указывает Б.А. Ильиш [2: 100], нам пришлось бы признать верной, соответствующей действительности, любую мысль, оформленную в качестве предложения с глаголом-сказуемым в изъявительном наклонении. Но человек может ошибаться или намеренно лгать, автор художественного произведения может говорить о своих персонажах, которых никогда не было в действительности.

В настоящий момент в лингвистике не существует однозначного универсального определения категорий модальности и наклонения. Количество наклонений у разных авторов колеблется от 2-х до 16-ти. Для нашей работы число наклонений, выделяемых в языковой системе, несущественно. Нас больше интересуют формы выражения реальности/ проблематичности/ нереальности в речи, выбор которых говорящим непосредственно связан

с личностными качествами отправителя текста. Результаты прагмалингвистического эксперимента [4: 245] показывают, что эти формы позволяют охарактеризовать человека как реалиста или мечтателя.

Значение реальности сообщаемого выражается формами изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени без модальных модификаторов, а также формой Future Indefinite. Они коррелируют с такими личностными качествами, как реалистичность, рациональность, практичность, расчетливость, указывает на рассудочный, абстрактный тип мышления, склонность к теоретическим видам деятельности. Ключевое слово для характеристики такого человека – реалист. Он видит факты такими, какие они есть; на него не влияют предрассудки и условности. Такой человек не доверяет своим чувствам, впечатлениям, интуиции, а действует по логике.

Нереализованным (возможным или обязательным) является действие, которое не совершилось, но его осуществление не исключается отправителем. Формы выражения проблематичности мы находим в основном в придаточных предложениях. Средства выражения нереализованности события могут указывать на 1) обязательность или 2) возможность действия. Преобладание сигналов обязательного события позволяет выявить развитое чувство долга, обязательность, ответственность. Если же отмечается частотность маркеров возможного события, вероятнее всего, текст или высказывание принадлежит человеку осторожному, сомневающемуся, не считающему себя авторитетным или не желающему навязывать свое мнение другим.

Нереальным является событие, которое говорящий рассматривает как неосуществимое, и возможность его осуществления совершенно исключена. Средства выражения нереального события чаще других встречаются в речи людей мечтательных, увлеченных фантазиями, чувствительных, сентиментальных, недостаточно ответственных, больше полагающихся на интуицию и чувства, чем на логику. Ключевое определение для такого человека – мечтатель. Он непрактичен, часто занят своими мыслями так, что все остальное кажется нереальным. Психологи утверждают, что недостаток практичности – результат высокой напряженности внутренней жизни, вследствие этого снижается значимость реальных событий.

Используя эти данные, проанализируем, например, речевое поведение Л. Кейса [1: 127-144], одного из одиннадцати компьютерных экспертов, статьи которых были изучены [5: 86].

В 174 МСГ из 214, что составляет 81,3%, Л. Кейс использует средства выражения реальности, средний речежанровый показатель (т.е. среднее арифметическое данных, полученное в результате анализа статей одиннадцати компьютерных экспертов) – 65,5 %. Это говорит о том, что ему присущи реалистичность, практичность, рациональность, он воспринимает вещи такими, какие они есть, эмоционально устойчив, при решении вопросов склонен рассуждать логически. Наши выводы подтверждает и содержательная сторона статьи Л. Кейса: в ней приводятся результаты тестирования новых моделей процессоров, т.е. дается в основном фактическая информация. Даже рассуждения о возможностях этих устройств сведены к минимуму.

Формы выражения проблематичности используются в 40 МСГ из 214, что составляет 18,7 %, при средней речежанровой величине 34,1%. Это говорит о том, что такие качества, как обязательность, ответственность, а также осторожность, неуверенность у него выражены слабее, чем у его коллег. Кроме того, можно предположить, что для этого автора важнее реальность, события, факты, чем его отношение к ним. Отсутствие средств выражения нереальности свидетельствует о том, что мечтательность, эмоциональность, чувствительность, сентиментальность и т.п. несвойственны Л. Кейсу, как и другим авторам исследованных статей.

Проведенное исследование показало, что специалисты в компьютерной области рационалистичны, реалистичны, не очень эмоциональны. При этом возможны два варианта интерпретации полученных результатов: либо так проявляется влияние профессии авторов

текстов и в речи отражается их профессиональная деформация, либо это следствие воздействия норм научного стиля.

Литература

1. Case L. It's in the Cards // PC MAGAZINE, Vol. 19, №1, January 4, 2000, pp. 127–144.
2. Iyish B. The Structure of Modern English. – Л.: Просвещение, 1971. – 365 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 614 с.
4. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица (“портрета”) говорящего: Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1993. – 322 с.
5. Нужнова Е.Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 163 с.

А.В. Рочняк

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В РЕЧЕВОМ КОНТЕКСТЕ

При прямом переводе с английского языка термин «гендер» в означает «пол». В психологии же под данным понятием подразумевается социально-биологическая характеристика, связанная с культурно обусловленными понятиями «мужчина» и «женщина». Так как «пол» является, в первую очередь, категорией биологии, специалисты в области социальной психологии часто используют термин «гендерные различия» в значении «половые различия» [2: 479].

Однако широко известным является факт, что различие по половому признаку или, иначе говоря, роду, носит не только и не столько биологический характер, сколько имеет социальную и культурно-символическую интерпретацию. То есть, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в ассоциациях представителей той или иной культуры через символику «мужского» и «женского». В частности, многие, никак не связанные с биологическим полом понятия и явления, например, такие как природные явления, предметы быта, потусторонний мир, тесно связаны с представлениями о «мужском» или «женском» начале. Причем «мужское» отождествляется с богом, светом, творчеством, силой, разумом, активностью, порядком и т. д., а «женское», соответственное, ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями – природой, тьмой, пассивностью, слабостью, интуицией, беспомощностью, хаосом и т. д. Данные ассоциативные деления мира по признаку мужское / женское и являются отражением полового символизма культуры и поддерживают, в широком смысле этого слова, существующую гендерную иерархию общества.

Понятие «гендер» обозначает, таким образом, сложный социокультурный процесс формирования взглядов на различие в мужских и женских социальных ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, а также сам результат – гендер как социальный конструкт, четко выраженное противопоставление «мужского» и «женского» [1: 201].

Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о «типично мужском» или «типично женском»: то, что в одном обществе считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другом может определяться как женское. Имеющееся мировое разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин при принципиальном тождестве биологических характеристик людей позволяет утверждать, что биологический пол не может быть объяснением различий в социальных ролях, которые являются ожидаемыми от представителей мужского или женского рода в разных обществах [2: 405].

В настоящее время исследование гендера в языкознании развивается в двух основных направлениях: анализ представленности пола, ассоциативного рода в языке, а также изучение коммуникативного поведения мужчин и женщин.

Д. Таннен предлагает несколько критериев типичного женского и мужского речевого общения. Для мужчин разговор – это обмен фактами, мнениями по их поводу, то есть более-менее четкой информацией, а для женщин – это процесс психологического взаимодействия; внимание к деталям при этом является средством проявления интереса, создания атмосферы сопричастности. Мужчины в разговоре чаще склонны к тому, чтобы определить и подчеркнуть свой статус в той или иной группе. Женщины же чувствуют себя комфортнее, если разговаривают в присутствии людей, равных им по положению [6: 120].

В речи мужчин намного чаще употребительна терминологическая и профессиональная лексика, они склонны к использованию неологизмов, жаргонизмов и сленга, беседы затрагивают в первую очередь абстрактные или глобальные темы, такие как история и политика, при этом они активно используют существительные и прилагательные, определяющие отношения количества, соотношения и параметров, глаголы же в подавляющем большинстве случаев употребляются в активном залоге [5: 189].

Стилистически сниженную лексику, вплоть до нецензурщины, исследователи обычно приписывают мужчинам, ведь в обществе её использование считается показателем мужественности. При этом использование женщиной в речи инвективных выражений, свидетельствует о том, что она желает ассимилироваться в мужском коллективе, прослыть «своим парнем». Аналогично наличие жаргонизмов, сленгизмов и арго является характерной особенностью, в первую очередь, мужской речи, а также речи женщин с высоким уровнем проявления маскулинности. Женщины, в среднем, гораздо реже мужчин прибегают к ругательствам и бранной лексике в повседневной речи, мужчины в два раза чаще женщин используют лексику с маркированным значением [4: 95].

В женской речи присутствует предпочтение стандартной формы речи и «правильной» грамматики, наличие множества обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, преобладание эллиптических конструкций, более частое употребление разделительных и восклицательных вопросов; большее количество вежливых форм слов, просьб, извинений.

На коммуникативно-прагматическом уровне в мужской речи присутствует преобладание конфликтных стратегий коммуникации, а в женской, напротив, стремление к кооперативному общению [3: 174].

Таким образом, можно утверждать, что гендер – это часть комплексного участия индивида в жизни того или иного социума и должен изучаться в различных своих проявлениях и в неразрывной связи с другими аспектами социального опыта. Включение гендерного параметра в лингвистическое рассмотрение дискурса позволяет существенно расширить представление о языке как средстве социального конструирования картины мира, установить взаимосвязь между гендером и языком, что позволяет выявить отличия в восприятии реальности мужчинами и женщинами.

Литература

1. Бондаренко А. С. «И назвал Адам имя своей женщине: Ева»: Мужчина и женщина в зеркале языковых культур» – Кировоград, 2008. – 160 с.
2. Венжинович Н. Концептуальная и языковая картины мира // Лингвистические студии: Сб. науч. трудов. Вып. 14 – Донецк: ДонНУ, 2006. – С. 9-13.
3. Наумук О.В. Когнитивные особенности пролуцирования совета // Лингвистические студии: Сб. науч. трудов. Вып. 15 – Донецк: ДонНУ, 2007. – С.63-67.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т 4 (Т-Ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
5. Филмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Выпуск 14: Когнитивные вопросы. – С. 23-60.
6. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 106-123.

Б.Г. Солдатов, Вадуа Бамба
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сленг является одним из самых интересных и, с другой стороны, сложных современных языковых явлений. В филологической науке наблюдается тенденция к рассмотрению сленга как разновидности социального диалекта, т.е. употребляемой ограниченным количеством носителей данного языка и отличающейся от нормы разновидности языка по территориальному, временному или социальному признаку.

Под термином «сленг» подразумевается экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика, отклоняющаяся от литературной нормы и относящаяся в основном к разговорной речи. Данный термин обычно ассоциируется с употреблением британского и американского вариантов разговорного английского языка. К данному пласту лексики относятся приблизительно 30 % слов неформального стиля.

В филологической науке не существует единого мнения о происхождении данного слова. По мнению Э. Парtridge, (рассматриваемому как наиболее авторитетное), слово *slang* возможно, происходит от глагола *to sling – to utter* (что в переводе на русский язык означает «метать, швырять»).

Интерес к проблеме сленга в современной филологии постоянно возрастает, о чем свидетельствуют многочисленные определения данного понятия, нередко противоречащие друг другу. Основным объектом противоречий является объем понятия «сленг». По мнению некоторых ученых, к сленгу относятся только лексические единицы с ироничной коннотацией, синонимичные литературным словам. По мнению других исследователей, сленг охватывает всю лексику, не соответствующую языковой норме, а употребление подобных слов вызывает неодобрение среди образованных носителей языка. В качестве источников сленга рассматривается, с одной стороны, ненормативная лексика, используемая представителями различных социальных групп, с другой стороны – слова русского языка и других языков, принадлежащие различным тематическим группам.

Английский язык – самый популярный среди молодых людей и, следовательно, самый предпочтительный для изучения в качестве иностранного. Молодые люди очень часто используют английские слова в процессе ежедневного неформального общения. Следовательно, к молодёжному жаргону могут быть отнесены лексические единицы, заимствованные из английского языка и не переведенные на русский. Некоторые из этих слов настолько прочно укоренились в разговорном стиле русского языка, что не представляют сложности для понимания и употребления даже не изучавшими английский язык. Это, например, такие слова и фразы, как: *What's up?*- *Как дела?*; *respect–респект, уважение*; *Исчезни! – Get lost! Go away!*.

Более того, многие из слов, относящиеся к рассматриваемому нами пласту лексики, а именно молодёжному жаргону, являются производными от слов английского языка, принадлежащих различным профессиональным сферам [1].

Процессу проникновения данных лексических единиц в русский язык активно содействуют отечественные средства массовой информации, в частности, телевидение. Благодаря информационным и развлекательным телевизионным программам в русском языке стали привычными такие слова как «саммит», «брифинг», «ток-шоу», «дог-шоу». Следует отметить как положительную, так и отрицательную сторону этого процесса. С одной стороны, подобное заимствование английских слов русским языком способствует расширению словарного запаса нашего родного языка, а с другой стороны, создает впечатление, что русский язык в некоторой степени теряет свое богатство, неповторимость и самобытность.

Следовательно, молодые люди в процессе общения друг с другом используют английские слова из-за того, что многие из них уже «укоренились» в русском языке. Более того, иногда молодые люди прибегают к английским словам, потому что либо не могут найти, либо не желают искать средства выражения понятий, обозначаемых данными словами, в русском языке. Представляется целесообразным выделить следующие группы лексических единиц, которые могут быть отнесены к молодежному сленгу [2: 104]:

- слова, обозначающие различные понятия, развлечениями и досугом, например: *пати (от party) - вечеринка*;
- слова, употребляемые в процессе межличностного общения: *тап-братан, кореш*;
- слова, обозначающие названия видов спорта, а также названия некоторых популярных в настоящее время игр, например: *боулинг — игра; дайвинг - «подводное плавание»*;
- слова, связанные с компьютерной техникой и программированием, например: *сайт-от англ. site «местоположение, местонахождение»; файл – от англ. file «регистратор; досье, дело; подача какого-л. документа»*);
- названия профессий, например: *риэлтор - «агент по продаже недвижимости», от «амер. realtor (от англ. realty, недвижимое имущество»)*;
- некоторые термины, относящиеся к сферам косметологии и пластической хирургии, например: *лифтинг — „подтяжка“, от англ. lifting „подъём, поднимание“*;
- слова, обозначающие наименования бытовой техники, например: *тивик (от TVset) – телевизор* и другие.

Таким образом, с одной стороны, появление новых слов в русском языке в результате заимствования, в частности, из английского языка, расширяет и обогащает словарный запас русского языка, а с другой стороны, приводит к утрате богатства, неповторимости и уникальности нашего родного языка, и по нашему мнению, было бы предпочтительнее искать средства выражения обозначаемых этими словами понятий в русском языке и реже употреблять в речи слова из других языков.

Литература

1. Баландина Т.А. Особенности молодежного сленга в современном английском языке // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1 [Электронный ресурс].– URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/01/76715> (дата обращения: 29.09.2017).
2. Павлова Е.Э., Селифонова Е.Д. Специфика молодежного сленга современного английского языка (на примере SMS-переписки) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LV междунар. науч.-практ. конф. № 12(55). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С.102-107.

И.В. Чечина

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ XIX ВЕКА

Работа посвящена изучению особенностей структуры женских английских литературных антропонимов в художественном тексте. К анализу было привлечено 146 ЛА из англоязычных романов сестёр Ш. Бронте «Джейн Эйр», «Шерли» и Э. Бронте «Грозовой перевал», Н. Готорн «Алая буква», Дж. Лондон «Мартин Иден», Дж. Остин «Гордость и предубеждение», «Нортенгерское аббатство», «Чувство и чувствительность», «Эмма».

Литературные антропонимы (далее – ЛА) составляют один из разделов ономастики, вся совокупность которых изучаются литературной ономастикой, а также стилистикой и поэтикой [2: 5]. В своем исследовании О. И. Фонякова пишет, что все ЛА изучаются

одинаково, но могут иметь «разную актуальность в зависимости от типа художественного текста, его жанра и семантической структуры». Стоит также отметить, что литературная ономастика рассматривает взаимосвязь ЛА и имени собственного на основе их реализации каждым писателем в отдельном тексте.

Национальные особенности онимов обусловлены специфическими условиями жизни народа, которые вытекают из индивидуальности языков и четко вырисовываются на фоне основополагающих апеллятивов. Национальная идентичность в наибольшей мере проявляется при соотнесении исследуемых антропонимов с онимами других языков, что может быть единственным, указывающим на национальную принадлежность и показ национального самосознания вследствие нарастающих темпов глобализации. Часто имена собственные, связанные с языковыми знаками народа, помогают определить характерные особенности и черты определенной нации [1: 11].

Исследование ЛА не может быть исчерпывающим без анализа их структурных особенностей. В тесном сочетании с внутренней формой и стилистическими особенностями словообразовательные форманты придают имени диахроническую направленность и информативность.

Основу семантики имени собственного составляют лексические значения его составных частей. Известно, что имена восходят корнями к разным языковым группам: индоарийские, тюркские, германские. Антропонимы, состоящие из нескольких основ, характеризуются совокупностью признаков их составных частей, т.е. количество и значения основ ЛА влияют на само имя, а также на его функцию в художественном тексте.

Согласно полученным результатам, количество одноосновных антропонимов (66,4%) преобладает над числом двухосновных ЛА (32,2%). Интересно, что при определении количества составных частей было выявлено несколько трехосновных ЛА, которые составляют наименьшую функциональную группу (1,4%).

При более близком рассмотрении видим, что одноосновные женские ЛА (43,8%) составляют наибольшую функционирующую группу вдвое больше по составу по сравнению с одноосновными мужскими ЛА (22,6%). Также из количественного расчета видно, что по составу двухосновные мужские (20,6%) и женские (11,6%) ЛА составляют наименьшие группы. Это обусловлено тем фактом, что в основном количестве женские имена происходили от одноосновных имен нарицательных. Например, имя героини романа Ш. Бронте «Шерли» *Mary* восходит к египетской основе *mry* (англ. *beloved*) 'возлюбленная'. Также одноосновными женскими ЛА являются одноосновные мужские, которые подверглись демаскулинизации в процессе существования. Так, одноосновное женское имя *Jane* в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» образовано от мужского имени *John*, образованного от древнееврейского корня *Yochanan* (англ. *Yahweh is gracious*) 'Яхве милостивый'.

Согласно анализу одноосновных женских имен по характеру происхождения количество одноосновных женских имен, которые появились вследствие процесса ономизации (44,4%), значительно преобладает над количеством одноосновных женских ЛА, которые проявились после демаскулинизации (21,6%). Так, имя героини романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» *Agnes* произошло от греческой основы *hagnos* (англ. *chaste*) 'непорочный', а имя героини романа Ш. Бронте «Шерли» *Jill* восходит к мужскому имени *Julius*, в основе которого лежит греческий корень *ioulos* (англ. *downy-bearded*) 'с пушистой бородой'.

Проанализировав типы происхождения двухосновных женских ЛА видно, что основное их количество образовано от двух независимых формантов (25,6%) (имя одной из героинь романа Дж. Остин «Чувство и чувствительность» *Elinor Dashwood* восходит корнями к ст.-франц. основам *ali* (англ. *other*) 'другой' и *Aliénor* (англ. *Aenor*) 'Энор'; а антропоним героини романа Дж. Остин *Matilda* образован от др.-герм. элементов *maht* (англ. *might, strength*) 'сила, мощь' и *hild* (англ. *battle*) 'битва'), в то время как меньшая часть двухосновных женских антропонимов образовались от двухосновных мужских имен (10,6%) (имя главной героини романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» *Georgiana* произошло вследствие трансформации мужского антропонима *George*, который образован от

древнегреческих основ *ge* (англ. *earth*) ‘земля’ и *ergon* (англ. *work*) ‘работа’; а антропоним героини романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» *Louisa* берет начало существования от мужского антропонима *Ludwig*, который восходит к древнегерманским основам *hlud* (англ. *famous*) ‘известный’ и *wig* (англ. *battle*) ‘битва’).

Настоящие количественные данные позволяют определить, что основными структурными типами литературных антропонимов в анализируемых художественных текстах являются одноосновные антропонимы, что обусловлено стремлением автора к структурной простоте при использовании имен собственных. Также это может быть объяснено сложными историческими условиями, описанными в исследуемых романах, а именно преобладание населения низших слоев, в антропонимической лексике которых наблюдается явное преобладание структурно простых, не усложненных имен.

Литература

1. Кисель О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2009. – 12 с.
2. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.

М.П. Чуриков
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТАКТИКИ НЕСОГЛАСИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

В течение вот уже нескольких десятилетий не ослабевает интерес лингвистов к изучению функционирования языка в речевой деятельности, в «живом» непосредственном общении. С развитием прагмалингвистики, психолингвистики, когнитивистики открываются все новые подходы к интерпретации и анализу так называемого «человеческого фактора» в языке, то есть к исследованию тех особенностей, которые отражаются в речи человека и обуславливают ее уникальную неповторимость и самобытность.

Широкие возможности для исследования личностных качеств человека по его речевой деятельности предоставляет для лингвистов функциональная прагмалингвистика, в задачи которой входит, в том числе, осознаваемый «выбор языковых единиц всех языковых уровней в конкретных условиях речевого акта для достижения оптимального воздействия на воспринимающую аудиторию» [2: 51].

Как известно, политический дискурс, одной из разновидностей которого выступает политическое интервью, обладает сильнейшим воздействующим эффектом, потому что основная цель деятельности любого политика состоит в привлечении как можно большего количества сторонников, поэтому любое публичное выступление политика должно способствовать созданию желаемого имиджа. В этой связи большое значение приобретают способы оказания такого воздействия на аудитории, а именно коммуникативные стратегии (как некий глобальный замысел) и коммуникативные тактики (как форма реализации этого замысла) [1: 403].

В нашей работе мы придерживаемся мнения, что в политическом интервью мы сталкиваемся с реализацией коммуникативной стратегии ответного реагирования, которая воплощается через намеренный и осознанный выбор определенных речевых приемов, составляющих тактику согласия, тактику несогласия и тактику уклонения [4].

В основе несогласия лежит такая универсальная категория как отрицание [3: 269], коммуникативная природа которого, проявляясь в различных ситуациях речевого общения, демонстрирует различные смысловые оттенки: несогласие, возражение, отказ, запрет и. д. Коммуникативная тактика несогласия реализуется посредством ряда речевых приемов,

которые, как логично предположить, эксплицируются через разнообразные языковые средства выражения отрицания, например:

(1) – *Jetzt sind vor allem die deutschen Steuerzahler gefragt. Gefährdet das Griechenland-Paket Ihre Haushaltsplanung?*

– *Überhaupt **nicht**. Es handelt sich um einen Kredit, der ordentlich verzinst wird. ... (Der Spiegel, Nr. 16/2010, S. 101)*

(2) – *Frau Leutheusser-Schnarrenberger, fühlen Sie sich zurzeit nicht fremd in Ihrer merkwürdigen Partei?*

– ***Nein, nicht fremd**, gefordert. Ich möchte meiner Partei helfen, ihr Profil wieder zu schärfen. (Der Spiegel, Nr. 22/2010, S. 26)*

(3) – *Warum tun Sie eigentlich immer so, als würde Ihnen die Kanzlerin Steine in den Weg legen? In Wahrheit erfüllt Sie Ihnen doch so gut wie jeden Wunsch, etwa bei der Korrektur der Hartz-Gesetze.*

– *Frau Merkel legt mir **keine** Steine in den Weg. Die Grundrevision der Hartz-Gesetze ist notwendig, weil sie in vielen Teilen ungerecht sind. (Der Spiegel, Nr. 6/2010, S. 37)*

Особый интерес представляют собой такие приемы реализации тактики несогласия, в которых мы сталкиваемся с непрямыми способами выражения языковой категории отрицания. Содержание высказывания не складывается из значений составляющих его элементов, а вытекает из окружающего контекста, конкретной речевой ситуации.

К числу таких приемов можно отнести постановку встречного вопроса в ответ на иницилирующую реплику интервьюера, например:

(4) – *Herr Steinbrück, bisher sind alle Bemühungen, die Euro-Krise zu beenden, gescheitert. Warum sagt eigentlich kein Politiker, dass die Gemeinschaftswährung, so wie sie einmal konzipiert und den Bürgern verkauft wurde, gar nicht zu retten ist?*

– ***Wie kommen Sie denn auf die Idee**, dass der Euro nicht zu retten sei? (Der Spiegel, Nr. 37/2011, S. 28)*

(5) – *Wir finden es erklärungsbedürftig, dass Sie in Deutschland eine Herrschaft des Unrechts konstatieren und gleichzeitig jemanden hofieren, der das Verfassungsgericht entmachtet und die Pressefreiheit eingeschränkt hat.*

– ***Warum kolportieren Sie eine Fehlmeldung**, die durch einen Journalisten in Bayern zustande gekommen ist? Ich habe nie gesagt, dass Frau Merkel ein Unrechtsregime führt. (Der Spiegel, Nr. 9/2016, S. 33)*

(6) – *Aber als die Regelung jüngst in Karlsruhe verhandelt wurde, waren Sie nicht dabei. Warum haben Sie gekniffen?*

– ***Wieso gekniffen?** Hätte ich als zuständige Justizministerin etwa ein Gesetz verteidigen sollen, dass ich selbst für falsch halte? Das wäre ja wohl unglaublich gewesen. ... (Der Spiegel, Nr. 2/2010, S. 33)*

В примерах (4-6) политик отвечает на иницилирующие реплики встречным вопросом, переходя к «встречному нападению» [5: 13] и указывая на ложность суждения и недостоверность оценок интервьюера в представлении обсуждаемой ситуации.

В качестве еще одного приема реализации коммуникативной тактики несогласия можно рассматривать употребление побудительных высказываний в ответ на иницилирующую реплику интервьюера, например:

(7) – *Man könnte auch sagen: Sie wollen die staatliche Sozialverwaltung zum Oberaufseher über das Wohlergehen armer Kinder machen.*

– ***Spotten Sie ruhig**, ich bin vom Gegenteil überzeugt. ... (Der Spiegel, Nr. 33/2010, S. 24)*

(8) – *Längere Atomlaufzeiten, eine neue Bundeswehr, Sparzwänge an allen Orten – über ihren langjährigen Förderer und späteren Gegner Helmut Kohl haben Sie kürzlich gesagt: „Kohl half den Menschen, die Ängste vor Veränderungen zu nehmen“. Erfüllt die Kanzlerin heute diese Aufgabe?*

– ***Ich bitte Sie!** Bundeskanzlerin Angela Merkel hat häufiger, früher und klarer als viele andere die gesellschaftlichen Veränderungen beschrieben. ... (Der Spiegel, Nr. 36/2010, S. 82)*

Таким образом, для реализации коммуникативной стратегии несогласия используются разнообразные приемы, которые содержат языковые средства различных уровней.

Литература

1. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 6(1). – С. 403-409.
2. Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селиверстова Л.Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. II. – С. 50-57.
3. Милосердова Е.В., Милосердова О.С. Прагматические особенности функционирования косвенного и имплицитного отрицания в немецком диалогическом дискурсе // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Вып. 7(75), 2009. – С. 268-272.
4. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 168 с.
5. Юрина М.В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью (на материале современной прессы ФРГ). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 24 с.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА. ИССЛЕДОВАНИЯ В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е.И. Бейн

(г. Таганрог, Россия)

КАК ОБЪЕДИНИТЬ НЕОБЪЕДИНЯЕМОЕ? (к вопросу о кинетизме означаемого наречия)

Ни один класс слов не объединяет столь разнородные, не имеющие сходства в семантическом и синтаксическом плане элементы, как парадигма наречия. На основании формального критерия неизменяемости в класс наречий включаются единицы очень разнообразные на первый взгляд, как, собственно, разнообразны и обстоятельства, для выражения которых они используются, и условия в которых протекает действие в реальной действительности. С одной стороны, это модальные, или фразовые наречия, которые отличаются возможностью образовывать односоставное предложение: *assurément, vraiment*; или семантически маркированные наречия, имеющие прозрачную внутреннюю форму и выполняющие в предложении функцию обстоятельства: *aujourd'hui, attentivement*. С другой – наречия, которые имеют указательную дейктическую функцию: *là, alors, devant*. Они, как правило, нуждаются в пояснении, внешней эксплицитной опоре. Кроме того, в сочетании с прилагательным используются наречия *plus, moins, si, tant*, которые не являются информативным элементом, а лишь усиливают значение прилагательного. Значение качества, как известно, связано с оценкой его интенсивности. Наречие может выступать и как интенсификатор имени существительного, когда последнее является частью составного именного сказуемого и имеет ярко выраженную качественную характеристику, т.е. является своеобразным показателем адъективации существительного: *très dame, si enfant*.

Наречия, выполняющие дейктическую функцию, впоследствии становятся строительным материалом для предлогов, союзов, интенсификаторов и даже префиксов. Служебную подвидимость наречия можно наблюдать как в синхронии на уровне употребления, так и в диахронии – в генетическом плане. Например, в современном французском языке всего четыре простых союза выражают разнообразные отношения подчинения, все остальные являются устойчивыми союзными выражениями, которые состоят из наречия или именного сочетания – функционального эквивалента наречия и собственно союза *que*: *alors que, avant que, supposé que, puisque (puis que)*. Антуан видит в

этом спонтанность мыслительных операций, некий лингвистический автоматизм, который отдает предпочтение не простым союзам, а более обстоятельным (*circonstancées*)[5: 128].

Противоречия, возникающие при трактовке наречия, связаны как с идеей динамики, движения, которое происходит в самом классе наречий, так и с особым характером его означаемого (общий семантический объем слова не статичен, а подвижен). И одно и другое является отражением тех динамических процессов, которые происходят в языке. Движения в семантическом объеме заключается в процессе адвербиализации слов и словосочетаний и, хотя эволюция этого класса слов, как и любого другого, подразумевает большой уровень вариативности, можно утверждать, что в основе формирования класса наречий лежит лексико-семантический способ [1: 7]. Движение в классе наречий мы понимаем как взаимообмен между частями речи: класс наречий пополняется за счет существительных, прилагательных, причастий, которые затем, минуя стадию наречия, грамматизируются, т.е. становятся служебными словами или даже морфемами. Кинетизм грамматического значения наречия ведет к смещению его семантических и синтаксических признаков и появлению новых прагматических характеристик, т.е. к системному преобразованию языковой единицы.

Модальные наречия семантически насыщены, их лексическое значение очень емкое, в него включается такой добавочный элемент как отношение говорящего к высказыванию, это уже не просто слово, а слово-предложение (односоставное предложение). То же самое можно сказать о наречиях времени и пространства, они являются семантически маркированными, имеют достаточно прозрачную внутреннюю форму, не случайно на близость подобных наречий и существительных указывал еще Л.В. Щерба, когда писал, что «самый деликатный вопрос – отличие наречий от существительных»[4: 71] и, очевидно, он имел в виду не только этимологические связи, но и некоторое сходство в семантике. Однако соотношение между лексическим и грамматическим значением в общем семантическом объеме слова меняется: иногда в пользу грамматического значения, и тогда мы говорим о грамматикализации лексической единицы (служебной подводимости). Смещение в семантике лексически значимых форм сопровождается смещением синтаксических и дистрибутивных характеристик. Когда-то такие семантически маркированные наречия образа действия, как *durement, extrêmement, fortement* в современном языке используются в качестве интенсификаторов при прилагательном, что связано с утратой ими первичного этимологического значения образа действия. И такое не понятийное, а формальное употребление наречий отмечается уже в XII веке [2: 314]. Подобный путь сужения семантического объема проходят и существительные, обозначающие малые величины: *pas, point, goutte*.

Процесс грамматикализации можно проиллюстрировать на примере наречий, выражающих темпоральную характеристику (наречия времени). Одни из них семантически маркированы: *maintenant, toujours*, другие же имеют затемненную внутреннюю форму: *puis, encore, alors, jadis*. Последние этимологически неразложимы, большинство из них происходит от имен существительных, застывших в одной из падежных форм, или от словосочетаний, в состав которых входит имя существительное. Видимо, лежащая в их основе именная синтагма (имя с предлогом, прилагательное с именем существительным) когда-то имела точную временную соотнесенность, а затем, вследствие демотивации (десемантизации) имени, у бывшего сочетание грамматические характеристики начинают доминировать, в грамматическое значение включается компонент дейксиса. Эти наречия содержат актуализирующую связь между актуальным глаголом и актуальным (индивидуализированным) понятием, возникающим из ситуации или контекста и имеющим точную временную соотнесенность. Движение в семантике наречий времени носит поэтапный характер – отсюда и различные текстовые употребления – от интегрирующей функции, когда наречие обеспечивает связность и последовательность высказывания до превращения его в служебное слово (союзное выражение). Например, в предложении *Je l'ai connue alors que j'étais étudiant* мы можем наблюдать смещение семантико-синтаксических характеристик наречия *alors* и констатировать появление у него нового грамматического

статуса. Таким образом, конечным этапом процесса, назовем его движением по пути понижения знаменательности, является полная грамматикализация слова, когда оно из предикативного, выполняющего в предложении функцию одного из его членов, становится служебным.

В заключении ответим на вопрос, вынесенный в название этого небольшого эссе. Объединить необъединяемое можно, если рассматривать эволюцию отдельной лексической единицы, базируясь на принципе динамической солидарности, принципе, который, по словам Л.М. Скредлиной[3: 118], объединяет взаимодействие семантических и формальных сторон элементов и лежит в основе функционирования и развития языковой системы.

Литература

1. Бейн Е.И. Формирование класса наречий в истории французского языка/АКД – Л.: 1984. – 19 с.
2. Доза А. История французского языка. – М.: Изд. иностр. лит., 1956. – 472 с.
3. Скредлина Л.М. Некоторые вопросы развития языка (Проблемы и методы диахронического исследования). – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 143 с.
4. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке// Избранные работы по русскому языку.– М.: Учпедгиз, 1957. – С.63-84.
5. Antoine G. La coordination en français. – P.: Editions d'Artrey, 1962, t.I-II. – 1408 p.

А.В. Бударина
(г. Таганрог, Россия)

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМФАТИЧЕСКИ-МАРКИРОВАННОЙ ПРОСОДИИ

Свое основное развитие такая наука как просодика – интонационно-выразительная окраска речи, получила в XIX веке и связано это с такими именами как Г. Пальмер, Р. Кингдон, А. Гимсон. Но основоположником просодической системы английского языка принято считать британского фонетиста, Дж. Д. О'Коннора (*Intonation of colloquial language* 1960). Согласно его теории, одни интонационные модели звучат нейтрально и используются чаще в повседневном общении, в то время как другие звучат более экспрессивно и чаще встречаются в эмоциональной речи говорящего.

Чтобы речь на английском языке звучала эмоционально насыщенно, используют эмфатическую интонацию, которая выражает различные нюансы отношений и представляют одну из основных трудностей для изучающих английский язык, что, в свою очередь, ведет к неправильному пониманию и употреблению.

В английском языке существует несколько различных способов, при помощи которых целое высказывание может звучать более оживленно, эмоционально, более выразительно. Одним из самых распространенных способов добавления эмфазы является изменения самой шкалы (*The Head*).

Обзор работ русских и зарубежных лингвистов позволил выявить нам следующие эмфатические шкалы.

В качестве одной из самых распространенных эмфатических шкал английского языка многие фонетисты выделяют одну из разновидностей ступенчатой шкалы, которая называется *The Up-broken Descending Scale* (шкала с нарушенной постепенностью). Эта шкала формируется путем произнесения одного из ударных слогов на более высоком тоновом уровне, чем предыдущий, таким образом, что ударные слоги образуют нисходящую последовательность (*staircase*). В пределах шкалы происходит внезапное повышение одного (иногда более одного) ударного слога. Такое повышение ударного слога в шкале называется специальный подъем (*special or accidental rise*).

Данная шкала в сочетании с высоким падением (High Fall) звучит оживленно и выразительно, может передавать положительные эмоции такие как восхищение, удивление, дружелюбность. В сочетании с низким падением (Low Fall) и низким подъемом (Low Rise) звучит серьезно, отчужденно, строго, может выражать такие эмоции как раздражение и злость.

'Judy 'Brown is a □very 'nice |girl!

Рис. 1

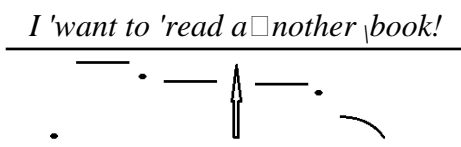

Рис. 2

Для добавления эмоциональности в нисходящей шкале с общим понижением тона наблюдается и скольжение тона вниз в каждом ударном слоге, таким образом, что каждое новое скольжение начинается немного выше, чем заканчивается предыдущее. Такая шкала называется *The Descending Sliding Scale* (нисходящая скользящая шкала).

Типичным для скользящей шкалы является сочетание с нисходяще-восходящим терминальным тоном (Low-Fall). Данный вид шкалы может передавать ряд эмоций, как положительных, вежливость, дружелюбие, восторг, так и отрицательных, сомнение, обиду, небрежность.

You ↻can't ↻mean that!

Рис. 3

Следующая рассмотренная нами эмфатическая шкала – *The Descending Scandent Scale* (нисходящая скандирующая шкала). Особенностью данной шкалы является то, что каждый ударный слог шкалы располагается ниже предыдущего.

I □hate □doing |nothing.

Рис. 4

Данная шкала передает такие оттенки эмоциональности как удивление, радость, поощрение, восхищение, заботу, кокетство, а также нетерпимость, раздражение и насмешку.

Тоже самое происходит и с восходящими шкалами. К одной из распространенных восходящих шкал, передающих различные эмоциональные оттенки, относится *The Ascending Sliding Scale* (восходящая скользящая шкала). В этой шкале, наряду с общим повышением тона наблюдается тональный подъем на каждом ударном слоге.

Восходящая шкала в сочетании с высоким нисходящим тоном (High Fall) может передавать значения возмущения, недовольства, протеста, замечания, кроме того, делает утверждение более категоричным и эмоциональным.

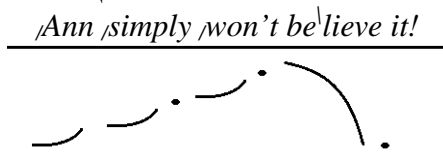

Рис. 5

Другим вариантом восходящей шкалы является – *The Ascending Scandent Scale* (восходящая скандирующая шкала). Она формируется путем повышения слогов в ритмической группе, где каждый ударный слог произносится с подъемом, в то время как безударные слоги произносятся на более высоком уровне тона, чем предыдущий слог.

/Why 'haven't you ar'rived in 'time?

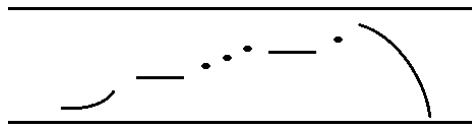

Рис. 6

Последней рассмотренной нами шкалой будет ровная шкала – *The level Scale*. Ровная шкала формируется путем произнесения ударных и безударных слогов на одной и той же высоте тона.

The High Level Scale (высокая ровная шкала). Все слоги в данной шкале располагаются приблизительно на одном и том же высотном уровне. Наибольшую степень выделения получает первый ударный слог. Остальные ударные слоги шкалы воспринимаются как частично ударные. Таким образом, такая шкала способствует большему выделению последнего ударного слова как смыслового центра высказывания.

→*Nick* →*works at the bank*.

Рис. 7

Ровная шкала звучит непринужденно и оживленно. Передает такие эмоции как радость, дружелюбность, энтузиазм.

Ударные слоги шкалы, произносимые на низком уровне тона, составляют – *The Low Level Scale* (низкая ровная шкала). Данный тип шкалы обычно сочетается с низким нисходящим (Low Fall) или низким восходящим (Low Rise) ядерными тонами. [8, 134]

She will →*have to* →*manage by herself*.

Рис. 8

Данный вид шкалы используется для небрежных замечаний. Имеет эмоциональную окраску негативного характера, выражая сдержанность, неодобрение, порицание, обиду, укор, скептицизм и др.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в английском языке существует несколько способов, чтобы придать речи эмоциональную окраску. Самым распространенным средством является изменение самой шкалы высказывания. При анализе литературы, как русских, так и зарубежных авторов по данному вопросу, мы пришли к выводу, что в английском языке можно выделить 7 интонационных моделей, которые передают различные оттенки эмоциональности: *The Up-broken Descending Scale*, *The Descending Sliding Scale*, *The Descending Scandent Scale*, *The Ascending Sliding Scale*, *The Ascending Scandent Scale*, *The High Level Scale* и *The Low Level Scale*. Данные шкалы в сочетании с различными интонационными завершениями передают различные спектры эмоций, как положительных, любезность, симпатию, вежливость, дружелюбность, так и отрицательных, злость, обиду, порицание, укор.

Литература

1. Васильев В.А. Катанская А.Р., Фонетика английского языка, нормативный курс, издание 2-е, переработанное – М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.
2. Дубовский Ю.А., Докуто Б.Б. Основы английской фонетики, учебное пособие – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
3. Селезнёв В.Х. Пособие по развитию навыков английской интонации. – М.: Высшая школа, 1983. – 321с.
4. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of colloquial English, second edition – London, Longman, 1973. – 290 p.

Y.K. Gabrilovich
(Dinnington, Near Shelfeld, Great Britain)

THE HISTORY AND USE OF THE ENGLISH LANGUAGE

Many historians who first tried to establish and define a period when the English language was first spoken on mainland Britain had to research the early settler period in the mid 5th to 7th centuries and to evaluate evidence when the first West German Anglo-Frisians arrived with their distinct dialects .A definitive period has still not been established when this race began to speak this language and the true Anglo-Saxon period started. The invaders all spoke what was closely related by definition to Dutch, Frisian, German and Scandinavian and replaced the early Celtic . The Celtic language still exists mainly in remote parts of Wales .The ' Scots' language is basically a dialect of English .Its remnants can still be found in Ireland and the Isle of Man and the far North of Scotland. In Modern Britain traces of Anglo- Saxon can still be found , mainly place names for old villages and certain English words eg coomb (a type of valley) and brock (badger) . The closest language still existing to English today is Frisian , spoken in the Netherlands , Germany and the Netherlands by about 500, 000 people. Perhaps the closest is the Dutch language .Later more settlers arrived and added more words to define today's English as it is in its present form.

Around the mid 9th century large numbers of Norse invaders came and settled mainly in Northern and Eastern areas , later this influence spread all over the country in the 11th century when King Canute ruled. The Norseman had a pronounced North German speech This obvious influence can be seen in the large amount of borrowed words that are present today The common Germanic root bases are evident in many basic words Due to this resemblance there are so many similarities and that it impossible to be certain of their exact origin However, the vast majority of loan words did not appear in written English until the next momentous period in the English language's history, the Norman Conquest .Before this period English borrowed approximately 2,000 words, the most common being anger, bag, both, hit, law, leg, some, skill, sky and many others In addition, the pronoun they.

The effect of the Norman Conquest was felt for centuries after when it entered the Middle English stage. Many words were simply borrowed from the French and Latin language in addition to Scandinavian loanwords. Middle English readily accomodated and accepted these words This period historians have named as Trilingualism and this trend continued until the Early Modern period. The Normans replaced English with their own French language This period continued for 300 years .So many new words were borrowed from Norman and it resulted in an almost different language (Middle English). It was the only language taught in school .

During the late medieval and early modern periods a process of standardization in English took place .This was in the 15th century when the great Shakespeare lived and wrote his classics. In London the language began to evolve and its influence began to spread throughout Britain .This was evident especially in printed material. The rich and aristocracy adopted it and it resulted in regional dialects being stigmatized and classed as being of a poor standard and class .The 15th century also saw the beginnings of the vowel change. This resulted in the many oddities of English pronunciation which have lost the previous link between many English words and their equivalents. In 1604 the first dictionary was published and provided further evidence of its development .

During the medieval and early modern periods the influence of English began to spread and become established all over the British Isles, especially from the 17th century. England's colonization and trading relations all over the world saw new words constantly appearing Spain, Portugal and the Netherlands imparted these new words into the language .This period was greatly responsible for the English language gradually becoming a global language , even though it is not their first language for many nations. Early Modern and Late Modern English differences exist mainly in vocabulary. Once the Industrial Revolution arrived, English was radically influenced as this new technology created the need for a vast range of new words in addition to its international

development .The British Empire at its peak covered one quarter of the world's surface Its influence was vast and resulted in many former colonies still retaining English as their first language.

Today the two main styles , British English and American English are spoken by 400 million people .English speakers probably exceed one billion worldwide The over riding influence of the British Empire and its colonization has resulted in English being the communicative language in such diverse countries as South Africa, Australia, Canada, India, Pakistan, The USA etc. Learning English as an additional language has become essential in business, commerce, diplomacy and many schools teach it as part of their curriculum. More than half of the world's scientific journals are in English. Presently its has over 500, 00 words and 300, 00 technical terms in its vocabulary .

Today, American English and the spread of American culture has seen a great impact on how it is spoken .Many British people now sometimes use it even though it is not officially taught in British schools .Its influence is everywhere, in books, films and politics As a consequence of its long and turbulent history the English language has undergone many changes throughout to the present day. Because of new technology it is still evolving to accomodate new words and phrases. In many respects it is unique and its importance has been recognised all over the world .There are now over one billion English speakers and is taught in most schools and colleges in developed countries. A good command of English is now essential in most trading nations of the world. English is also imortant for cultural relations and diplomacy. Even though many languages are disappearing the concept of its national identity will still be valid and relevant in the future. The English language is an essential element of 'Englishness', its way of life, the very essence of its culture and heritage. Indeed to know English well is to be immersed in its culture. British English when spoken correctly differentiates itself from other languages because of its phonetics and fluidity Its prominence as the world's leading language will no doubt be maintained and assured well into the future.

The composition of present day English is as follows

60%	Latin and Neo-Latin language (mainly French)
28.7%	Latin, modern, technical and scientific
24%	Germanic (Old English and borrowed Old Norse)
5.32%	Greek
4.03%	Italian, Spanish and Portugese
3.28%	Derived from proper names
1%	other languages

References

1. Gabrilovich.Y.K. The History and Use of the English Language, Taganrog, Typography of A.N. Stupin, 2014. – 273p.

Е.В. Гончарова

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Способы выражения субъективно-модальных отношений позволяют понять роль в предложении говорящего, оценку автором содержания высказывания и помогают понять, каким образом высказанная в предложении мысль воздействует на слушателя.

Вопрос о способах выражения субъективной модальности остается не до конца решенным, разные исследователи рассматривают и делают акценты на различных уровнях (лексический, грамматический и пр.) проявления субъективной модальности.

Г. Солганик в своей работе «Очерки модального синтаксиса» отмечает, что субъективная модальность присутствует на всех уровнях языка. Он указывает, что «в лексике это разветвленная система оценочных средств, в морфологии – вводно-модальные слова, частицы, местоимения и др.» [3: 8]. При этом главной сферой действия субъективной модальности он считает синтаксис: «субъективная модальность – компонент значения, составляющий важный слой общей синтаксической семантики предложения» [там же].

И. Гальперин утверждает, что отношение говорящего/пишущего к действительности, то есть модальность, «может быть выражено различными средствами: формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими» [1: 39]. В качестве средства реализации субъективной модальности ученый выделяет эпитет, который «становясь многократно повторяемым стилистическим приемом, начинает вскрывать текстовую модальность», а также сравнения, описательные обороты, междометия, целостность текста как выражение модальности [там же].

Исследовательница А. Киселева, ссылаясь на труды Л. Паранук, приводит перечень субъективно-модальных средств выражения [2]:

1. оценочная лексика;
2. модальные слова и частицы;
3. специальный лексико-грамматический класс слов, а также функционально близкие к ним словосочетания и предложения (вводные единицы в составе предложения);
4. порядок слов;
5. междометия;
6. специальные интонационные средства для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому;
7. композиционные приемы.

Проблема описания и классификации средств выражения категории модальности освещается во многих трудах зарубежных лингвистов. Так, армянская исследовательница А. Киракосьян, анализируя книгу К. Кербрат-Ореккиони «Высказывание: о субъективности в языке», один из основных трудов по данной тематике, анализирует основные идеи французской ученой о субъективности в языке. Средства выражения данной категории представлены, прежде всего, эмоциональной и оценочной лексикой, производной от глаголов и прилагательных (*amour, beauté* и др.), аксиологической лексикой (уничижительные и мелиоративные слова). Сюда же относятся прилагательные (аффективные, оценочные, аксиологические), глаголы, наречия (оценивающие высказывания с точки зрения реальности, истинности) [5].

Норвежская исследовательница эпистемической модальности Е. Волд (Eva Thue Vold) в научных статьях на французском, английском и норвежском языках рассматривает лексические и грамматические средства реализации данной категории [6]. Эпистемическую модальность исследовательница определяет как тип субъективной модальности, связанной с оценкой сообщаемого с точки зрения его достоверности, истинности. К лексическим средствам, выражающим данный тип модальности во французском языке, автор относит, в частности, модально-эпистемические глаголы, прилагательные, наречия и частицы. Морфологические средства разделяются на две подгруппы: морфологические (наклонение *Subjonctif*, глагольный указатель *-rait*), и синтаксические (вспомогательные модальные глаголы – *rouvoir, devoir*). При этом она отмечает, что данная схема не является исчерпывающей и может быть дополнена.

Расширенную и практически исчерпывающую классификацию средств выражения субъективной модальности представила Ю. Тагильцева в своей работе посвященной

исследованию политического интернет-дискурса. Исследовательница изучила данные средства на следующих уровнях:

Морфологический уровень:

1) личные местоимения; 2) модальные слова; 3) модальные глаголы; 4) модальные частицы.

Лексический уровень (представлен в основном тропами): 1) метафора; 2) ирония; 3) сравнения.

Синтаксический уровень:

1) модальные фразы;

2) вставные предложения;

3) нарушенный словопорядок (инверсия);

4) парцеллированные конструкции;

5) синтаксические конструкции, в которых сочинительные союзы находятся после точки (так называемые разрывы);

6) предложения с обособленными членами предложения;

7) синтаксические конструкции с усилением отрицания;

8) синтаксические повторы (анафора, эпифора);

9) синтаксические конструкции с многоточием и др. [4].

Проанализировав тексты, представляющие франкоязычный политический дискурс, считаем необходимым добавить в данную классификацию ещё несколько языковых средств для выражения субъективной модальности: условное наклонение (*Conditionnel*), превосходная степень сравнения прилагательных и наречий в сочетании с детерминативом, ограничительные обороты *c'est... qui, c'est...que*.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Киселева А.В. Выражение субъективной модальности в препозитивных причастных оборотах в современном английском языке / Пятигорский государственный лингвистический университет, Россия. – 8 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pglu.ru/upload/iblock/154/vyrazhenie-subektivnoy-modalnosti-v-prepozitivnykh-prichastnykh-oborotakh-v-sovremennom-angliyskom-yazyke.pdf>
3. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. – «ФЛИНТА», 2016. – 216 с.
4. Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: Автореферат дисс. ... кандидата филолог. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2006. – 22 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://politlinguist.ru/materials/avtoref/Tagiltseva_avtoref.pdf
5. Kirakossian A. La subjectivité linguistique dans l'acception de C. Kerbrat-Orrechioni/ Université d'Etat d'Erevan. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://publications.y-su.am/wp-content/uploads/2015/09/1.-KIRAKOSSIAN-A..pdf>
6. Vold E.T. Modalité épistémique et discours scientifique: Thèse pour le degré de philosophiae doctor (PhD) – Université de Bergen, 2008. – 336 p. – [Электронный ресурс]. – URL: http://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/2653/Dr.Avh._Eva_T_Vold.pdf

С.П. Добижи, Е.А. Сафронова
(г. Горки, Беларусь)

КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В ПОЛЕССКИХ ЗАПРЕТАХ И ОБРЯДАХ

Запрет является универсальной формой регламентации общения в древнем обществе: запрет не только регулирует, регламентирует, предписывает, упорядочивает характер, способ и содержание действий человека практически во всех сферах жизнедеятельности, но и показывает последствия нарушения запрета. Считалось, что нарушение запрета может повлиять на приплод домашних животных, отразиться на благосостоянии хозяйства.

В данной работе проанализированы некоторые полесские запреты (исследования проводились в Беларуси в Брестской и Гомельской областях), связанные с понятием «дорога», которая является ритуальным и сакральным локусом с многозначной семантикой.

В белорусской мифологической традиции дорога олицетворяет связь с иным миром и миром умерших («тот» мир). Дорога в сознании белорусов соотносится с жизненным путем, путем души в «тот» мир, с местом, где человек может встретиться со своей судьбой, с долей, с хорошими и плохими людьми, животными и демонами.

Древние представления о дороге как способе перехода в «тот» мир отражаются в словах со значением «конец жизни». Так, о человеке, который умирает, говорят, что он стоит на смертной или Божьей дороге, собирается в дорогу, выбирает себе дорогу, его дорога открыта.

Тесная связь дороги с «тем» миром отражена во всех фольклорных жанрах, особенно в проклятиях: *Чтобы его (человека) побил на сухой дороге!*; *Чтобы тебя Перун убил на глухой дороге!*; *Идите вы от меня на распутье!* и т.д. На перекрестках дорог в полночь могут являться черти и другие представители «того» мира: русалки, оборотни, заложные покойники, ведьмы, а также могут возникнуть болезни (чаще всего холера).

Дорога – разновидность границы между «своим» и «тем» миром, мифологически «нечистое» место, которое может служить для удаления вредных объектов (насекомых, сорняков, болезней и др.), а также для некоторых магических действий.

В свадебном и погребальном обрядах большую роль играет выбор дороги, по которой положено ехать в церковь или на кладбище и возвращаться обратно. На кладбище запрещалось ехать короткой и хорошо известной дорогой, останавливаться, чтобы покойник не возвратился домой. Заложных покойников, которых, согласно народной традиции, не хоронили на кладбище, разрешалось хоронить на окраине кладбища (Урбаны, Остров), за пределами кладбища (Верхний Теребежев, Ополь, Дружиловичи, Одрижин, Радчицк, Анисковичи), а также около дороги.

Выбрасывание на дорогу различных предметов является способом ритуального уничтожения болезней и всего злого, плохого, вредоносного. Белорусы верили, что болезнь «проходит» так скоро, как по дороге проходят люди. Поэтому существовали различные способы народного лечения. Так, на Пасху во время крестного хода женщины, у которых были больные дети, бросали на дорогу одежду детей, чтобы участники крестного хода прошли по ней. Под ноги участникам крестного хода бросали пояса больных людей, а хозяйки бросали платки, лоскуты от которых прикладывали к больным коровам, чтобы их болезнь прошла, как прошел по дороге крестный ход. На Полесье зафиксирован интересный обычай: беременная женщина должна трижды перебежать дорогу, чтобы роды были легкие (Бельск). Именно поэтому в полесских деревнях запрещалось выливать на дорогу воду после захода солнца и после мытья в Чистый четверг, нельзя было на дорогу выбрасывать пепел и сажу, чтобы болезни не перешли на других людей. Запрещалось выливать на дорогу воду, в которой помыла руки мать невесты после замешивания свадебного каравая, эту воду выливали в саду под дерево.

Согласно народной медицине, для избавления от болезни выбрасывали на дорогу или перебрасывали через дорогу ногти и волосы больного, его личные вещи. Кроме того, больные люди выбрасывали на дорогу яйца, деньги, ленты или платки с узлами, на которые с помощью магических слов «переносились» болезни (Ополь, Дружиловичи). На дороге омывали больных, на дорогу выливали воду, которой мыли больного. Считалось, что болезни, которые представлялись в виде людей, чаще безобразных старух, могут уйти по дороге.

С дорогой связаны интересные обереги. Чтобы защитить деревню от болезни, ткали специальное ритуальное полотенце и расстилали его поперек дороги. Чтобы защитить домашний скот (в частности, корову) от болезни, на дорогу бросали крапиву (Одрижин). Чтобы избавиться от клопов и тараканов, их выбрасывали на дорогу завернутыми в тряпочку; тараканов «выцягивали на дорогу ў лапці» (т.е. выносили на дорогу в лапте). Поэтому существовал строгий запрет поднимать на дороге (особенно на перекрестке) найденные вещи и даже прикасаться к ним.

Запрещалось переходить дорогу человеку или домашнему животному, ведь считалось, что такой переход дороги мог отнять здоровье, счастье, плодovitость. Белорусы верили, что только ведьма, распустив волосы, по ночам перебегают людям дорогу. Запрещалось переходить дорогу с пустым ведром, дорогу коровам, когда их первый раз выгоняют на луг: считалось, что у животных в таком случае не будет молока. До наших дней сохранился запрет переходить дорогу похоронной процессии и обгонять ее: тот, кто перешел дорогу, мог тяжело заболеть.

В обрядовых целях, для активизации продуктивных способностей земли, а также для вызывания дождя жители полесских деревень (обычно женщины) распахивали и бороновали дорогу. Вместе с тем существовал запрет просто тянуть борону по дороге, ведь острые зубья бараны и ее крестообразная форма считались оберегом.

Запреты, связанные со строительством дома, тесно связанным с понятиями «граница» и «дорога», которые, согласно с представлениями славян, являются медиаторами, проводниками в «тот» мир. Разумеется, запрещалось строить дом на том месте, где старый дом был сожжен молнией (Дружиловичи, Одрижин), где ранее были кладбища, граница или дорога (Бельск), ведь в таком доме жизнь будет беспокойной.

В приведенных примерах дорога выступает как граница между миром живых и мертвых: она способна нейтрализовать и уничтожить болезни и даже смерть. Проанализированные полесские запреты, связанные с дорогой, свидетельствуют об их языческих истоках, когда господствовало мифологическое сознание. В процессе развития общества запрет частично потерял сакрально-магический статус и на современном этапе трансформировался в комплекс разнообразных представлений.

Литература

1. Валодзіна, Т.В. Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў. – Мінск: Беларусь, 1999. – С. 97–102.
2. Санько С., Валодзіна Т., Васілевіч У. і інш. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. – Мн.: Беларусь, 2004. – 592 с.
3. Шарапа О.Н. Запрет. // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. – Минск, 1993. – 478 с.

Д.Ю. Ильин
(г. Волгоград, Россия)

НОМИНАЦИЯ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА*

Функционализм как основная характерная черта современной лингвистики предполагает изучение языка в его номинативно-динамическом аспекте. Анализ массива фактов – названий географических объектов – позволяет решить вопросы, касающиеся целесообразности и специфики изменений тех или иных проприальных наименований, выявления причин номинации единиц, обозначающих индивидуально-локальные образования в региональном топонимиконе, интерпретируемом как «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [3: 339].

Проблема номинации географического названия «имеет три стороны: политическую (шире – идеологическую), которая вызывает переименование, экономическую (финансовую), которая его обеспечивает, и языковую (топонимическую), которая обуславливает вхождение,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34001 а(р) «Региональный туризм как фактор формирования дискурса и технологии перевода: номинативные и коммуникативно-прагматические конвенции текстов брендинга».

встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу» [4: 101]. Изменение топонимических названий может быть обусловлено как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими причинами.

Одним из наиболее существенных лингвистических факторов унификации является стремление уйти от диалектных черт в названии поселения. Так, поселок Дудаченский, название которого образовано от диалектизма *дудак* – «дрофа» [1: 142], в 1966 г. стал называться Нежинским.

Причиной трансформации географического наименования мог послужить скрытый пейоративный смысл старых названий, т. е. их неблагозвучие. В частности, расположенный в Калачевском районе Волгоградской области хутор Самодуровка после постройки Волго-Донского канала и образования Цимлянского водохранилища получил название Морской. Таким образом, за эмоциональной мотивированностью смены названия населенного пункта скрывается стремление изменить ассоциативные связи прежнего наименования.

В ряде случаев переименование населенного пункта вызвано стремлением преобразовать топоним в рамках типичной словообразовательной модели. Так, станица Устинская, в названии которой внутренняя форма связывается с местным географическим термином *устье* – «узкое место в реке» [1: 545], стала именоваться Усть-Бузулукская по типу других населенных пунктов региона (Усть-Грязнуха, Усть-Хоперская), где имеется указание не только на устье, но и на название реки, по берегам которой основано поселение.

Немаловажное значение при унификации топонимических названий имеют причины экстралингвистического характера.

Переименование населенного пункта может быть вызвано политическим волюнтаризмом. Так, в связи с началом первой мировой войны МВД России в 1914 г. выпустило циркуляр о ликвидации немецкоязычной топонимики, на основании чего в Поволжье населенные пункты, имеющее названия, этимологически восходящие к немецкому языку, получают другое наименование: *колония Розенберг* – *село Умет*, *Унтердорф* – *Веселовка*, *Эрленбах* – *Ременниково*, *Обердорф* – *Куцово*.

Наименование населенного пункта может быть подвергнуто унификации в связи с какими-либо историческими и памятным событиями, значимыми для жизни общества либо государства. Так, ряд ойконимических названий в топонимиконе Волгоградской области связан с событиями 1917 года и дальнейшим становлением коммунистического строя, в результате чего в коммуникативном пространстве региона появляются идеологически окрашенные наименования. В частности, основанный при железнодорожной станции Жутово в 1897 г. поселок Новоалексеевский в 1957 г. стал именоваться поселок Октябрьский.

Трансформация географического названия может быть детерминирована стремлением увековечить память об исторических личностях, внесших определенный вклад в историю или культуру страны или региона. Так, в 1919 г. село Пришиб было переименовано в честь вождя пролетариата в город Ленинск и в такой форме употребляется в настоящее время. Казачья станица Усть-Медведицкая в 1933 г. была преобразована в город Серафимович по имени уроженца этого населенного пункта – советского писателя А.С. Серафимовича, однако неоднозначность данного переименования и трансформация общественно-политического строя, сопровождаемая сменой настроения социума, приводят к одновременной фиксации в текстах современных газет двух названий географического объекта: *Творческую группу уже ждали в Усть-Медведицкой (Серафимовиче). Усть-медведицы не могут простить земляку, что при жизни он воздвиг «памятник» самому себе, отняв историческое имя у родной станицы* (Волгоградская правда, 01.10.1998).

Появление нового названия населенного пункта может быть связано со спецификой территории, обычаями и различными поверьями, бытующими среди местного населения. В частности, расположенная в Дубовском районе Волгоградской области станица Суводская, основанная после Пугачевского восстания в 1783 г. волжскими казаками, вначале называлась Александровская, однако, учитывая характерные особенности ландшафта и протекающей рядом реки, сначала в устной речи, а затем и официально название поселения было изменено

на Суводское, образованное от *суводь* – «круговорот, пучина, водоверть, водоворот, водокрут, заверть» [2: 613].

Трансформация названия населенного пункта может быть связана с намерением отразить в ойкониме особенности хозяйствования местных жителей, характер производства. Так, основанная в 1699 г. слобода Успенская к середине XVIII в. стала называться Рудней, поскольку недалеко от поселения был открыт завод «сыродутой» руды.

Таким образом, переименование названий населенных пунктов может быть обусловлено факторами различного порядка при ведущей роли экстралингвистических признаков. При трансформации ойконимов необходимо принимать во внимание и такие критерии языкового порядка, как уникальность, информативность, историчность, эстетичность, приспособленность к фонетике и морфологии языка.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 912 с.
3. Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 408 с.
4. Матвеев А.К. Тенденции и практики в современной российской урбонимии // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 100-105.

С.В. Королевская
(г. Брянск, Россия)

ИСТОРИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Издревле большую роль в изображении духовной культуры народа играла одежда. Она, с одной стороны, демонстрирует нам материальные ценности, созданные человеческим трудом и удовлетворяющие необходимые потребности, а с другой – это произведения декоративно прикладного искусства, эстетически преобразующие внешний вид человека.

Головной убор, как вид одежды, имел особую ценность. Обычай покрывать голову женщины платком живет с языческих времён. Распущенные волосы и открытые причёски позволялось носить только женщинам до брака, а замужним женщинам полагалось прикрывать их головными уборами.

С древних времен существовал общий для всех славянских народов обычай, по которому девичий головной убор строго отличался от головного убора замужней женщины. Отсюда получили развитие специфические формы головных уборов: у женщин – прячущие волосы, у девушек – оставляющие их открытыми.

В данном исследовании рассматривается история наименований головных уборов XIX века на основе монографии Павла Савваитова «Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенном» 1896 г., данных «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера. Целью исследования является разработка типологии номинаций с точки зрения формы обработки, места ношения, функций и с точки зрения целостности и частичности изделий.

В книге Павла Савваитова представлен широкий спектр наименований головных уборов как женских, так и мужских. Наиболее обширную группу наименований занимают женские головные уборы и головные уборы представителей высшего сословия. Отдельную группу составляют части головных уборов, среди которых выделяются украшения, подвески.

Головной убор *кокошник* – ‘женский головной убор, состоящий из очелья и тульи, расширенной кверху и закрывающий волосы’ [3: 59]. Очелье кокошника вышивалось золотом, серебром, разноцветными нитками и шелками. Данное словарное толкование позволяет определить, что с точки зрения формы обработки головной убор состоит из очелья и тульи, расширенной кверху. Обозначено, что очелье кокошника вышивалось золотом, серебром, нитками. Головной убор исключительно предназначен для ношения на голове, поскольку с точки зрения целостности и частичности изделия представляет собой цельный предмет. Функция кокошника заключалась в том, что этот головной убор чаще всего носили замужние женщины, поскольку он полностью закрывал голову. Славяне строго соблюдали этот обычай и ношение подобных головных уборов являлось своего рода показателем семейного статуса девушки или женщины.

Всё эти типологические признаки отражаются у В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» [2: 135].

«Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера [5: 284] указывает, что представленная номинация *кокошник* является собственно русским названием и с точки зрения формы обработки имеет сходство с гребнем на голове птицы, поэтому название *кокошник* производное от *кокошь* «курица», «петух». Обозначение места ношения и функции совпадают с вышепредставленной типологией.

В монографии Павла Савваитова *диадема* ‘диадемы были шитые и низанные, т.е. с вышитыми и низанными украшениями’ [3: 31]. С точки зрения формы обработки данное изделие не является головным убором и представляет собой шитое изделие, покрытое украшением. Диадема составляет отдельную часть головного убора, т.е. по форме является частичной.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля широко представлено энциклопедическое и лингвистическое толкование, позволяющее составить полную типологию номинации. *Диадема* – ‘ж. греч, головное украшение в роде повязки, короны, венца, половинчатого начельника’ [1: 439]. С точки зрения формы обработки диадема похожа на повязку, корону, венец и половинчатый начельник. Место ношения – на головном уборе. Функция диадемы – украшать головной убор. С точки зрения целостности и частичности диадема отдельная часть.

Макс Фасмер считает, что номинация *диадема* восходит к периоду древнерусского языка в произношении *dyadema* и, возможно, заимствовано из западноевропейского языка [4: 512].

Выявление типологии номинаций головных уборов позволяет нам лучше понять не только привычки своих предков, но и лингвистический характер их номинаций. В представленном исследовании рассмотрено лишь несколько наименований головных уборов, специфика их изделий как целостных или частичных, виды украшений и функции, выполняемые ими. Несомненно, что в дальнейшем тему можно расширить за счёт включения в лингвистическую характеристику других параметров.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Т.1. – М.: Рус. яз. – Медиа,2006. – 683 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Т.2. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа,2006. – 779 с.
3. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенном – Спб.: Типография Императорской академии наук,1896. –184 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т.1./ М. Фасмер. – М.: Прогресс,1986. – 576 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т.2./ М. Фасмер. – М.: Прогресс,1986. – 672 с.
6. Марина Ушакова. История головного убора / LiveInternet.[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/5679659/post371055603/> (дата обращения: 16.11.2017).

И.М. Кураксина
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Развитие языка имеет близкую связь с историей развития общества, той общественной ситуацией, где используется язык, и разнообразными социальными функциями, которые он выполняет. Языковые изменения происходят постоянно, притом скорость этих изменений в различные эпохи неодинакова. Разные стороны языка развиваются неравномерно. Это зависит от определенных исторических условий существования конкретного языка, а не от того, что, например, фонетика подвергается изменениям быстрее, чем грамматика, или наоборот.

Отдельные языковые ярусы (уровни): фонетический, лексический, морфологический, синтаксический – характеризуются различной степенью постоянства. Например, изменения в фонологической системе более интенсивны в древний период и в период становления языка народности; многие фонетические процессы в языках индоевропейской семьи были вызваны заменой ударения. Между тем в современных языках фонетические изменения почти не отмечены.

В то же время лексика – наиболее подвижный ярус, тесно связанный с жизнью общества, поэтому изменения в ней происходят постоянно: старые слова отходят на второй план, появляются новые лексические единицы или новые значения уже существующих, из других языков заимствуются слова, выражающие новые понятия [2: 466]. Причём учёные отмечают, что прирост слов всегда превышает их убыль.

Многие лингвисты и лингвистические школы называли факт смешения или скрещивания языков одним из главных факторов их исторического развития, наравне с лексическими заимствованиями. Множество голландских слов было заимствовано русским языком, но их специфика довольно узкая – в основном только морская и кораблестроительная терминология, например: *боцман, буксир, адмирал, верфь, гавань, галс, док, дрейфовать, камбуз, катер, каюта*. Также многие арабизмы вошли в русский язык: *алкоголь, алхимия, кофе, лак, матрац, маскарад, эликсир*.

Распад Советского Союза, активизация деловых, научных, торговых, культурных связей, расцвет зарубежного туризма, все это вызвало интенсификацию общения с носителями иностранных языков [1: 48]. Из этого следует, что сперва в профессиональной области, а затем и в остальных областях, появились термины, которые относятся к компьютерным технологиям, например, *дисплей, файл, интерфейс, принтер*. Также были заимствованы обозначения новых видов спорта, например, *виндсёрфинг, скейтборд, армрестлинг*. В менее узких областях деятельности человека появились такие слова как *имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу*. Большинство данных слов целиком ассимилировались в языке.

В современном русском языке заимствованные слова в большинстве случаев появляются в сферах политики, экономики и в массовой культуре. Относительно недавно заимствованная лексика может обозначать реалии, ранее отсутствовавшие в российской действительности (*брокер, дилер, холдинг, супермаркет, банкомат, импичмент, шоумен*), реалии, ранее имевшие название в русском языке, но изменившиеся в новых условиях, что привело к их переименованию иностранными словами («менеджмент» вместо «управление», «маркетинг» вместо «планирование спроса и совета», «спикер» – вместо «руководитель палаты парламента») и лексика, обозначающая реалии, не изменившиеся в российской действительности, но имевшие в русском языке сложные составные наименования («шоппинг» – хождение по магазинам за покупками; «секонд хенд» – магазин подержанной одежды).

В современных периодических изданиях можно найти массу примеров употребления неологизмов. Обычно неологизмы выполняют функцию усиления информативности, т.е. большая часть заимствованных слов употребляется в сферах, в которых ещё не существует определённых терминов и обозначений для новых явлений. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

Он отметил, что "биткоины - это не денежные знаки РФ, не рубли, доверия к ним никакого". По словам Силуанов, биткоины сравнивают с пирамидой МММ [3].

В учреждениях республики, где образуются большие очереди, нужно нанять менеджеров, которые помогут решить эту проблему [4].

Министр культуры, по словам спикера, тоже имеет право на свою позицию [5].

Американский миллиардер Том Стайер открыл сайт "Необходимо объявить импичмент", на котором начал собирать подписи под петицией с требованием отстранения президента США Дональда Трампа от власти [6].

Напомним, что ранее глава думского комитета по финансовым рынкам Анатолий Аксаков выдвинул идею вычислять майнеров (тех, кто занимается майнингом) по повышенному потреблению электричества [7].

Средства языка подвергаются изменениям и развиваются в процессе речевой практики. Именно в процессе речи носителей языка изменяется произносительная норма, возникают новые словоизменительные формы и отмирают старые, образуются новые слова и перестают употребляться старые. Новое слово, новая модель словосочетания становятся признанными фактами языка и языковой нормы лишь в результате регулярного употребления в речи большинства говорящих и, что особенно важно, в произведениях писателей.

Речь писателей, как правило, является наиболее уважаемым источником развития языка и неоспоримым критерием правильности употребления различных слов, их форм, синтаксических конструкций. Толковые и другие словари содержат большое количество цитат, текстовых примеров, взятых из произведений художественной литературы и отражающих различные варианты использования языкового факта.

Однако необходимо отметить, что речевая деятельность, регулярно образующая неологизмы, нуждается в строгих рамках языковой нормы, регулирующей внедрение в систему языка всего, что не обогащает язык, а, наоборот, засоряет его и негативно влияет на его систему.

Литература

1. Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. – Пермь. 2002 – С. 48
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 466.
3. Силуанов: криптовалюта не заменит рубль в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/economics/2017/10/29/siluanov-kriptovalyuta-ne-zamenit-rubl-v-rossii.html>
4. В Крыму наймут менеджеров для ликвидации очередей [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea.mk.ru/articles/2017/10/16/v-krymu-naymut-menedzherov-dlya-likvidacii-ocheredey.html>
5. Спикер Госдумы Володин: «Поклонская имеет право на свою позицию» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/culture/2017/09/13/spiker-gosdumy-volodin-poklonskaya-imeet-pravo-na-svoyu-poziciyu.html>
6. Американский миллиардер начал сбор подписей за импичмент Трампу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/10/20/amerikanskiy-milliarder-nachal-sbor-podpisey-za-impichment-trampu.html>
7. Путин поручил обложить налогом добычу криптовалюты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/10/24/putin-poruchil-oblozhit-nalogom-dobychu-kriptovalyuty.html>

О.А. Липовая
(г. Таганрог, Россия)

СТРУКТУРНАЯ И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО КАК КОМПОНЕНТА ТЕКСТА

Диалектический подход к рассмотрению языкового явления, как и любого другого феномена общественной жизни, предполагает системное изучение всей совокупности внутренних и внешних связей, условий и факторов, ее характеризующих. Как известно, специфика системного подхода определяется тем, что он «ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» [6: 172]. Таким образом, любой объект может и должен рассматриваться как система, как совокупность взаимодействующих, взаимосвязанных, взаимообуславливающих и влияющих друг на друга частей.

Одним из существенных признаков такой единицы, как ССЦ, является системность ее организации, что требует проникновения в ее структуру, выявления способов внутренней связи всех ее структурных уровней. С этой точки зрения первостепенное значение, по мнению ряда исследователей, приобретает определение самих понятий система и структура, которые применительно к языку довольно часто истолковываются неоднозначно, а иногда и вообще не разграничиваются.

Четкое разграничение представления о системе и структуре получили в концепции П.В. Чеснокова. Ученый считает, что понятие система «...выступает как синтетическое, поскольку отражает синтез (объединение) частей в рамках целого, а понятие «структура» – как аналитическое, ибо вскрывает расчлененность целого на части, то есть отражает целое аналитическим способом». «Структура, – пишет автор, – есть расчлененность целостного объекта на составляющие компоненты и их взаимосвязь, внутренняя организация объекта, рассматриваемого со стороны его целостности» [12: 9-10]. В логике система понимается как «совокупность, объединение взаимосвязанных и расположенных в соответствующем определенном порядке элементов (частей) какого-то целостного образования...» [5: 545]. Лингвистические источники дают следующие дефиниции системы: «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [2: 452]; «внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями» [1: 412]; «известная иерархическая упорядоченность элементов в их существенных признаках и взаимных связях» [4: 100]. Лев Гумилев считает, что связи и отношения важнее самих элементов системы. На вопрос, что такое система, исследователь отвечает: «Система – это группа элементов, где важны не сами элементы, а их связи между собой» [3: 195].

Итак, необходимость дифференциация понятий структуры и системы в исследовании системной организации языковых единиц совершенно очевидна. Структура – это порядок оформления элементов в системе, характер связи между ее элементами, а система – это целое, образуемое группой элементов, находящихся в отношениях и связях между собой.

В последнее время, как известно, особое внимание уделяется прагматической обусловленности смысловой взаимосвязи компонентов системы, так как внимание лингвистов уже давно привлекает «человеческий фактор» в языке [11: 221]. «Прагматика, – пишет О.С. Ахманова, – один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком» [1: 344]. Подчеркивая системность восприятия мира человеком, Е.С. Кубрякова отмечает: «...все внешние события, объекты, явления и т.п. воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, т.е. в их связях» [7: 137]. ССЦ является компонентом

системы более крупной синтаксической единицы – текста, который в свою очередь порожден человеком (языковой личностью) и адресован человеку. Как компонент системы ССЦ само обладает системной организацией составляющих его частей. Взгляд на ССЦ как на систему отражен в работах профессора В.В. Миргородской, исследовавшей содержание отношений в системе ССЦ [9], [10]. Профессор В.В. Миргородская, на наш взгляд, наиболее полно и аргументированно обосновала системность ССЦ как синтаксической единицы в единстве его структурной организации и семантических отношений [9], [10].

Исследователь О.А. Щербань, полагаясь на теоретические взгляды профессора В.В. Миргородской, описала содержание изъяснительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого. Автор полагает, что значение изъяснения отражает речевые модели говорящего лица и является основным способом познания мира [13]. Именно поэтому, по мнению О.А. Щербань, сложные синтаксические целые с изъяснительными отношениями между компонентами (ССЦ) заслуживают особого внимания с точки зрения организации и порождения фрагментов речи в границах целого речевого высказывания [13]. Исследователь О.А. Щербань считает, что ССЦ с изъяснительными отношениями представляют собой двукомпонентные структурно-семантические единства, включающиеся в общую целостную систему единиц с одноименными отношениями (СПП, БСП, парцелированные конструкции) [13]. Но в то же время, как отмечает автор, подкласс изъяснительных ССЦ имеет собственную внутреннюю организацию. А это позволяет вычленивть ССЦ, которые различаются тремя видами изъяснительных отношений: собственно-изъяснительными, изъяснительно-пояснительными и синкретичными отношениями между компонентами [13]. Единство и целостность системы рассматриваемых ССЦ, как отмечает О.А. Липовая, позволяет говорить о них как об особых синтаксических единицах, в которых системообразующие отношения изъяснения развиваются между изъясняемым и изъясняющим компонентами, что придает им лексико-грамматический статус и соответствующее ему пунктуационное оформление в тексте [8].

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
2. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. 1981. № 4. – С. 333-342.
3. Гумилев Л.Н. Миф и реальность этносферы // Дружба народов. – 1989. № 11. – С. 28-33.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Под ред. Д.П. Горского. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
6. Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; Под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. № 4. – С. 34-47.
8. Липовая О.А. Изъяснение в системе сложного синтаксического целого. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск: ООО «Капитал», 2016. – С. 174-179. [Электронный ресурс]. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2016/11/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-1-tom-5.pdf>
9. Миргородская В.В. Содержание условно-следственных отношений в системе сложного синтаксического целого // Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект. Мат-лы межвуз. науч. конференции. Ч.1. Р.н/Д., 2002. – С. 70-74.
10. Миргородская В.В. О содержании и средствах выражения уступительных отношений в системе сложного синтаксического целого // Филологические науки. – 2003. №3. – С. 49-55.
11. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» // Вопросы языкознания. – 2001. № 4. – С. 23-44.
12. Чесноков П.В. Логическая основа сверхфразового единства и взаимодействие в нем лексики и грамматики // Лексико-грамматические взаимодействия в системе синтаксических единиц. Р.н/Д., 1991. – С. 3-16.
13. Щербань О.А. Содержание изъяснительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004.– 171 с.

R. Lühr
(Berlin, Deutschland)

ZUR REKONSTRUKTION DER INDOGERMANISCHEN SYNTAX

Die onomasiologische Sicht auf sprachliche Daten ermöglicht einen erfolgversprechenden Weg für die syntaktische Rekonstruktion: Eine onomasiologische Fragestellung bringt in der Syntax eine Reihe von Varianten zu Tage; von diesen kann die am häufigsten belegte das syntaktische Standardmuster einer Konstruktion darstellen. Dieses ist dann von seinen Konkurrenten abzugrenzen. Auch werden durch eine onomasiologische Betrachtungsweise Phänomene, die in den Grammatiken meist an verschiedenen Stellen abgehandelt werden, z.B. Subjektsätze unter den Relativsätzen, finale Infinitive unter den Infinitivkonstruktionen, in einen unmittelbaren Zusammenhang gebracht. In mehreren indogermanischen Sprachen bezeugte Entsprechungen unter den häufigsten syntaktischen Mustern, also Oberflächenformen mit einer konsistenten Funktion oder Distribution, sogenannten Standardmustern, lassen dabei auf indogermanisches Alter schließen. Fragen, die sich auf diese Weise beantworten lassen, betreffen den Ausdruck von Definitheit, Ortsruhe und Ortsrichtung und Inhalt in den ältesten indogermanischen Sprachen.

1. Der Ausdruck von Definitheit

Der Ausdruck der Definitheit ist besonders in Sprachen, die keinen bestimmten Artikel wie das Deutsche besitzen, von Interesse. Betrachtet man Nominalphrasen mit einem Genitiv als Attribut in den ältesten artikellosen altindogermanischen Sprachen, so zeigt sich, dass bei denjenigen Arten von Genitivattribut, die im Deutschen mit einem Possessivartikel oder einer Ersatzform austauschbar sind, der Genitiv vor dem Bezugswort erscheint. Beschränkt man sich auf das Hethitische, so gilt dies für den Genitivus possessivus, im Althethitischen meist mit zusätzlichem klitischem Possessivadjektiv am Bezugswort versehen, für den Genitivus pertinentiae, für den Genitivus subiectivus und obiectivus. Der Ersatz durch einen Possessivartikel oder eine Ersatzform im Deutschen zeigt, dass es sich tatsächlich um definite Nominalphrasen handelt. Der Besitz kann alienabel oder inalienabel sein: ‚sein Blut‘, ‚ihre Füße‘, ‚ihr Fleisch‘, ‚sein König‘, ‚dessen Speicher‘, ‚seine Eroberung‘. Es handelt sich um funktionale und relationale Konzepte, also sogenannte semantische Definita, die ohne Kontext eindeutig sind. Dagegen erhält ein Wort wie *Speicher* seine Eindeutigkeit erst durch Referenz auf ein anderes Wort, z.B. durch *Getreide*. Auch dadurch entsteht ein semantisches Definitum. Demgegenüber ist der Genitiv der Menge, des Stoffes, des Inhalts zumeist nachgestellt. D.h., die Nachstellung hat ebenso wie die Voranstellung eine bestimmte inhaltliche Funktion. Sie drückt aus, dass der Definitätswert unbestimmt ist. Unbestimmt ist der Definitätswert auch bei einem Indefinitpronomen als Possessor. In der Tat steht im Hethitischen genitivisches *kuelqa* ‚jemandes‘ stets nach. Onomasiologisch gesehen wird somit das Konzept Definitheit im Hethitischen durch Voranstellung des Genitivs vor seinem Bezugswort bezeichnet, während Indefinitheit durch Nachstellung signalisiert wird.

2. Der Ausdruck von Ortsruhe und Ortsrichtung

Beim Ausdruck der Ortsruhe und Ortsrichtung kommen in den ältesten indogermanischen Sprachen Varianten vor. Die Ortsruhe kann bei stativischen Verben sowohl mit Lokativ, Dativ, Präposition + Dativ, Ablativ als auch mit dem Akkusativ oder einer präpositionalen Fügung mit Akkusativ bezeichnet werden. Für die Frage, warum die ältesten indogermanischen Sprachen auch die Verbindung eines statischen Verbs mit einem dynamischen Relator und umgekehrt die Verbindung eines dynamischen Verbs mit einem statischen Relator zulassen

(3)(a) <V_{-dyn}, rel_{+dyn}>

(3)(b) <V_{+dyn}, rel_{-dyn}>

ist TALMYs kognitives Semantikkonzept hilfreich. Nach TALMY treten in einem Bewegungsereignis folgende semantische Komponenten auf:

1) MOTION → BEWEGUNG (die Tatsache der Bewegung)

2) FIGURE → FIGUR (das sich bewegende Objekt)

- 3) GROUND → GRUND (der Hintergrund, vor dem eine Bewegung stattfindet)
  - 4) PATH → WEG (die Richtung bzw. der Weg, den die Figur auf einem Hintergrund nimmt)
- In einem Co-Ereignis können zwei weitere Komponenten hinzukommen:
- 5) MANNER → ART UND WEISE (die Art und Weise der Bewegung)
  - 6) CAUSE → URSACHE (die Ursache bzw. der Verursacher der Bewegung)

Während auf jeden Fall WEG/ PATH (und eventuell GRUND) zum Kern des Bewegungsereignisses gehören, ist die Komponente ART UND WEISE/MANNER nicht in allen Sprachen lexikalisiert (TALMY). Wichtig ist nun, dass BEWEGUNG immer im Verb realisiert, aber WEG entweder im Verb oder außerhalb des Verbs denotiert wird. Man unterscheidet so *verb-framed*- und *satellite-framed*-Sprachen. Die konzeptuelle Struktur eines Ereignisses beinhaltet nach TALMY aber auch einen AKTIVIERUNGSPROZESS. Dieser ist *per definitionem* im Verb lexikalisiert. Die These ist nun, dass es in den ältesten indogermanischen Sprachen eine Skala gibt, die von der Kodierung des bloßen AKTIVIERUNGSPROZESSES zu expliziten MANNER-Bezeichnungen reicht. Deskriptiv verhält es sich so, dass bei einem Verb, in dem die PATH- und MANNER-Komponente vereint ist, in einem Frühstadium die MANNER-Komponente überwiegt. Das Verb hat in diesem Stadium keine Rektionsanforderung an das spatiale Element im Satelliten. Mit der Zeit fand eine Verlagerung auf die PATH-Komponente statt, wodurch diese Komponente gestärkt wurde. Dies hatte zur Folge, dass allmählich ein dynamisches Verb mit einer Richtungsbestimmung kombiniert wurde und ein statisches Verb mit einer Ortsruhebestimmung. Die Ausbildung von identischen spatialen Relationen führte dann zur entsprechenden Rektion und damit zur Valenz des Verbs. Dabei wird die Phrasengrenze der Verbalphrase geöffnet. Für die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax ergibt sich somit, dass dieser Sprachzustand bei Ortsruhe- und Richtungsbestimmungen offenbar noch nicht erreicht war und noch Varianten für die Bezeichnung der Konzepte Ortsruhe und Ortsrichtung existierten.

3. Der Ausdruck von Inhalt

Im Deutschen mit Konjunktion *dass* eingeleitete Subjekt- und Objektsätze werden auch Inhaltssätze genannt, weil sie den Inhalt dessen angeben, was man denkt, sagt, beobachtet, fragt, wünscht. Sprachen, die kaum *dass*-Sätze in Komplementfunktion haben, sind unter den altindogermanischen Sprachen u.a. die altindoiranischen Sprachen. Dafür finden sich die sogenannten Explikativsätze. Diese werden mit der Konjunktion *yád* eingeleitet und fungieren als „Inhalt eines Begriffes des Hauptsatzes“ (DELBRÜCK). Formal ist *yád* mit dem Akkusativ Singular Neutrum des Relativpronomens identisch. In Explikativsätzen ist *yád* aber Relativpartikel. Entscheidend für diese Uminterpretation sind vorausgehende Nullobjekte, mit denen der *yád*-Satz korreliert. Dass dieser in Explikativsätzen nachweisbare syntaktische Wandel aus der Grundsprache stammt, zeigt außer dem Indoiranischen das Hethitische, Griechische und Lateinische. Varianten zu Explikativsätzen sind im Indoiranischen AcI-Konstruktionen bei Verben des Wollens, *Accusativus-cum-participio*-Konstruktionen, Konstruktionen mit prädikativen Adjektiven bei Verben des Sehens, Hörens, Denkens, Sagens, aber vor allem Hauptsätze mit der Quotativpartikel ai. *íti*, av. *u'ti*. Diese Partikel ist dabei ein sehr vielseitiges „Einbettungsinstrument“. Es ist kein Subordinator, da auch selbständige Texte mit Haupt- und Nebensätzen in den Skopus der Quotativpartikel gehören können. Diese komfortablen Konstruktionen dürften der Grund dafür gewesen sein, dass im Altindoiranischen beim Ausdruck des Konzepts Inhalt die Häufigkeit der Belege für Varianten dazu in der Minderzahl blieben.

Fazit

Von den unter einem onomasilogischen Ansatz behandelten Syntagmen ist somit im Hethitischen die Voranstellung derjenigen Arten des Genitivattributs, die die im Deutschen mit einem Possessivartikel oder einer Ersatzform austauschbar sind, ein Standardmuster. Das Konzept ist Definitheit. Bei den Konzepten Ortsruhe und Ortsrichtung sind in den ältesten indogermanischen Sprachen noch Varianten nachweisbar. Ebenso hat das Konzept Inhalt Ausdrucksvarianten, wobei aber Konstruktionen mit Quotativpartikeln im Indoiranischen vorherrschen.

References

1. Lühr R. Prägnante Konstruktionen‘ in den klassischen Sprachen, in: Die Sprachen Altitaliens. Inschriften, Texte, Grammatik. In memoriam Helmut Rix (1926–2004.), hg. von G. Rocca (Alessandria. Rivista di glottologia 5), 2011. – S. 185-198.
2. Lühr R. Substantiv – Adjektiv – Pronomen als lexikalische und funktionale Köpfe, in: Das Nomen im Indogermanischen. Morphologie, Substantiv versus Adjektiv, Kollektivum. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 14. bis 16 September 2011 in Erlangen, hg. von N. Oettinger u. Th. Steer, Wiesbaden.2014. – S. 180-194.
3. Lühr R. Komplementsätze im Indoiranischen, in: Historische Sprachforschung 125, 2014. – S. 227-241.

А.Ю. Мацегорова
(г. Таганрог, Россия)

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ИДИОСТИЛЕ В. ТОКАРЕВОЙ

Функционирование имен числительных в текстах произведений В. Токаревой характеризуется рядом особенностей.

Актуализация определенно-количественных и определенно-порядковых имен числительных в произведениях В. Токаревой может осуществляться без семантических и стилистических приращений: *У меня ваш сменищик Кузьяев. Я вчера пошел, договорился в девяносто третьей квартире стиральную машину напрямую к трубе подвести* (Не сотвори).

Актуализация касается системных неопределенно-количественных значений: *Молодость беспечна. В молодости кажется, что все навалом. Будет еще тысяча чудес света и миллион мгновений. Зачем их останавливать* (Лошади с крыльями).

В текстах произведений В. Токаревой имена числительные подвергаются лексико-семантическому варьированию – развивают в процессе семантической аналогии вторичные не закрепленные в словарях неопределенно-количественные и неопределенно-порядковые значения. Формирование неопределенных чисто речевых значений числительных определяется парадигматическим фактором – принадлежность порядковых числительных к одной лексико-семантической группе на ономастном уровне создает возможность формирования у любого другого числительного неопределенно-количественного значения в процессе семантической аналогии. Будучи не закрепленными в системе языка, такие значения придают художественному тексту выразительность: *Почему надо было выехать в Италию, чтобы увидеть, где она живет? Почему всем ясно, а ей нет? Сорок тысяч «почему»* (Сентиментальное путешествие).

Числительное **один** подвергается семному варьированию, при этом происходит актуализация семы основного количественного значения «наименьшее количество»: *Вы в своей жизни хоть один день работали?.. Вы заработали хотя бы один рубль?.. А вы сделали счастливым хотя бы одного постороннего человека...* (Просто свободный вечер).

Противопоставляются числительные **один-два**: *Трезво понимал, что устал жить в двух жизнях. Семья без эмоций. И эмоции вне семьи. Две жизни – это ни одной* (Антон, надень ботинки!).

Любовная тематика произведений обуславливает соответствующее использование имен числительных **один, два, двое** для обозначения влюбленных, мужчины и женщины: *Он извинился за то, что не пристаёт к ней, не использует таких исключительных условий: двое в купе, в ночи* (Инфузория-туфелька).

Имена числительные в произведениях В. Токаревой могут выступать в качестве семантически емкого компонента [3: 14], отсылая к экстралингвистическим и лингвистическим знаниям, участвуя в выражении скрытого пресуппозиционного и/или коммуникативного смысла. Например, исторические знания читателей, актуальные для понимания смысла высказывания: *В тридцать седьмом меня посадили, – сказал*

Руководитель (Инфузория-туфелька); *Эксплуатация человека человеком отменена в семнадцатом году. Прошу все бросить и сесть за стол* (Инфузория-туфелька).

Эстетическое функционирование имен числительных связано с их использованием в тропах и приемах речи. Риторический вопрос как скрытое отрицание: *О том, чтобы бросить и уйти к другой, не могло быть и речи. Кто бросает женщину в пятьдесят лет?* [1: 58]; метафора: *Мара вернула Сашу в точку аварии. Устранила поломку в мозгу. И жизнь встала на четыре колеса* (Первая попытка) [2: 53].

Имена числительные в текстах произведений В. Токаревой участвуют в реализации собственно эстетической функции. Характеристика психологического состояния героя дается с участием имени числительного: *Через неделю Саша вошел в раскрытый лифт. Там стояла Мара. Если бы знал, что она внутри, пошел бы пешком на шестнадцатый этаж. Поднимались вместе и молча* (Первая попытка). Подняться на шестнадцатый этаж пешком трудно, но легче, чем подниматься в лифте «вместе и молча».

Имена числительные, повторяясь, могут служить средством актуализации той или иной темы. Так, тема одиночества героя рассказа «Кошка на дороге» актуализируется повтором имени числительного *два*.

В художественных текстах В. Токаревой имена числительные участвуют в реализации эстетической языковой функции, употребляясь в собственно языковых количественных значениях, окказиональных значениях, аналогичных соответствующим собственно языковым, подвергаясь семному варьированию и выступая в качестве семантически емкого компонента. Эстетическое функционирование имен числительных в художественных текстах связано с использованием их в тропах и приемах речи, в качестве средств реализации авторского замысла.

Литература

1. Ким Н.М., Нарушевич А.Г. Утверждение и отрицание в высказываниях с именами числительным // Первые Щеулинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 года) // Часть 1.– С. 58-64.
2. Ким Н.М. Экспрессивная оценка определенного количества в художественном тексте // Язык и культура: сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции // Под общей редакцией С. С. Чернова. – Н.: ЦРНС, 2017.– С.53-58.
3. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой. Р.н/Д.: Ростовский ун-т, 1992. – 152 с.

М.С. Мерлан

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *TIME* В ПОЭЗИИ У. Х. ОДЕНА

Метафора имеет длительную и богатую историю изучения. Начиная с античности, феномен метафоры привлекает внимание философов, поэтов и ученых. Каждое ответвление лингвистической науки предлагает свою трактовку понятия метафоры, а антропоцентрическая парадигма, являющаяся ключевой в современных языковых исследованиях, рассматривает метафору как одно из ключевых понятий в исследовании концептуальных систем.

С середины 20 века метафора начинает восприниматься как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях [5]. В когнитивной лингвистике понятие метафоры не ограничивается исследованием ее традиционной роли в языке художественной литературы. Метафора рассматривается как основное средство

концептуальной системы, с помощью которой мы понимаем и воспринимаем один тип объектов с помощью терминов объектов иного типа, таким образом, согласно когнитивной теории, процесс метафоризации – не просто лингвистическое явление, происходящее на поверхностном уровне языка, но берущее начало в глубинах человеческого мышления. Н. Д. Арутюнова отмечала, что «без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [1: 9]. Благодаря возросшему интересу к изучению концептуальной метафоры, в современном языкознании представлено множество процедур концептуального анализа [3].

В условиях глобализации изучение поэзии, как неподвластной данному феномену области, обеспечивает сохранность лингвокультурных концептов языкового сообщества, к которому относится поэт, а также сохранение идиостиля автора. У.Х. Оден, писавший в жанре интеллектуальной лирики, обращался к разным аспектам жизни общества, виртуозно отображая реалии человеческой жизни, собственные мысли и ощущения. В концептосфере поэзии Одена концепт TIME является одним из ключевых. Стоит отметить, что многие поэты изображали время живым существом, мыслящим, движущимся, беспристрастным и беспощадным. В творчестве В. Х. Одена этот концепт представлен концептуальной метафорой TIME IS A LIVING BEING, которая занимает весьма значимое место и наиболее частотно актуализируется метафорой-персонификацией, изображающей время как злодея, враждебно настроенную к человеку сущность:

*“O, let no Time deceive you,
You cannot conquer Time...
... Time watches from the shadows
And coughs when you would kiss;
... And Time shall have his fancy
To-morrow or to-day;
... Time breaks the threaded dances
And the diver’s brilliant bow”*. [8: 85];
*“...Time and fevers burn away
Individual beauty from
Thoughtful children
And the grave
Proves the child ephemeral”* [8: 50];

В творчестве Одена представлена также концептуальная метафора TIME IS LIFE, что демонстрирует пример: *The crime of life is not time* [8: 191].

Метафора TIME IS SPACE является довольно популярной не только в повседневной жизни, но и в поэтическом тексте. Довольно часто в человеческом сознании время и пространство тесно связаны. В произведениях В. Х. Одена это проявляется с помощью концептуальной метафоры TIME IS SPACE, актуализирующейся в следующих строках: *“For our time has no favourite suburb”* [8: 48].

Отрывок является примером актуализации концептуальной метафоры TIME IS A SUBSTANCE, в данном случае TIME IS A RIVER:

*“And the poor in their fireless lodgings, dropping the sheets
Of the evening paper: “Our day is our loss, O show us
History the operator, the
Organizer, Time the refreshing river.”* [8: 52],

Метафора TIME IS ENIGMA, представленная в следующем примере, является сугубо авторской и выражает таинственность и непредсказуемость данного абстрактного понятия:

*“... With the heart’s instantaneous reading of time, time that is
A warm enigma no longer in you...”* [8: 119].

Одной из самых распространенных метафор является TIME IS A MOVING OBJECT. У Одена время словно вращается, закручиваясь вокруг человека:

*“...because the actual self
Round whom time revolves so fast”* [8: 144].

Еще одной весьма распространенной метафорой является корреляция времени с живым существом, как правило, быстро движущимся животным. В поэзии У. Одена метафора TIME IS ANIMAL актуализируется следующим образом:

*“The years shall run like rabbits
”*[8: 85].

Таким образом, изучив особенности актуализации концепта TIME в поэзии У. Х. Одена, приходим к выводу, что наиболее часто, концепт TIME актуализирует концептуальная метафора TIME IS A LIVING BEING, представляющая время злонамеренной сущностью, наблюдающей за людьми из тени. Также в творчестве Одена время представлено концептуальными метафорами TIME IS LIFE, TIME IS SPACE, TIME IS RIVER, что, в целом, обусловлено общечеловеческим представлением феномена времени. Концептуальная метафора TIME IS ENIGMA является сугубо авторской и, являясь отличительной чертой идиостиля писателя, отражает его отношение ко времени, как к загадочному и неопределенному явлению.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С.5.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
3. Бессонова О.Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления: коллективная монография / под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко. – Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – С. 87 – 117.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. Ф-т МГУ им. М. Ломоносова, 1997. – 245 с.
5. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988а. – С. 26-52.
6. Новоселова А. А. Метафорическая концептуализация сознания в английском и русском языках. Дис. канд. филол. наук. Уфа, 2003. – 191 с.
7. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988. – С. 65-77.
8. Auden W.H. Selected Poems. New Edition / W.H. Auden. – [Ed. By E. Mendelson]. – New York: Vintage Books, 1979. – 317 p.

Е.Н. Михайлова, С.В. Колтунова
(г. Белгород, Россия)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕНЕССАНСНЫХ ГРАММАТИК

Антропоцентризм как основополагающий принцип современного языкознания широко представлен практически во всех его сферах, поскольку язык является неотъемлемым признаком человека и человеческого сообщества в целом. В свое время Ю.С. Степанов обратил внимание на существование в рамках лингвистики двух аспектов антропоцентризма: это наука о «языке в человеке» и наука о «человеке в языке» [3: 15]. Внимание к человеческому фактору в языке в наибольшей степени проявляется в таких разделах современного языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика. В то же время важнейшей частью современной антропоцентрической парадигмы языкознания является и история лингвистической мысли, поскольку любое описание языка создается по мерке его автора, наделенного, с одной стороны, своим

мировоззрением, обусловленным социокультурным контекстом эпохи, и, с другой стороны, своим индивидуальным видением природы описываемого языка.

В истории языкознания каждая эпоха по-своему моделировала антропоцентрический аспект лингвистического описания. Значительный интерес в этом плане представляет собой ренессансный период в истории знания о языке. С одной стороны, это был переломный этап в истории европейской лингвистической мысли, связанный с переосмыслением значимости латинского языка как единственного до того времени языка книжно-письменной культуры и осознанием ценности живых языков. С другой стороны, благодаря гуманистическому движению в это время возник неподдельный интерес к человеческой личности во всем многообразии ее проявлений. Именно в эту эпоху, прославлявшую уникальность каждого индивида, увидели свет первые грамматики живых языков и были заложены основы национальных лингвистических традиций в Западной Европе, прежде всего в романоязычных странах (Италии, Испании, Франции, Португалии). Такие стороны антропоцентризма, как «язык в человеке» и «человек в языке» по-своему отразились в текстах ранних грамматик живых языков.

Та сторона антропоцентризма, которая связана с формулой «язык в человеке», проявила себя в ренессансных грамматиках через такие признаки, как автор грамматики и ее адресат. Несмотря на то, что первый выступал как активная языковая личность, а второй как реципиент, содержание грамматик рассматриваемой эпохи отражает их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. Оба они, будучи современниками событий, выступают, по выражению Л.М. Скредлиной, своеобразными информантами, «голосами из прошлого», свидетельства которых помогают лучше понять изучаемые явления [2: 39-40].

В значительной степени характер описания языка-объекта каждой грамматики зависел от национальности ее автора. Далеко не для всех грамматистов эпохи описываемый язык был родным, большинство из них адресовали свои работы соотечественникам, желавшим овладеть основами престижного иностранного языка или языка, востребованного условиями межкультурной коммуникации своего времени. По-своему оказала влияние на характер описания языка-объекта профессиональная деятельность авторов грамматик, которая в большинстве случаев была тесно связана с языком: среди них были издатели (Ж. Тори, Р. и А. Этьены), переводчики (Л. Мерге, Л. Франчозини, С. Удэн, Х. Луна), университетские и школьные преподаватели (Дж. Пальсграв, Ж. Пилло, А. Саласар, Г. Мерье, К. Вильялон, Г. Корреас), служители Церкви (П. Бембо, П-Фр. Джамбуллари, Ж. Гарнье, Х. Вильяр, Д. Энкарнасьон). Многие авторы ранних грамматик служили воплощением идеала гуманиста – человека разносторонне одаренного, эрудированного, знатока нескольких языков, что и давало им возможность создавать непохожие друг на друга, оригинальные по замыслу и воплощению работы.

Не менее значимым аспектом, повлиявшим на характер описания языка-объекта в ренессансных грамматиках, был их адресат. Несмотря на то, что при описании любого языка (родного или иностранного) все грамматисты руководствовались постулатами греко-латинского канона, предполагавшего некую стереотипность при описании любого языка, специфика презентации материала в текстах грамматик XVI в. во многом определялась национальностью, социальным статусом и сферой профессиональных интересов адресата. Посвящения или предисловия к грамматикам (*epistres*) во многом проливают свет на общую атмосферу культурных и языковых контактов того времени.

Та сторона антропоцентризма, которая связана с формулой «человек в языке», получила яркое отражение в иллюстративной части ренессансных грамматик, т.е. в системе экземплификации. Богатый корпус примеров в грамматиках того времени свидетельствует о том, что абсолютное большинство из них сосредоточено на понятии «человек» и на тех объектах окружающей его действительности, которые имеют прямое или косвенное отношение к его жизни и деятельности. Эта особенность ренессансной лингвистической традиции находит объяснение в концепции Г. Гийома, который отмечал: «Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [1: 144].

Проведенный анализ текстов грамматик динамичной и яркой эпохи, какой предстает эпоха Возрождения, дает основание говорить о том, что при трактовке различных частей речи антропоцентричность грамматического описания реализована по-разному. В наибольшей степени она проявляет себя при описании существительных, глаголов и междометий, в меньшей степени – при описании прилагательных и наречий. Во многих примерах антропоцентричность ренессансного мировидения проявляется косвенно, в частности, через существительные, обозначающие продукты человеческой деятельности и характеризующие его как человека разумного (*homo sapiens*), способного созидать вокруг себя мир вещей (земля, воздух, вода, огонь, хлеб, дом, книга и др.). Многие примеры тесным образом связаны с идеалами эпохи Возрождения, во многих из них получило отражение общее настроение той эпохи, определявшее поступки и чувства человека.

Таким образом, анализ ренессансных грамматик показывает, что в них своеобразным образом отражены две составляющие антропоцентризма: автор грамматики и ее адресат раскрывают значение формулы «язык в человеке», а система экземплификации раскрывает значение формулы «человек в языке».

Литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
2. Скредина Л.М. К вопросу об антропоцентризме // Романское языкознание в России и за рубежом. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С.39-40.
3. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 5–16.

Ю.С. Никитина
(г. Таганрог, Россия)

СУЩНОСТЬ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ И АСПЕКТЫ ИХ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Вопрос о сути специфических фразовых глагольных единиц, иначе говоря «фразовых глаголов», по-прежнему остаётся открытым, поскольку нет единого общего мнения о том, каким именно образом следует трактовать данные языковые явления. К тому же, в связи с расширением межкультурных связей и глобализации общества, процесс межнациональной коммуникации всё больше и больше раздвигает свои границы: так как английский язык считается одним из наиболее употребляемых языков общения, а фразовые глагольные единицы считаются прерогативой именно устной коммуникации, как следствие – повышение интереса к данному языковому феномену, увеличение частоты его употребления не только при обмене мыслями и идеями, но и при изложении их в письменной форме, например, в газетных статьях или официальных деловых бумагах. На фразовые глаголы также обращают внимание и в школе, обучая учащихся наиболее распространённым и необходимым из них. Но что же следует взять за основу при объяснении сути фразовых глагольных единиц? Каким образом стоит рассматривать явление «фразовый глагол»?

Впервые термин «фразовый глагол» был использован Л. Смитом в книге «Слова и идиомы» [9]. В словарях Merriam-Webster и Cambridge Dictionary даны схожие определения фразового глагола, которые можно выразить следующим образом: фразовый глагол – это словосочетание, объединяющее глагол с предлогом или наречием (или имеющее в составе и то, и другое) и действующее как глагол, общий смысл которого отличается от комбинированных значений его отдельных компонентов [4: 8]. Л. Клэнфилд в своей статье определяет фразовую глагольную единицу как глагол, образующийся посредством двух (иногда трёх) составляющих его компонентов, глагола и наречия или глагола и предлога [5]. М. Копровски в суть языкового явления фразового глагола вкладывает такой смысл: это

сочетание слов, которое состоит из глагола в комбинации с предлогом или наречием (или, как и с тем, так и с другим), при этом значение данного сочетания отличается от значений составляющих его частей [7: 332]. Что же касается отечественных исследователей, то А.В. Кунин считает, что фразовые глагольные единицы следует трактовать как сочетания слов, компоненты которых настолько связаны друг с другом, что значение целого не выводится из совокупности значений, входящих в него частей [2: 102].

Подытоживая всё вышесказанное, мы всё же придерживаемся точки зрения И. Г. Жировой и О.П. Дмитриевой, которые полагают, что в английском языке фразовый глагол – это устойчивый оборот, который воспроизводится в речи подобно слову и который состоит из глагола и послеслога: препозиционной частицы (предлога) или адвербиальной частицы (наречия), или обеих (препозиционной и адвербиальной) частиц. К фразовым глаголам также можно отнести и глагольные идиомы [1: 101].

Следует отметить, что состав фразовых глагольных единиц может быть достаточно разнообразным и это свидетельствует о том, что фразовые глаголы зачастую имеют широкий круг значений, соответственно, могут употребляться в разных сферах жизни, как в повседневной, так и в профессиональной. Например, в академической письменной речи, где подобные языковые явления стараются избегать, однако они появляются всё чаще и чаще. В учебнике по лингвистике У. Крофта “Typology and Universals” фразовые глаголы встречаются довольно часто:

«... *Unattested synchronic states are excluded because they do not **adhere to** the sequence of changes entailed by the step-by-step process*» [6: 253].

Устойчивый оборот **adhere to** (*придерживаться*) является формальным фразовым глаголом, иначе говоря, способствует формальности данного текста. Также и более обиходные фразовые глагольные единицы могут встречаться в текстах подобного вида, хотя и не очень часто. Примерами могут служить следующие слова: **apply to** – *применяться в отношении чего-либо*, **base on** – *основываться на*, **hang together** – *соответствовать*, **turn out** – *выработаться, сложиться, сформироваться (об идее, представлении)*.

Фразовые глагольные единицы, кроме всего прочего, находят своё применение и в художественном стиле. В одном из мест романа Эмили Бронте «Грозовой перевал» в диалоге, представляющем более обыденное взаимодействие, есть короткие высказывания, где фразовые глаголы помогают создать такой тон, который не выглядел бы неуместным даже в современном романе:

«... *I got up, and walked from the room.*

... but I wouldn't turn back ...

But it was so miserable going to bed, and getting up ...

'Sit down and take your hat off, Catherine,' he answered» [3]. (**get up** - *вставать*, **turn back** - *поворачиваться*, **sit down** - *сесть*, **take off** - *снять*).

Также фразовые глаголы применяются в политической и общественной сфере. Они могут стать незаменимыми помощниками спикеров в замене неполиткорректных выражений на более нейтральные. Например, фраза "**Enter, and divest yourself of those humid garments**" вполне может быть переконструирована следующим образом - "**Come in, and take those wet clothes off**". Нередко возникают фразовые глагольные единицы, связанные с компьютеризацией (**to log on/to** – *подключиться к Интернету / зайти на сайт*, **to print out** – *распечатать*), с медицинской областью (**to come down with** – *заболеть чем-либо*, **to pass out** – *потерять сознание*), с профессиональной деятельностью бизнесменов и юристов (**to take over** – *принимать руководство*, **to get away with** – *избежать наказания*).

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что фразовые глаголы имеют вариативную структуру и широко употребляются в различных стилях, что свидетельствует об их активном развитии и перемещении из устной речи в письменную.

Литература

1. Жирова И.Г., Дмитриева О.П. К вопросу о семантике фразового глагола в английском языке// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 100-104.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для институтов и фак. иностр. яз.– 3-е изд., стереотип. /Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
3. Bronte Emili. Wuthering Heights. Chapter 24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/119-2014-04-09-Wuthering%20Heights.pdf> (дата обращения 1.11.2017)
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/phrasal-verb>
5. Clandfield Lindsay, Phrasal verbs: Introduction – article. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onestopenglish.com/skills/vocabulary/phrasal-verbs/phrasal-verbs-introduction-article/144986.article> (дата обращения 30.09.2017)
6. Croft William. Typology and Universals, Cambridge University Press, 2002 – 341с.
7. Korpowski M. Investigating the Usefulness of Lexical Phrases in Contemporary Coursebooks. ELT Journal, 59(4), 2005. С. 322-332.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/phrasal%20verb> (дата обращения 3.11. 2017)
9. Smith Logan Pearsall, Words and idioms; studies in the English language. Houghton Mifflin; First edition (1925) – 299 с.

Л.Г. Павленко
(г. Таганрог, Россия)

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ МОТИВИРОВАННОСТИ КОНВЕРТИРОВАННЫХ ОТ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Настоящая статья посвящена анализу конверсии имен существительных от английских глаголов движения (ГД) на основе семантико-когнитивного подхода к мотивированности производных слов. Одной из трудностей в этом виде транспозиции является определение направленности производности, которую мы предлагаем решать комплексно, а именно с учетом данных этимологических словарей [3] и сопоставления семантических структур производящего и производного слова, поскольку «приметой конверсии в современном английском языке оказывается создание все более усложняющимися семантических структур» [2: 33].

Исследователь в когнитивной лингвистике выступает как наблюдатель, концептуализатор и категоризатор. В когнитивной семантике семантическая единица является не только частью лексической системы, а и содержанием концепта, вызывающего у человека определенные ассоциации с этим словом. Для ГД характерны прежде всего **различные виды ходьбы: *trip*; виды ходьбы с целью прогулки: *jaunt, hike*; опосредованные перемещения по поверхности земли: *amble, canter*; прыжки: *jump*; опосредованное перемещение по воде: *cruise*; внезапные движения: *spring*.**

О мотивированности в процессе конвертации можно говорить только на синхронном уровне, поэтому из отобранных методом сплошной выборки 29 ГД, мотивирующих образование конвертированных существительных релевантно рассмотрено только 9 ГД (табл. 1). Под синхронной деривацией мы понимаем мотивацию ГД к образованию соответствующего мотивированного существительного в сравнительно небольшой отрезок времени, в пределах столетия. Данные приведены по этимологическому словарю [3].

Таблица 1. Синхронная деривация имен существительных от ГД

№	ГД	Дата появления в языке	Источник происхождения и развития мотивирующего значения	Мотивированное имя существительное	Дата появления в языке
1	Amble “move along without hurrying, lifting the two feet on one side together”	14 c. from French <i>ambler</i> “go at a steady, easy pace”, from Lat <i>ambulare</i> “To walk, to go about”	Until 1590s used only of horses	Amble “an easy walking gait (of a horse)”	1600
2	Canter – short for “Canterbury gallop, pace, trot”	18 c.	1706	Canter “an easy pace at which pilgrims ride to Caterbury”	1765
3	Cruise “sail about, either for pleasure or in war looking for enemy ships”	1650s	From Dutch <i>kruisen</i> “to cross, to sail to and fro”, from <i>cruis</i> “cross”, from Latin ‘ <i>crux</i> ’	Cruise “a sea voyage”	1706
4	Jaunt “to make a short journey for pleasure”	1560s “to tire (a horse) by riding back on it, ride hard”	1640 “wander here and there for pleasure”	Jaunt “a short pleasure trip”	1670s
5	Jump “move quickly by the sudden use of the muscles of the legs”	1520s “make a spring from the ground”	Perhaps from Gallo-Roman dialects. It might have been picked up during the Hundred Years War. It has superseded native <i>leap, bound, spring</i> in most senses.	Jump “an act of jumping”	1550
6	Hike “jerk,pull,drag”	18 c.	1809 “to walk vigorously”	Hike “a long walking tour”	1865
7	Step “take a step”	OE	German <i>stapfen</i> “step”, Old Church Slavonic <i>stopa</i> “step, pace”	Steppa “act of stepping”	OE

8	Spring “bound, leap, grow”	12 c.	OE <i>spring</i> “source” from verb on the notion of the water ‘bursting forth from the ground”	Spring “source of a stream or river rising to the surface of the earth from below”	13 c.
9	Trip “tread or step lightly and nimbly, skip, dance”	14 c.	From OF triper “jump around, dance around, strike with the feet	Trip “act or action of tripping”	15 c.

Таблица наглядно иллюстрирует связь механизмов мотивации с вниманием и сознанием личности. Учет фактора внимания позволяет анализировать конвертацию ГД в имя существительное с учетом преобразования коммуникативной ситуации – выделением в ней не действия, а акта этого действия [1: 60]. С точки зрения когнитивной лингвистики можно утверждать, что значения производных слов мотивированы ассоциативными связями исходных значений [Ibid.: 61].

Проанализированные примеры транспозиции ГД в имена существительные показывают, что в английских отглагольных именах существительных всегда имеет место основная для глагола ономаσιологическая категория «действие, процесс», оставляющая заметный след в семантике производного.

Литература

1. Аветисян М.И. Структурно-Семантический и семантико-когнитивный подходы к изучению проблем мотивации в словообразовании //Вопросы языкознания. Теория и практика. Тамбов. 2017. № 1. Ч. 2.– С. 59-63.
2. Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке //Вестник ВГУ, Серия лингвистика и международная коммуникация, 2002, № 2. – С. 33-38.
3. Harper, Douglas. Online Etymological Dictionary [Электронный ресурс]: URL: www.etymology.com Dictionary. (дата обращения: 15. 10.2017).

Г.Т. Поленова
(г. Таганрог, Россия)

БЕЗЛИЧНЫЙ СУБЪЕКТ *ES* В НЕМЕЦКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В предполагаемом исследовании мы намерены рассмотреть немецкое безличное *es* с диахронической точки зрения и попытаться на основе типологических данных обосновать возможность наличия некогда агентивной семантики этого элемента языка.

Поскольку понятие «субъект» имеет множество дефиниций в лингвистике, то мы ограничимся пониманием этого термина как агенса.

Слово «безличный» отсылает к категории лица, а именно к отсутствию такой категории. О.И. Москальская говорит здесь о нейтрализации грамматической категории лица и числа [10: 64, 79]. Автор выделяет 3 подгруппы безличных предложений: 1) лишённые агенса с обязательным *es*; 2) предложения, содержащие деми-агенса с указанием на лицо в косвенном падеже и с факультативным *es*; 3) бессубъектные пассивные конструкции с факультативным *es* [10: 239].

Г.Н.Эйхбаум относит к безличным глаголам те, которые сочетаются с безличным *es*. Она отмечает, что мнения о семантике этого *es* различны. Сама она различает собственно безличные предложения типа: *Es donnert* и предложения с обозначением носителя глагольного признака (антропоним в форме аккузатива или датива, субъект состояния, не агенса) типа: *Es fiebert mich*. Автор подчёркивает, что «собственно безличные глаголы количественно ограничены и исторически устойчивы в своей замкнутости [8: 111-112].

Ю.С. Степанов выделил четыре семантических типа безличных конструкций: 1) стихийные явления природы; 2) стихийные явления организма, внутреннего мира и психики человека; 3) сфера модальности; 4) значение существования, наличия [5: 273]. Первый пункт можно проиллюстрировать немецкими примерами типа: *es regnet, es taut, es schneit, es dunkelt, es dämmert* и т.п., а также: *Es ist kalt (heiß, dunkel, windstill u.ä.)*; второй – *es fröstelt mich, es schmerzt, es schmeckt mir*; третий – *es ist mir peinlich (unangenehm, egal) + zu + Infinitiv, es ist mir möglich + zu + Infinitiv, es tut mir Leid*; четвёртый – *es gibt* *Akk.*, отрицательно: *es fehlt an Dat.* Наш интерес представляют здесь собственно безличные конструкции.

А.М. Червонный, посвятивший «языковому субъекту» на материале французского языка специальную монографию, признаёт имплицитность семантического субъекта в безличных конструкциях [6: 201-207] (имплицитный – «подразумеваемый, невыраженный» [4: 255]). На наш взгляд, автор здесь совершенно прав, и его вывод касается не только субъекта во французских безличных конструкциях, но и языке в целом, что мы попытаемся далее обосновать.

О древности форманта *s* свидетельствует глобальный характер его функционирования в языках различного строя [2: 199-210].

А.Н. Савченко возводит к индоевропейскому языку-основе безличные предложения, выражающие явления природы и физические или психические состояния человека, «потому что эти конструкции совпадают почти во всех языках данной семьи и имеют архаичный характер. Наиболее ясно это в отношении предложений, выражающих явления природы» [3: 333]. Учёный отмечает, правда, что в праиндоевропейском существовали предложения без подлежащего, как раз безличные, «но они ... сложились на базе личных» [там же: 330]. Пример можно взять из готского языка: *rigniþ* ‘дождь идёт’, по М.М. Гухман [1: 215]. Однако, если исходить из известного мнения (см. труды К. Шилдза [7], Г. Хирта [9] и др.), что личные окончания глагола и падежные окончания имени в индоевропейских языках восходят к дейктическим частицам, то резонно считать окончание *-iþ* в приведённом готском примере именно такой бывшей частицей, указывающей на агенса.

Енисейские бесписьменные языки относятся к наиболее архаичным языкам мира. Рассматриваемый строевой элемент *-s-* представлен, например, в кетском языке в качестве словообразующего форманта, ср.: *s'i* ‘я ем’, *as* ‘что?’, *as'is* ‘какой?’, *Es* ‘Бог, небо’, *es'kogd* ‘осень’, *kites* ‘зима’, *es'tajyon* ‘похолодало’, *es'ta bo'k* ‘северное сияние’ (божий огонь), *ul'es* ‘дождь’ (вода Бога) и др., так и формообразующего показателя, ср.: *-as* – показатель орудно-совместного падежа, *s'a* – частица будущего времени, *-si* – суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду, *-es'/-as'*, *-s'a* – деривационные аффиксы кетских наречий. Отметим, что предложения, выражающие явления природы, сохраняют связь с агенсом *Es*'.

На основе изложенного мы предполагаем, что безличный субъект *es* в немецком языке восходит к первичной дейктической частице, отсылавшей в праязыке к сверхъестественному существу, агенсу, ср. мнение А.Н. Савченко [3: 334].

Литература

1. Гухман М.М. Готский язык: Учебное пособие. – М.: ЛКИ, 2008. – 296 с.
2. Поленова Г.Т. Диахроническая герменевтика литовских формантов *-as, -us, -s-, -si, -is*. // *Kalba ir kontekstai, V (2)*. - Vilnius^ Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 3013. – С. 199-210.
3. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков: Учеб. пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 416 с.
4. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 820 с.
5. Степанов Ю.С. Личности-безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 272-273.
6. Червонный А.М. Функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка). – Ростов-на-дону: Изд-во ЮФУ, 2014. – 368 с.
7. Шилдз, К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1988. – 560 с.

8. Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 1996. – 275 с.
9. Hirt, Hermann (1934): Handbuch des Urgermanischen. Bd. 3. Heidelberg: Winter.
10. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

О.Б. Полянчук
(г. Воронеж, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫХ ПРОИЗВОДНЫМ СЛОВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Проблема соотношения типов языковых значений является одной из актуальных проблем лингвистики как с точки зрения статического, так и с точки зрения динамического подхода к явлениям языка. В частности, под статическим аспектом в настоящей статье подразумевается анализ исходных значений производных слов, а под динамическим – развитие лексико-семантических вариантов исследуемой семантемы. Таким образом, речь идет о диалектике соотношений типов языковых значений в синхронии и диахронии в рамках производного слова (комплексного знака). Из этого следует, что одним из интересующих нас типов языковых значений оказывается словообразовательное значение (СЗ). Под словообразовательным значением мы понимаем значение, выражающее наиболее общее в семантике отношений словообразовательных элементов (словообразовательной основы и словообразовательного форманта) [2].

Изучение СЗ производных нельзя полностью отделить от изучения их лексических значений (ЛЗ). В этой связи необходимо отметить специфику ЛЗ производного, которое, обладая свойством двойной референции, с одной стороны, указывает на определенный фрагмент действительности, реферирует нас к миру вещей; с другой стороны, ЛЗ производного слова выражается путем указания на тип связи производного и производящего (т. е. через СЗ) [1: 3]. В результате проведенного анализа комплексных знаков, развивающих полисемию, было установлено, что степень эксплицитности СЗ при различных степенях идиоматичности их ЛСВ отличается. Рассмотрим подробнее выявленные нами закономерности такого характера. В наших предыдущих исследованиях указывалось на наличие четырех степеней мотивированности производного слова: полную, частичную, затемненную и отсутствующую (последний случай не представляет интереса для исследования). Каждой из степеней мотивации соответствует определенная степень выраженности других словообразовательно-семантических параметров: членимости по словообразовательной модели, идиоматичности, степени выраженности словообразовательного значения [5: 6]. При различных степенях выраженности СЗ наблюдается различное соотношение СЗ и ЛЗ. При описании соотношения СЗ и ЛЗ мы предлагаем ввести термины «количественная асимметрия СЗ и ЛЗ» и «качественная асимметрия СЗ и ЛЗ». Под **количественной асимметрией** мы подразумеваем несоответствие в количестве СЗ и ЛЗ многозначного слова. Под **качественной асимметрией** мы понимаем большую степень выраженности одного из типов значения производного в ущерб другому.

Проиллюстрируем полученные результаты на примерах.

При полной мотивированности комплексного знака (исходное значение) степень эксплицитности СЗ и ЛЗ одинакова, они соотносятся как обобщенное и индивидуальное значения. Например, глагол *décommander*, означает «отменить что-либо». Деривационное сочетание такого производного выглядит как *annuler ce qui a été commandé* – «отменить то, что было приказано»). В плане сопоставления ЛЗ исследуемых производных и их СЗ

очевидно, что различие заключается в обобщенном характере СЗ и индивидуализированном характере ЛЗ, что отражает их типичное различие: СЗ – «отменить то, что обозначено производящей основой», ЛЗ – «отменить команду». Таким образом, речь идет симметрии СЗ и ЛЗ.

При частичной мотивации производного слова (тип 1 семантической деривации) [6] словообразовательно-семантические параметры сводятся к следующему: условная членимость первой степени, частичная идиоматичность, СЗ представлено в измененном виде: «лишить того, что похоже на обозначенное производящей основой». Например, глагол *découronner* имеет следующие значения: 1. *Priver de la couronne* – «лишить короны»; 2. *fig. Dépouiller de ce qui couronne; enlever le sommet, la cime* – «лишить того, что увенчивает, снять верхушку чего-либо». При развитии производного ЛСВ сбалансированность СЗ и ЛЗ нарушается: порог эксплицитности смещается в сторону ЛЗ, которое обогащается за счет дополнительных семантических компонентов. А СЗ, существуя в измененном виде, демонстрирует понижение степени эксплицитности. Таким образом, в исходном значении качественная асимметрия СЗ и ЛЗ отсутствует, а в производном – она налицо.

При затемненной мотивации производного слова (тип 2 развития полисемии) присутствует значительная идиоматичность, которая отражает высокую степень десемантизации словообразовательного форманта в производном ЛСВ, условная членимость второй степени, имплицитность СЗ (последнее связано со сложностью, условностью построения деривационного сочетания). Например: Глагол *débonder* означает: 1. *Ouvrir en retirant la bonde* – «вынимать затычку» (т. е. «удалить затычку»); 2. *Donner libre cours à des sentiments longuement contenus* – «дать волю долго сдерживаемым чувствам, излиться». В плане соотношения СЗ и ЛЗ на данном этапе исследования можно отметить, что семный состав ЛСВ2 усложняется за счет новых семантических компонентов. Это позволяет сделать вывод, что сбалансированность СЗ и ЛЗ при типе 2 в большей степени нарушается. Порог эксплицитности ЛЗ и СЗ еще больше смещается в сторону ЛЗ, а СЗ оказывается имплицитным. Другими словами, наблюдается высокая степень качественной асимметрии СЗ и ЛЗ, которая выражается в значительном смещении порога эксплицитности в сторону ЛЗ и в нарушении баланса между СЗ и ЛЗ. Сравнительный анализ соотношения СЗ и ЛЗ у комплексных знаков типа 2 и типа 1 семантической деривации показывает следующее: а) у производных ЛСВ, развивающих полисемию по типу 2, качественная асимметрия выражена более ярко, чем у комплексных знаков типа 1, так как ЛЗ в комплексных знаках типа 2 богаче, а степень имплицитности СЗ выше, чем в производных словах типа 1; б) при развитии полисемии путем семантической деривации типа 2 наблюдается количественная асимметрия СЗ и ЛЗ: при нескольких ЛЗ (в частности, ЛЗ исходного и ЛЗ производного значения) существует только одно СЗ (СЗ исходного значения). СЗ производного значения имплицитно.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно заключить, что существует регулярная зависимость между типом соотношения СЗ и ЛЗ многозначного производного слова, что отражает диалектику отношений синхронии / диахронии в языке.

Литература

1. Когнитивная семантика / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – Ч. 1. – 293 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: РАН. Ин-т языкознания, 2004. – 560 с.
3. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
4. Поляничук, О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте: автореф. дис.... докт. филол. наук: 10.02.05 – Воронеж. – 2009. – 36 с.
5. Поляничук О. Б. Закономерности семантических изменений при развитии многозначности французских комплексных знаков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010. – № 2. – С. 40-45.
6. Поляничук, О.Б. Когнитивные основы перевода лексических единиц, репрезентированных комплексным знаком // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: в 2 ч. / Воронеж, гос. ун-т.– Воронеж, 2006. Вып. 7, ч.2. – С. 195-202.

О.А. Попова
(г. Таганрог, Россия)

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Феномен «свой – чужой» представляет собой одну из основных культурно-психологических оппозиций. Он способствует формированию когнитивной ценностно-оценочной системы знаний и отражает уникальность видения реального мира, которые, в свою очередь, обуславливаются особенностями отдельно взятой культуры.

Каждая личность принадлежит социуму и этносу в целом, поэтому она вовлечена в многообразные и многоуровневые отношения «своего» и «чужого» в культуре: от относительно немногочисленной социальной группы до этнической общности. Поэтому оппозиция «свой – чужой» проявляется во многих типах отношений: кровнородственные (свой / чужой род, семья, клан), этнические (свое / чужое племя, народность, нация), языковые (свой / чужой/иностраный язык, говор, диалект), конфессиональные (своя / чужая вера, религия), социальные (свое / чужое сословие, коллектив, сообщество) и другие отношения.

Интерпретация оппозиции «свой – чужой» полностью зависит от научной области и методов, который применяются для рассмотрения данного феномена. Таким образом, тема «своего» и «чужого» в каждой науке раскрывается по-своему. Однако, не смотря на всю специфику подходов к данной проблеме, можно говорить о том, что она имеет некоторые устойчивые черты.

- Оппозиция «свой – чужой» является не только феноменом языка, но и языкового сознания. Следовательно, она может проявлять себя на разных уровнях языковой системы, быть вербальной и невербальной.

- Опираясь на психолингвистическое понимание феномена языкового сознания и на его обусловленность деятельностью и культурой в целом, можно предположить, что оппозиция «свой – чужой» проявляется на трех взаимосвязанных уровнях: реальном (объектном и объективном), психическом (уровне сознания) и языковом (знаковом).

В современной отечественной психолингвистике особое внимание уделяется особенностям межкультурных различий. Взаимосвязь культуры, национального самосознания и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой культуры. Психолингвисты рассматривают языковые данные как отражение особых знаний, стоящих за фактами (знаками) естественного языка [4].

В настоящее время не удалось сформулировать научное определение понятия "чужой". Во всех вариантах употребления данного термина выделяют наиболее характерные для него признаки и свойства. Таким образом, понятие «чужой» имеет следующие значения:

- чужой как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры;
- чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением;
- чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания;
- чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен;
- чужой как зловещий, несущий угрозу для жизни.

Наиболее обобщённую классификацию 'своего' и 'чужого' предлагает Г. Малецке, немецкий исследователь межкультурной коммуникации. Его трактовка понятия 'чужой' довольно абстрактна. Г. Малецке рассматривает его семантически вариативно, настаивая на том, что «свой» является таким же максимально общим, но прямо противоположным понятием по отношению к «чужому»

Очевидно, что в данной классификации понятие «чужого» имеет довольно широкую интерпретацию. Оно включает в себя все, что неизвестно носителю данной культуры, все, что контрастирует с общепринятыми культурными нормами.

Норвежский ученый И. Нойман предлагает классифицировать феномен «своего – чужого» на основе этнографического и психологического подходов, а также использовать подход континентальной философии и «восточного экскурса». По его мнению, последний подход наиболее актуален, т.к. он позволяет взглянуть на «чужое» с точки зрения этого самого «чужого».

Российский исследователь А. В. Шипилов рассматривает оппозицию «свой – чужой» в рамках социологического подхода. Понятия «свой» и «чужой» в данном подходе сводятся к определению этно-характеристика народа (общность языка, территории проживания, генетическая близость и т.д.).

В. Г. Лысенко расширяет концепцию А. В. Шипилова. Он предлагает несколько моделей и трактовок для понятия «своего – чужого».

- Этологическая трактовка подразумевает, что враждебное отношение к чужому заложено в человека на биологическом уровне;

- Мифологическая модель. Миф позволяет четко отделить «свое» от «чужого» на географическом, мировоззренческом, ментальном уровнях. Образ «чужого» в мифе зачастую не имеет материальной оболочки, он может быть заложен в представления того или иного народа. Отличительной чертой мифологии является то, что цель ее легенд состоит в показе чужеродности другой культуры и «нормальности» своей;

- Модель антиподов. В ее рамках «свое» противопоставляется «чужому» и воплощает положительные качества. «Чужое» же, наоборот, представляется источником всего негативного и разрушительного;

- Модель рас, согласно которой «свои» (в отличие от «чужих») всегда принадлежат к более высокой, развитой расе;

- Модель детского состояния. «Чужое» представляется в виде менее развитого детского состояния. Подобная модель выражается в дихотомии «Запад – Восток», где детскостью наделяются восточные культуры;

- Модель «естественного состояния». Дуальность понятия «свое – чужое» заключается в противопоставлении «натура – культура»;

- Пассеистская модель (фр. *passé* – прошлое). Прошлое «чужой» культуры рассматривается как идеальная модель развития собственной;

- Гетеротопическая модель. «Свое» пространство воспринимается как безопасное, гармонично организованное, а «чужое», наоборот, считается враждебным и хаотичным;

- Универсалистская модель выдвигает идею схождения между «своим» и «чужим». Оба понятия принадлежат к одному инварианту и относятся к одной из его ветвей.

Принимая во внимание изложенную информацию, можно сделать вывод о том, что в рамках каждого методологического подхода выдвигаются свои теории и модели классификации «своего – чужого». Эти теории опираются, прежде всего, на личный опыт исследователей. Такая широкая вариативность подходов в изучении данного вопроса говорит о его актуальности, а также сложности функционирования феномена «свой – чужой» в реалиях современной культуры [1].

Литература

1. Казакова Е. А. Теоритические подходы рассмотрения дуальности «свое – чужое» // Вестник Челябинского Государственного Университета. – 2014. – №11(340). – С. 120-125.
2. Китанина Э. А., Гармаш А. В. Концепты «свое / чужое» в современной лингвокультурологической ситуации // Молодой ученый. – 2016. – №7.4. – С. 23-26.
3. Понятия «свой – чужой» во взаимодействии культур [Электронный ресурс]. URL: <http://mybiblioteka.su/tom2/6-69561.html>
4. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/svoi-chuzhoi-v-yazykovom-soznanii-nositelei-russkoi-i-angliiskoi-kultur>

Т.В. Потапова
(г. Таганрог, Россия)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

В составе русской глагольной лексики, на наш взгляд, стоит выделить некоторые структурно-семантические группы или разряды, которые будут отличаться один от другого как по характеру лексического значения, так и в структурном отношении.

До сих пор в отечественной лингвистике не было попыток рассмотрения русских глаголов с точки зрения из структурно-семантических характеристик, однако в ней присутствуют различные подходы к семантической классификации русской глагольной лексики [2: 59-81; 1: 105-111; 6: 396-410]. Дифференциация глаголов на основе их структурно-семантического анализа производится здесь впервые.

I. В зависимости от аспекта рассмотрения мы выделяем следующие разряды глаголов:

1. Самостоятельные глаголы. В русской глагольной лексике их наибольшее количество. Они способны выражать действие или состояние предмета и могут выступать в качестве самостоятельного члена предложения.

2. Вспомогательные глаголы. Термин «вспомогательные глаголы» встречается в современной лингвистике весьма редко, при этом отсутствует четкое, общепринятое определение данного грамматического явления. Согласно А. А. Шахматову, вспомогательными являются глаголы, не обнаруживающие в двусказуемых сочетаниях полноты своего значения [5: 466]. Г. А. Золотова понимает под вспомогательным (неполнозначительным) глаголом связочные, модальные и фазисные глаголы, в связи с тем, что они не образуют самостоятельных компонентов предложения [2: 156-158]. Мы полагаем, что к вспомогательным глаголам следует относить грамматический класс глаголов, выполняющих служебную, морфологическую функцию и служащих для образования сложных форм глагола. К группе вспомогательных глаголов не следует, относить связочные и модальные глаголы, так как они выполняют собственные, только им свойственные функции и имеют свой узкий круг значений. К вспомогательным мы причисляем глаголы типа *стать*, *сделаться*, *становиться*, *приходиться*, *оставаться*, *оказаться*, *начать* (*начинать*), *приняться* (*приниматься*, *продолжать*, *кончить* (*кончать*), *прекратить* (*прекращать*), *бросить* (*бросать*) в значении «кончить, кончать» и др.

3. Связочные глаголы. Рассмотрению глаголов-связок уделяется особое внимание в лингвистической литературе. Под связкой, обычно, понимается глагол *быть* в функции предиката [4: 594]. К связкам относят и такие глаголы, как: *являться*, *представлять*, *представлять собой*, *составлять*, *служить*, *выступать чем (как что)*, *заключаться (в чем)*, *состоять (в чем)*, *сводиться (к чему)*, в связи с тем, что данные глаголы являются полузнаменательными и могут выступать в виде связки «*есть*», оставаясь при этом вспомогательными средствами (данный подход не получает достаточного распространения). Считаю целесообразным отнесение к группе связочных глаголов и таких глаголов как *есть* и *быть*, так как, при употреблении в составе именного сказуемого, они выполняют ряд задач по организации предложения, которые обычно осуществляются полнозначными глаголами.

4. Модальные глаголы. В отечественной лингвистике модальные глаголы никогда не выделялись в особый семантический класс, по причине того, что в традиционном понимании модальность в русском языке выражается посредством наклонений, служебных слов, синтаксических средств. Однако мы считаем необходимым выделение модальных глаголов в русском языке в отдельный структурно-семантический класс, поскольку, что они в большинстве случаев употребляются в сочетании с каким-либо глаголом действия или состояния, являясь при этом частью составного глагольного сказуемого, и выражают при этом возможность, желательность, необходимость какого-либо действия или состояния. К

модальным мы относим такие глаголы, как *хотеть, желать, мочь, уметь, намереваться, пытаться, стараться, отказываться, надеяться, бояться* и др.

Отметим, что вспомогательные, связочные и модальные глаголы могут быть знаменательными и выступать в качестве самостоятельного члена предложения. В подобных случаях наша структурно-семантическая характеристика на них не распространяется.

II. По характеру стремления к завершению действия мы выделяем предельные и неопредельные глаголы:

1. Предельные глаголы выражают действия, стремящиеся к его завершению. Пределом может служить переход в другое состояние субъекта, либо объекта действия, достижение определенного результата, например: *Гимнаст выиграл золотую медаль; Я закончу свою работу завтра к вечеру; Родители поучают своего ребенка* и т.д.

2. Неопредельные глаголы обозначают действия, которые не стремятся к своему завершению. К данной группе относятся глаголы, которые обозначают постоянные свойства предметов (*Земля вращается вокруг солнца*), состояние предмета (*Марина грустила очень долго*), ту или иную деятельность или род занятий (*Он работает врачом уже двадцать лет*), отношения (*Россия граничит с Монголией*), нецеленаправленные действия или процессы с неактивным субъектом (*Весь день льет дождь*).

Таким образом, мы считаем, что структурно-семантические особенности обуславливают образование, употребление и функционирование глагольных форм.

Литература

1. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // ВЯ. 1990. № 2. – С. 102 -112.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.
3. Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Из-во РАН, 2004. – 554 с.
4. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: URSS, 2007. – 624 с.
6. Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Н.Н. Прокопьева
(г. Нижний Новгород, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИМВОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Словообразование как основной способ номинации и связанный с ним комплекс вопросов остаются в центре внимания лингвистов, несмотря на то, что некоторые из этих вопросов уже в достаточной мере разработаны. Особое внимание при исследовании словообразовательных процессов в языке по праву уделяется семантическому аспекту; его изучение представляется задачей более сложной, чем описание формальной стороны словообразования, так как семантика слова – это более «неуловимая» субстанция, чем его формальная структура. Однако и здесь можно проследить определенные закономерности, опираясь на тот факт, что форма и значение производного слова, безусловно, взаимосвязаны. Изучение производящих (мотивирующих) основ, как представляется, может способствовать установлению семантических закономерностей словообразовательных процессов, особенно если эти основы составляют определенную семантическую группу в лексиконе того или иного языка. К таковым относятся рассматриваемые в данном исследовании лексические единицы, названные С.Г. Стерлиговым устойчивыми языковыми символами (далее – УС). УС характеризуются достаточно сложной семантической структурой: С.Г. Стерлигов в качестве их основного свойства называет символическую двуплановость, то есть соотношенность с разными (конкретным и абстрактным) денотатами [3: 23 – 24]. Совмещение двух планов в содержании УС представляет собой семантический сдвиг, при котором на

первое место выступает второй (абстрактный) план содержания, существующий на фоне первого (конкретного). Очевидно, что такая двуплановость УС может проявить себя при образовании от них производных и сложных слов, оказывая влияние и на семантику соответствующих дериватов и композитов.

Говоря о семантике производного слова, следует различать собственно лексическое и словообразовательное значение производной лексики. Словообразовательное значение представляется в этом отношении гораздо более важным для рассмотрения, поскольку его выявление позволяет делать выводы о регулярных семантических процессах в ходе создания новых лексических единиц. Несмотря на то, что понятие «словообразовательное значение» в определенной степени по-разному трактуется лингвистами, большинство из них рассматривают его как «обобщенное, типовое значение, в отличие от значения лексического как индивидуального, присущего лишь данному конкретному слову» [2: 8]. Е.С. Кубрякова отмечает при этом, что «словообразовательное значение ... является не функцией какого-то отдельно взятого элемента словообразовательной модели, но функцией самой модели» [1: 74]. И.А. Ширшов в свою очередь подчеркивает, что «словообразовательные значения не только взаимодействуют с определенными семантическими компонентами производящих, но ими во многом и определяются» [4: 121].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что при описании словообразовательных значений отсимволических дериватов, то есть слов, образованных от УС, необходимо учитывать не только значение словообразовательных формантов, участвовавших в их образовании, но и принимать во внимание специфическое значение соответствующих производящих основ, т.е. попытаться определить, как значение исходных УС взаимодействует со значениями аффиксов либо словообразовательных моделей.

Рассмотрим в качестве примера словообразовательное значение группы субстантивных отсимволических дериватов, образованных с помощью суффикса *-ei* (и его расширенных вариантов *-erei*, *-elei*): *Ferkelei* (*schmutzige Bemerkung oder Handlung*), *Eselei* (*dummer Streich*), *Kalberei* (*albernes Benehmen*) и др. Значение этого суффикса в производных, образованных от имен существительных, описывается в словаре словообразовательных элементов как «значение свойств, внутренних состояний, склонностей человека». Опираясь на символическое значение производящих слов, можно скорректировать то обобщенное значение, которое присуще этим суффиксальным производным и которое можно рассматривать как их словообразовательное значение. Прежде всего, примечателен тот факт, что опорным словом в толковании значений данных имен существительных является обозначение определенного действия или поведения человека (*Streich*, *Handlung*, *Benehmen*), следовательно, речь в данном случае может идти не о значении свойств, состояний и т.п., а скорее об обобщенном значении действий и поступков. Заметим, что это значение также называется в числе основных значений, присущих суффиксу *-ei*, однако в качестве производящих основ в этом случае, как правило, выступают глаголы (либо глаголы и имена существительные, т.е. речь идет о двойном направлении производности: *Rederei*, *Klimpere*, *Alberei*). Но главное, что обращает на себя внимание – все эти действия определенным образом характеризуются, получают некую качественную оценку: *dumm*, *albern*, *schmutzig*, и в каждом случае эта оценка напрямую связана с соответствующим символическим значением производящей основы (*Esel* – *Sinnbild der Dummheit*, *Kalb* – *Sinnbild der Albernheit*, *Ferkel* – *Sinnbild des Schmutzes*). То есть данные зоонимы не случайно стали основанием для образования наименований этих действий: их типовое символическое значение нашло прямое регулярное отражение в семантической структуре производных. Таким образом, значение исходных основ (символ определенного свойства) позволяет более точно сформулировать словообразовательное значение рассматриваемых производных существительных: «действие, характеризуемое в качественном отношении».

Существование словообразовательных рядов отсимволических дериватов с типовой семантикой свидетельствует, на наш взгляд, о том, что символическое значение производящих слов не просто находит отражение в значении производных, оно может быть

основой формирования серийных словообразовательных значений. При этом обращение к значению производящих основ-символов позволяет, с одной стороны, конкретизировать, а с другой стороны, унифицировать словообразовательное значение образованных от них лексем.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений (Семантика производного слова). – М.: Наука, 1981. – 200 с.
2. Немченко В.Н. Некоторые замечания о семантике производной лексики и структурных элементов слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы III респ. науч. конференции, часть II. – Ташкент, 1980. – С.7-11.
3. Стерлигов С.Г. Устойчивые символические единицы современного немецкого языка (семантика и функционирование): Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1981. – 233 с.
4. Ширшов И.А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 109-122.

Е.Н. Радецкий
(г. Минск, Беларусь)

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ

Язык постоянно испытывает потребность в обновлении и расширении своего лексического состава, в поиске новых оригинальных средств выражения мысли и вербальной оценки явлений окружающей действительности. Особенно ярко это проявляется в сфере эмоционально-оценочной лексики, представленной в большом количестве наречиями-интенсификаторами.

В данной статье под интенсификаторами понимаются лексические единицы в своем самом узком значении: класс слов (наречия меры и степени), основной функцией которых является интенсификация признака или признака признака в позиции премодификатора.

Одной из наиболее продуктивных моделей образования интенсификаторов в современном английском языке является обратная словообразовательная модель типа Verb + Noun → Noun-Verb_{ing} → Noun-Verb_{ing} + ly: *to boggle one's mind* → *mind-boggling* → *mind-bogglingly*, например: *The fact is, at a time when economic inequality in the country is mind-bogglingly high, the largest individual tax savings would likely go to the wealthiest Americans* [3].

Высокая продуктивность данной словообразовательной модели интенсификаторов, по-видимому, объясняется тем, что формируемые на ее основе единицы обладают значительной интенсифицирующей потенцией, которая достигается, с одной стороны, за счет метафорической образности, создаваемой в результате сочетания двух компонентов, с другой стороны, за счет экономии языковых средств и усилий, затрачиваемых на их порождение и воспроизведение.

Семантика структурных компонентов интенсификаторов, сформированных на базе данной модели, представляет значительный интерес, поскольку в ней раскрывается специфика человеческого мышления относительно языковых способов передачи значения усиления.

Анализ структурных компонентов подобных интенсификаторов в корпусе современного английского языка NOW Corpus [3] показал, что абсолютное большинство из них составляют единицы, имеющие в своей структуре компоненты-соматизмы, т.е. номинации элементов строения тела человека. Наличие соматических компонентов в структуре подобного рода интенсификаторов и их высокая продуктивность в современном английском языке свидетельствуют о том, что «процесс осознания *себя* среди окружающей действительности и определения *себя как личности* человек начал с ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела» [1: 9]. С

помощью данных инструментов познания человек способен не только ориентироваться в пространстве и времени, но и выражать свое субъективное отношение к миру.

Среди соматических компонентов, входящих в структуру интенсификаторов, выделено 754 единицы, которые можно разбить на несколько групп в зависимости от характера объекта номинации, выражаемого тем или иным компонентом-соматизмом:

1) обозначения частей и областей человеческого тела: *arm, back, chest, face, foot (feet), hair, hand, head* и др., например, *back-breakingly, hair-raisingly, head-spinningly*.

2) обозначения костей человеческого тела и их соединений: *ankle, bone, jaw, joint, rib, skeleton, skull, spine* и др., например, *ankle-twistingly, jaw-droppingly, skull-blastingly*.

3) обозначения внутренних органов человеческого тела: *brain, heart, gut, lungs, spleen, stomach* и др., например, *brain-teasingly, heart-rendingly, gut-wrenchingly*.

4) обозначения кровеносной системы человеческого организма: *artery, blood, vein* и др., например, *blood-curdlingly, vein-bulgingly*.

5) обозначения органов чувств человеческого организма: *ear, eye, nose, tongue, skin* и др., например, *ear-splittingly, eye-poppingly, tongue-numbingly*.

6) недуги и проявления человеческого организма: *aneurism, nerve, migraine* и др., например, *nerve-rackingly, migraine-inducingly*.

7) «невидимые «представляемые» органы и сущности внутри человеческого тела» [2: 19]: *mind, mood, soul, spirit*, например, *mind-blowingly, spirit-crushingly, soul-shatteringly*.

Интенсифицирующая потенция данных лексических единиц реализуется за счет остроты, интенсивности ощущения или эффекта, возникающего при определенном воздействии на тот или иной орган человеческого тела. Зачастую чувство или ощущение, вызываемое в результате воздействия на человеческий организм, носит сугубо негативный характер и создает образ физической боли и страдания, например, *heart-breakingly sad* → *so sad that it breaks my heart*. Негативная коннотация возникает в результате сочетания компонента-соматизма с отглагольным формантом (причастием) отрицательной семантики. Так, в структуре интенсификаторов с соматизмом *heart* употребляются такие глаголы, как *ache, beat, break, burst, crush, flutter, freeze, grind, hurt, melt, numb, pound, race, rend, shatter, shred, stab, stop, wrench* и др. Как видно, большинство данных глаголов несет значение 'причинение физического вреда, боли', что в сочетании с соматизмом *heart* приобретает высокую степень остроты ощущения и создает образ 'разбитого, страдающего сердца' с ярко выраженной негативной коннотацией. Однако, в позиции премодификатора негативная коннотация подобных единиц несколько ослабевает и на первое место выдвигается степень остроты, интенсивности ощущения. Это обстоятельство позволяет данным лексическим единицам сочетаться с прилагательными и наречиями положительной семантики, т.е. существенно увеличивает лексическую сочетаемость интенсификаторов и свидетельствует о значительной степени их десемантизации в языке, например: *A travel analyst described the African continent as heart-breakingly beautiful but very misunderstood* [3].

Статистический анализ интенсификаторов с компонентами-соматизмами в корпусе современного английского языка NOW Corpus показывает, что наибольшее количество единиц отмечается с опорными соматизмами *eye* (50 наименований), *heart* (35 наименований), *mind* (35 наименований), *brain* (31 наименование) и *head* (30 наименований). Это свидетельствует о первостепенной роли данных органов и частей человеческого тела в процессе концептуализации языковой картины мира.

Литература

1. Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты : на материале русского, адыгейского и английского языков: автореферат дис. ... канд. фил. наук : 10.02.02, 10.02.20 / З. А. Богус ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 25 с.
2. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
3. NOW Corpus (News on the Web) [Electronic resource]. – URL: <https://corpus.byu.edu/now>. – Date of access: 15.11.2017.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

Описывая названия цветов, филологи так или иначе сталкиваются с определенными проблемами, одна из которых – проблема классификации колоронимов, как называют прилагательные, служащие для обозначения цветов или, как их раньше называли, колоров (ср. укр. «колір», англ. и лат. «color» – «цвет», «расцветка», «краска»). Пытаясь описать отношения между лексемами-цветообозначениями в терминах сходства, исследователи обращают внимание на невозможность выстроить описание на основе модели трехмерного пространства психологического цветоощущения. Причем данный факт не зависит от выбора метаязыка описания.

Изучая проблему вербализацию восприятия цвета, лингвисты выделяют две группы цветообозначений: основные или абсолютные цвета (так называемые прото-цвета) и оттеночные, позволяющие передать все разнообразие цветового мировосприятия.

Абсолютные цветообозначения, в свою очередь, делятся на

1. хроматические или спектральные, представляющие собой семь цветов радуги;
2. ахроматические (белый (наличие света), черный (его отсутствие), серый (пограничная или нейтральная зона).

Все остальные цветонаименования называют, соответственно, оттеночными, которые, в свою очередь, также делятся на группы.

К первой группе оттеночных колоронимов относятся цветообозначения, передающие оттенки цвета аналитическим способом; среди них выделяют колоронимы:

- а) вторичной номинации (пурпурный, каштановый);
- б) без ясно прослеживаемой этимологии (бурый, алый);
- в) с ограниченной сочетаемостью (русый, карий, седой);
- г) заимствованные цветообозначения (беж, индиго);
- д) терминологические единицы (кобальт, ультрамарин);
- е) неологизмы и архаизмы (яхонтовый, кубовый, пюсовый);
- ж) окказионализмы (черноты).

Существует группа оттеночных цветонаименований, уточняющих оттенки цвета:

1. сложные, уточняющие интенсивность окраски: ярко-, тускло-, мутно-, светло-, темно-, нежно-, насыщенно- и т.п.;
2. двусоставные цветообозначения, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов: красно-желтый, сине-белый и т.п.

Кроме того, выделяют и конструктивно сложные (генетивные) цветообозначения (цвета мёда, цвета спелого апельсина) и сравнительные обороты (щечки как маков цвет), которые обычно находятся на периферии микрополя цвета.

Таким образом, при построении модели смысловых отношений между цветонаименованиями не существует единого принципа отбора и классификации такого рода лексических единиц.

Кроме основных цветообозначений, представляющих смысловой центр парадигмы, в неё входят также генетивные словосочетания (цвета кровавой луны, бутылочного стекла) и модели, образованные по принципу регулярной полисемии («относящийся к X, похожий цветом на X»: мышинный, свинцовый, васильковый, малиновый и т.д.).

В отдельную группу выносятся цветонаименования, образованные с помощью различных модификаторов и квалификаторов, указывающих на оттенки, фактуру и т.д. (масляно-черноземный, яблочно-зеленый, глинисто-жёлтый).

Д.О. Сергань, Т.А. Крепких
(г. Таганрог, Россия)

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА

В лингвистическом плане заголовок – это, прежде всего, название, имя текста. Он подобен имени собственному, так как заголовок индивидуализирует тот текст, которому принадлежит. Заголовок – первый знак художественного произведения, который должен привлечь внимание читателя.

Заголовки в художественном произведении выполняют множество функций, обусловленных тем, что в них отражаются практически все языковые категории. Остановимся на категории субъективной модальности, смысловую основу которой «образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [2: 303].

Модальность в заголовке проявляется как эксплицитно – через использование эмоционально-оценочных слов в их прямых значениях, так и через ретроспективное переосмысление оценки.

Обратимся прежде к заголовкам, в которых категория модальности представлена эксплицитно. К таковым можно отнести один из компонентов заголовка «Клеветник и Змея». В словаре С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово *клеветник* имеет одно значение «тот, кто клеветает на кого-что-нибудь». Персонажу, совершаемому такое действие, автор дает отрицательную оценку, которая выражается лексическим средством.

Эксплицитно категория модальности выражается также в заголовках басен «Разбойник и Извозчик», «Скупой», «Скупой и Курица», «Лжец». Компонентами этих заголовков являются слова, прямое значение которых заключает в себе отрицательную оценку, что подтверждается не только данными толковых словарей, но и содержанием басен. Так, Разбойник убивает Извозчика, даже не зная о том, есть ли у него «товар». А товаром оказался «воз целый пузырей!» Мораль басни такова: «*Как много из пустого / На свете делают преступного и злого*». Такую оценку дает автор басни И. А. Крылов. В басне «Скупой» одноименный персонаж одержим страстью разбогатеть до такой степени, что он решил зарезать курицу, которая несла ему золотые яйца, и, следовательно, по мысли Скупого, в ней находился клад. «*Ее зарезал он. И что же? В воздаянье он вынул из нее простые потроха*». Другой Скупой «*от голода издох на сундуке*», не истратив ни одного червонца из богатого клада, зарытого в земле.

Отметим, что после прочтения текста усиливается отрицательная оценка персонажей, названных в заголовках.

В подавляющем большинстве заголовков категория модальности выражается через ретроспективное переосмысление оценки кого-чего-либо, то есть после того, как текст произведения прочитан в полном объеме.

Известно, что в контексте художественного произведения слово (в том числе нейтральное по своей эмоциональной окраске) может наполняться дополнительным содержанием, «художественно-выразительными» «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [1: 125].

Приведем примеры указанного выше типа. Заголовок «Волк и Кот» до прочтения басни можно осмыслить так: персонажи Волк и Кот противопоставлены по признаку величины и физической силы. Поэтому в любой ситуации победит Волк. Ознакомление с содержанием произведения дает основание утверждать, что в тексте происходит трансформация семантики слова *Волк*, вынесенного в заголовок: одним из компонентов значения этой лексической единицы, именующей персонажа басни, становится

эмоциональная оценка. Автор иронически, с насмешкой относится к Волку, который, убегая от охотников, просит защиты у Кота и обращается к нему: «*Васенька, мой друг!..*» Окажись в другой ситуации, Волк в клочья разодрал бы Кота.

На таком же противопоставлении величины размера, силы и слабости персонажей построен заголовок «Дуб и Трость». Однако полный смысл заголовка формируется в контексте. Слабая Тростинка (в тексте басни также Тростиночка) оказывается сильнее Дуба: «*Хоть я и гнусь, но не ломаюсь*», – так отвечает Трость Дубу на его сочувствие по поводу ее слабости. А в назидание читателю сказано: слабый телом может быть сильным духом.

В заголовке «Скворец» употреблено нейтральное по эмоциональной окраске слово. В тексте басни лексическая единица *Скворец* наполняется новым содержанием. Приведем небольшой фрагмент названного выше произведения: «*Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?/ Пой лучше хорошо щегленком,/ Чем дурно соловьем*».

В тексте произведения автор называет Скворца Скворушкой, используя имя собственное с суффиксом -ушк-, выражающим в большинстве случаев ласку. Однако отношение автора к Скворушке вовсе не ласковое, так как «...*Скворушка завистлив был, к несчастью...*» Семантика прилагательного *милый*, определяющего существительное *Скворушка*, также претерпевает изменение: в контексте положительная эмоциональная оценка, заключенная в значении данной лексической единицы, трансформируется в отрицательно-ироническую.

Обращает на себя внимание заголовок «Добрая Лисица». У читателя, не знающего содержания басни, возникает вопрос: «Может ли быть лисица не только хитрой, но и доброй?» В названной басне Лисица призывает всех птиц пожалеть осиротевших птенцов и помочь им. Слушая слова сочувствия, птенцы «*Попали к Лисе на низ. / Что ж кумушка? – Тотчас их съела / И поученья не допела*». Читатель убеждается в том, что лексическая единица «добрая», значением которой является положительная эмоциональная оценка, в контексте целого произведения приобретает ироническую окраску.

Заголовок «Бедный Богач» построен на оксюмороне – фигуре речи, состоящей в соединении двух противоположных понятий, выражаемых двумя словами, противоречащими друг другу по смыслу.

В басне повествуется о том, как один Бедняк мечтал стать богатым, «*чтоб жить роскошно, пышно... Я даже делал бы добро другим*». Действительно, Бедняк разбогател благодаря подаренному ему колдуном или бесом кошелек, из которого «без счета можно было вынимать червонцы». «*Бедняк мой потерял давно в червонцах счет; Меж тем он скудно ест и скудно пьет*»... «*На лавке, где своим богатством любовался, На той же лавке он скончался, Досчитывая свой девятый миллион*». Содержание басни позволяет придать заголовку следующий смысл: Богач не бедный, а жадный до смерти, так как богатство для него дороже жизни.

Таким образом, модальность в заголовках басен Крылова проявляется через использование эмоционально-оценочных слов в их прямых значениях («Разбойник и Извозчик», «Скупой», «Скупой и Курица», «Лжец») и через ретроспективное переосмысление оценки («Волк и Кот», «Дуб и Трость», «Скворец», «Бедный Богач»).

Литература

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Высшая школа, 1963. – 251 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с.

Е.Г. Сидорова
(г. Волгоград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННЫХ ПОДЛЕЖАЩИХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ*

Современная речевая практика показывает колебания при координации главных членов предложения, проявляющейся в полном или частичном формальном уподоблении словоформ, занимающих позиции подлежащего и сказуемого. При этом наиболее заметен этот процесс в тех случаях, когда подлежащее представлено неделимым количественно-именным сочетанием, понимаемым нами как подчинительное сочетание, образованное компонентом с квантитативным значением, управляющим существительным в род.п. Иными словами, главным словом в таком словосочетании может быть не только имя числительное (*два стола, трое приятелей*), но и имена существительные, обозначающие как определенное, так и неопределенное количество (*дюжина ложек, масса вопросов*), а также наречия и местоимения подобной семантики (*мало посетителей, свыше пятидесяти книг, несколько зданий*).

Грамматический норматив, регламентирующий выбор формы сказуемого при количественно-именном подлежащем, является одним из наиболее трудных и противоречивых. Имеющиеся в научной и справочной литературе рекомендации во многих случаях лишены необходимой, по нашему мнению, императивности: «в рассматриваемой конструкции сказуемое может иметь как форму единственного, так и форму множественного числа. Ср.: *Вошло семь человек погони...* (Лесков). – *Наутро пятьдесят семь выходцев подали заявления с просьбой принять в колхоз* (Шолохов)» [2: 461]. Кроме того, число дифференциальных признаков, обуславливающих выбор формы сказуемого, достаточно велико. Так, в «Справочнике по русскому языку» Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанжаковой и Н.П. Кабановой выбор формы числа сказуемого ставится в зависимость от целого ряда факторов, среди которых: значение совместности / раздельности совершения действия; обозначение подлежащим меры веса, пространства, времени и т.д.; приблизительного количества; наличие в составе подлежащего определенных слов (*лет, месяцев, дней, часов* и т.д.; *два, три, четыре, двое, трое, четверо; тысяча, миллион, миллиард; тройка, сотня, пара; масса, уйма, бездна, пропасть; несколько, много, мало, немного, немало, сколько, столько; около, свыше, больше, меньше* и т.п.; *всего, лишь, только*; составных числительных, оканчивающихся на *один*); наличие при количественно-именном сочетании определений типа *все, эти* [2: 461 - 467].

Рассмотрим подробнее особенности координации главных членов при подлежащем – количественно-именном сочетании со значением приблизительности. В упоминавшемся уже справочнике Д.Э. Розенталя в подобных конструкциях преимущественно рекомендуется употреблять сказуемое в форме ед.ч., тем не менее, приводится правило, гласящее, что «при обозначении приблизительного количества (путем постановки числительного впереди существительного или путем вставки слов *около, свыше, больше, меньше* и т.п.) сказуемое может стоять как в форме единственного, так и в форме множественного числа (второй способ согласования все чаще встречается в наше время)» [2: 465]. По мнению же Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича, Л.П. Катлинской, на выбор формы сказуемого при подлежащем со значением приблизительного количества влияют дополнительные критерии: порядок следования главных членов предложения («форма ед. числа более обычна для

---

* Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

препозитивного сказуемого; форма мн. числа более вероятна при постпозиции сказуемого» [1: 37]; «употреблению мн. числа способствует значение активности подлежащего (ср.: *Прошли несколько человек – Прошло несколько минут*), выражение сказуемого кратким прилагательным (*Несколько статей в этом сборнике интересны*)» [1: 36]; «только ед. число употребляется в тех случаях, когда сказуемое указывает лишь на факт наличия, существования: *Существует более пяти тысяч видов кактусов*» [1: 39].

Анализ материалов региональных печатных СМИ показал существующие противоречия при координации подлежащего со значением приблизительного количества. Наиболее востребованными в современной речевой практике оказались конструкции, в которых подлежащее выражается сочетаниями *более (больше) + род. п. или около + количественно-именное сочетание*. Зафиксированы случаи как со сказуемым в ед. числе, например: *До 2011 года на территории региона в среднем возникало около 100 лесных пожаров на площади свыше 1800 гектаров* (Веч. Волгоград, 02.02.2017); *За апрель и май 2017 года в мире было продано около 50 миллионов спиннеров* (Восход, 08.07.2017); *За первую половину 2017 года уже потрачено более 19 миллионов рублей* (Восход, 05.08.2017), так и со сказуемым в мн. числе: *До конца года в регионе пройдут стажировку около 300 учителей иностранного языка из разных регионов Российской Федерации для овладения эффективными практиками преподавания иностранных языков* (Веч.Волгоград, 16.11.2017); *Более 107 тысяч школьников волгоградского региона приняли участие в уроках, посвященных Единому дню здоровья* (Дон, 22.04.2017); *Из Суровикинского района около 60 человек приняли участие в ликвидации последствий техногенной катастрофы, случившейся в 80-х годах на Украине* (Заря, 25.04.2017), при этом порядок следования главных членов предложения не имеет принципиального значения. Активность подлежащего, заявленная в ряде источников как признак, предопределяющий форму мн. числа сказуемого, также не оказала решающего действия, ср.: *Под обращением подписались около 900 тысяч человек* (КП-Волгоград, 01.03.2017); *На улицы города-героя только 9 Мая вышли более 70 тысяч человек* (КП-Волгоград, 10.05.2017), но: *Вчера в области около 10 тысяч человек остались без света из-за массовых аварийных отключений в распределительных сетях 6-10 кВ* (КП-Волгоград, 01.11.2017); *Более 20 видов ремесел будут представлены на ярмарке – это изделия из глины, дерева, бересты, керамики, а также валенки ручной работы, посуда в технике гжель и хохлома* (Урюпинская правда, 22.09.2016). Форма мн. числа сказуемого отмечена нами и в случаях, когда сказуемое выражается глаголом со значением бытия, например: *Более четырех тысяч новых дорожных знаков появятся на основных волгоградских магистралях до середины ноября* (КП-Волгоград, 27.10.2017). Более того, формы мн. числа все чаще встречаются «при кратком страдательном причастии в сказуемом, т.е. при наличии прямого указания на пассивность подлежащего» [1: 39], например: *Часть подрядчиков по контрактам уже определены* (КП-Волгоград, 01.03.2017); *На тушение пожара были брошены больше пяти тысяч человек, две тысячи единиц спецтехники* (КП-Волгоград, 25.08.2017).

Итак, наблюдение за современной речевой практикой показывает экспансию формы мн. числа сказуемого при координации его с подлежащим, называющим приблизительное количество.

Литература

1. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
2. Д.Э. Розенталь и др. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 768 с.

К.Н. Симонова
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ДУАЛЬНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Дуализм мышления является закономерностью отражения противоречивости природы в сознании человека. На сознание человека распространяется диалектика природы. Дуализм мышления, будучи закономерным отражением противоречивости природы, является, одновременно и отражением уровня сознания, которое находится во власти этих противоречий [2]. Абстрактное мышление человека при осмыслении окружающего мира, характеризуется, наряду с другими формами проявления, дуализмом, воплощенным в представлениях о мировых силах: добра и зла, света и тьмы, бога и дьявола.

Одним из наиболее надежных источников для изучения категорий национального мышления является фольклор, являющийся первостепенным материалом для исследования когнитивных структур (паттернов) [3].

Так, дуальные когнитивные структуры широко представлены внутритекстовыми традиционными формулами русских сказок. С помощью этих формул описывается: 1) продолжительность сказочного действия: *“долго ли, коротко ли”, “близко ли, далеко ли”, “скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается”*; 2) обращение героя к избушке на курьих ножках: *“Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом”*; 3) обращение к герою Бабы-Яги: *“Доселева русского духа слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нонеча русский дух в очах проявляется. Что ты, королевич, волею или неволею”* [1].

Помимо этого, в бытовых русских сказках дуализм мышления проявляется в наличии следующих противопоставлений: слабый и сильный, бедный и богатый, жадный и щедрый, умный и глупый. Представляет немалый интерес, насколько широко дуальные когнитивные структуры воплощены в таких произведениях русского фольклора, как пословицы: *Корень ученья горек, да плод его сладок. Маленькое дело лучше безделья.*

Итак, образ того или иного явления возникает в результате сравнения его свойств и качеств, их контрастного противопоставления, что подтверждает доминирование дуальных когнитивных структур в фольклорном языковом сознании представителей русской лингвокультуры.

Литература

1. Новиков Н.В. Русская сказка в ранних записях и публикациях (вступительная статья) // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века). Л.: Наука, 1971. — 289 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/srz/srz-003-.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
2. Шагиахметов М.Р. Дуализм мышления – закономерный этап развития // Грани эпохи: этико-философский журнал №68 (зима 2016-2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.facets.ru/articles5/shagheakhmetov3.htm> (дата обращения: 14.01.2017).
3. Dundes A. The number three in American culture (1968) // Threesology Research Journal. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.threesology.org/dundez-a.php> (дата обращения: 14.02.2017).

Е.А. Соловьева
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

В течение длительного времени метафора рассматривалась как риторический приём, однако работы А. Ричардса, М. Блэка, Дж. Лакоффа [3;4;7] и других исследователей свидетельствуют о наличии метафоры не только в сфере языка, но и в сфере мышления. Как показывают наблюдения, метафора активно присутствует в речи современных французских военнослужащих [2], однако, её изучение в этом виде дискурса далеко от завершения, что и определяет актуальность нашей работы. Не затрагивая спорные вопросы лингвистической дефиниции профессиональной речи, мы рассматриваем субстандартную военно-профессиональную лексику как совокупность неформализованных лексических единиц, относящихся к военно-профессиональному просторечию и военному жаргону. Под антропоцентрической метафорой мы понимаем основанный на метафоре перенос значения, непосредственно связанный с человеком и его деятельностью. Кроме того, вслед за С.М. Кравцовым мы полагаем, что метальные единицы и языковая система связаны через отношение «вербализатор – вербализуемое» [1:108].

Анализ практического материала, извлеченного из специализированных источников [5,6], свидетельствует о том, что наиболее часто метафорическая вербализация реалий военной сферы осуществляется с привлечением лексико-семантической группы «Реалии быта». Так, например, исходя из сходства формы, нашивка получает номинацию *barreau* (досл. брус). Соответственно выражение *gagner un barreau* (досл. заработать брус) имеет значение *получить повышение в звании*.

Реалии военно-профессиональной сферы могут также актуализироваться и путем персонификации. Они мыслятся в образе человека или же им присваиваются свойства человека, живого существа. Например: *métal hurlant* (досл. воющий/визжащий металл – реактивный самолёт). Достаточно редко военные реалии репрезентируются как часть тела человека. В этом случае переосмысления могут носить вульгарный характер. Например: *gros cul* (досл. большой зад – крупный военно-транспортный самолёт).

Иногда для метафорической вербализации реалий военного дела привлекаются лексические единицы, относящиеся к таким группам, как: «Невоенные профессии и занятия», «Одежда и аксессуары», «Религия». Например: *clairon* (досл. труба/горн – французская штурмовая винтовка (FAMAS)), *décollage cravate* (досл. взлёт-галстук – взлёт самолёта с режимом кабрирования), *Bible* (досл. Библия – 1) дисциплинарный устав; 2) список служащих морских офицеров).

Метафора позволяет переосмыслить военно-технические объекты в понятиях гражданских инженерно-технических реалий, что отчасти соответствует тенденции осмысления военной сферы в категориях привычного, повседневного мира. Например: *cation à bombes* (досл. грузовик с бомбами – самолёт-бомбардировщик).

Лексико-семантическая группа «Ощущения» связывает сферу материального мира со сферой ощущений человека. В проанализированной выборке обычно актуализируется визуальная или кинестетическая модальность. Например: 1) кинестетическая модальность: *roids lourds* (досл. тяжелолюды – крупный военно-транспортный самолёт); 2) визуальная модальность: *vol blanc* (досл. белый полёт – досрочное возвращение с задания из-за болезни).

Лексико-семантическая группа «Статус» отражает реалии военной сферы как общественно-иерархические отношения. Наиболее часто встречается метафора вертикали по

ассоциации с иерархической лестницей. Например: *rascha* (досл. *паши* – командир корабля), *Père Légion* (досл. *отец легиона* – генерал, командующий иностранным Легионом).

Некоторые метафорические переосмысления современной субстандартной лексики могут затрагивать арготическую лексику. Так, например, арготическая лексическая единица *rébroque*, номинирующая зонт, в результате метафорического переноса стала обозначать в военной сфере парашют. Соответственно *прыгать с парашютом* передаётся глаголом *se rébroquer*.

Разнообразной метафорической репрезентации могут подвергаться и сами военнослужащие. Приведём в качестве примеров: *marchand de soupe* (досл. *торговец супом* – морской офицер, отвечающий за снабжение продовольствием на небольшом корабле), *premier jus* (досл. *первый сок* – солдат 1-го класса), *gros volumes* (досл. *большие объёмы* – диспетчеры (центра) дальнего радиолокационного обнаружения и управления).

Метафорическая номинация противника носит достаточно ограниченный характер. В частности, противник может быть вербализован как человек низких моральных качеств: *salopard* (досл. *негодяй, ублюдок* – противник). Схожим образом могут репрезентироваться военные реалии, связанные с противником: *apache* (досл. *бандит* – самолёт противника).

Не менее любопытно использование метафор в неофициальных названиях высших военных школ Франции. Так, например, название высшего военно-морского училища (*École navale*, Lanvéoc-Poulmic) передаётся словом *La Baille* (досл. *Бадья*). Данная метафорическая номинация связана с арготическим обозначением корабля. Этимологически восходя к значению *бадья*, в современном арго лексическая единица *baille* может также номинировать воду или водоём.

Таким образом, свободная от условностей формализованного языка субстандартная военно-профессиональная лексика является важнейшим компонентом словарного корпуса современного французского языка. Метафора продуктивно участвует в её формировании и структурировании, а также позволяет лучше понять особенности ментальности и аксиологической ориентации данной социальной группы носителей языка.

Литература

1. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»). Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 312 с.
2. Соловьева Е.А. Метафора как средство реализации юмора в субстандартной военной лексике (на материале французского языка) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 3. С. 121-127.
3. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 55 (1954 - 1955), pp. 273-294.
4. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / Metaphor and thought 2ed. Cambridge: Cambridge University Press etc., 1983. – P. 202-251.
5. Le grand dictionnaire de l'argot militaire // Jean-Marie Cassagne / Ed. LBM, Paris, 2007, – 458 p.
6. Ministère des Armées de la France. Available at: <http://www.defense.gouv.fr>
7. Richards I.A. Philosophy of rhetoric. New York, London, Oxford University Press, 1936, 138 p.

В.Н. Фомина
(г. Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КЛАССИФИКАЦИОННОГО ПРИЗНАКА*

Синтаксическая норма, которая регулирует координацию главных членов предложения при подлежащем – количественно-именном сочетании, выбрана нами в качестве объекта исследования. Под координацией мы понимаем полное или частичное формальное уподобление словоформ, занимающих позиции главных членов предложения. В ходе исследования были проанализированы несколько источников, в которых содержатся правила, регламентирующие выбор верной формы числа сказуемого: справочник по правописанию и литературной правке Д.Э. Розенталя, учебник Н.С. Валгиной «Современный русский язык: Синтаксис», Русская грамматика и Краткая русская грамматика.

Сложность в освоении и применении в процессе коммуникации носителями языка представленной синтаксической нормы содержится в её объёмности, неоднозначности, проявляющейся в отсутствии императивности в формулировке многих правил, например: «при обозначении приблизительного количества сказуемое может стоять как в форме единственного, так и в форме множественного числа» [3: 244]; «форма ед. ч. глагола-сказуемого **обычнее** при нераспространенности предложения, особенно тогда, когда сказуемое предшествует подлежащему» [2: 419].

В процессе анализа интерпретаций исследуемой синтаксической нормы нам удалось установить, что правила, регламентирующие выбор формы сказуемого, основываются на большом количестве критериев, которые требуют знания других разделов русского языка. Например, формальному критерию, который предполагает обязательное наличие конкретного слова в количественно-именном сочетании, подчиняется правило с числительными **два, три, четыре**. Семантический критерий, предусматривающий присутствие определенной семантической составляющей, лежит в основе правила с наличием сказуемого **бытия, существования, положения в пространстве** и т.д. В реальной речевой практике один критерий может накладываться на другой. В предложении *На крутой скале, где построен навильон, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус; между ними **было два губернера** с своими воспитанниками, приехавшими лечиться от золотухи* есть числительное **два**, что предполагает постановку сказуемого во множественном числе, но сказуемое стоит в форме единственного числа, так как имеет значение бытия.

Разные интерпретации основываются на различном количестве критериев и расходятся в изложении нормы. Например, в справочнике Д.Э. Розенталя представлено следующее правило: «при составных числительных, оканчивающихся на **один**, сказуемое, как правило, ставится в форме единственного числа», в то время как оно отсутствует в остальных источниках [3: 243]. При сопоставлении последовательно зафиксированных правил обнаруживаются разные трактовки выбора верной формы сказуемого. Например, у Д.Э. Розенталя при обозначении приблизительного количества сказуемое может стоять как в форме единственного, так и в форме множественного числа, а «Русская грамматика» отдает предпочтение форме единственного числа. Некоторые правила четко не сформулированы и представлены только в примерах, что представляет сложность для их изучения: «Форма

---

* выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект №17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

единственного числа обязательная при наличии ограничительных слов; ср.: *Выступило три оратора. – Выступили три оратора, но: Выступило только три оратора*» [1: 106].

Противоречия при реализации исследуемой нормы во многом обусловлены отсутствием четко осознаваемых носителями языка критериев и их иерархии. В качестве классификационного признака, обуславливающего выбор формы сказуемого при подлежащем – количественно-именном сочетании, рассмотрим одушевленность/неодушевленность существительного в составе подлежащего. Данный признак представлен в следующих правилах: «если подчеркивается активность и раздельность действия каждого действующего лица, например: *Ряд сотрудников отдела заявили, что они не согласны с позицией администрации*; но: *Ряд вопросов, стоявших на повестке дня, за недостатком времени не обсуждался* (подлежащее обозначает неодушевленный предмет)» [3: 242]; «при обозначении активного действия лиц – форма мн.ч. — *Пять студентов успешно сдали зачет*; при обозначении неодушевленных предметов чаще – форма ед.ч.» [1: 106]; «Если позиция подлежащего занята количественным сочетанием, осложненным вторым род. п., причем этим сочетанием называется неодушевленный предмет, то глагол-сказуемое ставится в форме ед. ч.» [4: 242]. Нами были зафиксированы случаи как совпадения, так и не совпадения выбора формы числа сказуемого с правилом, что свидетельствует о не закреплённости данного признака в речевой практике у носителей языка. Ср.: *Как сообщили корреспонденту «АиФ-Волгоград» в ГУ МВД по региону, минувшей ночью в правоохранительные органы обратились пятеро автовладельцев – жители Кировского и Советского районов* («АиФ – Нижнее Поволжье», 22.03.2016); *Семь участков дорог будет перекрыто в Волгограде 11 и 12 июня* («АиФ - Нижнее Поволжье», 09.06.2017), но: *К правоохранителям обратилось пятеро волгоградцев с заявлениями о том, что в различное время они вложили свои сбережения в кооператив на условиях сохранения вкладов и получения до 17% годового дохода* («АиФ – Нижнее Поволжье», 09.08.2017); *Восемь отравлений произошли после употребления грибов* («Блокнот Волгоград» 26.08.2017).

В случаях совпадения выбора формы сказуемого мы можем видеть отсутствие иерархии признаков: *В России существует только шесть объектов, подобных главной понизительной подстанции ГОКа* («Блокнот Волгоград», 24.05.2017) – в данном случае выбор единственного числа сказуемого регламентируется и наличием неодушевленного существительного в составе подлежащего, и наличием слова *только*. В случаях несовпадения выбора формы сказуемого выявлены примеры, отражающие влияние других правил на выбор формы сказуемого. В предложении *Все четыре лагеря, расположенные в районе, досрочно завершили смену, детей вывезли из опасной зоны* («АиФ - Нижнее Поволжье», 25.08.2017) подлежащее называет неодушевленный предмет, а сказуемое стоит в форме множественного числа, так как есть числительное *четыре*, согласуемое определяющее слово *все* и причастный оборот между подлежащим и сказуемым. Признак одушевленности/неодушевленности оказывается менее значим на фоне других.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что исследуемая норма не является полностью изученной и кодифицированной. Большое количество критериев, наложение одного критерия на другой, отсутствие иерархии признаков, непоследовательная фиксация и разная трактовка правил представляют сложность для реализации данной синтаксической нормы носителями языка.

Литература

1. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003.– 416 с.
2. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. – 639 с.
3. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. –5-е изд., испр. / М.: Книга, –1989. – 320 с.
4. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко и др. М., 1980. Т. 2. – 717 с.

А.И. Чередников
(г. Волгоград, Россия)

ХАРАКТЕРИСТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ 5-9 КЛАССОВ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЧЕРТЫ

В данном исследовании рассматривается языковая личность (далее ЯЛ) школьников 5-9 классов с позиций качественных и количественных, а также частотных характеристик употребления всех групп служебных слов современного русского языка. Представлены результаты изучения письменных текстов учащихся как формирующихся ЯЛ, демонстрирующие несколько ключевых особенностей использования системы служебных слов русского языка, позволяющих выделить определённые черты формирующейся ЯЛ.

Наибольший интерес в данной научной работе представлял вопрос о том, какие характерные черты употребления служебных слов свойственны письменной речи школьников как ЯЛ, обладающей не полностью сформированными языковыми компетенциями, что позволяет охарактеризовать учащихся как особый вид ЯЛ – формирующихся ЯЛ [1].

С точки зрения трактовки понятия ЯЛ наиболее систематизированным нам представляется описание языковой личности и его структуры, эксплицированного в исследованиях Ю. Н. Караулова как «носитель языка, который охарактеризован на основе анализа сделанных им текстов с точки зрения применения в этих текстах системных средств языка» [4].

В рамках нашего исследования в качестве одного из наиболее значимых элементов характеристики ЯЛ рассматриваются служебные слова, соответственно, круг анализируемых элементов значительно сужается и представляет собой три группы служебных слов: предлоги, союзы и частицы [5].

Как элементы языковой личности, служебные слова позволяют выявить типовые черты и использовать их как параметры при составлении характеристики речевого портрета [3]. В рамках исследования было изучено 21942 случая употреблений служебных слов в 300 письменных работах учащихся. Школьники 5–9 классов представляют собой особую группу формирующихся языковых личностей, речевые черты которой определяются тремя факторами: уровнем изучения системы письменного литературного языка, уровнем сложившейся речевой компетенции, уровнем речевых запросов [2].

Проведённый анализ употребления всех групп служебных слов, зафиксированных в письменных текстах учащихся 5-9 классов, позволил прийти к определённым выводам.

В области употребления предлогов установлено тяготение школьников к использованию предлогов с двупадежной валентностью – возможностью употребления предлога с двумя падежами соотносимой с ним словоформы, что составляет 61% от общего числа употреблённых пятиклассниками предлогов.

Сочинения и изложения учащихся 6 классов продемонстрировали ярко выраженное тяготение к употреблению простых и непрямых предлогов. Так, выявлено, что в абсолютном большинстве случаев (99,3%) учащимися 6 классов в письменных текстах используются простые предлоги, тогда как составные и сложные предлоги в исследованных текстах единичны. Кроме того, ученики не склонны употреблять отыменные производные предлоги. При анализе текстов учащихся 7-9 классов выявлена тенденция к увеличению числа производных единиц (по 4% в работах семи- и восьмиклассников и 4,5% в текстах девятиклассников).

Проведённый нами анализ употребления союзов выявил, что при построении сложных предложений учащиеся избирают в большинстве случаев тип сочинительных синтаксических конструкций.

В работах же учащихся 7 классов наблюдается тенденция к стремлению строить сложноподчинённые предложения, а следовательно, к увеличению использования подчинительных союзов (40% в работах семиклассников против 31% и 29% у шести- и пятиклассников).

В употреблении союзов учащиеся намного более склонны к использованию непроизводных союзов, что составляет 75,8%. Изъяснительные подчинительные союзы в среднем оказались наиболее предпочтительны в письменной речи учащихся (20,5%).

Кроме того, для учащихся 5–6 классов характерно членение сложных синтаксических конструкций на несколько простых с использованием парцелляции.

Тексты письменных работ учащихся 8-9 классов продолжают тенденцию к увеличению доли подчинительных союзов (42% у восьмиклассников и 46% у девятиклассников).

Собранный языковой материал показал, что частицы используются учащимися значительно реже, чем другие служебные слова. При этом наиболее употребительными из них оказались отрицательные и формообразующие, составляющие по 31,45% и 43,1% соответственно, тогда как модальные частицы зафиксированы нами лишь в 25,45% случаев.

Следует отметить, что учащимся 5–го класса свойственно перенесение в письменную речь отличительных черт из устной речи в стремлении выразить модальные значения у слов или синтаксических конструкций, а учащиеся 6–го класса в наименьшей мере использовали разного рода частицы в текстах своих работ и в большей мере – предлоги, что может свидетельствовать о незначительной потребности выражать субъективно–модальные характеристики и отношения и о потребности выразить отношения предметов и действий друг к другу, а также состояний и признаков.

В целом для письменной речи школьников 6–7 классов характерно употребление разнообразного набора служебных слов, однако подобное стремление к экстенсивности оказывается сопряжено с допущением ряда типичных ошибок.

Таким образом, изучение письменной речи формирующейся языковой личности показывает, что в динамическом аспекте обнаруживаются специфические черты, свойственные ЯЛ определенного возраста. При этом регулярные – повторяющиеся наиболее частотно и характерные для большинства школьников изучаемого возраста – особенности использования служебных слов РЯ могут являться диагностическими чертами, при помощи которых их можно дифференцировать среди ЯЛ других типов.

Литература

1. Аниськина Н. В. Языковая личность современного старшеклассника: дисс ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2001. – 23 с.– Ярославль, 2001. – 247 с.
2. Божович Е. Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии, № 1. – М. : Издательство психологического института РАО, 1997. – С. 33–44.
3. Головина Т. А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект на материале художественных текстов: Автореф. дисс канд. филол. наук.– Барнаул, 2008. – 23 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Шведова Н. Ю. Русская грамматика, Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 792 с.

Д.А. Шатилова
(г. Волгоград, Россия)

ОБОСОБЛЕНИЕ СОГЛАСОВАННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ*

Пунктуационная норма, понимаемая как совокупность знаков препинания и правил их употребления, является разновидностью нормы языковой. Выделение пунктуационной нормы как самостоятельной стало возможным в силу того, что на современном этапе развития языка пунктуация сформировалась как сложная и гибкая система (Н.С. Валгина, Н.Л. Шубина, Б.С. Шварцкопф). Соблюдение нормы помогает «передать мысль в спрессованном виде, сконцентрировать отдельные детали описания, подчинив их выражению единого смысла» [1: 14]. Как и языковая норма, пунктуационная обладает такими чертами, как традиционность, устойчивость, употребительность, обоснованность с точки зрения системы языка. Её особенностью, наряду с нормой орфографической, является то, что для овладения правописанием необходимо осознанное, поэтапное усвоение правил, в отличие от остальных норм, которые усваиваются в процессе естественной речевой деятельности. Правила пунктуации функционируют в текстах любой стилевой принадлежности и определяются синтаксической структурой или смысловой наполненностью предложения (путём осмысления типовой ситуации употребления знака) [2: 160]. В отличие от орфографической нормы, правила которой строятся с опорой на фонетический и морфологический строй языка, пунктуационная норма регулирует употребление пунктуационных знаков исходя из конкретной коммуникативной ситуации, носит интернациональный характер и допускает, наряду с обязательной постановкой знаков препинания, факультативное их употребление [3: 8].

Обособление согласованных определений относится к наиболее хорошо изученным носителями языка пунктуационным нормам. Современные правила пунктуации, среди которых есть как достаточно простые, так и более сложные правила, основываются на нескольких критериях – морфологическом, структурном, синтаксическом, семантическом и некоторых других. Например, правило обособления определения, относящегося к личному местоимению, опирается на морфологический критерий, т.к. предусматривает определенную частеречную принадлежность слова или конструкции.

Рассмотрим реализацию пунктуационной нормы, касающейся обособления согласованных определений, в региональных печатных изданиях. Наиболее частотным в применении является правило, регулирующее обособление согласованного определения, выраженного причастным оборотом в постпозиции по отношению к определяемому слову: *Что делать налогоплательщику, не получившему уведомление инспекции?* («Восход», №36, 2015); *Она отметила плодотворную работу, проводимую Союзом женщин совместно с администрацией области* («Коммунар», №88, 2016). Данная модель обособления согласованных определений востребована и всегда соблюдается, что говорит об эффективности усвоения правила носителями языка. Предложения со схожей моделью обособления, где в роли согласованного определения выступает прилагательное с зависимыми словами, не менее частотны: *Где бы мы ни оказывались, с кем бы мы ни говорили, всегда находился китаец, готовый нам помочь во всем* («Форум», №7, 2017). Часто в текстах печатных изданий встречаются более сложные модификации, содержащие в себе несколько обособленных однородных согласованных определений: *Поэтому мы, четыре молодые девушки, легкие на подъем и скромные в душе, а самое главное, никогда не*

---

* выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект №17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

имеющие ничего общего с данным родом деятельности, само собой, начали безудержно веселиться и нести чушь («Форум», №7, 2015). Сюда же можно отнести примеры обособления согласованных определений с определяемым словом, уже функционирующим в определительных оборотах: *С 16 сентября все жители города, которые заметили нарушения правил дорожного движения, допускаемые водителями автомобилей, осуществляющими принудительную эвакуацию транспорта, могут сообщить об этом в Главное управление МВД по региону* («Волгоградская правда», №149, 2015).

К менее частотным моделям обособления можно отнести обособление нераспространенных определений, имеющих пояснительно-конкретизирующее значение: *Были и другие колонны новобранцев, ещё не обученные, из азиатских республик* («Коммунар», №88, 2016). Нередко в региональных печатных изданиях вместо запятой используется в целях обособления тире. Такие определительные обороты обычно находятся в конце предложения: *В углу кухни можно установить мойку (имеются соответствующие модели), а под ней, чтобы площадь не пропадала, разместить специальную угловую систему хранения – выкатную или поворотную* («Восход», №41, 2015); *Десятилетний Антошка давно мечтает о велосипеде – скоростном, ярко-синем, с блестящими спицами* («Восход», №35, 2015). Примером, не относящимся ни к одному из пунктов правил, является предложение, где обособленное согласованное определение оформлено с помощью парцелляции: *И чтобы у каждого десятилетнего мальчишки был велосипед. Свой собственный. Скоростной. С блестящими спицами* («Восход», №35, 2015). Использование парцелляции позволяет сделать вывод, что часто в публицистическом тексте приобретают важность дополнительные стилеобразующие средства, призванные воздействовать на читающего.

Менее распространенной моделью является обособление согласованных определений, относящихся к личному местоимению. Данное правило чаще всего подавляется правилом обособления определений, выраженных причастным оборотом или прилагательным с зависимыми словами: *Мне, имеющей взрывной и доверчивый характер, так часто не хватает этих качеств!* («Форум», №7, 2015). Поэтому примеры, где определительный оборот находится в препозиции к определяемому слову, выраженному личным местоимением, иногда содержат ошибку: *Подавленная печалью я медленно брела по берегу Волги к своему дому* («Коммунар», №88, 2016). Пропуск знака здесь можно связать с ошибочным отнесением носителем языка данной модели к модели необособления согласованного определения, выраженного препозитивным причастным оборотом.

Представленные примеры позволяют сделать вывод о шаблонности и стремлению к экономии речевых усилий, свойственному печатным изданиям. Журналистам удобнее использовать несложные модели обособления/необособления согласованных определений, так как данные конструкции понятны большинству носителей языка и ошибки при их использовании будут минимальны.

Литература

1. Валгина, Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2004. – 259 с.
2. Сидорова, Е.Г. Лингвистические основания современной русской пунктуации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – Выпуск 1. 2001. – С.160-164.
3. Брусницына, Е.В. Пунктуационная норма современного русского языка как проблема деятельности корректора: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01.– Омск, 2010. – 183 с.

К.А. Шостак
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Спор об истинности имен и фамилий, который начался еще в эпоху античности, не прекращается и в наше время. Наряду с этим утверждением, мнений остается столько же, сколько и тех, кто спорит. Целью этих споров является рассмотрение значения имен собственных (далее ИС) и фамилий, соотнесение внутренней сущности антропонима и восприятие его обществом, в котором он существует и функционирует. Вопрос о значении ИС и фамилий является предметом дискуссии из-за существующего расхождения взглядов лингвистов на тему, обладают ли антропонимы лексическим значением, или они выступают своеобразными ярлыками. Семантика антропонимов является не только спорным явлением, но и малоизученным. Так, по мнению ономаста А.В. Суперанской, семантика ИС и фамилий выступает областью неизученной и неопределенной [3: 255]. ИС и фамилии имеют особый статус в плане их лексического значения, они находятся за рамками основного лексического состава языков.

Настоящая работа посвящена изучению особенностей структуры и семантики английских ИС и фамилий германского происхождения как носителей истории и культуры средневекового англосаксонского общества.

Корпус языкового материала составляют 550 английских ИС германского происхождения и 297 английских фамилий германского происхождения, которые представляется возможным классифицировать на следующие группы: английские антропонимы с компонентами “война”, “доблесть и слава”, “личностные качества человека”, “мир и защита”, “государственное управление”, “верования”, отражающими воинственное мировоззрение и мифологическую картину мира средневековых англосаксов.

Изучение антропонимов германского происхождения (далее АГП) в лингвокультурологическом ракурсе будет неполным без обращения к структурному анализу, так как компоненты ИС и фамилий несут в себе историческую информацию о народе, а также сведения о социальных процессах на определенном этапе развития этой народности.

Изучая особенности структуры английских ИС и фамилий, необходимо обратиться к терминам «тема» и «антропооснова», предложенными исследователями А.А. Живоглядным и К.Б. Зайцевой, вслед за которыми выделяют два основных структурных класса антропонимов – однотемные и двутемные ИС и фамилии [1; 2].

В результате словообразовательного анализа, возможно выделение факта превалирования двутемных английских ИС *Siward (m)* – др.-англ. *sige* ‘победа’ + *weard* ‘страж, защитник’ и фамилий *Baldwin* – герм. *bald* ‘смелый’ + *wini* ‘друг’ по сравнению с однотемными личными именами *Berta (f)* – ср. др.-вн. *beraht* ‘светлый, известный’ и фамилиями *Drogo* – герм. *drogo* ‘призрак’, что составляет 514 ИС и 241 фамилию от общего количества рассматриваемых единиц (93,5%) и (81%) и соответственно 36 ИС и 56 фамилий или (6,5%) и (19%), что может быть связано с первостепенным появлением двутемных ИС и фамилий по сравнению с однотемными.

Как уже отмечалось ранее, для структуры АГП характерна двутемность. В состав ИС и фамилий входило два компонента, которые воспринимались средневековым англосаксонским обществом как единое понятие, характеризующееся единством смысловой структуры. Отметим, что набор формантов однокомпонентных ИС и фамилий ограничен по сравнению с двухкомпонентными ИС и фамилиями, что связано с вхождением в их состав только определенных групп апеллятивных основ. Например, при образовании двухкомпонентных имен использовались такие части речи как имя существительное, имя

прилагательное, глагол, реже предлоги или другие части речи. Так, наиболее продуктивной словообразовательной моделью выступают компоненты вида существительное + существительное (260 ИС или 50,6%) – *Badvin (m)* – др.-англ. *bad* ‘битва, сражение’ + *wini* ‘друг’, *Gebawin* – герм. *geb* ‘подарок’ + *wini* ‘друг’ (98 фамилий или 40%), периферийной моделью являются форманты, состоящие из двух прилагательных, что составляет 40 личных имен или 7,8% от всех единиц – *Adalmar (m)* – др.-англ. *adal* ‘благородный’ + *mār* ‘слава’, *māri* ‘знаменитый’ и 28 фамилий (12%) – *Gailhard* – герм. *gail* ‘веселый, радостный’ + *hart* ‘сильный’, а наименее продуктивная словообразовательная модель – форманты, заключающие в своем составе глагол и существительное (37 ИС или 7,2%) – *Walthild (m)* – ср. др.-вн. *waltan* ‘править, управлять’ + *hild* ‘битва’, *Gerald* – герм. *gēr, gar* ‘копье’ + *waltan* ‘управлять, править’ (10 фамилий или 4%).

Простая структура однотемных ИС и фамилий вовсе не означает, что с точки зрения их семантического значения они представляют меньший интерес для лингвистов, чем двутемные АГП. Это связано с отчетливым социальным сюжетом, заложенным во внутренней форме компонента. Простые или однотемные АГП представляют сравнительно немногочисленную группу ИС и фамилий по отношению к сложным именам и фамилиям. В результате анализа структурных особенностей однотемных АГП, является возможным отметить, что наиболее продуктивной словообразовательной моделью однотемных ИС данного исследования являются имена, состоящие из имени прилагательного – *Frōda (m)* – др.-вн. *frōd* ‘мудрый, старый’, что составляет 20 единиц или 55,6% и фамилии – *Grace* – герм. *grāce* ‘серый’ (30 единиц или 53%). В свою очередь, наименее продуктивной моделью выступают АГП, в основе которых – имя существительное, ИС *Otto (m)* – ср. др.-вн. *ot* ‘владение, имение, собственность’ (16 ИС, 44,4%) и фамилии *Gero* – герм. *gēr, gar* ‘копье’ (26 единиц, 47%).

Словообразовательные модели двутемных АГП сохранились лучше, чем компоненты однотемных АГП, о чем свидетельствуют количественные данные этих имен. На наш взгляд, это связано с фактом фиксирования двутемных имен и фамилий в официальных документах, летописях, на основе которых позже создавались словари личных имен и фамилий. Из этого утверждения можно заключить, что сложные имена и фамилии ассоциировались с определенным слоем общества, а также служили для обозначения представителей верхушки общества. Также возможно заметить, что компоненты двутемных имен и фамилий передают высокие аксиологические ценности англосаксов периода раннего средневековья, такие как богатство, благородство, воинственность. Несмотря на то, что группа однотемных АГП немногочисленна, они позволяют раскрыть нужную информацию о представителях низших слоев средневекового англосаксонского общества, передавая свернутый национально-культурный текст также отчетливо, как и двутемные ИС и фамилии.

Литература

1. Живоглядов А.А. Особые случаи перевода смысловых имен собственных (на материале перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английском языке) // Теория и практика перевода. – К.: Высш. шк., 1982. – Вып. 7. – С. 60-72.
2. Зайцева К.Б. Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций. – Одесса, 1973. – 67 с.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
4. Hanks P.A Dictionary of First Names. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – 444 p.
5. Reaney P.H., Wilson R.M. A dictionary of English surnames. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. – 520 p.

В.Ю. Яненко
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЭПОНИМОВ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Эпонимические термины являются отражением эволюции медицинского познания и составляют большую часть медицинской терминологии, формируя научный дискурс. Эпоним – это название явления, болезни, понятия, структуры или метода по имени человека, впервые обнаружившего или описавшего их, как например, часто используемый термин «болезнь Альцгеймера», который является производным от эпонима Алоиса Альцгеймера, немецкого психиатра XX века.

Иным примером могут служить следующие эпонимы, которые составляют распространенную в эпонимической среде проблему, а именно, эпонимы, основанные на одном и том же имени собственном, не означают, что речь идет об одном и том же враче, что может привести к культурологическому заблуждению: *the Pick cell*, *Pick's disease* и *Pick's pericarditis* были названы в честь (соответственно) Людвиг Пика (немецкого патолога), Арнольда Пика (чешского психиатра) и Фриделя Пика (австрийского врача) [2: 18]. Эпонимические термины в медицинской терминологии получили описание в нескольких научных работах, авторы которых приводят различные классификации данных терминов: В. Ф. Новодранова, Е. В. Бекишева и другие.

Материалом исследования послужили 353 эпонимические единицы, отобранные из различных медицинских энциклопедий и словарей (*The Dictionary of Modern Medicine* (J.C. Segen), Трехтомный энциклопедический словарь медицинских терминов) На основании отобранных терминов и соответственно поставленным целям и утвержденным задачам квалификационной работы, была осуществлена семантическая классификация эпонимической лексики и её структурные особенности.

В результате семантического анализа языкового материала были выделены следующие семантические группы: Болезни, Органы, Симптомы, Хирургические процессы, Медицинские инструменты, Переломы и Лечение. Группа *Болезни* является наиболее многочисленной. Это объясняется тем, что в данную группу входят названия непосредственно болезней, синдромов и отклонений различного рода. В свою очередь, наименее продуктивной оказалась группа *Лечение*, и, таким образом, можно предположить, что данный результат обосновывается отсутствием диагнозов и, соответственно, способов лечения некоторых заболеваний или деформаций [1: 48].

В ходе исследования и анализа отобранной эпонимической лексики была отмечена одна особенность языкового материала: более четверти изученной эпонимической терминологии относится к конкретному разделу медицины – к ортопедии. Это связано с тем, что наибольший процент обращений в пункты оказания первой помощи составляют внешние повреждения и ушибы различного рода, что необходимо быстро и точно диагностировать. Ортопедическая эпонимическая лексика была также подвергнута семантическому группированию, и было выявлено, что группы *Классификация* и *Состояния* количественно преобладают, поскольку ортопедия занимается профилактикой и лечением различного рода деформаций костно-мышечной системы, и определенная деформация может относиться к особому роду травм, так же как и конкретное состояние может вести к определенному диагнозу, в связи с чем возникает необходимость правильно их классифицировать. Что касается наименее ёмкой группы эпонимов, то в данной классификации эта роль отходит отделу *Первой помощи*. Это обосновывается тем, что в практике ортопеда редко случаются чрезвычайные происшествия в сравнении с врачом-кардиологом, как пример.

Изучая лексические единицы, а в данном случае, эпонимы, невозможно опустить анализ их структурных особенностей. На основе исследований Елены Владимировны

Бекишевой, можно выделить 5 основных способов образования терминов-эпонимов. Необходимо отметить, что *Простые эпонимы* не составляют наиболее многочисленную группу, напротив, наравне с группой *Аббревиатуры* – они охватывают наименьшее количество эпонимических единиц.

Как правило, чаще всего встречаются *Словосочетания с компонентом-эпонимом в Родительном падеже*. В этом случае следует различать 2 вида родительного падежа – синтетический, пишущийся через апостроф и с буквой –s (как, например, в *Baker's cyst*, *Koch's triangle*) и аналитический, образующийся с помощью предлога of – *Tetralogy of Fallot*, *the circle of Willis*. Что касается следующего способа образования эпонимов, а именно, *Суффиксации*, – данный метод не является широко используемым.

Группу *Словосочетаний с компонентом-эпонимом* можно назвать наиболее многочисленной, хотя современная тенденция образования медицинских эпонимов придерживается структуры *существительное + существительное*. Это обосновывается тем, что, хотя эпонимы представляют собой притяжательные существительные, образованные от имен собственных, структурно они употребляются в качестве прилагательных, и поэтому не имеют притяжательного значения. Этот тип образования терминов используется, когда эпонимическая часть словосочетания состоит из нескольких имен собственных: например, *Piulachs-Vidal-Barraquer varicose veins* – поражение вен, для которого характерно увеличение диаметра просвета, истончение венозной стенки и образование «узлов» – «Пиуллакса-Видаля-Баракки варикозное расширение вен».

Эпонимы представляют медицинскую науку в ее историческом развитии как живую череду ученых, ее создавших. Среди словообразовательных моделей английских медицинских терминов традиционное место отведено композиции, что является следствием влияния системы греческого языка. Проведенное исследование показало, что терминологический фонд современной медицинской науки перегружен эпонимической терминологией. Процесс унифицированной эпонимизации начался в медицине в середине прошлого столетия с наименования болезней по именам собственным. Эпонимические термины являются неотъемлемой частью медицинской терминологии разных языков и, как часть языка науки, способствуют более глубокому пониманию деятельности человека и его культуры.

Литература

1. Бекишева, Е.В. Антропоморфные термины в языке медицины: этнолингвистический и когнитивный аспекты // *Язык медицины : Всерос. меж-вуз. сб. науч. тр.* – Самара : ООО «Содружество Плюс», 2004. – С. 48-59.
2. Новодранова, В.Ф. Когнитивно-коммуникативная парадигма языка науки // *Когнитивная семантика: в 2-х ч.* – Тамбов, 2000. – Ч. 2., 128 с.
3. Segen, J.C. *The Dictionary of Modern Medicine* / J.C. Segen. – The Parthenon Publishing Group, 1992. – 783p.
4. *Who Named It* [Electronic resource]: a dictionary of medical eponyms.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Б.С. Авезова
(г. Москва, Россия)

ПОРЯДКОВОЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ПЕРВЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И ХИНДИ ЯЗЫКАХ

В данной работе исследуются фразеологизмы с порядковым числительным «первый» английского, русского, таджикского и хинди языков. Порядковые относительные

прилагательные (называемые также порядковыми числительными) обозначают признак через отношение к числу (количеству, месту в ряду). По своей семантике (обозначение признака через отношение), морфологическим категориям, словоизменению и синтаксическим функциям они не отличаются от других относительных прилагательных*.

Например: А: *first perusal* [букв. первое прочтение, рассмотрение.] 'право первого выбора, преимущественной покупки'; *firstlings* [букв. первая морская щука] 'первые плоды'; *first leg* 'первый этап путешествия'; Р: *из первых рук* 'непосредственно от кого-либо, без посредника'; *первый мошенник* 'отъявленный мошенник'; *первый парень (на деревне)* 'красив, веселый'; Т: *ёриш аввалин* [букв первая помощь] 'первая помощь'; *гунчаҳои аввалин* [букв. первые бутоны, почки] 'первое появление чего-то нового, новых росточков'; *аввалмақом* [букв. первое место, первый статус] 'вышестоящий'; Х: *pahlā[†] zamāne* [букв. первые времена] 'старые времена'; *pahle zamānā* [букв. первые времена] 'прежние времена, в старину'; *pahlā ghāntā* [букв. первый час] 'первые часы, первое время'; *pahle[‡] din* [букв. первые дни] 'прежде, раньше'.

Как известно, с переводческой точки зрения фразеологизмы имеют эквиваленты или могут быть безэквивалентными. Сравнительный анализ ИФ исследуемых языков показывает, что наблюдается идентичность фразеологизмов с порядковым числительным «первый». В данных языках встречаются как полные, так и частичные эквиваленты ИФ с этим числительным.

Полные эквиваленты:

А: *in the first place* = Р: *в первую очередь* 'прежде всего', 'во-первых' = Т: *дар навбати аввал* [букв. в первую очередь] 'прежде всего', 'в первую очередь';

А: *the first lady (the First lady)* = Р: *первая леди* 'первая леди, супруга губернатора(штата), супруга главы какого-либо государства (напр. *the first Lady of Brazil*)', 'женщина, занимающая в чем-либо ведущее положение';

А: *(at) first hand* = Р: *из первых рук* 'непосредственно, из первых рук'; 'информация от очевидца, участника';

Частичные эквиваленты:

А: *first fruits* = Р: *первые плоды* 'первые результаты';

Х: *sarvpratham* [букв. самый первый] = Р: *первым делом, в первую очередь, первым делом* = Т: *дар навбати аввал* [букв. в первую очередь] 'прежде всего', 'в первую очередь'.

При наличии двух или трех эквивалентов ИФ для перевода на другой язык выбирается наиболее подходящий, так как они равноценны. Ведь каждый из исследуемых языков по отдельности имеют несколько вариантов ИФ.

При проведении сравнительного анализа ИФ исследуемых языков с числительным 'первый' обнаружилось, что в составе ИФ таджикского языка это числительное реже встречается, чем в сопоставляемых языках. В толковых и двуязычных словарях таджикского языка обнаружено небольшое количество таких ИФ. Порядковое числительное «первый» (якум) и его синонимы (*аввал*, *нахуст*) не так часто образуют бинарные фразеологизмы. Следует отметить, что заимствованные числительные также участвуют при образовании ИФ в частности в хинди и таджикском языках: арабские слова: 'avval' в хинди и 'аввал, аввалин' в таджикском, которые обозначают 'первый', первоначальный, 'начальный'. Как известно, «числительные, входящие в состав ИФ, как правило, выражают не собственно числовое, а несобственное, нечисловое значение, которое обусловлено когнитивно. То есть опыт человека и его знания определяют употребление тех или иных числительных в конкретных идиомах, выражающих те или иные значения» [3: 7]. Семантический анализ позволяет сделать вывод, что в этих

* в русском и хинди языках порядковые числительные - прилагательные в зависимости от существительного склоняются по родам, числам и падежам.

† *pahlā* как прилагательное изменяется по числам, падежам и родам. Суффикс *ā*-показатель мужского рода

‡ «e» - показатель множественного числа

четырёх языках ИФ с порядковым числительным «первый» означают: *первый, ранний, главный, значительный, выдающийся, начало, прежнее, сначала.*

Литература

1. Абдурахимов, С. Ибораҳои исми бо шумора // Армуғони олимони чавон (маколаҳо доир ба забон ва адабиёти тоҷик). Душанбе, 1986. – С. 171 - 185.
2. Авезова, Б.С. Некоторые особенности фразеологизмов с компонентом-числительное хинди, английского и русского языков // Шарқшунослар анҷумани. №1, Тошкент Давлат Шарқшунослик Институти, 2009. – С. 10-21.
3. Авезова, Б. С. Структурно-семантический анализ именных фразеологизмов с числительным «один» в английском, русском, таджикском языках и языке хинди // Филологические науки. Выпуск № 7 / Гл. ред. В.А.Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 6-24.
4. Каримов Х. Дар бораи баъзе хусусиятҳои калима «як» // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1967. – С.20-29.
5. Кунин, А. В. Фразеология английского языка. Дубна. Феникс, 2005.– 288 с.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2т. Т. II. – М.: Флинта: Наука, 2004.– 832 с.
7. Agraval, P. Hindī muhāvare. Kalkatta, 1969. –759 p.
8. Avezova, B. S. Comparison studies of Hindi and Tajik phraseology. Language Vitality in South Asia // edited by Ali. R. Fatihi 2009, Aligarh Muslim University, Aligarh. India. – pp. 26-38.
9. Avezova, B. S. The Structural and Semantic Analysis of English, Tajik, Hindi and Russian Idioms // XXV International Conference on source Studies and Historiography of Asia and Africa “Asian and African Studies in the Dialogue of Civilization” April 22-24, 2009. Abstracts. St.Petersburg, 2009. – pp. 385-387.
10. Koul Omkar N. Modern Hindi Grammar. – Dunwoody Press, 2009. – 326 p.
11. Tivārī, Bholanath. Hindī muhāvārākosh. Nai-Dillī, 1984. –560 p.

М.С. Афанасьева
(г. Таганрог, Россия)

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ СЕРВИСА И ТУРИЗМА

В настоящее время активно развивается туристский бизнес, увеличиваются контакты российских и зарубежных туристических фирм, отмечается возрастающий интерес к туристской сфере среди русского населения. В связи с этим в русский язык проникает всё большее количество английских заимствований. Цель данной работы проанализировать английские заимствования на материале нескольких туристических сайтов: Booking.com, Airbnb, Trivago, Aviasales и др.

Как отмечают Елена Ивановна и Ирина Дмитриевна Марковы, заимствование является одним из инструментов обогащения языка. Если заимствованное слово не противоречит узусу носителей и отвечает текущим потребностям языка, то оно окончательно встраивается в систему языка и становится привычным для носителей данного языка [2].

Следует отметить, что терминосистема сферы туризма постоянно обновляется и регулярно пополняется английскими заимствованиями, что свидетельствует о сближении терминосистем английского и русского языка [1]. Многие слова из индустрии туризма имеют иноязычное происхождение («транзит», «турист», «виза», «круиз», «студия», «буклет» и др.). Однако, существуют заимствования, которые с трудом приживаются или не находят эквивалентов в русском языке (выражения «all inclusive», «reception desk», «hostel», «studio» и т.д.)

Также следует отметить, что часто англоязычные термины переходят в терминосистему русского языка и сохраняются в ней в виде интернационализмов («кейтеринг», «овербукинг», «ресепшн», «чартер», «пэкидж-тур», «ВИП-сервис» и т.д.).

Такие слова переходят в статус интернационализмов, по причине того, что в русском языке отсутствует термин, который бы кратко описал туристическое явление другого языка.

В связи с интенсивным процессом глобализации и становлением английского языка средством межкультурного общения, в туристской среде происходит процесс устаревания существовавших ранее понятий. Довольно часто в сфере туризма употребляют английские термины вместо устаревающих русских аналогов: «инкаминг» (от англ. «incoming») вместо выражения «въездной туризм»; «аутгоинг» (от англ. «outgoing») вместо «выездной туризм» и т.д.

В наши дни процесс заимствования происходит очень быстро. Английские заимствования проникают в русский язык в результате взаимодействия, расширения контактов, взаимного влияния культур разных государств. Многие из заимствованных слов в сфере туризма пытаются ассимилироваться в русском языке. Есть и такие термины, которые с трудом приживаются в русском языке, по причине несвойственного языку сочетания звуков или формы слова. Употребление английских терминов может быть оправдано стремлением к точности и скорости обслуживания в профессиональной среде.

Современному исследователю довольно трудно регламентировать процесс появления новой лексики в профессиональной туристской среде. Научно-технический прогресс, глобализация, появление новых продуктов, туристических услуг – всё это становится причиной появления огромного количества заимствований. Однако, выявление наиболее употребительных речевых оборотов, профессиональных терминов, английских заимствований в этой среде – увлекательный и полезный процесс, что подтверждает перспективы дальнейших исследований по данной теме.

Литература

1. Завтур, А.А., Крат, М. В. Способы заимствования англоязычной терминологии в сфере туризма и сервиса // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/4702> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Маркова Е. И., Маркова И. Д. Заимствованная лексика в сфере туризма // Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 682-684.
3. Туристский сайт Booking.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booking.com/index.ru.html> – (дата обращения: 18.11.2017).
4. Туристский сайт Airbnb [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.airbnb.ru/> – (дата обращения: 20.11.2017).
5. Туристский сайт Aviasales [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aviasales.ru> – (дата обращения: 19.11.2017).
6. Туристский сайт Trivago [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.trivago.ru> – (дата обращения: 19.11.2017).

М.С. Барбунова
(г. Москва, Россия)

ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В современном языкознании наблюдается повышенный интерес к исследованию различных видов концептов. В. А. Кухаренко применительно к художественному дискурсу считает его главной категорией *концепт* как главную идею произведения [3:7]. В рамках литературного произведения выделяются художественные концепты как «универсальные элементы смысла», присущие только авторскому восприятию действительности. В совокупности они образуют авторскую концептосферу, поэтому изучение языкового представления художественного концепта является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного дискурса.

Художественный концепт по своей природе представляет собой совокупность индивидуально-авторского и общекультурного содержательных компонентов, поэтому он является важным элементом ментальной основы идиостиля [2].

Именно в художественном произведении концепт получает статус художественного. Как неотъемлемый элемент он реализуется в произведении, с одной стороны, как выражение авторского замысла, а с другой – самостоятельной системы, над которой автор уже не властен. Следовательно, художественный концепт здесь ведёт себя неоднозначно: он формирует художественный мир произведения и видоизменяется им. Концепт основывает концептосферу произведения на уровне смысла, заложенного художником [4: 54].

Концептуальную основу художественного произведения, являющегося объектом нашего исследования, составляют макроконцепты – «Человек» и «Природа», представленные в контексте литературного произведения микроконцептами «психологическое состояние» и «живая природа». Именно пересечение этих концептуальных подкатегорий создает когнитивную (глубинную) составляющую повести Э. Хемингуэя "The Old Man and the Sea". Наши наблюдения свидетельствуют о том, что концептуальная динамика авторского замысла вербально маркируется адекватными конститuentами лексико-семантической парадигмы в оригинальной версии и в переводе на русский язык.

В рамках этой публикации представлены результаты исследования фразпросодических особенностей озвученной версии повести на материале двух языков – английского и русского на перцептивном и акустическом уровнях и установлены некоторые конкретно-языковые и типологические характеристики просодической реализации исследуемых отрезков вербального контекста. Результаты перцептивного анализа исследуемых фоносинтагм художественного дискурса были сопоставлены с их акустическими характеристиками. Реализация фоносинтагм оригинала и озвученной версии перевода на русский язык имеет ряд конкретно-языковых и типологических особенностей. Так, контекстуальный анализ подтверждает нашу гипотезу в отношении базовых концептов. Они маркируются лексемами "old man", "fish" и "boy" в оригинальной версии прозы и лексемами «старик», «рыбы» и «мальчик» в русскоязычном переводе. Например:

They spread apart (1) | after they were out of the mouth of the harbor (2) | and each one headed (3) | *for the part of the ocean* (4) | *where he hoped to find fish* (5) || [5].

Выйдя из бухты, (1) | лодки рассеялись в разные стороны, (2) | и каждый **рыбак** направился туда, (3) | где он надеялся найти **рыбу**. (4) || [6].

Наблюдения над перцептивными характеристиками доминирующих фоносинтагм находят своё отражение на акустическом уровне. Ключевая лексика, маркирующая один из базовых концептов «Природа», занимает рематическую позицию в фоносинтагме *where he hoped to find fish* и *где он надеялся найти рыбу*.

Характеристики конфигурации частоты основного тона (далее ЧОТ) подтверждают наши наблюдения. Лексема "fish", которая является одним из актуализаторов концепта, маркируется нисходящим движением тона и является фокусом информации. Что касается характеристик ЧОТ в отношении конфигурации, мы наблюдаем ровное, волнообразное движение в предъядерном участке, характерное для американского варианта английского языка. Следует отметить, что частотный пик фоносинтагмы расположен в зоне финальной ритмической группы финальной фоносинтагмы этого отрывка. Что касается конфигурации ЧОТ в ядерном участке, то она имеет ярко выраженные характеристики нисходящего тона специфической крутизны падения.

Анализ энергетической специфики фоносинтагмы *where he hoped to find fish* как одной из доминирующих смысловых отрезков вербального контекста показывает, что пик интенсивности располагается в зоне предъядерного участка (в шкале). В нашем понимании, показатели интенсивности и ЧОТ свидетельствуют о гармонизации этих подсистем просодии, подчёркивая доминирующую роль мелодического компонента в англоязычной версии.

Анализ русскоязычного звукового сигнала на перцептивном уровне находит своё отражение и подтверждение наших наблюдений в ходе акустического анализа исследуемых смысловых квантов. Что касается тональных характеристик фоносинтагмы *где он надеялся найти рыбу*, наблюдается аналогичное англоязычному нисходящее движение основного тона в центральном участке фоносинтагмы, что также является смысловым центром. Что касается динамической подсистемы просодии, наблюдается некоторая особенность, что может быть интерпретировано как конкретно-языковая характеристика, в частности, показатели интенсивности конца фоносинтагмы (*где он надеялся найти рыбу*) выше начала.

Таким образом, нисходящее движение основного тона является типологической характеристикой. Следует также отметить, что анализируемая фоносинтагма (*где он надеялся найти рыбу*), которая также занимает финальную позицию в отрывке, является примером контекстуальной экспликации Интонационной Конструкции-1 [1: 98] и сигнализирует специфику финального отрезка вербального контекста с ярко выраженными характеристиками завершенности.

Всё выше отмеченное даёт основания утверждать, что содержательно-концептуальная информация художественного дискурса коррелирует с авторской концептосферой, а художественный концепт адекватно маркируется на лексико-семантическом и просодическом уровнях.

Литература

1. Брызгунова Е.А.// Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – С. 96-122.
2. Кривошапко С. А. Концепты время и пространство в лирической поэзии С. А. Есенина: автореф. дис ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – Теория языка [Электронный ресурс]– Р.н/Д., 2010. – URL: <http://cheloveknauka.com/kontsepty-vremya-i-prostranstvo-v-liricheskoy-poezii-s-a-esenina>.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра– М.: Гнозис, 1994. – 216 с.
5. Хемингуэй Э. Старик и море [Электронный ресурс] – URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=1905>.
6. Hemingway E. The Old Man and the Sea [Электронный ресурс]. – URL: <http://etextread.ru/Book/Read/15792>.

H. Werner.
(Bonn, Deutschland)

ZUR XIONGNU-JENISSEJISCHEN HYPOTHESE

Unter den verschiedenen Meinungen über die Sprache der Xiongnu scheint die xiongnu-jenissejische Hypothese von Ligeti und Pulleyblank von besonderem Interesse zu sein, weil sie sich auf eine Reihe von sprachlichen Parallelen stützt [7; 8], auch wenn diese Parallelen nach Doerfer nicht ausreichend sind: „Es gibt eine schwache Möglichkeit, da das Hiung-nu (d.h. Xiongnu – H.W.) im heutigen Jenissei-Ostjakischen fortlebt..., jedoch sind die Belege dafür zweifelhaft und nicht ausreichend“. Dennoch muss dieser Forscher zugeben: „Allerdings scheint Ligeti-Pulleyblanks These noch immer die am wenigsten unwahrscheinliche“ [3: 7]. Er hat aber völlig recht, wenn er bezweifelt, dass Pulleyblanks Vergleich jenissejischer Wörter aus dem 17.-18. Jh. mit Angaben aus dem Xiongnu, die von den jenissejischen Wörtern durch eine Zeitenferne von fast zwei Jahrtausende getrennt sind, korrekt ist. Um methodologisch korrekte xiongnu-jenissejische Wortgleichungen zu bringen, sollte man sich selbstverständlich nicht auf jenissejisches Material aus dem 17.-18. Jh. stützen, sondern von den rekonstruierten protojenissejischen Formen der entsprechenden Wörter ausgehen, wie es in den jüngsten Arbeiten der Fall ist [13: 96-100; 11]. Von besonderer Bedeutung unter dem Xiongnu-Material ist das vermutlich in der Xiongnu-Sprache geschriebene und in den Quellen entdeckte Dichtichon, das nach Vovin [10: 102] bei Berücksichtigung der Jenissej-Sprachen folgendermaßen zu deuten sei: *Suke t-i-r-ek-ang bok-kok k-o-t-o-kt-ang. „Armies have gone out. [They] will catchbok-kok“. Es soll sich um einen Orakelspruch aus dem 4. Jh. handeln, der dem Führer des Jie-Volkes Shi Le gesagt wurde,

woraufhin auch mitunter behauptet wird, dass es in diesem Fall überhaupt um kein Xiongnu, sondern nur um die Sprache des Jie-Volkes geht. In den Quellen wird aber das Jie-Volk stets in Verbindung mit den Xiongnu gebracht, und es wird sogar darauf hingewiesen, dass es die Xiongnu-Sprache sprach. Eine Erklärung dieses Widerspruchs ergibt es meines Erachtens aus der Sicht der Jenissejistik, wenn man die xiongnu-jenissejische Hypothese von Ligeti-Pulleyblank und die dingling-jenissejische Hypothese von Aristov [1] berücksichtigt. Aufschlussreich ist in diesem Zusammenhang die folgende Passage aus Chavannes [2: 522] über das Tselu-Volk, worunter eigentlich das Jie-Volk gemeint ist: „Die Tselu gehörten ursprünglich zu den Xiongnu; tse (tsy) war in der Sprache der Xiongnu ein Wort für ‘Sklave‘. Nach dem Zerfall des Xiongnu-Reiches, lebten diese Sklaven in der Gegend von Shachzhou... Die Zahl ihrer Stämme wurde immer größer... Sie sind mit den Stämmen aus dem Westen, die zu den Xianbei gehören, nicht identisch. Sie gehören nicht zu einer und derselben Rasse: Unter ihnen unterscheidet man die Tanhu und die Dingling... Und dies hat sich so zugetragen, weil sie früher Sklaven der Xiongnu waren. Hier geht es nach Chavannes um jene Dingling, die in den Zeiten des Xiongnu-Reiches nach Süden, nach Nanshan in Nordchina entführt wurden, wo dann nach ihrer Vermischung mit den Kiang und Da-hu der Tselu-Stamm entstand [2: 525-526]. Gumiljov, der die Tselu mit dem tü. Begriff qul ‘Sklave‘ in Verbindung brachte, stellte die Situation der Tselu folgendermaßen dar: ≤Die Qulen sprachen ein Xiongnu, und nach dem ethno-linguistischen Merkmal sollte man sie zu dem Xiongnu-Volk rechnen. Aber weder die Xiongnu hielten sie für ein zu ihnen gehörendes Volk, noch die Qulen selbst strebten danach, wenigstens durch Ehen in die Xiongnu-Gentes aufgenommen zu werden≥ [6: 35]. Also handelt es sich im Falle des Jie-Volkes einfach um eine marginale Volksgruppe, die unter den Xiongnu lebte und sogar ihre Sprache sprach, folglich konnte der erwähnte Orakelspruch eben nur in der Xiongnu-Sprache gesprochen worden sein.

Sollten die heute bekannten xiongnu-jenissejischen Wortgleichungen stimmen, so fragt es sich nach den genealogischen Wurzeln wenigstens der folgenden drei Völker – der Xiongnu, der Dingling und der Jenissejer. Von Interesse ist in dieser Hinsicht vor allem die Hypothese Gumiljovs über die Ethnogenese der Xiongnu. Nach dieser Hypothese waren nicht die Rong- oder die Disondern die Steppenstämme Xianyun und Xunyu die Vorfahren der historischen Xiongnu, mit denen sich vorher Flüchtlinge aus Nordchina vermischt hatten. Aber entscheidend war nach dieser Auffassung die spätere langwierige Symbiose dieser Stämme mit den Dingling in Chalcha. Entscheidend war eigentlich in der Ethnogenese der Xiongnu die Spur, die die Dingling während dieser Symbiose hinterlassen haben, denn die eingewanderten Steppenstämme waren primitiver als die einheimische Dingling-Bevölkerung und mussten viel aus der einheimischen Kultur, höchstwahrscheinlich auch die Dingling-Sprache, übernehmen [6: 45].

Wichtig ist weiter in diesem Zusammenhang die Hypothese der Abstammung der Jenissejer von den Dingling [1; 12]. Sie basiert auf den jüngsten Erkenntnissen, dass das Ausgangsgebiet der Migration der Jenissejer nach der Verbreitung der jenissejischen Toponyme im Sajan-Altai-Gebiet und in der Nordmongolei zu suchen ist [4; 5]. Das heisst genau dort, wo man die Lokalisierung der Wohngebiete der Dingling vermutet. Im Lichte dieser zwei Hypothesen lässt sich im Falle der drei erwähnten Völker von einem einheitlichen ethnolinguistischen Ausgangsmilieu sprechen, einem Milieu palaosibirischen, nicht altaischen Charakters, denn «beim Huing-nu (d.h. Xiongnu) handelt es sich mit Sicherheit nicht um eine türkische oder mongolische Sprache» [3].

Die älteste Quelle der Türksprachigkeit ist, wie von Ju. Rörich bemerkt, das entdeckte xianbei-chinesische Wörterbuch, das sich als ein türkisch-chinesisches erwies [9: 343]. Daraus ergibt sich, dass im Xianbei-Milieu nicht nur mongolisch, wie man glaubte, sondern auch türkisch gesprochen wurde, und beide Idiome konnten also schon viel früher von den Nomaden der mandschurischen Steppe gesprochen worden sein, auf welche die Xianbei zurückgehen. Hier handelt es sich um jene östlichen nomadischen Donghu-Stämme (die östlichen Hu), die bereits Ende des 3. Jhs. v. Chr. von Maodun besiegt wurden und später unter den Namen Wuhuan und Xianbei bekannt waren. Ob sie aber bis zur Entstehung des Xianbei-Reiches einen Einfluss auf die Xiongnu-Konföderation ausübten, sogar einen sprachlich-kulturellen, ist zu bezweifeln.

Die führende Rolle übernahmen sie eben erst mit der Entstehung ihres Steppenreiches, das im 2. Jh. n. Chr. unter Tansihuai die Macht der Xiongnu ablöste.

Literatur

1. Aristov N.A. Zametki ob tibetskom sostave tjurkskix plemjon i narodnostej. Sankt-Peterburg, 1897. – S. 277-456.
2. Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei-lïo. – Toung Pao, série 2, vol.VI, 1905. – S. 519-571.
3. Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen. – Central Asiatic Journal, XVII, 1973. – S. 1-50.
4. Dulzon A.P. Byloe rasselenie ketov po dannym toponimiki. – Voprosy geografii, t. 68. Moskva, 1962. – S. 50-84.
5. Dulzon A.P. Opyt tibeskoj privjazki toponimov substratnogo proisxoždenija. – Voprosy lingvistiki, vyp. 2 (Učenyje zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, vyp. 75). Tomsk 1969. – S. 3-5.
6. Gumilev L.N. Sočinenija, t. 9-10. Istorija naroda Xunnu, 1-2. Institut DI-DIK, Moskva, 1997. – 448 s.
7. Ligeti L. Mots de la civilisation de Haute Asie en transcription Chinoise. – Acta Orientalia Hungarica, №1. 1950. – S. 141-188.
8. Pulleyblank Ed.G. The Consonantal System of Old Chinese. – Asia Major, new series, vol. № 9. 1962. – S. 1-2.
9. Rerix J.N. Istorija Srednej Azii, t. I, Moskva, 2004. – 446 s.
10. Vovin A. Did the Xiongnu speak a Yeniseian Language? – Central Asiatic Journal, 44/1. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000. – pp. 87-104.
11. Vovin A., Vajda Ed., de la Vaissière Et. Who were the KJET and what language did they speak. – Journal Asiatique, 304.1. 2016. – pp. 125-144.
12. Werner G.K. Gipoteza dinlino-enisejskogo edinstva. – Tomskij jurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij, Tomsk, №1. 2017. – S. 9-24.
13. Werner, Heinrich (2014): Die Jenissejer unter den frühen Völkern Zentralasiens. – LINCOM Studies in Anthropology. 19. Verlag Lincom Europa, Munchen.

Д.А. Гармаш

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Данное исследование посвящено изучению структурных особенностей фразеологических единиц (ФЕ), вербализующих концепт «любовь» в английском и испанском языках.

Как утверждает С. Г. Воркачев, «Любовь – это чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места ценности объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его индивидуализированности-уникальности» [1: 53].

Фразеологические единицы английского и испанского языков классифицированы согласно концепции А. В. Кунина [2: 144], в которой выделены следующие типы: 1. номинативные ФЕ (субстантивные, адъективные, адвербиальные). 2. Номинативно-коммуникативные ФЕ (глагольные).

В классификации А. В. Кунина присутствуют еще два типа ФЕ: междометные, которые в материале исследования отсутствуют, и коммуникативные. К последним лингвист относит пословицы и поговорки, которые не являются объектом данного исследования.

В ходе анализа английских фразеологических единиц, были получены следующие результаты: среди 77 ФЕ английского языка выделено 29 номинативных единиц (субстантивные: *cupboard love* 'корыстная любовь', *fire and fury* 'неистовая страсть'; адъективные: *dead gone on somebody* 'безумно влюбленный', *far gone in love* 'по уши влюбленный'; адвербиальные: *after one's own soul* 'по душе', *from the bottom of my heart* 'с искренней любовью) и 48 номинативно-коммуникативных (*be on fire* 'загораться любовью', *take a favour for somebody* 'полюбить кого-либо). Доминанта номинативно-коммуникативных ФЕ говорит о стремлении носителей языка к более точной передаче тех впечатлений,

которые вызывает у них любовь. Без наличия глагола такая передача впечатлений не была бы полной. В данном случае краткие, емкие характеристики, состоящие из существительных или прилагательных с зависимыми словами, представлены меньшим количеством единиц.

В классификации испанских ФЕ преобладание номинативно-коммуникативных единиц (82; *robarle a uno el corazón* 'завладеть чьим-либо сердцемП, *enamorarse hasta los tuétanos* 'влюбиться не на шуткуП) над номинативными единицами (23; субстантивные: *mal de amores* 'любовный недугП, *amores de verano* 'мимолетная любовьП; адъективные: *más enamorado que un turco* 'слепо влюбленныйП, *picado del alacrán* 'раненный стрелой амураП; адвербиальные: *como el alcatán a las palomas* 'любит как кошка мышкуП) свидетельствует о том, что, как и в английском языке, в испанском носители стремятся передать особенности любви как можно детальнее, дают оценку рассматриваемым чувствам и детально раскрывают их особенности.

Данные, полученные в ходе сравнительного анализа структурной классификации английских и испанских ФЕ, вербализующих концепт любви, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Структурная классификация английских и испанских ФЕ, вербализующих
концепт «любовь»**

№ п/п	Структурные типы ФЕ		Английский язык		Испанский язык	
			Кол-во, ед.	Кол-во, %	Кол-во, ед.	Кол-во, %
1	Номинативный	Субстантивные ФЕ	18	23	11	11
		Адвербиальные ФЕ	9	12	10	9
		Адъективные ФЕ	2	3	2	2
2	Номинативно-коммуникативный	Глагольные ФЕ	48	62	82	78
	Всего		77	100	105	100

Результаты сравнительного анализа структурно-грамматических особенностей английских и испанских ФЕ, вербализующих концепт «любовь», свидетельствуют о том, что и в английском, и в испанском языках преобладают номинативно-коммуникативные ФЕ, что указывает на стремление носителей языка к более точной передаче тех впечатлений, которые вызывает у них любовь.

Литература

1. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Учебник]. – М.: Международные отношения, 1972. – 289 с.

Ю.В. Головенко
(г. Таганрог, Россия)

БИБЛЕИЗМЫ КАК ЧАСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Древнейшим речевым жанром является афоризм, воспринимающийся нами как неотъемлемая часть мирового культурного наследия. Благодаря каждому витку, каждому новейшему этапу в становлении и развитии афоризма возникла одна из его форм, которая напрямую отражала мировоззрение, традиции и обычаи, представления об окружающем мире, идеи, ценности людей и их верования, культуру и многие другие аспекты человеческого бытия [8: 175]. К данной форме зачастую относят фразеологические единицы (ФЕ) библейского характера или так называемые библеизмы, т.е. языковые единицы, которые генетически черпают истоки из Библии, либо же семантически обуславливаются библейскими сюжетами.

Мы ставим своей целью рассмотреть библеизмы как часть фразеологической системы английского и русского языков.

Несомненно, на сегодняшний день Библия является памятником письменности, энциклопедией всей человеческой цивилизации. Влияние Библии на христианскую и английскую культуры не могло не сказаться на языке и письменности. В речи появилось большое количество поговорок, выражений и пословиц, которыми мы пользуемся в речи, письме и по сей день, например, «возвращение блудного сына», «питаться манной небесной», «стереть с лица земли»; «*in the seventh heaven*», «*the apple of one's eye*» и др. Иногда современный человек даже не задумывается над истоками того или иного фразеологического высказывания, не подозревая, что данное выражение восходит к Библии.

Библеизмы по своей сути отражают жизнь людей того времени: жизненный уклад, традиции и обычаи, их взаимоотношения [3: 89]. К аналогичным библеизмам, т.е. аналогичным по смыслу, но основанным на разных образах можно отнести следующий: «*the eye is the lamp of your body*», а также в русском языке использующийся как «*глаза – зеркало души*». В данном случае смысл одинаков, но образы разные: в английском языке глаза отражают настроение, замыслы человека (образ – «*светильник тела*» (тусклый или яркий)), а в русском языке глаза передают состояние души («*зеркало души*»). Аналогичными библеизмами считаются и следующие: «*And why do you look at the speck that is in your brother's eye, but do not notice the log that is in your own eye?*»; «*And why beholdest thou the mote that is in thy brother's eye, but considerest not the beam that is in thine own eye?*», «*Что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?*». Данные библеизмы аналогичны по смыслу, но основаны на разных образах, а именно «сучок в глазе брата своего», «*the speck that is in your brother's eye*» – *пятно, пятнышко*; «*the mote that is in your brother's eye*» – *соринка* [6: 19-20]. Существуют библеизмы, полностью эквивалентные по форме и содержанию. Например, то, что находится под запретом, обычно вызывает повышенный интерес. Чтобы истолковать данный смысл, мы используем следующий библеизм: «*forbidden fruit is sweet*» – «*запретный плод сладок*». Данный библеизм возник из библейского сказания о древе познания добра и зла, срывать плоды которого Бог запретил первым людям на земле – Адаму и Еве (Быт. 2: 16-17) [7: 71]. «*Not a single iota*» – «*ни на йоту*» употребляется, если мы хотим выразить показатели «ни на сколько, ничуть». Йота – девятая буква греческого алфавита, которая по своему начертанию меньше других букв и иногда пишется под строчными гласными в виде черточка, пропуск которой указывает на грамматическую ошибку. Выражение «*ни на йоту*» впервые встречается в тексте Нового Завета, где говорится, что не только текст закона не может быть изменен, но даже ни одна его буква и черточка: «Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» [2].

Библейские ФЕ можно считать ассимилированными заимствованиями из древних языков. Приведем несколько примеров повсеместно употребляемых библеизмов как в английском, так и в русском языках: «*a wolf in sheep's clothing*» – «волк в овечьей шкуре»; «*to cast pearls before swine*» – «метать бисер перед свиньями»; «*in the twinkling of an eye*» – «в мгновение ока»; «*at the eleventh hour*» – «в последнюю минуту, в самый последний момент»; «*filthy lucre*» – «презренный металл, деньги»; «*doubting Thomas*» – «Фома неверующий»; «*new wine in old bottles*» – «новое вино в старых мехах, новое содержание в старой форме»; «*the root of all evil*» – «корень зла»; «*the olive branch*» – «оливковая ветвь (символ мира и успокоения)» и др. Некоторые фразеологизмы библейского характера восходят к произведениям древних писателей: «*a snake in the grass*» – «змея подколенная, коварный, скрытый враг» (лат. *latet anguis in herba* – таится змея в траве - Вергилий). Обороты «*to cross (или to pass) the Rubicon*» – «перейти Рубикон» и «*the die is cast*» – «жребий брошен» связаны с походами Цезаря; «*a Lucullian banquet (или feast)*» – «лукуллов пир, роскошный пир» (по имени древнеримского богача Лукулла, прославившегося роскошными пирами). Выражение «*Caesar's wife must (или should) be above suspicion*» – «жена Цезаря должна быть выше подозрений» (слова Юлия Цезаря, объясняющие, почему он развелся со своей женой Помпеей) породило фразеологизм «*Caesar's wife*» – человек, который должен быть вне подозрений (буквально «жена Цезаря») [5: 268]. Существуют фразеологические единицы немотивированного характера, представляющие собой отсутствие синхронной деривационной связи между значением ФЕ и буквальными значениями ее компонентов. Указанная немотивированность не может препятствовать коммуникации, потому что она поддержана традицией употребления [5: 168-176]. Приведем несколько примеров употребления немотивированных фразеологизмов библейского характера в современном английском языке. «*Can the leopard change his spots?*» – может ли человек изменить свою природу? (этим. библ. Jeremiah 13:23) [4: 447]; «*Joseph's coat*» – разноцветная, богатая одежда; почетное одеяние (этим. библ. Genesis 37: 3) [4: 157]. «*Chosen People*» – the Hebrews or Israelites; the nation God chose to receive his revelation, and with whom God chose to make a covenant. «*Coat of many colours*» – the special coat that Jacob gave to his son Joseph; the coat made his other sons jealous and resentful [1: 5]. Таким образом, даже если невозможно догадаться о смысле и значении данных ФЕ, этимология фразеологизмов-библеизмов устанавливается при более глубоком изучении Библии или многочисленных ее толкованиях.

Перспективу нашей дальнейшей исследовательской работы мы видим в рассмотрении номинации моральных качеств личности во фразеологизмах-библеизмах в английском и русском языках.

Литература

1. Hirsch E.D., Kett Joseph F., Trefil James S. The Dictionary of Cultural Literacy. Second Edition, revised and updated. – Boston. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1993. – 619 p.
2. Библия. Св. Евангелие от Матфея. 5:18. Русский синодальный перевод // Библия онлайн [электронный ресурс]. URL: <http://www.bibleonline.ru/bible/rus/40/05/#18> (дата обращения: 14.10.2017).
3. Крывелев И.А. Библия: историко-критический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 255 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е, переработанное. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
6. Малышева О.Л., Лисай Ю.Г. Основные виды соотношений между библеизмами в русском, английском и польском языках // Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 5. Ч. 2. – Гродно: ЮрСаПринт, 2013. – С. 16-22.
7. Реунова Е.В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках: дисс. канд. филол. наук. – М., 2015. – 255 с.
8. Туманова Е.О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (43). Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 175-179.

Н.Э. Додонова
(г. Таганрог, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Диахронная динамика лингвотипологической проблематики отражает актуальные направления исследовательских областей в лингвистике в целом, многие из которых базируются на типологических методах. На рубеже XX-XXI веков все более значимыми становятся функциональные, прикладные, дидактические аспекты типологических исследований. Ответвляются частные направления, как, например, межъязыковая девиатология, изучающая природу ошибок, причину порождения, а также ошибки, возникающие в понимании речи [2]. Данная научная отрасль базируется на результатах данных сопоставительного анализа, теории речевых ошибок, на практическом методическом опыте.

Типология актантных преобразований находит дидактическое применение в отдельных спецкурсах (например, курс доц. А.Б. Летучего, ВШЭ), нацеленных не только на получение теоретических знаний в области залога и синтаксиса в целом, но и на формирование умений анализировать синтаксические построения как в европейских языках, так и в языках отличных от европейских.

В сопоставительном ключе рассматривают этноязыковые проблемы. Вопросы межкультурной коммуникации, в частности базирующиеся на сопоставительных исследованиях в области ареальной типологии, вбирают в себя проблемы языковой политики, этнической самоидентификации, билингвизма, языковой интерференции, конфликтологии. Разноуровневые задачи как общей, так и частной типологии рассматриваются в ключе взаимодействия языков и культур. Языковые контакты трактуются как одна из причин возникновения определенных типологических черт и как фактор влияния на языковые системы. Материалы современных сопоставительных исследований подвергаются этнолингвистической и экстралингвистической интерпретации.

В XXI веке акцент все больше перемещается на сопоставления в области континентальной типологии, в отличие от ранее преобладающего формально-структурного подхода. Лингвисты различных школ и направлений разноаспектно анализируют семантическое наполнение, способы его выражения, включая в исследовательскую базу способы выражения вторичных значений.

Традиционные уровневые сопоставления продолжают иметь место быть, однако помимо разноуровневых исследований акцентируются межуровневые сопоставления, такие как морфонологические, морфосинтаксические. Синтаксическая типология не ограничивается традиционными структурными параметрами. Проводятся комплексные исследования, соотносящие формально-синтаксические, коммуникативные, просодические факторы [5], актуализируются комплексно-уровневые анализы, объединяющие морфологию-синтаксис, семантику – синтаксис, просодию – синтаксис, логику – синтаксис.

В компаративных работах сопоставляются не просто единицы уровней, но и компоненты единиц. Исследователи тщательным образом останавливаются на мельчайших изоморфных и аломорфных деталях. В типологических исследованиях поля (например, модальности, компаративности) лингвисты не ограничиваются сопоставлением ядра, внимательно анализируют периферию, более размытую и сложную для сопоставления часть поля.

Представляет интерес интердисциплинарный акцент исследований, в частности, в изучении современных межкультурных обменов. В рамках изучения процессов и ситуации глобализации рассматриваются особенности использования информационных технологий как в межэтническом, так и внутриэтническом общении.

С различных позиций, точек зрения сопоставляются как естественные, так и искусственные языки (дотракийский, эсперанто, трансцендентная алгебра, сольресоль, новояз, блиссимволика, т.д.) по отдельности, а также искусственные и естественные языки [4]. Типологические изыскания в этой сфере приводят к попытке введения «универсальных» языков, например, общеславянский литературный язык, региональные культурные языки с целью межэтнического общения [1], созданию «рецептов» идеального языка [4].

Современные исследователи обращаются к редким языкам, например, к нахско-дагестанскому (Даниэль М.А.), мокшанскому (Толдова С.Ю.), уделяя особое внимание функциональной интерпретации, и, конечно, сопоставляя с родственными языками.

Современное научное лингвоконструирование нацелено не столько на воссоздание образа праязыка (работа в этом направлении продолжается), сколько связано с вопросами креативного создания искусственных языков, проблемами языкового нормирования, и еще одним важным направлением – созданием лингвистических задач на базе анализа и сопоставления искусственных и живых языков. Данное направление, как нам представляется, имеет особую значимость как в лингводидактической сфере формирования аналитических умений и навыков, так и в областях исследования связи языка и мозга. Так, например, одно из актуальных прикладных применений – область геронтологии, особое внимание, помимо прочего, уделяющей задачам для мозга, в частности, лингвистическим.

Несомненно, продолжают изучаться различные аспекты и диахронные срезы типологического наследия. Рассматривается не только природа сопоставляемых явлений, особенности их функционирования в различных языках, но и предлагаются определенные пути типологического обобщения, например, полевой подход к артиклю [3]. Лингвисты возвращаются к трактовке, интерпретациям, адаптациям фундаментальных теоретических положений. Идеи В. Гумбольдта, развиваемые в середине XX века неогумбольдтинцами в Европе и США, приобретают актуальные интерпретации в различных проявлениях теории лингвистической относительности. В XXI веке в той или иной форме этноконцептуализацией занимаются исследователи концептов, языковой картины мира, концептуальной картины мира, используя функциональные подходы на новом витке диахронической спирали. Мышление и язык, язык и познание, философия языка, логика языка на базе разноструктурных и родственных языков, языков естественных и искусственных – современные направления, изучающие различные аспекты от теоретико-игровой семантики до лингвопрагматики.

Исследователи возвращаются к этапу формирования лингвистической типологии как науки, анализируя работы известных типологических школ, направлений, ученых. Таким образом, суммируются синхронные и диахронные методы лингвистической реконструкции, критически прорабатывается накопленный в глобальном масштабе лингвистический опыт, выделяются методические рекомендации, рассматриваются общие и частные проблемы типологии как теоретико-прикладной науки.

Литература

1. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности // Под ред. Нещименко Г.П. [электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001266221-aktualnye-etnoyazykovye-i-etnokulturnye-problemy-sovremennosti> (дата обращения 20.11.2017).
2. Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Том 5, Вып.1. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С.12-19.
3. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М.: Академия, 2004. – 252 с.
4. Пиперски Ал. Конструирование языков. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. – 224 с.
5. Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 544 с.

А.С. Кривцов
(г. Брянск, Россия)

ТЕМПОРАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН

В исследовании рассматриваются проблемы имён собственных в работах В. Д. Бондалетова [1], Л. А. Введенской, Н. П. Колесникова [2], Ю. Н. Караулова [3], Н. В. Подольской [5], А. В. Суперанской [6: 7]; отмечаются: многозначность ономастики, объекты и аспекты исследования, связь с другими науками, приводятся классификация (в том числе с точки зрения синхронии и диахронии) и разделы. Внимание отдаётся антропонимике, как ключевому разделу.

Исконно имя выполняет номинативную функцию, значимость и характеристику оно приобретает лишь в процессе исторического развития. Поскольку нас интересуют именно «говорящие» имена, которые не только называют человека, но и несут некоторое значение и имеют определённые формы, следует дать краткую характеристику *основных этапов развития системы русских имён* [1: 95–138; 4], чтобы объяснить, откуда и почему начинает складываться семантика того или иного имени.

Дохристианская эпоха, обусловлена естественностью и фрагментарностью развития; летописным характером, первобытным языческим мышлением. На этой основе приводятся в пример древнейшие славянские имена, несущие «говорящий» характер (Святослав, Всеволод, Ростислав, Мирослав, Мечислав, Ярополк, Святополк, Добрыня, Гордята, Вышата, Баба, Белавя, Ждан, Любим, Найден, Неждан), а также профилактические имена: Грязной (Грязнуха), Докука, Злоба, Злодей, Негодяй, Нелюб, Некрас, Смертко, Безобраз и т. д. *Период крещения Руси (X–XI вв.)* – перелом в русской антропонимической системе; обряд крещения, строгий определённый перечень “святых” (именослов) «говорили» о «святом» имени (Павел, Гавриил, Мануил и т. д.). Характерны были имена героев древних мифов, богов, героев (*Аглая («сияющая»*), *Евфросина («благомыслящая»*), *Талия («цветущая»*)); имена-эпитеты, которыми награждали богов (от Афродиты Жемчужной – Маргарита, от Афродиты Морской (Марина (греч. – Пелагея)); древнерусские имена, выходящие из язычества. *Период XIV–XV вв.* Переплетение старых языческих имён с календарными послужили причиной для создания своеобразного русского (восточнославянского) именослова, в который попали языческие имена князей (Владимир, Борис, Всеволод и др.). Имена приходилось либо убирать, либо сохранять, а потому начинают формироваться вторые, «секретные» имена – прозвища, которые несли «говорящий» характер; они давались людям по их внешнему виду, качествам характера, манере говорить, по принадлежности их предков к какой-нибудь нерусской народности, географической принадлежности, по роду деятельности, и по разным другим особым обстоятельствам. Так, иногда давали прозвища по порядку рождения (Первой, Старшой, Третьяк, Пятый); по временному признаку (Вешняк, Жар, Постник) и т. д. Данный период послужил предпосылкой для образования фамилий. *Период XVI–XVII вв.* От календарных имён и прозвищ, за счёт словообразовательных формантов -ов, -ев, -ин, -ихин, -иха, образовывались те же «говорящие» именные и прозвищные фамилии (Москвин, Сибирин, Греков, Французов, Поляков, Князев, Боярский, Попов, Ворониха (от Ворон), Пузатиха (от Пузатый), Трубничиха (от Трубник), Юрчиха (от имени Юрка), Комаров (от комара), Зайцев (от зайца), Цветков (от цветка), Дубов (от дуба) и пр.). Присуще и фамилии лиц духовного звания, составляющие особый раздел русской антропонимики (в статье рассмотрены подробно три пути образования и «семинарийское» происхождение): Дьяконов, Попов, Ильинский, Казанский, Архангельский, Абрикосов, Кедров, Абрикосов, Кедров, Розов, Розанов, Тихонравов, Добролюбов, Сладкопевцев, Африканов, Горизонтов, Европейцев, Иорданский, Иерусалимский и т. д. *Период XVIII–XIX вв.* Европеизация страны. На форме имени отразилось западное влияние при помощи

форманта -ский. Но сохранение русской традиции остаётся в формантах: -ев, -ов, -ин. Происходит усечение фамилии по определённым причинам. *Период XX в.* В советское время язык пополнился новыми именами и фамилиями в память о тех или иных революционных деятелях или событиях. Морфологическим способом в его различных разновидностях складывались в 20-50-е гг. различные имена (Октябрина, Сталина, Владлен, Ким, Индустрина, Вилор, Нинель и т. д.).

В зависимости от приобретённого в диахронии или введённого автором семантического значения, «говорящие» имена можно разбить на *три широких аспекта: лингвистический, философский и общекультурный. Лингвистический аспект.* «Говорящие» имена этого аспекта – это имена, семантика которых лингвистически понятна с точки зрения как лексикологии, так и словообразования; им присуща характерная обусловленность от определённых нарицательных слов, которые помогают дать характеристику того или иного персонажа (Стародум, Вральман, Молчалин, Репетилов, Тугоуховские, Загорецкий, Смердяков, Ляпкин-Тяпкин, Добролюбов и далее – Добронравов, Надеждинский, Нарциссов, Обновленский, Остроумов, Райский, Раев, Сельский, Сепаратов, Серебрянский, Юстицкий, Обьедков, Дурманов, Глухих, Гвоздев и т. п.). Все производные формы имён образованы напрямую от производящих основ нарицательных слов с помощью собственных исторически сложившихся формантов. *Философский аспект.* «Говорящие» имена с точки зрения данного аспекта – это имена, семантика которых диктует такие качества персонажа, которые напрямую или опосредованно связаны с философами и научными деятелями, повлиявшими на ход философского знания и всех исходящих из него областей (авторская коннотация может быть различной). Часто подобные имена даются при сравнении и образованы с помощью суффиксов притяжательных прилагательных -ов, -ев, -ин (Демокритов, Платонов, Аристотелев, Анаксагоров, Сократов (-на), Кантов). Также, фамилии, образованные в честь учёных-первомыслителей (Евклидов, Гераклидов) и других впоследствии исследователей различных областей науки, попадают в данный аспект. *Общекультурный аспект.* «Говорящие» имена, их производные формы характеризуют персонажа исключительно с точки зрения культурного опыта отдельного народа и теряют открытую лингвистическую мотивированность. Как правило, то или иное «говорящее» значение какого-либо имени могут понять только носители определённой культуры. Имя может затрагивать различные сферы общества (кроме научной). Составные компоненты имён данного аспекта обычно образуются с помощью собственно русских словообразовательных формантов и смешанных способов образования слов: усечения, стяжения, аббревиации и других (Святослав, Ярополк, Нестор-ов, Пересвет-к-ин, Петр-ушк-а, Иван-ушк-а, Матрён-ушк-а, Май, Вилор, Декабр-ин-а, Ленар, Алекс-ий, Ольга (от скандинавской формы Хельга), Степан (от Стефан), Хаврония (от Феврония), Осип (от Иосиф)) В общекультурный аспект могут входить абсолютно любые «говорящие» фамилии, отражающие всеобщие категории культурного пласта общества.

Таким образом, имя человека не только служит для звукового обозначения конкретного лица, но и в дальнейшем начинает «говорить»; является средством характеристики людей, средством выражения их знаний, представлений, отображает культурную картину мира. Впоследствии имя активно используется не только в устном обиходе, но и в письменности, где также является индикатором всей жизни, как отдельной личности, так и всего народа в целом. Поэтому, мы попытались рассмотреть «говорящие» антропонимы с точки зрения трёх аспектов, которые затрагивают важнейшие явления жизнедеятельности человека: язык, науку и культуру.

Литература

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1983 г. – 244 с.
2. Введенская Л. А., Колесников Н. П. Этимология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – 221 с.
3. Караулов Ю. Н. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с

4. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. Ок. 2600 имён / Спец. науч. ред. О. Д. Митрофанова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1980 г. – 384 с.
5. Подольская. Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Изд. «Наука», 1978. – 199 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973 г. – 367 с.
7. Суперанская А. В. Словарь русских имён. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 448 с.

В.П. Куликов, М.Н. Полуляшная
(г. Таганрог, Россия)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ «КОРОТКОЙ ИСТОРИИ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Широкий интерес к проблемам изучения литературных жанров, в частности разных его форм, сопровождается и сейчас появлением многочисленных работ. Они посвящены, с одной стороны, исследованию характеристик таких жанров как эпический текст, драма и лирика, с другой – рассмотрению отдельно взятых форм каждого из жанров. Изучению малой формы эпического жанра и его представителям уделялось внимание в лингвистической литературе на протяжении всей истории литературоведения. Наиболее дискуссионным, как показывают исследования, стал представитель малой формы эпического жанра - «короткий рассказ». При его рассмотрении возникает, кроме прочих, вопрос о выборе терминологического аппарата для обозначения данного типа малоформатного текста. Вопрос не случаен, так как в научной и методической литературе встречается для обозначения одного и того же типа текста 2 термина: «Kurzgeschichte (короткая история)» и «Kurzerzählung (короткий рассказ)». При более подробном знакомстве с литературой выясняется, что немецкие авторы, например, в учебниках «Texte, Themen und Strukturen» придерживаются, в основном, понятия «Kurzgeschichte (короткая история)» [7: 99; 8: 15-25]. Из исследований же отечественных авторов нам больше известен термин «Kurzerzählung (короткий рассказ)». Являются ли эти термины равнозначными, или они служат для обозначения разных понятий?

Изучение данных толковых немецких толковых словарей показывает, что в них зафиксированы соответствующие словарные статьи только с опорным словом «Kurzgeschichte (короткая история)» как заимствование из английского “short story”, а вот статьи «Kurzerzählung (короткий рассказ)» отсутствуют [9: 395; 10: 915; 11: 805; 12: 493; 13]. Отсутствие «короткого рассказа» свидетельствуют и учебники для старших классов немецких гимназий [7: 99; 8: 22]. Обращение к русскоязычным источникам выявляет единое мнение авторов о том, что оба понятия идентичны [4: 255; 19; 20; 2: 80-84; 14; 5: 177-182; 17; 6; 17; 3: 222-227; 15; и мн. др.].

Исследовав жанровые характеристики короткой истории как представителя эпического малоформатного текста, изучив историю его становления в Европе, в Германии и в России и проведя лингвистический анализ текстов послевоенных лет, мы пришли к выводу, что термины «Kurzgeschichte (короткая история)» и «Kurzerzählung (короткий рассказ)» не являются идентичными в немецком литературоведении, так как описывают события, произошедшие/происходящие в разное время. Для «короткой истории» характерно последовательное освещение, перечисление событий, фактов, которые связаны с прошлой жизнью кого-либо» [1; 16]. Встречающийся же в немецкой литературе термин «Kurzerzählung (короткий рассказ)» описывает действия, происходящие в настоящем или будущем времени. Кроме того, «короткая история» – это моносемичный термин, обозначающий самостоятельное малоформатное литературное произведение эпического жанра, а «короткий рассказ» выступает в нескольких значениях, а именно, как (1) краткое повествование события(ий), (2) обозначение любого вида малоформатного текста, *кроме короткой истории* и (3) малоформатный текст с описанием событий в настоящем или

будущем. Замена термина «короткая история» термином «короткий рассказ» является, на наш взгляд, отечественным литературным наследием.

Литература

1. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка, 2003. – 1578 с.
2. Кузнецова Т. Л. Короткий рассказ одна из малых форм коми прозы рубежа XX – XXI веков. // Вестник Челябинского государственного университета № 17, 2011. – С. 80-84.
3. Лапчинская Т. Н., Табанакова В. Д. «Лингводидактическая Интерпретация голографической модели текста немецкого короткого рассказа. // Вестник Тюменского государственного университета, № 1, 2009. – С. 222-227.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ». 2003. – 944 с.
5. Подвойская О. В. Короткие рассказы в современной немецкой литературе: лингвостилистический и переводческие аспекты. // Молодой учёный № 1 (16). Донбасс, 2015. – С. 177-181.
6. Пономарёва О. Н. Жанр короткого рассказа в творчестве Генриха Бёлля конца 1940-х - начала 1960-х годов. Дисс. на соиск. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. – 209 с.
7. Biermann H., Schurf B. (Hrsg.). Texte, Themen und Strukturen. Grundband Deutsch für die Oberstufe. Berlin: Cornelsen Verlag. 1997. – 400 S.
8. Biermann H., Schurf B. (Hrsg.). Texte, Themen und Strukturen. Grundband Deutsch für die Oberstufe. Berlin: Cornelsen Verlag. 1999. – 528 S.
9. Brockhaus, F. A. Der Sprach – Brockhaus Deutsches Bildwörterbuch von A bis Z, Wiesbaden: Brockhaus, 1984. – 836 S.
10. Drosdowski G. (Hrsg.). Duden. Deutsches Universalwörterbuch Mannheim: Dudenverlag, 1989 – 1816 S.
11. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch, Bertelsmann Lexikon Verlag. 1991. – 1493 S.
12. Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur, Stuttgart. 1979. – 244 S.
13. [Электронный ресурс]. – URL: <http://allrefs.net/c12/3usp/p120/>
14. Кузнецова Т.Л. Короткий рассказ - одна из малых форм коми прозы рубежа XX-XXI веков / КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korotkiy-rasskaz-odna-iz-malyh-form-komi-prozy-rubezha-xx-xxi-vekov>
15. Табанакова В.Д., Лапчинская Т.Н. Лингводидактическая интерпретация голографической модели текста немецкого короткого рассказа / КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskaya-interpretatsiya-golograficheskoy-modeli-teksta-nemetskogo-korotkogo-rasskaza#ixzz3iEbwGxHJ>
16. Толковый словарь Дмитриева: история / АКАДЕМИК [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1693/история>
17. Пономарева О.Н. Жанр короткого рассказа в творчестве Генриха Белля конца 1940-х-начала 1960-х годов / disserCat [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/zhanr-korotkogo-rasskaza-v-tvorchestve-genrikha-bellya-kontsa-1940-kh-nachala-1960-kh-godov>
18. Подвойская О.В. Короткие рассказы в современной немецкой литературе: лингвостилистический и переводческий аспекты [Электронный ресурс]. – URL: <http://molodyvcheny.in.ua/files/journal/2015/1/43.pdf>
19. Мультитран: short story [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=+short+story>
20. Универсальный немецко-русский словарь: Kurzgeschichte / АКАДЕМИК [Электронный ресурс]. – URL: http://universal_de_ru.academic.ru/297102/Kurzgeschichte

Н.В. Ноздрин

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ГЕНДЕРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Понятие гендер (англ. *gender*) широко используется в социальных науках для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека. Если понятие «пол» (англ. *sex*) представляет собой совокупность различий между мужчиной и женщиной, обусловленных биологическими факторами, то гендер является социальным конструктом, репрезентирующим особенности поведения, социальных стратегий, ролевых функций в социуме в соответствии с его половой принадлежностью. В процессе эволюции, как в фило-, так и в онтогенезе, человек движется от «пола» к «гендеру» [5: 221].

В рамках гендерных исследований языка, внимание, как правило, уделяется изучению гендера с точки зрения лингвистики речи в синхронии [1]. Однако если обратиться не к особенностям функционирования гендера в речи, а к вопросу его возникновения как такового, особого внимания заслуживают именно языки архаичных культур. Воссоздание истории формирования и развития гендера как категории требует, прежде всего, рассмотрения способов его выражения в языковой системе.

Под гендерной оппозицией (ГО) здесь и далее мы будем понимать оппозицию «мужчина/женщина».

Согласно классификации Д.А. Ольдерогге, язык волоф относится к западнобантоидной (атлантической) группе языков [4: 352-359].

В языке волоф для большинства корневых лексем свойственно отсутствие морфологических формальных признаков, указывающих на различие имени существительного и глагола [3: 20]. Характерная для языка категория класса является, прежде всего, категорией логической.

Имя существительное характеризуется тремя категориями: класс, число, определенность/неопределенность. Все эти категории выражаются синкретически (одним показателем). Выделить единый принцип распределения по классам (фонетический, морфологический или семантический) затруднительно [3: 22].

Для существительных в единственном числе характерно распределение по восьми классам (класс *b*, класс *g*, класс *j*, класс *k*, класс *l*, класс *m*, класс *s*, класс *w*), во множественном – по двум (класс «лиц» с консонантным элементом $\hat{n}$ и класс «не лиц» с полногласным *y*) [3: 20 - 24].

ГО реализуется только в ед. числе классом *g* и классом *j*: к классу *g* относится существительное со значением «мужчина» – *goor*, (и «жених» – *far*); класс *j* включает понятия со значением «женщина»: женщина – *jigeen*; жена – *jabar*; женщина, имеющая детей – *jabot* [3: 23].

Язык фула, согласно генетической классификации Дж. Гринберга, относится к западноатлантической ветви нигеро-конголезской (конго-кордофанской) языковой семьи [6: 25]. Категория «пол» находит выражение через систему именных классов, которая в фула является одной из наиболее богатых (в сравнении с другими африканскими языками), что, по мнению некоторых исследователей, может свидетельствовать об архаичности этого языка. Так, в разных диалектах языка насчитывается от 25 до 20 классов, наддиалектное ядро классной системы насчитывает 20 классов [2: 73].

Показателям именных классов свойственен синкретизм: именная классная морфема (классный суффикс) передает одновременно грамматическое значение класса и числа. ГО в фула особого грамматического оформления не имеет и передается совокупностью лексико-морфологических средств: показателем именного класса лиц (О) и лексемами со значением «мужчина» – *gor-ko*, «женщина» – *debb-o* [2: 80].

Таким образом, в формальном отношении ГО в африканских языках выражается морфологически - в рамках категории именного класса, лексически – именами со значением «мужчина», «женщина».

Литература

1. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. – 155 с.
2. Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. М.: «Наука», 1986. – 144 с.
3. Никифорова Л.А. Язык волоф. М.: «Наука», 1981. – 96 с.
4. Ольдерогге Д.А. Языки и письменность народов Африки. – Африка. Энциклопедический справочник. Под ред. И. И. Потехина. Т. 2. М., 1963. – С. 352-359.
5. Янчук Е.И. Гендер // Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. Грицанов А.А. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, – Современный литератор, 2001. – 1312 с.
6. Greenberg J.H. The classification of African languages // American Anthropologist. Vol. 50. – P. 24-30.

Е.А. Носанчук
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

НОМИНАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ

Данная работа посвящена сопоставительному анализу лексических средств объективизации концептосферы отрицательных эмоций в английском и русском языках, то есть лексических единиц разных частей речи, которые называют и выражают эмоции, а также описывают их внешнее проявление.

Выбор отрицательной эмотивной лексики как материала исследования обусловлен «асимметрическим характером аксиологической шкалы. Поскольку все позитивное в нашем сознании воспринимается как норма, внимание говорящих концентрируется на отклонениях от нее» [2].

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей концептуализации эмоций в языке, а именно, специфики структуры и семантики отрицательных номинаций в английском и русском языках.

Материалом исследования послужили 625 отрицательных эмотивных единиц английского языка и 985 единиц русского языка.

Существует множество различных отрицательных форм эмоционального состояния человека. Основными из них считаются эмоциональные состояния: «безразличия», «злости», «гнева», «отчаяния», «презрения» и «раздражения» [1; 3].

Эмоциональное состояние – это отражение того, как человек относится к окружающему его миру, а также эмоция сама является для языка объектом отражения и поэтому фиксируется в языке. Наименования эмоций в языке являются уже мета-эмоциями, а не самими эмоциями: это их понятийное обозначение. А если слово лишь обозначает, называет эмоцию, то оно не эмотивно. Семантика такого слова есть вызываемые им образы различных чувств, а не сами чувства.

Проявление оценочных негативных эмоций часто зависят от восприятия человеком мира, его мировоззрения, от того, как к нему относятся окружающие. Проявление отрицательных эмоций к какому-либо объекту предусматривает наличие недостатков и означает, что сумма негативных качеств перевешивает положительные.

Общеизвестно, язык – это способ накопления и сохранения общественного опыта, а эмоции неотъемлемая его составляющая. «Любой опыт человечества, в том числе и эмоциональный, закрепляется в языковых единицах, и при их использовании в речи человек кодировано выражает и воспринимает эмоции» [4].

Лексика какого-либо языка имеет особый запас, ресурс слов, в который уже входит смысл той или иной эмоции. Данный словарный запас активно используется носителями языка. Так, большим количеством в английском языке представлен концепт ‘cruelty’ – 102 единицы (например, *atrocitiy, sadistic*) (17%), в то время как в русском языке в количественном отношении преобладает ‘страх’ – 128 единиц (*испуг, зловецкий*) (13%). На втором месте по количеству единиц расположились концепт ‘fear’ (*fright, dreadfully*) и ‘беспокойство’ (*нервный, смутно*) (11%). Замыкают перечень концепты ‘uncertainty’ – 8 единиц (1%) (*diffident*) и ‘неуважение’ – 19 единиц (2%) (*дерзость, презирать*), ‘indifference’ в количестве 7 единиц (*imperturbable, alarm*) (1%) и ‘презрение’ – 14 единиц (1%) (*пренебрежение, игнорировать*).

«Каждая эмоция имеет множество оттенков, не имеющих своего наименования в языке. С другой стороны, в языке имеются названия-дублёры. Так, через разъяснение скрытых описаний семантики можно обнаружить, что слова, обозначающие такие пары эмоций, как «бешенство» и «ярость», «недовольство» и «неудовольствие», не отличаются

друг от друга семными наборами» [5] и, следовательно, одно из языковых обозначений внутри каждой из этих пар эмоций является избыточным.

Неповторимость эмоциональной картины мира любого языка становится очевидной только на фоне изучения другого языка, другого коллективного сознания, что и демонстрирует лексический материал, представленный концептами эмоций в двух различных лингвокультурах.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначение эмоций в русском языке. Л. Г. Бабенко. – Свердловск.: Урал, ун-та – 1989. – 184 с.
2. Бессонова О.Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных – наименований лица в английском, французском и украинском языках): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Донецк, 1995. – 323 с.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб. – М. – Харьков – Минск: Питер, 1999. – 464 с.
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1984. – 287 с.
5. Плотников Б. А. Основы семасиологии / Б. А. Плотников. Минск: Вышэйшая школа, 1984. – 348 с.

Е.И. Петрищева

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «МУЖ» И «ЖЕНА» В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Настоящее исследование посвящено изучению проблем номинации мужа и жены в разговорном английском, немецком, русском и украинском языках. Исследуется семантика и структура имен существительных типа англ. *apron* (букв. домашняя кошка) разг. 'жена', нем. *das Häschen* (букв. зайчик) разг. 'муж', русск. *ведьма* разг. 'жена', укр. *бабій* 'муж'. Данный разряд лексики не был, по нашим наблюдениям, предметом специального исследования, что обуславливает **актуальность** предлагаемой работы.

Объектом исследования служат лексические единицы (ЛЕ), номинирующие «МУЖА» и «ЖЕНУ» в английской, немецкой, русской и украинской разговорной лексике, а **предметом** – их семантическая и формальная структуры в сопоставляемых языках.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ структурных и семантических особенностей разговорных наименований мужа и жены в английском, немецком, русском и украинском разговорных языках, изучение процессов вторичной номинации, выявление общего и отличительного в формальной и семантической организации данных наименований в названных языках.

Цель работы предусматривает решение следующих **задач**:

– создание структурной и семантической классификации ЛЕ со значением «МУЖ» и «ЖЕНА»;

– определение продуктивности моделей метафорических и метонимических переносов в процессе вторичной номинации мужа и жены в разговорном английском, немецком, русском и украинском языке;

– определение семантических закономерностей развития семантики слов-наименований со значением «МУЖ» и «ЖЕНА» в разговорной лексике.

В ходе исследования были использованы следующие **методы** и **приемы** лингвистического анализа:

1. метод компонентного анализа, при помощи которого описывается семантика ЛЕ со значением «МУЖ» и «ЖЕНА» и осуществляется семантическая классификация исследуемых единиц [1: 17];

2. сопоставительный метод с целью нахождения сходств и различий в семантике исследуемых ЛЕ [2: 105];

3. описательный метод, при помощи которого обобщаются и систематизируются результаты, полученные в ходе исследования;

4. прием количественного анализа, позволяющий выявить наиболее продуктивные модели метафорических и метонимических переносов [4: 27].

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка слов-наименований со значением «МУЖ» и «ЖЕНА», выполненная на базе толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков (англ. – 145 ЛЕ; нем. – 107 ЛЕ; русск. – 149 ЛЕ; укр. – 117 ЛЕ).

Анализ структуры и семантики лексем со значением «МУЖ» и «ЖЕНА» в сопоставляемых языках позволил сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования формальной организации ЛЕ со значениями «МУЖ» и «ЖЕНА» в английском, немецком, русском и украинском разговорных языках были выявлены два структурных типа ЛЕ: сложные слова (ср.: нем. *Hausteufel* букв. ‘домашний черт’, разг. ‘жена’; англ. *ball-breaker* букв. ‘тот, кто ломает/разбивает шары’, разг. ‘жена’) и суффиксальные образования (ср.: русск. *тигренок* ‘жена/муж’; укр. *кукусик* разг. ‘муж’; англ. *wifie* разг. ‘женушка’; нем. *Häschen*).

2. Особенности вторичной номинации мужа и жены в сопоставляемых языках тесно связаны с их основными функциями (ведение домашнего хозяйства, материальное состояние, организация досуга и др.) и ролями в семье (иерархические, психологические, инициативные и др.). Сравним: англ. *the boss* букв. ‘хозяин/шеф’, разг. ‘жена’; нем. *Bevölkerungsrat* букв. ‘совет населения’, разг. ‘муж’; русск. *хозяин* разг. ‘муж’; укр. *інвестор* разг. ‘муж’.

3. Многоплановость и сложность функций, роли жены в семье находят свое разнообразное и доминантное воплощение во всех сопоставляемых языках.

4. Вторичные ТР образуются в исследованных языках, в целом, по единым метафорическим и метонимическим моделям с использованием артефактов, зоонимов, мифологем и социальных отношений [3]. Сравним: англ. *alligator* букв. ‘аллигатор’, разг. ‘жена’; нем. *Beisszange* букв. ‘клещи’, разг. ‘жена’; русск. *выдра* разг. ‘жена’; укр. *кішка* разг. ‘гулящая жена’.

5. Вторичные наименования мужа и жены в английском, немецком, русском и украинском разговорных языках, обозначая семейные функции супругов, свойства характера, физические данные, нередко реализуют также аппелятивную функцию. Например, англ. *sweetie* букв. ‘сладенькая/конфетка’, разг. ‘жена’; нем. *Männli* разг. ‘муженек’; русск. *лапусик* разг. ‘муж’; укр. *масяш* разг. ‘жена’.

6. Данные разговорные лексемы обладают яркой образностью, содержат оценку и экспрессивно-эмоциональную окраску.

Литература

1. Басыров Ш. Р., Косицкая А. Г. Структурно-семантическая характеристика наименований человека в сфере искусства (на материале современного немецкого разговорного языка) // *Нова філологія*. 2014. № 67. – С. 14-20.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – 375 с.
3. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической номинации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.
4. Удинська А. Г. Метонімічні переноси на позначення людини в англійській і українській мовах: дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.17 / А. Г. Удинська. — Донецьк: ДонНУ, 2007. — 224 с.

A. Pavlenko
(Taganrog, Russia)

A TRACE OF THE GREEK-RUSSIAN LANGUAGE CONTACT IN THE NORTHERN AZOV VERNACULAR

Dominating ethnic groups may cause imitation of their speech by other ethnic groups within certain urban communities. The imitation in question may start as a conscious process. For instance, in Southern Russia (on the lands of the former Russian Empire now divided between the Russian Federation and Ukraine), namely in the towns of the Northern coast of the Sea of Azov, one could come across until quite recently a transition from affricate [ts] to sibilant [s] in words like the Russian tsar' (czar) formerly pronounced here as [sar'] instead of standard pronunciation ['tsar']. Also, ['r'iba] instead of ['rɪba] (ryba – Eng. fish); ['krɪsa] instead of ['krɪʃa] (krysha – Eng. roof), etc. According to A. Shakhmatov this pronunciation was especially characteristic of women's speech. This phonetic change has been attributed to imitation of the accented speech of the Greek population which used to dominate in the economy of Southern Russia in the late 18th– 19th centuries [1: 83].

As is known, numerous Greeks, who fought against the Turks and participated in the Russian-Turkish wars as allies of Russia, were invited to settle along the Northern coast of the Sea of Azov in the reign of Catherine II. As a result, the port-town of Taganrog and the area were inhabited by richer settlers of higher social status belonging to military and merchant classes who originated mostly from the Aegean archipelago and continental Greece. In the case of Russian of the Northern Azov coast we deal with an example of mixed urban dialect constituted by the idiom of the majority (i.e. Russians) on the one hand and that of a minority (i.e. local Greeks) on the other. The minority idiom (Greek in our case) affects the dominating language (i.e. Russian), the latter borrowing some phonetic and few lexical features of the former. The linguistic impact of the influential Greek minority on local Russian in the Southern towns (Taganrog in particular) is an illustration of the process.

The data available show that at one time South Russian town-dwellers, especially women, might have started to imitate the abovementioned phonetic features of the local Greeks' accented Russian speech considering it prestigious. These features spread in the varieties of Russian all along the Northern Azov coast as well as in Cossack towns of the Lower Don area [2]. Quite soon the features in question ceased to be just an imitation and turned into characteristic peculiarities of the local accents of Russian.

References

1. Shakhmatov A.A. An Introduction to the course of history of the Russian language. Part I. – Petrograd: Faculty of History and Philology of Petrograd University, 1916. – 146 p.
2. Savelyev E.P. The Types of Don Cossacks and the Peculiarities of Their Speech. – Novocherkassk: Publishing house of the Don Host, 1908. – 15 p.

В.В. Писарева
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ СОБСТВЕННО- РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как отличается тесной связью с различными уровнями языка -

морфологическим, словообразовательным, лексическим и синтаксическим, что представляет сложность для её исследователя.

Под рефлексивными глаголами (далее – РГ) понимаются глаголы, содержащие в своей структуре рефлексивный элемент (далее – РЭ), а именно: постфикс *-ся* в русском и украинском языке (рус. *мыться*, укр. *митися*) и рефлексивное местоимение *sich* в винительном падеже в немецком языке (нем. *sich waschen* ‘мыться'). РЭ в структуре глагола рассматривается как словообразовательный элемент, одним из значений которого является значение однореферентности субъекта и объекта действия.

В работе, вслед за В.П. Неद्याлковым, различаются *формальная* и *смысловая рефлексивность* [4]. *Формально рефлексивными* являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ, независимо от своего значения; *рефлексивными по смыслу* являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ и поддающиеся толкованию через основу глагола и смысла ‘себя’, ср.: (1) рус. *пачкаться* (т.е. пачкать себя чем-н.); укр. *голитися*, (тобто голити себе) ‘бриться’ (т.е. брить себя); нем. *sich beschmutzen* (d.h. sich1 schmutzig2 machen3) ‘испачкаться’ (т.е. сделать3 себя1 грязным2).

Рефлексивный смысл подразумевает значение однореферентности двух семантических актантов: субъекта и объекта действия типа рус. *Я моюсь*, т.е. *мою себя*, аналогично: укр. *Я моюся*; нем. *Ich wasche mich*.

Материалом настоящего исследования послужила выборка РГ из толковых и переводных словарей, насчитывающая на данном этапе работы свыше 300 РГ (нем. – 134 ед., рус. – 103 ед., укр. – 72 ед.).

В работе РГ рассматриваются как производные единицы и анализируются в оппозиции к их производящим основам, т.е. к нерефлексивным глаголам (далее – НГ) или (в случае отсутствия НГ) к другим соотносительным основам. НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими конструкций, т.е. нерефлексивной и рефлексивной конструкции.

В настоящей работе анализ собственно-рефлексивных глаголов и их НГ в немецком, русском и украинском языках опирается на типологическую классификацию рефлексивов, разработанную известным типологом В.П. Неद्याлковым [4].

Собственно-рефлексивные РГ. Собственно-рефлексивные РГ характеризуются полной однореферентностью актантов, обозначающих субъекта и объекта действия. Иными словами, собственно-рефлексивные РГ обозначают действие, производимое субъектом, который одновременно является и объектом данного действия.

Морфологическая деривация собственно-рефлексивных РГ. Морфологическая классификация исследуемых РГ производится с опорой на следующие признаки: а) производность РГ, т.е. наличие или отсутствие у него соотносительного слова, которое можно считать мотивирующим по отношению к нему; б) категориальная принадлежность производящего слова к той или иной части речи; в) состав производящего форманта [3: 99].

По мнению Э.Ш. Генюшене, РГ следует рассматривать с учетом их специфики как определенного морфологического (формально производного) класса. Каждый РГ в исследуемых языках разлагается на основу и РП. Если в языке имеется соотносительный формальный НГ, то естественно будет считать формальный рефлексив производным, или дериватом от него, например:

(2) рус. *чесать* 1. *что-л.* (например, спину). 2. *кого-что*. Причесывать, расчесывать (прост.) → *чесаться* 1.чесать себе какую-нибудь часть тела. 2. Причесываться, расчесываться (прост.); нем. *jmdn. erschießen* ‘застрелить кого-л.’ → *sich erschießen* ‘застрелиться’; укр. *пудрити* → *пудритися*.

РГ, приведенные в примерах (1) и (2), образуются от НГ при помощи одного лишь РЭ и соотносятся по смыслу с производящими основами (т.н. соотносительные или обратимые РГ).

Вместе с тем существуют РГ, произведенные от НГ при помощи лишь РЭ и не соотносимые с ними по смыслу полностью или частично (т.н. необратимые РГ), ср.:

(3) нем. *sich vorsehen* ‘беречься, остерегаться чего-л., кого-л.’ (← *etw. vorsehen* ‘предусматривать, наметать что-л.’); *sich vor jmdm., etw. hüten* ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, неприятеля, стрессов) (← *etw., jmdn hüten* ‘охранять, стеречь, оберегать кого-л., что-л.’ (например, детей, квартиру)).

Отмечены также РГ, которые употребляются только с РЭ (т.н. *reflexiva tantum*). В образовании таких РГ могут участвовать сложные форманты, состоящие из РЭ и аффикса [1], например:

(4) нем. *sich anhosen* фам. ‘одеваться необычно’ (← *die Hose* ‘брюки’), *sich dekolletieren* ‘надевать декольтированное платье’ (← *das Dekollete* ‘декольте’).

Литература

1. Басыров Ш.Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении: монография Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. – 562 с.
2. Генюшене Э.Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1981. – С. 160–184. – 286 с.
3. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: диссер ... доктора филол. наук: 10.02.15, 10.02.20. – Вильнюс, 1983. – 393 с.
4. Недялков В.П., Генюшене Э.Д. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин: Изд-во Калининского Ун-та, 19. – С. 3–19.
5. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. М.: Наука, 1979. – 304 с.
6. Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках, ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 5-38.

О.А. Саламатина

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ИСТОЧНИКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема изучения фразеологического состава языка не теряет своей актуальности. Развитие языка представляет собой динамический процесс, который связан с непрерывным обогащением национальных фразеологических фондов образными единицами, обозначающими новые реалии. Особое место в современной лингвистике отводится исследованию фразеологических единиц (ФЕ) с особым компонентом, который является основным показателем национально-культурной маркированности и который связан с особенностями функционирования языкового сообщества. Одним из таких компонентов являемся зооним, который определяет национальную специфику фразеологии. ФЕ с зоонимическими компонентами представляют собой определяющий пласт лексической системы и отличаются высокой степенью употребляемости.

Анализ источников возникновения ФЕ позволяет определить способы проявления национально-культурной специфики фразеологизмов, обусловленной психологией народа, своеобразием восприятия окружающего мира и наличием особенных реалий. В. Н. Телия подтверждает это утверждение, указывая, что особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации играет фразеологический состав языка, так как образное содержание фразеологических единиц включает культурно-национальное мировидение [2: 231]. Следовательно, этимологический аспект исследования фразеологизмов позволяет выделить национально-культурный фон, являющийся хранилищем и источником информации о национальной культуре и своеобразии фразеологизмов.

Проведенный анализ материала исследования, состоящего из 600 ФЕ, позволил определить, что источники происхождения фразеологизмов с компонентом-зоонимом в английском и французском языках характеризуются многообразностью. Ссылаясь на теорию А. В. Кунина [1: 143], представленные ФЕ можно разделить на такие группы согласно их происхождению: исконные ФЕ, межъязыковые заимствования, внутриязыковые заимствования и интернациональные единицы.

Рассмотрим наиболее продуктивные источники пополнения фразеологии. В результате исследования установлено, что основными источниками происхождения анализируемых ФЕ является национальный культурный фонд (английская и французская культуры, история, фольклор) и интернациональный культурный ряд (античная история, мифы, Библия). В общей сложности, подавляющее число анализируемых фразеологизмов представляют собой коренные выражения, которые максимально насыщены специфической информацией, отображающей историю и культуру народа носителей языка в эксплицитной или имплицитной форме. Следующие английские ФЕ являются яркими примерами исконно английских ФЕ, которые подчеркивают специфичность мышления англичан: *be the cat's whiskers* 'быть высокого мнения о себе', *Teddy bear* 'плюшевый мишка', *brass monkey weather* 'очень холодная погода', *talk the hind legs off a donkey* 'много болтать', *a rat race* 'постоянная борьба за успех'. Кроме того, анализ французских ФЕ показал, что более 90% единиц составляют исконно французские ФЕ. Этноспецифичность зоонимической фразеологии французского языка заключается во включении в языковую картину мира реалий, обозначающих особенности правопорядка и политики французского общества (*fourni rouge* 'осведомительница при полиции', *cheval de retour* 'прожженный политик, постоянно занимающий государственные посты', *les bœuf-carotte* 'главная инспекция полицейских служб'), исторических личностей (*l'abeille de la France* 'трудовая пчела Франции' (о Шарле Роллене (1661 – 1741)), *le cygne de Mantoue* 'Мантуанский лебедь' (о Вергилии)), уклада социальной жизни (*payer en monnaie de singe* 'не заплатить, отделяться шуточками' и символы страны (*le coq gaulois* 'галльский петух' (национальный символ Франции)).

Особо важным с культурной точки зрения является пласт фразеологизмов, которые обогатили фразеологический фонд благодаря литературе. Оригинальными считаются зоонимические ФЕ, пришедшие в анализируемые языки из национального литературного фонда. В английской фразеологии У. Шекспир, в первую очередь, является создателем оригинальных оборотов речи, отображающих сущность английского юмора. Например, *rats desert a sinking ship* 'крысы бегут с тонущего корабля', *while the cat's away the mice will play* 'без кота мышам раздолье', *dog doesn't eat dogs* 'ворон ворону глаз не выклюет'. Не менее оригинальными считаются зоонимические ФЕ, пришедшие в английский язык из романов, сказок, стихотворений, карикатур, анекдотов других известных писателей. К таким оборотам относятся следующие ФЕ: *curiosity killed a cat* 'много будешь знать – скоро состаришься' (Бен Джонсон «У всякого своя причуда»), *grin like a Cheshire cat* 'улыбаться во весь рот' (Льюис Керролл «Алиса в стране чудес»), *a cat may look at a king* 'и мы не лыком шиты' (Айви Комптон-Бернетт «Дом и его хозяин»), *keep a dog and bark oneself* 'выполнять работу подчиненного' (произведение Бриана Милбанка). Известные французские писатели также внесли огромный вклад в формирование фразеологии французского языка. Например, *les oreilles d'un lièvre* 'сугубые предосторожности' (названия басни Лафонтена), *faire comme le chien de Cadet Rousselle* 'избегать встречи с кем-либо, сторониться кого-либо' (Каде Руссель – герой известной французской песни 1792 г), *vendre la peau de l'ours avant qu'il soit pris* 'делить шкуру неубитого медведя' (басня Лафонтена «Медведь и два товарища»).

Следует отметить, что материал исследования содержит интернациональные элементы, которые зачастую имеют библейскую и мифологическую природу. Например, англ. яз. – *a wolf in sheep's clothing* 'волк в овечьей шкуре', *a lion in the way* 'мнимая опасность', *like a lamb to the slaughter* 'покорно, как овца на заклание'; фр. яз. – *brebis égarée* 'заблудшая овца', *serpent tentateur* 'змей искуситель', *vaches grasses* 'изобилие'.

Анализ интернациональных ФЕ позволил выделить также группу межъязыковых заимствований в представленных языках. Наиболее показательным в этом плане является материал английского языка. Например, *every bird likes its own nest* 'всяк кулик свое болото хвалит' (из фр. яз.), *let the cat out of the bag* 'проболтаться' (из нем. яз.), *every dog is a lion at home* 'всяк кулик в своем болоте велик' (из итал. яз.). Характерной для английского языка является группа внутриязыковых заимствований: *make a monkey out of somebody* 'одурачить кого-либо' (из американского варианта англ. яз.), *be the cat whiskers* 'быть высоко мнения о себе' (из австралийского варианта англ. яз.)

В результате сопоставительного анализа источников происхождения английских и французских ФЕ с компонентом-зоонимом было установлено, что преобладающее количество единиц принадлежит к исконной лексике, отражающей историю народа, своеобразные традиции и уникальные реалии присущи на территориях распространения представленных языков. Коренные ФЕ являются хранилищем культурных символов и исторического наследия представленных языковых сообществ. Исследуемый фрагмент фразеологии также содержит интернациональные единицы, принадлежащие тому или иному национальному языку и одновременно являющимся ценным достоянием мировой культуры и цивилизации.

Литература

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, фразеологический, культурологический аспект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

А.А. Славина

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТОНИМИЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Современное развитие лингвистики характеризуется увеличивающимся интересом к рассмотрению проблем системности средств языка. По мнению Ф. де Сосюра, язык образует замкнутую систему, все части которой должны рассматриваться в синхронном единстве [3: 57]. Системность, в свою очередь, образуется за счет отношений антонимических и синонимических парадигм, которыми связываются единицы языка. Особое место в современной лингвистике отводится исследованию фразеологических единиц с антонимичными компонентами, так как они являются одним из средств отражения в языке противоречивой сущности различных явлений, выражают реальные противоположности объективной действительности. По определению А. В. Кунина, языковые единицы с противоположными значениями являются фразеологическими антонимами [2: 150]. Рассматривая категорию противоположности во фразеологической антонимии, следует сказать, что фразеологизмы могут быть противоположными по смыслу, но не являться антонимичными, так как их этимологические образы не взаимосвязаны друг с другом дискурсивно-образными отношениями. И поскольку контрастность значений еще не доказывает наличие антонимических отношений, антонимичность выступает компонентом смыслового содержания слов. Таким образом, под определением «антонимичность» понимается особая характеристика лексического значения слова, языковое отражение различий, противоречий в предметах объективного мира.

Изучение семантики и структуры внутренней формы фразеологических выражений позволяет осознать особенности мировоззрения народа, потому что именно фразеологические единицы (далее ФЕ) являются отражением внеязыковой

действительности. ФЕ становятся объектом научных исследований в разных языках, однако наиболее интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении ФЕ в двух языках. Это дает возможность не только предложить оригинальные пути решения важных научных проблем, но и наметить возможные перспективы научных разработок в области сопоставительного исследования [1: 20-32].

В результате сопоставления структуры и семантики внутренней формы фразеологических единиц с антонимичными компонентами (далее ФЕАК) двух разноструктурных языков были выявлены как сходства, которые превосходят в количестве, так и отличия.

В первую очередь, выявленные сходства касаются структуры ФЕАК в сопоставляемых языках. Основным сходством является тот факт, что в обоих языках ФЕАК представлены структурами 4 типов. К первому типу относятся сочинительные ФЕАК (в англ. – 38%, в рус. – 39,2%; например: англ. *between this and then* ‘между делом’, рус. *в частности и в общем*), ко второму – подчинительные ФЕАК (в англ. – 22,5%, в рус. – 25,6%; например: англ. *calm before the storm* ‘затишье перед бурей’; рус. *смех сквозь слезы*), к третьему – предикативные ФЕАК (в англ. – 20,5%, в рус. – 20,8%; например: англ. *to measure up and down* ‘смерить взглядом’, рус. *жить как кошка с собакой*), а к четвертому – компаративные ФЕАК (в англ. – 19%, в рус. – 14,4%; например: англ. *as clear as mud* ‘совершенно неясно, дело темное’; рус. *как кошка с собакой*). Хотя сопоставляемые языки принадлежат к различным языковым группам (германская и славянская), тем не менее они могут быть структурированы схожим образом.

Анализ семантики показал, что при образовании ФЕАК лексико-семантическим путём антонимичный компонент играет главную роль в образовании фразеологического значения и в отображении и передаче культурной информации. Полученные данные демонстрируют общую в двух сопоставляемых языках тенденцию к употреблению ФЕАК-антитезы, т. е. преобладание в обоих языках фразеологических единиц, компонентами которых выступают полные или контекстуальные антонимы (англ. *from A to Z* ‘от альфы до омеги’; рус. *ни больше ни меньше*).

Межязыковые совпадения касаются и семантических моделей ФЕАК. В первую группу относятся характеристики человека и внешних черт, внутренних свойств, поведения и т. д., к данной характеристике относятся подгруппы ‘*Poor vs rich*’ (*Never promise a poor person, and never owe a rich one* ‘Никогда не обещай бедняку, никогда не одалживай у богатого’) и ‘*бедность и богатство*’; ‘*Friend vs enemy*’ (*A close friend can become a close enemy* ‘Близкий друг может сдать врагом’) и ‘*Друг и враг*’ (*Неверный друг — опасный враг*); ‘*Fool vs wise*’ (*Wise men silent, fools talk* ‘Умные молчат, глупые говорят’) и ‘*Ум и глупость*’ (*От умного — научишься, от глупого — разучишься*); ‘*Young vs old*’ (*Young saints, old devils* ‘Святоша в молодости, греховник в старости’) и ‘*Старость и молодость*’ (*Чему научишься в молодости, пригодится и в старости*). Ко второй группе относятся образно-обобщенные оценки предметов ‘*Big vs little*’ (*The great fish eat up the small* ‘Кто сильный, тот и правый’) и ‘*Большой и маленький*’ (*В большом горе и маленькая радость велика*); ‘*Good vs bad*’ (*Bad beginning makes a bad ending* ‘Плохое начало не к доброму концу’) и ‘*Хороший и плохой*’ (*Добрая слава лежит, а худая бежит*). К третьей – характеристика явлений и событий объективной действительности ‘*Beginning vs Ending*’ (*Bad beginning makes a bad ending* ‘Плохое начало не к доброму концу’) и ‘*Начало и конец*’ (*начать за здравие, закончить за упокой*); ‘*Life vs death*’ и ‘*Жизнь и смерть*’ (*Живешь — не оглянешься, помрешь — не спохватишься*).

Необходимо подчеркнуть, что исследуемые ФЕАК в сопоставляемых языках характеризуются и рядом отличий. В ходе исследования семантических моделей ФЕАК, а именно благодаря лингвокультурологическому анализу ФЕАК стало возможным выделить отличительные черты касательно носителей двух сопоставляемых языков. Следует отметить, что англичане обеспокоены своим финансовым благосостоянием, т. к. лидирующими группами являются ‘*small vs big*’ (22,5%), ‘*poor vs rich*’ (20%). Русских же, больше всего

волнует то, как их воспринимает общество, т. к. наиболее многочисленными группами являются 'ум и глупость' (18,4%), 'молодость и старость' (17,2%).

Зафиксированные отличия касаются и этимологии ФЕАК. Установлено, что появлению английских ФЕАК в большей степени способствовал социально-исторический фактор (англ. *if you wish for peace, be prepared for war* 'хочешь мира, готовься к войне'; *give-and-take policy* 'политика взаимных уступок'), а русские ФЕАК имеют свое происхождение из фольклора и литературных источников (рус. *быстро сказка говорится, да не быстро дело делается; познание добра и зла; невиновно виновный*).

Фразеологический фонд каждого народа отражает в своих многочисленных образах историю жизни, материальной и духовной культуры нации. Сопоставление ФЕАК двух разноструктурных языков показало, что и в русском, и в английском языках есть более или менее сходные образы и символы.

Литература

1. Бессонова О.Л. Сопоставительные лингвокогнитивные исследования в Донском национальном университете // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сб. науч. статей: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. – С. 20-32.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
3. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – М.: Высшая школа, 2002. – 123 с.

ТЕКСТ. ДИСКУРС

Е.С. Анохина, Н.Г. Щитова
(г. Таганрог, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ГРУППЫ FEATURES

Изучение текстов массовой информации в межкультурной коммуникации является важным вопросом. Значимые для общества процессы в первую очередь отражаются посредством СМИ, поэтому тщательное исследование таких источников информации позволяет сформировать понятие о сложившейся картине мира. Единицей этого разнообразия информации (медиапотока) является медиатекст, изучению которого посвящена данная статья. В сложившейся языковой картине мира особое место отводится английскому языку (*lingua franca*), который используется как средство межэтнического общения в определенной сфере деятельности, давно ставший языком дипломатических отношений и межкультурной коммуникации, науки, медицины, экономики, инженерии, журналистики, туризма, информационных и нано-технологий и др. В свою очередь эти сферы человеческой деятельности находят свое отражение в СМИ. Публицистические тексты стали одной из составляющих глобальной коммуникации. А такие популярные медиаресурсы, как телеканалы Euronews, BBC World, Discovery Channel, National Geographic, SkyNews и CNN завоевывают внимание и доверие огромной зрительской аудитории по всему миру, людей, желающих получить доступ к достоверной информации, качественному и проверенному контенту. Поэтому изучение информационных англоязычных медиатекстов является актуальным.

Медиатекст – это сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и проч.) [3], которое бывает новостным (информационным), информационно-аналитическим, features (публицистическим), рекламным. Новостной (информационный) медиатекст сочетает в себе стилевые характеристики официально-делового и публицистического функциональных стилей языка.

Как правило, основной функцией информационного медиатекста является сообщение новой, значимой информации для адресата сообщения [цит. по: 1: 193].

Говоря о текстах группы features, можно сказать, что они являются важнейшей составной частью любого издания. Их отличие от других видов текстов массовой информации заключается в том, что features обычно публикуются на специально отведенных страницах в разделе, который так и называется Features. Тексты жанра features представляют собой разнообразный вид медиаматериалов, характеризующийся определенной тематической привязанностью, ориентированный на самообразование читателя, его приобщение к миру искусства, моды, спорта, хобби, путешествий. В текстах этой группы, как в краткой заметке, отражающей актуальную проблематику, так и в развернутом очерке, посвященном конкретной проблеме или известной персоне, используются разнообразные идиоматические соединения, сравнения, метафоры, культуроспецифичные словосочетания и др.

Несмотря на некоторые различия, которые обусловлены конкретной формой воспроизведения медиаматериала – устной на радио и телевидении, письменной – в прессе, тексты группы features обладают определенными общими признаками на уровне языка. В плане синтагматики – это сбалансированный морфосинтаксический рисунок, в котором гармонично представлены все основные типы словосочетаний. Особенности лексико-фразеологической сочетаемости отражают направленность данного типа текстов на достижение воздействия в его художественно-эстетическом проявлении [2: 147]. Высокая степень номинативности, наличие идиоматических соединений, использование сравнений, метафор и других лингвостилистических средств выразительности – все это в высшей степени характерно для синтагматики feature-текстов.

Согласно Т. Г. Добросклонской, огромную роль в текстах группы features играют словосочетания, маркированные в плане категории культуроспецифичности. Категории культуроспецифичности объединяют те синтагматические единицы, которые обозначают реалии и артефакты, относящиеся именно к данной культуре, данному языковому коллективу, адекватное понимание которых невозможно без соответствующего фонового значения [там же: 156]. Использование данных единиц свойственно всем типам текстов массовой информации: новостным, рекламным, информационно-аналитическим, текстам группы features. Следует отметить, что в медиатекстах (в текстах группы features), в большей степени ориентированных на воздействие, употребление культуроспецифичных словосочетаний имеет свои особенности: оно носит более творческий, креативный характер. Эти словосочетания используются не только для обозначения артефактов и реалий, они могут быть использованы в качестве компонентов различных стилистических приемов – метафор, сравнений, аллюзий и др. Большой интерес представляют также примеры, непосредственно связанные с фактами и реалиями жизни современного англоязычного общества.

Таким образом, активная роль в построении текста исследуемой группы принадлежит тем компонентам, которые способствуют реализации функции воздействия на морфосинтаксическом и лексикофразеологическом уровнях.

Литература

1. Гаража А.С. Информационные англоязычные медиатексты и их лингвостилистические особенности // Поддержка одаренности – развитие креативности: материалы международного конгресса: в 2 томах. – Витебск: Изд-во: ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – С. 191-195.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. – 3-е изд. – М.: КРАСАНД, 2010. – 288 с.
3. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text23/0013.htm> (дата обращения: 12.10.2017).

Ю.В. Винник
(г. Краснодар, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Политический дискурс – центральное понятие политической лингвистики, имеющее своей целью завоевание и удержание политической власти. Широкий подход к определению понятия «политический дискурс» принадлежит исследователям А.Н. Баранову и Е.Г. Казакевичу: «Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [3: 6]. Цель политического дискурса, согласно В.З. Демьянкову, заключается в том, чтобы пробудить намерения в адресате, побудить его к действию [4]. Реализация цели осуществляется посредством той или иной стратегии. Лингвисты выделяют три наиболее частотные стратегии политического дискурса: 1) стратегия на понижение (ориентирована на дискредитирование оппонента – политического противника); 2) стратегия на повышение (представление себя в выгодном свете, увеличение своей значимости и весомости в глазах электората); 3) стратегия театральности (демонстрация себя и своих возможностей) [1: 403].

Политический дискурс обладает набором определённых ценностей. Политические ценности существуют в виде общественных идеалов, представлений общества о совершенстве политической системы [2]. Идеалы – мысленные образцы совершенства, нормы, к которым необходимо стремиться как к заключительной цели. Политические идеалы отражают политический опыт данного общества. Политические ценности это также узаконенные установления, правила, нормы, требующие строгого соблюдения. Кроме того, предметные воплощения выступают в качестве политических ценностей. Определённые политические идеалы – это политические нормы. Они воплощают приоритеты интерперсональной связи для включенных в политику субъектов. Именно нормы, а не ценности детерминируют деятельность общества, нормы корректируют ценностные ориентации. В целом, в рамках политического дискурса, на первый план выдвигаются следующие ценности (идеалы): свобода личности, конституционализм, правовое государство, разделение власти, гражданское общество [2].

Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. к числу основных политических ценностей относят: человеческие права, характер, принцип и форму политического устройства, политические институты общества, идеи, участие людей в политике, политическую культуру. Далее исследователи подразделяют политические ценности на демократические, основанные на принципах гуманизма, и экстремистские, основанные на антилегитимных настроениях и признающие насильственный метод в преобразовании государства. Важнейшей ценностью политики Ю.В. Ирхин называет человека, его свободу и права [5].

С учетом специфики политического дискурса исследователи выделяют следующие тематические группы:

– дискурс, предметом которого выступает идеология (философия идеологии): дискурс о консерватизме, дискурс о либерализме, дискурс о социализме, дискурс об анархизме, националистический дискурс, коммунистический дискурс и т.д.

– дискурс, предметом которого выступает политическая система: демократический дискурс, авторитарный дискурс, дискурс о тоталитаризме, дискурс о теократии.

– дискурс, предметом которого является сфера политической деятельности: внешнеполитический дискурс, политико-образовательный дискурс, политико-экономический дискурс, политико-национальный дискурс и т.д.

– дискурс, предметом которого выступают процессы политики: военный дискурс, дискурс митингов, перестроечный дискурс и т.д.

– дискурс, предметом которого являются политические субъекты: дискурс о политическом деятеле, дискурс о профессиональных группах, дискурс бизнес-структур и т.д. [6].

Речь политика направлена на массовое сознание, она должна затронуть «вселенную потребителей» политического дискурса. В связи с этим опытный политик оперирует в речи символикой, архетипами, ритуалами, отражающими интересы общества. Одна из особенностей политической речи – употребление метафор, построенных на военной и больничной терминологии (шоковая терапия; битва за избирателя и т.д.). Еще один хитрый ход в политической речи – языковая игра, выступающая в качестве манипулятора. Языковая игра строится на изменении значения слова: народ и население (слово народ приобретает дополнительный смысл – сознательная часть населения, поддерживающая власть).

Часто в речи политики манипулируют номинациями. Они выбирают те слова для обозначения объекта, которые могут обеспечить сдвиги объекта по осям модальности в верном для говорящего направлении. Так, например, политики используют слова, совпадающие в области денотатов, но различающиеся по коннотациям: сепаратист и освободитель и т.д. [7: 43-48]. Довольно часто используется лексика с негативной оценочной коннотацией, а также ярлыки при выражении своего отношения к объекту.

Литература

1. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса. Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2013, №6(1). – С.403-409.
2. Алимова С.Б. Проблема ценностей в политическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5283> (Дата обращения: 12.01.2017)
3. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.– 64 с.
4. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]. URL: <http://infolex.ru/PolDis.html> (Дата обращения: 11.01.2017)
5. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. Учебник [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebnik-online.com/133/736.html> (Дата обращения: 13.01.2017)
6. Карамова А.А. Структура политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=12421> (Дата обращения: 13.01.2017)
7. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 43-48.

Т.М. Грушевская
(г. Краснодар, Россия)

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Одним из самых ярких процессов социокультурной действительности последних десятилетий является стремительное развитие рекламной индустрии. Рекламный дискурс является одной из важнейших составляющих массовой культуры, а также сильным средством воздействия на аудиторию.

В современном обществе реклама играет огромную роль. С идеологической точки зрения она влияет на становление и формирование мировоззрения человека. С экономической точки зрения она ведёт к получению прибыли. Важно отметить, что реклама является и образовательным процессом, ведь при внедрении новых технологий, при просмотре товаров и услуг, о которых она вещает, человек узнает новую информацию абсолютно из всех сфер жизни. Реклама влияет на потребности, желания и мечты покупателя в психологическом плане, не вызывая потребителя к разуму. Не менее важна ее эстетическая (культурная) роль: во многих обращениях к потребителю очень качественно подобраны цвета, звуки и языковые средства, которые могут повлиять на адресата, привлекая более

пристальное внимание к объявлению и вызывая у человека желание реализовать рекламное предложение.

Таким образом, рекламный дискурс представляет собой общение между адресантом и адресатом, где в роли первого выступает рекламодатель, а адресатом является потребитель. Это общение осуществляется через распространение рекламы различными способами: в электронных средствах массовой информации, в прессе, на транспортных средствах, а также на наружных носителях (например, на рекламных щитах).

В рекламном дискурсе каждая его составляющая выполняет свою функцию, задачу. Так, адресант передает сообщение адресату, закодировав в нем идею рекламы и выбрав соответствующего посредника для ее воплощения. После чего потребитель (адресат) декодирует информацию и реагирует на нее. Реакция выражается конкретным действием (приобретением товара) или требованием обратной связи для дополнительных сведений и уточнений.

Следовательно, рекламная коммуникация является многоструктурной системой. Тем не менее, различные ошибки и помехи могут помешать эффективности процесса рекламного дискурса. Большую роль играет и коммуникативная компетентность отправителя и получателя. Ее наличие позволит эффективно организовать процесс, а также избежать негативного воздействия на адресата.

Рассматриваемый вид дискурса может включать в себя вербальную составляющую (как устный или письменный текст), звуковую составляющую (музыкальное или шумовое сопровождение), визуальную составляющую (изображение), а также вкусовые, тактильные и обонятельные составляющие.

Рекламный дискурс связан с реальными событиями и явлениями, которые происходят в жизни общества в определенный промежуток времени. Именно поэтому его можно считать самым динамичным, живым и постоянно меняющимся типом дискурса.

Неотъемлемыми составляющими текста, предлагаемого целевой аудитории в рамках рекламного дискурса, являются коннотация и антропоцентризм.

В лингвистическом аспекте под антропоцентризмом будет подразумеваться внимание к «фигуре человека» в языке, которое, с одной стороны, будет выражаться в изучении человеческого, субъективного фактора в устройстве языковой системы, а с другой – в учете позиции адресанта и адресата текста при лингвистическом анализе.

Под термином «коннотация» понимаем дополнительные стилистические или семантические оттенки, накладывающиеся на основное значение слова. Они используются с целью выражения эмоционально-экспрессивной окраски, а также придают тексту тон непринужденности, торжественности, фамильярности и т. п.

Одной из характеристик рекламного текста является его способность передавать ценности. Эта способность – результат взаимодействия информации, которая заложена в тексте, авторской интерпретации действительности и ценностной картины мира индивидуального адресата.

Напомним, что текст (сообщение) обладает не только значением, но и смыслом. Значением текста рекламы считается предложение товара (услуги). Подобное значение может быть передано языковыми или неязыковыми знаками, из которых состоит текст. Смыслом же рекламного текста является предложение услуг рекламодателя.

Отметим, что каждый из видов коммуникации как обязательный компонент содержит цель, тот результат, на который она (коммуникация) направлена.

Рекламный дискурс направлен на описание товара. Этот факт отражает модель потребления, сложившуюся на современном этапе, в которой товар и его характеристики занимают центральное место.

Несомненно, то, что реклама направлена на положительное восприятие информации адресатом. Ведь прежде, чем принять решение о покупке потребитель должен одобрить рекламируемый товар.

Таким образом, содержание (текст) рекламы является универсальной формой коммуникации. Так как благодаря созданию, восприятию и интерпретации текстов можно осуществить передачу информации, описать реалии окружающего мира, а также выразить чувства.

Через рекламный дискурс осуществляются контакты между людьми и воздействие на них. Как мы уже отмечали ранее, реклама, таким образом, выполняет множество функций: информативную, эмотивную, социальную, прагматическую, коммуникативную и эстетическую.

Восприятие сообщения, содержащегося в рекламе, сближает рекламный дискурс с публицистическим и художественно-литературным дискурсами. Так как сообщение воспринимается как вполне достоверная информация. К тому же, допускается возможность понимания слова, фразы, текста одновременно в двух смыслах (происходит это из-за обильного использования в рекламе языковых средств художественной выразительности, игры слов, каламбура и т.д.).

Итак, рекламный дискурс – это общение между адресантом (рекламодателем) и адресатом (потребителем). Целью данного вида дискурса является достижение эффекта положительного воздействия на адресата, побуждение к деятельности. Она не является лишь способом распространения информации в торговле. Прежде всего, это искусство, пропаганда, политика, часть массовой культуры, а также особый лингвокультурологический феномен, который широко отражает жизнь общества и систему ценностей современного человек.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: СЭ, 1990. –137 с.
2. Ильин В. И. Потребление как дискурс– СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
3. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте – Воронеж, 2004. – 122 с.
4. Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ. – М., 2007. – 352 с.
5. Пирогова, Ю. К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. Под ред. Ю. К. Пироговой, П. Б. Паршина. – М., 2000. – 270 с.

В.В. Долгополова

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ СИРИЙСКОМУ КРИЗИСУ

Медиалингвистика является новым самостоятельным направлением и привлекает внимание многих современных отечественных и зарубежных ученых со второй половины XX века (Т. Г. Добросклонская, Г. В. Степанов, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева, Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик, А. Н. Васильева, Т. ван Дейк, А. Белл, М. Монтгомери, Н. Фейерклаф). В рамках данного направления рассматривается проблема контекстуальности массовой коммуникации (Т. Ван Дейк, У. Эко); С. И. Сметанина рассматривает концепцию медиалингвистики с культурологической точки зрения [4: 76]; в работах О. А. Лаптевой рассматриваются свойства телевизионной речи [3: 11]; А. А. Волков уделяет внимание проблеме риторики массовой информации [2: 120]. Поскольку в последнее время внимание исследователей приковано к изучению жанровых особенностей единиц медиалингвистики, исследование организации новостных медиатекстов становится чрезвычайно актуальным.

Источником материала послужили электронные версии англоязычных газет, в частности, влиятельных британских изданий («The Guardian», «The Independent», «The Economist»), американских («The New York Times», «Daily News»), а также международного

информационного агентства «Reuters» за период сентябрь – декабрь 2015 г, январь – апрель 2016 г, январь – апрель 2017 г. Таким образом, материал исследования составляют 100 новостных медиатекстов, посвященных Сирийскому кризису.

В фокусе внимания исследования оказалась концептуальная организация англоязычных новостных медиатекстов и особенности вербализации ключевых концептов новостных медиатекстов. Следует отметить, что концептуализация мира представляет особый интерес для изучения, так как данный феномен в различных лингвокультурных социумах имеет сходства и различия [1: 23].

Концептуальное пространство медиатекстов, посвященных сирийскому кризису за период сентябрь-декабрь 2015-го года, представлено такими основными концептами, как ISIL/ISIS, ASSAD, WAR, DIPLOMACY, CRISIS. Из совокупности концептов, которые благодаря своей частотности создают концептосферу дискурса, посвященного проблеме сирийского кризиса, выделяются два базовых концепта ISIL/ISIS и ASSAD. Они являются дискурсообразующими в коммуникации по вопросам сирийского кризиса. Следует отметить, что эти два базовых концепта не случайно являются ключевыми, т.к. это обусловлено двумя главными противостоящими силами в гражданской войне в Сирии. Однако концептосфера медиатекстов, посвященных сирийскому кризису за период январь-апрель 2016-го года, несколько отличается. Так, концепт DIPLOMACY становится ключевым концептом концептосферы, реализованной в дискурсе сирийского кризиса, охватывающего период январь-апрель 2016 года, что может быть обусловлено последними успешными дипломатическими договоренностями о прекращении огня. Также возникают новые дискурсообразующие концепты OPPOSITION и TERRORIST, это объясняется тем, что в последнее время сирийская умеренная оппозиция вернула свои лидерские позиции в противостоянии с действующим президентом Сирии, Асадом, и угрозой возобновления борьбы с такими террористическими группировками, как «Аль-Каида» и «Талибан». Более того, отмечается тенденция организации дипломатических договоренностей как в начале 2016-го, так и 2017-го года, что проявляется в возрастании частотности концептов DIPLOMACY (2016 г.) и CEASEFIRE (2017 г.). Кроме того, количество контекстов, в которых вербализуется концептосфера «Сирийский кризис» за период сентябрь – декабрь 2015 года (85 контекстов), значительно уступает периоду январь – апрель 2016 года (253 контекста). Это обусловлено повышением внимания к данному вопросу в ходе развития событий в Сирии. При этом период январь – апрель 2017 года характеризуется меньшим количеством контекстов (189 контекстов) в сравнении с этим же периодом 2016 года, что объясняется изменением динамики конфликта на арене боевых действий.

Ключевые концепты, которые образуют концептосферу «Сирийский кризис», вербализуются на лексическом уровне посредством номинантов ключевых концептов (ISIL/ISIS; ASSAD; WAR; DIPLOMACY; CRISIS; OPPOSITION; TERRORIST; CEASEFIRE), их контекстуальных синонимов (DIPLOMACY – *peace, approach, conflict, negotiations, table, talks, solution*), оценочных словосочетаний (ISIL/ISIS – *terrorist group, terror network, militant groups*), устойчивых выражений (WAR – *humanitarian corridors, civil war, military action, war games, cessation of hostilities, partial truce*), а также на морфологическом уровне посредством использования приемов модальности в предложениях с модальными глаголами (*In the end, Assad must go...*) [5].

Следует отметить, что вопрос гражданской войны в Сирии не перестает волновать мировую общественность уже в течение 6-ти лет, поэтому данное исследование является чрезвычайно важным на сегодняшний день, ведь изучение различных моделей геополитических конфликтов на языковом уровне может обусловить избежание дальнейших ошибок в реальной жизни.

Литература

1. Бессонова О. Л.. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления: коллективная монография / под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко. – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – С. 87- 117.

3. Волков А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. – М., 2008. – С. 118 – 132.
4. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. – М: Едиториал УРСС, 2003. – С. 11.
5. Сметанина С. В. Медиаатекст в системе культуры.– СПб.: Издательство Михайлова, 2002. – С. 76–115.
6. France launches first airstrikes against Isis in Syria // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/27/france-launches-first-airstrikes-isis-syria>.

D. Erben
(University of Toledo, USA)

NATIVE AMERICAN TEXTUAL REVISIONING: THE IMPACT OF STORY

The textual space of the novel is the threshold through which we enter into the physical, social and cosmic topographies evoked by the narrative. In the act of opening novels by contemporary writers with Native American heritages, readers gain entry into a most unusual textual space. This space encloses and is enclosed by multiple narrating voices, multiple styles, and multiple national languages, all within the single unit of a given novel's text. Among these writers, the solitary voice of Anglo-European literary tradition narrating a chronologically ordered sequence is the exceptional text. Multiple storytellers are critical even for James Welch whose novels come closest to meeting Western expectations for narrating voice. Communities of narrators structure the novels of N. Scott Momaday, Leslie Marmon Silko, Louise Erdrich and Paula Gunn Allen. In these textual communities, individual narrating perspectives can be differentiated by style, by point of view, and even visually, through page layout or typeface. As these unconventional textual strategies reinforce narrative strategies they become, in these authors' hands, revisionings of the American novel's expressive repertoire.

The common critical response to the unusual textual shapes given to novels by today's Native American writers is that those shapes represent alienated social spaces. Some readers have thus labeled them as "transitional" and "fragmented" forms. Such modifiers imply a dialog comparing the novel text to a preconceived standard, a fixed, ideal totality against which the textual shape itself is to be evaluated. I agree that a dialog is involved, but I argue here that the individual writer's dialog with his or her language's received forms, not the critic's expectations, finally determines the shape of a text. Rather than the socially alienated, poetically fragmented and marginal consciousness these interpretive evaluations imply, I see these communities of storytelling voices as holistically conceived and uniquely manifesting what the Russian critic Mikhail Bakhtin identifies as the novel's "multi-linguaged consciousness" [1: Dialogic 11].

Bakhtin's and V. N. Volosinov's work on the dialogical nature of our practical understandings in such circumstances as these becomes especially relevant: for it turns our attention away from the repeatable, monological nature of the linguistic forms we utter, and focuses our attention both on them as unique, only 'once occurrent' events, and also on the way in which as such they are always 'shaped' by their dialogical relations to their surroundings. In other words, rather than as patterns of already spoken words, Bakhtin and Volosinov suggest we attend to people's speakings of their words, to their utterances as a dialogical activity. Then, instead of seeing people's words as objects with supposed already fixed but "hidden" representational meanings that must be inferred, we can begin to see their speakings as having a more practical meaning out in the world between speakers: "There is no reason for saying that meaning belongs to a word as such. In essence, meaning belongs to a word in its position between speakers; that is, meaning is realized only in the process of active, responsive understanding. Meaning does not reside in the word or in the soul of the speaker or in the soul of the listener" [3: 102]. The immediate social situation and the broader social milieu wholly determine - and determine from within, so to speak - the structure of an utterance [3: 86].

Despite the strong individuality that marks their art, I see contemporary writers with Native American heritages expressing a shared awareness of a wide-ranging semantic universe. That common expression is arresting, regardless of individual racial and tribal heritages. Within predominantly English language texts, we may encounter Navajo, Spanish, Kiowa, French, Laguna, or Chippewa. Further, revisions within the textually and culturally dominant language validate multiple expressive modes across cultures and offer otherwise unavailable generic and stylistic options. When Bakhtin places the novel's development at "the intersection of cultures and languages," where it discloses this "multi-linguaged consciousness," he establishes a paradigm especially felicitous for focusing on these works. A multi-linguaged consciousness informs theme and direct statement and stylistic experimentation to the extent that we can label the resulting textual forms themselves as "liberating." In none of these contemporary writers is this opening of textual limits clearer than in the artistry of N. Scott Momaday, my focus in this chapter. Momaday's textual and stylistic revisions in *The Way to Rainy Mountain* (1969) and in his second novel, *The Ancient Child* (1989), are so striking as to make examination of their rhetorical implications essential.

Labeling such revisions "liberating" is justified because in these authors' hands the English language assumes shapes that accommodate non-Anglo/European modes of storytelling, that affirm indigenous social systems, and that privilege indigenous conceptions of the cosmos itself. These textual revisions give voice to poetic and conceptual modes heretofore only dimly sensed across cultures. In giving voice to a native poetics, these texts are liberating. They also offer outsiders opportunities to open perceptual doors across cultures at both content and subtextual levels. Thus, as entries into other modes of perceiving and conceiving, they are also liberating. In the context of the American Indian historical experience of "the intersection of cultures and languages," these expressive acts become courageous questionings of received rhetorical and conceptual limitations. The English language text is the critical threshold these writers open, freeing readers to move beyond received forms and across cultural boundaries.

Momaday's exploration of stylistic possibility and his resolution of potential stylistic conflict foreground issues central to the range of this contemporary fiction. Foremost is the way his unusual textual designs reinforce thematic and narrative elements to create a remarkable coherence of form and theme. In *The Way to Rainy Mountain* and in *The Ancient Child*, Momaday's stylistic experiments foreground the text's visual dimension, his questioning of generic and stylistic options for expressing experience, and the relevance of prefiguring indigenous poetic models for his textual choices. Of particular importance for this investigation of spatial categories in his and other writers' novels are Momaday's validation of mythic as well as realistic discourse styles and his implicit privileging of a social space defined by the reciprocal storytelling of individual and community. This reciprocity highlights what is especially distinctive about dialogical phenomena: as soon as a second living person responds to the activities of a first (while acting in relation to an environment common to them both), we have a circumstance in which the second person can never be wholly the author of his or her own activities - their activities must always be partly shaped by the activities of the others around them.

In the Western intellectual tradition, mythic, historically realistic, and personal perspectives have been considered if not incompatible, certainly unequal. Conventional historic discourse exemplifies what Bakhtin calls "monoglot" or "monotonic" discourse. As opposed to heteroglot discourse which is, by definition, dialogic, monoglot discourse presupposes its own "incontestability." Like its antecedent, the epic, Bakhtin's preferred example of monoglossia, historiography has conventionally assumed an "absolute" and "unified" point of view. Both the epic and received historiography ordinarily present a world that sounds as if it were "completed, conclusive and immutable, as a fact, an idea and a value" [1: Dialogic 17]. Our self-reflexive saying, "History has the last word" encapsulates this perception of historical discourse as "finished" and closed to any dialog, especially those of traditional narrative or of individual witnesses known only locally. In placing these three perspectives alongside each other within a single unit (between the book's end papers), Momaday radically challenges this traditional conceptual segregation.

Momaday's later work, along with the first novels of Leslie Silko and Paula Allen, continues that challenge. Bakhtin's discussion of the self-reflexivity generated by a novel's double voicing, by its juxtapositions of languages and styles, speaks directly to this point. Such radical textual juxtapositions, Bakhtin argues, can raise reader consciousness by encouraging a confrontation with the inherited text or style per se, a phenomenon particularly apparent in parody and in the modern and the postmodern writer. Momaday privileges distinctly different styles and withholds directly stated conceptual linkages between passages. These strategies push the reader toward recognition of stylistic and conceptual equality within diversity.

In his Prologue, Momaday argues for the coherent experience of reading these three distinctive voices within the same text. In an oft-quoted passage he makes that coherence both purpose and theme:

The journey herein. . . is a whole journey, intricate with motion and meaning; and it is made with the whole memory, that experience of the mind which is legendary as well as historical, personal as well as cultural. . . The imaginative experience and the historical express equally the traditions of man's reality [2: 4].

This "whole journey" through Kiowa cultural history draws on multiple perspectives -- legendary (mythic), historical and personal. Following in the clearest sense Wayne Booth's dictum that the writer show the experience, not just tell about it, Momaday's multi narrated text functionally reinforces his theme of multiple perspectives as not only equally valuable, but as necessary for conveying experience.

References

1. Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination. University of Texas, 1983. – 444 p.
2. Momaday N. Scott. House Made of Dawn. New York: Harper, 1968. – 224 p.
3. Volosinov V.N. Marxism and the Philosophy of Language, 1973. – 206 p.

М.А. Косинова

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Язык – это не просто способ передачи информации, он отображает целую культуру народа, его традиции, менталитет. Этот феномен изучался с разных сторон и при помощи разнообразных подходов, однако наименее изученной остается связь языка, культуры и пищи. Эта связь возникла ещё с момента появления речи и с тех пор она крепнет, приобретая всё больше компонентов и значений. Впервые понятие «гастрономический дискурс» было предложено А. В. Оляничем в статье «Презентационная теория дискурса» [3], а позже было рассмотрено другими учеными и исследователями, но тем не менее, на сегодняшний день гастрономический дискурс остается одним из наименее изученных явлений, так как ученые отдают предпочтение другим наукам, игнорируя связь пищи с языком, культурой и традициями.

Кулинарные традиции очень быстро меняются, чтобы приспособиться к современным условиям жизни общества, что способствует формированию нового лексикона современного человека. Ярким примером этому является возникновение индустрии фаст фуда (от англ. «fast food» – быстрое питание). Согласно традициям, раньше было принято отводить еде довольно много времени, к примеру, в культуре Китая много столетий вообще не существовало такого слова как «перекус», ведь еда являлась проводником в мир гармонии и спокойствия. Даже чайная церемония могла занимать несколько часов, потому что её цель – не банальное утоление голода, а постижение внутренней гармонии и самопознания. Это целое искусство, которому специально обучали и гордились им. Но сегодняшний ритм жизни заставляет нас

готовить всё очень быстро, либо покупать уже готовую еду, а долгий семейный ужин – это роскошь, которую можно встретить, в основном, во время праздников. Фаст фуд стал настолько популярен, что это отразилось и на языковом уровне. К примеру, популярность сети ресторанов быстрого питания «McDonald's» поспособствовала появлению слов «наггетсы», «чизбургер», «хэппи мил» в более чем 100 странах по всему миру. И это не только заслуга ресторанов. Открытость границ большинства стран делает доступной национальную кухню для других культур, поэтому происходит смешение кулинарных предпочтений. Уже сегодня японские роллы, французский багет или блюда из азиатского сахарного тростника можно встретить и съесть почти в любой точке мира. В туристическом бизнесе уже давно процветает гастрономический туризм, принося большие доходы фирмам и яркие позитивные эмоции туристам.

Подтверждением быстрого распространения гастрономического дискурса так же может служить наличие кулинарных телеканалов и их популярность в каждой стране. Если в начале возникновения кулинарных программ это были пошаговые видеорецепты с комментариями, то сегодня они приобрели формат ток-шоу с участием звезд, кулинарными соревнованиями и различными спецэффектами.

Пища влияет не только на языковой лексикон, но так же и на личность самого человека, его жизнь, привычки, предпочтения, качества характера, а значит, является предметом манипулирования. Благодаря рекламе организации, связанные с кулинарией заставляют человека выбирать то, что нужно им, т.е. их новый продукт, будь это йогурт или вермишель быстрого приготовления.

Кроме того, еда на сегодняшний день представляет собой нечто большее, чем просто набор продуктов, собранных в одно блюдо. Благодаря различным вариациям и обстоятельствам подачи блюд, человек может прикоснуться к нескольким культурам сразу во время фуршета или шведского стола. Возможно, ему настолько понравится вкус французского петуха в вине (*Coq au vin*), что он захочет изучить это блюдо, узнать его историю, выучить несколько французских слов и даже воплотить его на своей кухне, чтобы впечатлить свою семью или гостей, а так же поделиться с ними свежеприобретенными знаниями. Таким способом гастрономический дискурс начнет свой путь распространения от праздничного фуршета до каждой кухни многоэтажного дома, а может, и целого района. А.И. Козлов провел интересное исследование, которое подводит к выводу о том, что при столкновении двух культур и разрушении границ между ними, чужая культура имеет тенденцию вытеснять родную [2]. Вот почему мы так легко принимаем блюда других стран и постепенно хот дог и кока кола занимают на столе место традиционного борща или каши на обед.

Индустрия современного мира построена таким образом, что человек уже не справляется с яркой и сочной рекламой пищи по телевизору, навязчивыми Интернет-роликами или всплывающими картинками на любых сайтах; с огромными бигбордами, встречающими тысячи и миллионы людей на дорогах по пути на работу и обратно. Гастрономический дискурс настолько плотно занял свое место в жизни социума, что без него сегодня просто невозможно обойтись.

И. В. Сохань [4: 120] рассматривает такое интересное понятие, как «гастрономическая память». Её можно легко отследить на примере стран бывшего Советского Союза. Наиболее актуальной рекламой является та, в которой говорится, что именно этот данный продукт по вкусу и качеству такой же вкусный, как в Советском Союзе. В те времена все продукты были изготовлены из очень качественного сырья. Зато в XXI веке технологии обработки и приготовления пищи зашли настолько далеко, что уже никого не удивит капуста с генами скорпиона или яйцами с ДНК человека [1]. К сожалению, качество при этом заметно ухудшилось. Вот почему реклама продуктов XX века так актуальна, а пожилое поколение поддерживает эту идею, ностальгируя о добрых старых временах.

Таким образом, гастрономический дискурс, стал неотъемлемым элементом жизни современного человека. Его влияние настолько велико, что он стал предметом

манипулирования и способом обогащения, а открытость границ большинства стран мира способствует ему в этом. Так происходит смешение культур и традиций, поэтому важной составляющей гастрономического дискурса следует рассматривать культурологический аспект. Гастрономический дискурс сегодня популярен, как никогда, ведь еда – это символ, способ самоутверждения, средство для обогащения, искусство.

Литература

1. 12 невероятных примеров генной инженерии, 2011 – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.facepla.net/the-news/1582-gmo27.html>
2. Козлов А.И. Пища Людей. – М.: Фрязино, 2005. – 272 с.
3. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация // Монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
4. Сохань И.В. Гастрономическая культура глобализирующегося общества – проблемы и перспективы // Дефиниции культуры. Вып. 9: Сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. – Томск, 2011. – С. 110-123. – [Электронный ресурс] – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000423319>

О.В. Кравченко
(г. Таганрог, Россия)

ЯЗЫКОВОЙ АБСУРД КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ БЫТИЯ (на материале творчества А. Битова)

В современную эпоху разрозненности и фрагментарности гуманитарного знания феномен абсурда, как никогда, становится одним из центральных концептов, позволяющих осмыслить происходящее. Стремительное развитие цивилизации делает многие эстетические, социальные и природные закономерности относительными, абсурд, внося элемент разрушения, заставляет мыслить и переоценивать стремительные перемены мировосприятия.

Понятию «абсурд» Е.С. Кондаковой приписывается длинный семантический ряд: от расхождения, раскола, нарушения законов логики до хаоса, неразберихи, беспорядка, странности, противоестественности, парадокса [2: 6]. Будучи продуктом человеческого сознания, абсурд находит свое воплощение в языке, обнаруживая себя как намеренное нарушение норм восприятия и понимания текста. Попытки изучения абсурда как способа осмысления бытия привели нас к необходимости выявить его основные характеристики. Материалом для исследования стали новеллы «Вид неба Трои», «Принц Чиню» А. Битова, творчество которого пронизано элементами абсурдистской эстетики.

Рассматривая абсурд как лингвистическую категорию, необходимо ответить на вопрос как, благодаря чему возможно появление языкового абсурда в семантической ткани текста. На наш взгляд, разграничивая понятия смысла и значения, можно вычленивать явления языкового абсурда, которые, лишаясь обыденного значения, приобретают особый смысл. Данное предположение выдвинул Г. Фреге в своей работе «О смысле и значении». Согласно теории Г. Фреге по дифференциации понятий значения и смысла, находящейся в рамках структурной лингвистики, значение следует понимать как «связь знака с предметом его обозначения (денотатом), а также отсылка к другим знакам», а смысл как «мысленное содержание, которое выражается и усваивается при понимании языкового выражения» [4]. «Связь, существующая между знаком, его смыслом и его значением, такова» утверждает немецкий логик, «что знаку соответствует определенный смысл, а этому последнему – определенное значение, тогда как одному значению соответствует не единственный знак. Один и тот же смысл имеет в различных языках – и даже в одном и том же языке – различные выражения» [4].

Анализ корпуса извлеченных из текста примеров позволяет говорить о превалирующей необходимости изучения соотношений смысла и значения. Кроме

нарушения смысловой связности, содержательно явления языкового абсурда находятся в противоречии с традиционной картиной мира: *это был самый очаровательный синий чулок... впрочем, синее она не любила, она любила все красное – вольные кофты... бусы, браслеты...* концепт «синий чулок» в традиционном восприятии не может любить яркую одежду и украшения. В предложении: *Англичане, как известно, очень болтливы* опровергается всеми известная истина о сдержанности и малоразговорчивости представителей указанной нации.

Отличительной чертой всех писателей-постмодернистов является ловкое маневрирование множественными смыслами. Используя смысл, как своеобразный код человеческой коммуникации, авторам удается интегрировать языковую личность читателя в метасистему художественного текста. Столкновение когнитивно-прагматического фона реципиента и вербализованной формы коммуникации требует подключения к изучению явлений языкового абсурда категориального аппарата теории дискурса. Именно в дискурсе становится возможным выделение тех семантических преобразований, которые объясняют причины абсурдизации текста.

Основной ортологической характеристикой явлений языкового абсурда является намеренная ненормативность, так как именно интенциональное нарушение норм языка позволяет выразить кардинальные изменения сознания. Языковой абсурд в отличие, например, от языка эзотерической поэзии не является метаязыком, для восприятия анализируемых явлений не требуется особая знаковая конвенция.

Формально явления языкового абсурда состоят из нескольких значимых единиц языка и развиваются в предложении или тексте. Линейные взаимоотношения языковых единиц в данных и последующих примерах доказывают синтаксическую природу явлений языкового абсурда: *он так и умер, а вернее воскрес; мой герой не взорвался не почему-либо, а – потому что.*

По мнению Т.А. ван Дейка и В. Кинча «в процессе понимания текста реципиент производит поиск потенциальных связей между отдельными фактами, которые обозначены пропозициями. Отсутствие или неясность связей между пропозициями естественным образом приводит к сложностям в восприятии и понимании синтаксических конструкций» [1: 167-168]. Под связностью текста понимают смысловую связность – «когерентность», а также формальную связность – «когезию».

Используя термин «когезия» в значении связность «конституентов текста» [3: 168] в произведениях А. Битова можно подобрать большое количество примеров намеренного нарушения связности текста с целью придания повествованию абсурдного характера. Например, первая часть предложения: *Вам что-то от меня надо*, не имеет смысловой связности со второй частью: *потому что я на самом деле вам совершенно не нужен*, в которой после составного подчинительного союза «потому что» ожидается уточнение факта, высказанного в первой части предположения, а появляется его отрицание.

В следующем примере: *... тропинка наша была весьма прихотлива, что, по-видимому, и подтверждало, что я именно в Японии, хотя, может быть, Япония была потому, что мой прадедушка был на японке женат...* мы наблюдаем полный смысловой разрыв между частями предложения, который заражает весь фрагмент вирусом абсурда. Связи между затейливой тропинкой, Японией и женой дедушки читатель не увидит, хотя с формальной точки зрения предложение соответствует норме.

Отсутствие когерентности наблюдается и в диалогах, подчеркивая особенности общения в современном мире, где собеседники не слышат друг друга. Отступая от постулатов общения, сформулированных Г.П. Грайсом, коммуниканты игнорируют содержание реплик диалогического единства: – *Может быть, – вздохнула она, наложив свои, кажущиеся крохотными, ладони на его, – Слушай, какой у тебя рост?* На вполне конкретный вопрос следует ответ и комментарии автора: – *А что? – перевел он свой взгляд в зеркало. Он был выше ее на две головы. – Просто. – Рубль девяносто три, прелесть моя, –*

Валентин поцеловал ее в шею и она увидела его лысеющую голову. Ответ героя ставит читателя в тупик своим несоответствием нормативным характеристикам жанра диалога.

Некогерентность тексту придает ненормированное и ненормативное использование дейктиков. Например: *Все вокруг напоминало что-то, я силится и не мог вспомнить что-то. Всякое что-то стало схожим с неким чем-то: мир был весь зарифмован и чем-то отражен. Все что-то напоминало, и все было – не то...* Появление большого количества дейктиков, функция которых референцировать элементы высказывания, не позволяет уточнить связи между предыдущим и последующим компонентами предложения, что делает текст абсурдным.

Произведения А. Битова изобилуют примерами, демонстрирующими параллельное раскрытие нескольких сюжетов, между темами которых не наблюдается присутствие анафоро-катафорических связей. Абсолютно разные смысловые сегменты приходят на смену один другому: визит в учебное заведение, встреча с любовницей из прошлой жизни, сновидение, обед в ресторане, воспринимаемое в качестве абсурдного повествование иллюстрирует современную действительность. Нарушение синтаксической связности в текстах произведений писателей-абсурдистов преследует цель продемонстрировать, что за внешней логичностью бытия стоит семантическая несогласованность происходящих событий.

Эффект абсурдности при восприятии текста генерируется посредством экспериментов с языковой материей, заключающихся в интенциональном разрушении формальной и синтаксической структуры языковых конструкций. Намеренное нарушение норм языка приводит читателя к необходимости разрешения сначала внешнего конфликта, спровоцированного языковой материей текста, а впоследствии и внутреннего противоречия, находящегося на уровне осознанности. Произведения абсурдистской эстетики развивают потребность выделять бесконечную цепь познавательных проблем, балансирующих на грани смысла и реальности, расширять границы сознания и знания, формируя, таким образом, способность найти новый подход к восприятию бытия, культуры, цивилизации.

Литература

1. Ван Дейк Т.А., В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 167-168.
2. Кондюкова Е.С. Феномен абсурда: Проблемы эстетико-философского анализа: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 142 с.
3. Кручинкина Н.Д. Когезия текста как основное условие его когерентности // Язык. Дискурс. Текст: материалы III международной научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 168–169.
4. Фреге Г. «О смысле и значении». [Электронный ресурс]. URL: http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_15FREGE.pdf (Дата обращения – 2013-11-18).

Д.С. Кущенко
(г. Таганрог, Россия)

СПЕЦИФИКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В настоящее время общество имеет доступ к огромному объему информации, так как Интернет перевел СМИ на новый уровень, дав возможность размещения печатных изданий в формате онлайн журналов, Интернет порталов и т.д. В условиях переполненности рынка, каждый журнал стремится выделиться из общей массы и поэтому проблема исследования рекламных текстов является актуальным вопросом. В том числе и с точки зрения изучения методики создания рекламного текста. Так как обучение написанию качественных рекламных текстов позволит студентам занять перспективную нишу на рынке труда.

Для изучения рекламного текста в первую очередь необходимо разобраться в его специфике. Согласно определению, данному С.В. Ильясовой и Л.П. Амири, рекламный текст

– это «текст, представленный в устной или письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, изначально направленный на донесение до адресата определенной информации, с превалирующей коммерческой целью – привлечение внимания адресата к тому или иному виду товара» [1: 296].

На специфику рекламного текста влияет его основная цель – побуждение потребителей выбрать представленные услуги, товары, бренды, компании. Поэтому такой текст должен быть понятным, емким, легко запоминающимся, интересным и убедительным. В языке такого текста могут допускаться нарушения норм литературного языка, для усиления воздействия на потребителя.

Согласно Л.Г. Фещенко «рекламный текст – сложное семиотическое целое, в котором нет места случайным, коммуникативно не нагруженным компонентам, в силу того, что решение прагматической задачи в таком тексте всегда первично. А это предполагает равное внимание к вербальным и, что особенно важно в силу недостаточной разработанности данной стороны рекламной коммуникации, невербальным его составляющим» [3: 232]. Это дает основание полагать о том, что вербальные и невербальные составляющие являются равнозначными в рекламном тексте.

Одной из важнейших характерных черт текстов рекламы является их лаконичная формула, т.е. необходимо следовать правилу: минимум слов – максимум информации [2: 125]. Это обусловлено тем, что «жесткие финансовые условия заставляют рекламистов экономить на каждом квадратном сантиметре печатной площади или каждой секунде эфирного времени. Такая экономия реализуется с помощью разных средств языковой компрессии – от полупредикативных конструкций до аббревиатур» [3: 232].

Структура рекламных текстов, по мнению многих исследователей, делится на следующие составные части, например: заголовок; основной текст, или слоган; концовка.

Рекламный текст является особым видом текста, его цели реализуются благодаря использованию языковых единиц разных уровней. Самым ярким уровнем является лексический, так как именно лексика отражает национально-культурные особенности того или иного общества и оказывает влияние на чувства и желания людей. Если провести анализ лексики рекламных текстов, то можно определить, какие нравственные ориентиры преобладают в культуре общества, на которое этот текст ориентирован.

Литература

1. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 2-е изд. – М.: Флинта, 2012. – 296 с.
2. Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. – М.: Высш. шк., 1981. – 125 с.
3. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – 232 с.

О.А. Липовая
(г. Таганрог, Россия)

ДИСКУРСИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

В данной работе исследуются сложные синтаксические целые (ССЦ) с изъяснительными отношениями между компонентами, т.е. единицы, более крупные, чем предложение, выражающие определенное грамматическое значение в системе их структурно-семантического единства.

Рассматривая дискурс, Н. Фоушен говорит о двух типах речи: «направляющей» и «подчиненной (контролируемой)». Первый тип речи задает программу, второй ее осуществляет [цит. по: 1: 661]. В ССЦ с изъяснительными отношениями направляющая роль принадлежит изъясняемой части, поскольку именно ее содержание программирует ответ.

Контролируемую (подчиненную) роль выполняет изъясняющая часть. Ее задача – выполнение программы, заданной первым компонентом.

Известно, что в диалогическом единстве первая реплика включает в себе «вопрос-стимул», предполагающий обязательный «ответ-реакцию». Смысловая и структурная связь между ними очень тесная. При этом содержание и форма «реплики-стимула» определяет содержание и форму «реплики-реакции», так что только в сочетании реплик обнаруживается необходимая для понимания полнота содержания диалога. Запрос информации содержится в семантически неполной изъясняемой опорной словоформе, находящейся в структуре вопроса и требующей изъяснения описанием ситуации-объекта. Структура «реплики-хозяина» определяется степенью полноты информации, которой располагает говорящий. В «вопросах-стимулах», программирующих акт изъяснения, наличествует определенный минимум информации. Вопрос формируется следующим образом: *что (кого) вы слышали?* Говорящий располагает информацией о том, что его собеседник что-то слышал о данном событии, но эта информация не конкретна и требует дальнейшего развертывания. Иными словами, опорная словоформа «реплики-вопроса» в сочетании с косвенной падежной формой вопросительного слова лишь называет те или иные действия, процессы, состояния и т.д. Содержание же их объектного распространения раскрывается в «реплике-ответе». На первое место в изъясняемом компоненте выносятся вопросительные местоимения в косвенной падежной форме.

В системе ССЦ диалогического характера с собственно-изъясняемым опорным элементом, выраженным глагольной словоформой, функционируют различные лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов. По мнению исследователя О.А. Щербань, в роли опорных элементов в системе изъяснительных ССЦ диалогического характера, представляют интерес перформативные глаголы типа *приказывать, требовать, призывать, заверять, сообщать, возражать* и т.п. [5]. Перформативные глаголы примыкают к группе опорных элементов со значением речи. Особенностью их семантики является то, что действие, обозначаемое ими, направлено на определенного адресата, оно точно адресовано. По наблюдениям О.А. Щербань, подобные глаголы употребляются преимущественно в диалоге с изъяснительными отношениями между репликами-высказываниями [5].

Известно, что диалог восходит к устно-разговорной сфере речи. Л.П.Якубинский отмечает, что «информативная полнота диалогической речи может быть обеспечена тем меньшим объемом средств словесного выражения, чем больше проявляются ее ситуативная обусловленность и общность апперцепционной базы» [6: 254]. Нарушение закономерности, отмеченной Л.П.Якубинским, вызывает, по мнению Г.О. Винокура, усиление экспрессии высказывания, выраженное посредством лексико-синтаксических повторов [3] или явления «диалогической цитации» [1], [2]. «Использование реплик собеседника (или их фрагментов)» осуществляется, по мнению Н.Д.Арутюновой, «обычно в оппозиционных коммуникативных целях» [1: 661]. Отмеченные ученым особенности характеризуют рассматриваемую в данной работе систему ССЦ диалогического характера с изъяснительными отношениями между компонентами.

Основным структурно-семантическим признаком содержания вторых реплик ССЦ диалогического характера является, по мнению Н.Д. Арутюновой, «зависимое положение» и «предсказуемость». Исследователь отмечает: «По своей природе контролируемый речевой акт зависит от речевого акта-хозяина» [1: 661]. Проявление зависимости в выборе характера темы «реплики-ответа» связана с ее дескриптивным, оценочным, объяснительным или каким-то иным характером. Н. Фоушен придает особое значение незыблемости прав «хозяина и его посланцев». Он считает, что правами обладают не только «реплики-стимулы», но и «реплики-реакции». Н. Фоушен, в частности, отмечает, что «адресат может принять, а может отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [цит. по: 1: 661]. Особая сущность «реплик-стимулов», по мнению Н.Д. Арутюновой, состоит в том, что они, помимо коммуникативного значения,

имеют ряд важных последствий для развития логико-грамматических категорий языка, поскольку выражают особую семантику «согласия, возражения и допущения, уличения, опровержения, оправдания, отказа» [1: 661].

Порядок следования компонентов в диалогическом единстве с изъяснительными отношениями строго фиксирован: на первом месте изъясняемая часть, оформленная как «вопрос-стимул»; на втором – изъясняющая часть, заключающая в себе информацию, запрос о которой выражен в первой части. Соотношение реплик в этом случае соответствует программе диалога. Внешняя форма диалога представляет собой чередование соседних реплик, которые конструктивно и содержательно связаны между собой. «Связность диалогического дискурса во многом зависит от соотношения в нем программирующих высказываний и высказываний исполнителей» [1: 653]. Понимается связность как «соответствие реакции диалогическому стимулу», «согласование реплик по иллюкутивной функции» [4], когда за вопросом должен следовать ответ.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – М.: Прогресс. 1978. – С. 402-421.
3. Винокур Т.Г. Диалогическая речь // ЛЭС. 1990. – 135 с.
4. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» // Вопросы языкознания. – 2001. № 4. – С. 23-44.
5. Щербань О.А. Содержание изъяснительных отношений и средства их выражения в системе сложного синтаксического целого: дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2004. – 171 с.
6. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / под ред. Л.В. Щербы. Спб., 2007. – 259 с.

Ю.А. Макарова

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ *TIME* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Возникновение и развитие концептов является продуктом мыслительного проектирования предметов и явлений. Данный когнитивный процесс характеризуется как концептуализация. Этот процесс находится в тесной взаимосвязи с культурными паттернами, созданными народами в течение их исторического развития, детерминированными такими аспектами, как сенсуальное и образное восприятие, физический контакт, ментальные представления и символы, значение реалий в культуре [4: 30]. Так как концепты возникают на основе предварительно осмысленной информации, концептуализация основывается на таком когнитивном процессе как категоризация [1: 24].

Категории, которые образуются в ходе познания мира и в дальнейшем подвержены вербальной манифестации, отображают характеристики и свойства конкретных и абстрактных первооснов мира и связи между ними в обобщенной и организованной форме. Возникновение категории обусловлено созданием прототипа, на основе которого она будет строиться. Прототип представляет собой концепт, который является комплексом характеристик, позволяющих свести родственные понятия, родо-видовые противопоставления и промежуточные категории. Демонстрируя свойства «родового сходства» нового объекта категоризации, прототип ответственен за его отнесение к установленному классу прототипов [2: 264].

Применение в ходе интерпретирования реальности прототипов в качестве инструментов, с помощью которых возможно справиться с множеством стимулов, которые поступают из окружающей действительности, формирует внушительную часть всей

когнитивной деятельности. Прототипы по сути своей исполняют роль своеобразных фильтров, которые пропускают сквозь себя поток данных, а после – идентифицируют их и категориально распределяют, при этом пополняясь новой информацией. Беря во внимание вышесказанное, их можно причислить к концептам-анализаторам, которые дают направление когнитивному освоению и закреплению итогов когниции в языковой системе. Предметный мир, который человек познал на понятийном уровне, в идеальной форме должен существовать в системе языковых значений, которые будут инструментом семантического интерпретирования понятийного мира. [7: 61]. Значение слова является собой лингвистическое отображение, концептуально соответствующее, но не дублирующее понятие, которое является специфическим прототипом, вокруг которого строится концепт. Вследствие этого, значения языковых знаков координируются с понятийной базой, что позволяет реконструировать концепт в процессе исследования семантики его языковых репрезентаций. Описывая вербальные средства представления концептов, необходимо принимать во внимание их необособленность относительно друг друга. Это ставит задачу исследования совокупной организации системы концептов в сознании человека.

Концепт TIME рассматриваемой микроконцептосферы выполняет свою классификационную функцию – соединить всё разнообразие прослеживаемых феноменов в одну рубрику и сформировать категорию – исключительно вследствие наличия в его структуре прототипа, т.е. минимизированного типизированного знания. Концепт – "это все, что мы знаем об объекте во всей экстензии этого знания» [10: 97], а прототип представляет собой универсальную или культурно-национальную форму, коррелирующую с понятием, обуславливает содержание и требования референции.

Актуализированный концепт TIME мы определяем как многогранную единицу сознания, безостановочно проектирующуюся в ситуации общения, которая представляет, с одной стороны, индивидуальный, а с другой, обобществленный опыт, коррелирующий с толкованием феномена времени в сознании членов англоговорящего общества.

Концептосферу мы рассматриваем как часть концептуальной картины мира, которая является совокупностью знаний, тематически отграниченной от других областей знаний. Являясь составляющим элементом концептуальной картины мира, концептосфера (КС) обособляется по тезаурусному принципу, что означает по принципу сопоставления с конкретной сферой бытия социума на определенной ступени его исторического развития. По этой причине функциональной задачей КС является проектирование семантики лингвистических единиц, используемых для номинации определенного участка опыта [6: 86].

Концепт TIME является обширным системным феноменом, который актуализируется через признаки пространства, изменения, движения, состояния и в котором определены артефактные, натуроморфные и антропоморфные образные характеристики. Концепт TIME в основном представлен одноименной единицей, а также такими ключевыми лексемами как DURATION, PERIOD, TERM, STAGE, SPACE, SPAN, SPELL, SEASON, FOURTH DIMENSION, ERA, EPOCH, AGE, COURSE, PROGRESS, FLOW. Указанные наглядно-чувственные образы содействуют раскрытию сути абстрактного понятия времени, что дает нам понять мировосприятие представителей английской и американской лингвокультуры и специфику репрезентации времени в постмодернистской парадигме. В этом проявляется и еще одно свойство концепта – его склонность объективироваться с помощью рядоположенных единиц.

Концепт «TIME», представляемый как культурологическое явление со своей традиционной понятийной, образной, смысловой сферой и имеет своё ядро и периферию, является собой микроконцептосферу – когнитивный конструктор, созданный на основе взаимодействия концептов, который коррелирует с соответствующим участком языковой семантики как фрагмент КС, реализованной с помощью языковых знаков. Представления и понятия о времени формируются под влиянием разнообразных факторов, среди которых

важную роль играет лингвальное воплощение концептов, в частности, их лексическое выражение.

Микроконцептосфера TIME, будучи частью концептуальной картины мира носителей языка и её отображением в языковой картине мира, выступает как когнитивно-дискурсивное образование, формируется в процессе выработки смыслов в дискурсивном пространстве и включает в себя как индивидуальный опыт человека, так и коллективные знания, ценности и т.д.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 123 с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XII, – 780 с.
4. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира : – К.: Издат.-полиграф. центр "Киевский университет", 2002. – 293 с.
5. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / Владимир Андреевич Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 336 с.
6. Ивлева М.Х. Базисные концепты ментального мира человека (на материале тавтологий типа жизнь есть жизнь) – Уфа: РИО Баш. ГУ, 2002. – 140 с.
7. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов /; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во фил. фак-та МГУ, 1996. – 248 с.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М.: Academia, 1997. – 288 с.
9. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Вероника Николаевна Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.

А.Н. Минка
(г. Таганрог, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

Цвет представляет важную часть ментального пространства любого писателя, поэтому анализ цветообозначений помогает понять философско-мировоззренческую концепцию автора и реконструировать его цветовую картину мира. Проблема отражения объективного мира человеком и его взаимодействия с ним предстает в виде соотношения двух миров: концептуальной картины мира и языковой картины мира. Картина мира определяется как «квант» знания, представляющий содержание опыта и знания [1: 90], знания о мире. Цветовая картина мира писателя – система индивидуально-авторских цветовых и символических смыслов, формирующих фрагмент языковой картины мира.

Разнообразная, пестрая, наполненная жизнью картина родного края, русского пейзажа проходит сквозь всю поэзию С. Есенина, окрашиваясь в радужную, теплую палитру цветообозначений: *низкий дом с голубыми ставнями, белая береза, роца золотая, златая Русь, широкий месяц над голубым прудом, черемуха в белой накидке, серая гладь, белая липа, желтые поводья, зеленые пригорки, желтый крутосклон, заря вишневая, омут розовых туманов, багряная метель, красные крылья заката, белая хата, зола зеленая из розовой печи, звезды золотые, тонкий лимонный лунный свет, рыжие стога, седые облака, алый свет зари, малиновые села, малиновое поле, красные холмы, парча лиловая, плесень сизая, молочный дым, смуглая листва, золотой родник, седые вербы, желтая дорога, рдяный мак заката.*

Простые, порой сдержанные цветообозначения рисуют образ вечной, нетленной красоты, навивая ощущение безмятежной радости, умиротворения, молодости и любви, а с другой стороны, невыносимой печали, грусти по родной земле, об утраченном прошлом, но также ощутимо прослеживается вера в будущее страны.

Состав семантического поля цвета поэзии С. Есенина состоит из 7 микрополей: красного (малиновый, маковый, багряный, рудой, вишневый, розовый, рыжий, алый, рдяный, огненный, кровавый), синего (голубой, лиловый, лазоревый, васильковый), зелёного, желтого (лимонный, золотой, золотой), белого (белоснежный, молочный, белесый), серого (посеребренный, серебряный, седой, сизый) и чёрного цветов (смуглый, чернявый).

Цветовая гамма и эмоциональное настроение создаются с помощью простых прилагательных-цветообозначений, передающих тончайшие образные нюансы родной природы и зарисовки родного края, воспевающие яркую, многоликую и величественную палитру красок русского пейзажа, «страны березового ситца»: *седая зима, золотое солнышко, розовая вода на пруду, белая луна, розовые степи, голубая звезда, белые липы в саду.*

В поэзии С. Есенина символика цветообозначений предельно проста, но каждое цветообозначение наделено дополнительной эмоционально-смысловой нагрузкой, передавая дополнительные смысловые значения: «нежность», «романтичность», «задушевность», «восхищение» и др. Особое значение приобретает цветообозначение «синий» и «голубой»: *Несказанное, синее, нежное\ О Русь, малиновое поле\ И синь, упавшая в реку,\ Люблю до радости и боли\ Твою озерную тоску.\ Выйду на озеро в синюю гать.\ К сердцу вечерняя льет благодать...\ Стелется синюю рясой\ С поля ночной холодок...\ Стережет голубую Русь\ Старый клен на одной ноге...\ Брожу по синим селам,\ Такая благодать.* Базовые цвета палитры С. Есенина – синий, голубой, красный, белый, золотой являются не только оттенками природы, но сами по себе передают символические цвета России.

Цветообозначения «синий» и «голубой» являются семантически ёмкими и значимыми лексическими единицами, передающими концептуальную информацию, усиливая выразительность денотативного значения и одновременно служат главной акцентирующей деталью для изображения необъятных русских просторов, бездонных озер, кристально-чистых рек, бесконечных степей, необозримых далей: *сини горы, голубое поле, голубой водопой, синяя высь, синеющий залив, синее небо, синие села.*

В оттенки синего окрашены вечер, атмосферные осадки, элементы природных явлений, времена года, абстрактные понятия: *синий сумрак, синяя гуца лога, синий мрак, синий туман, синий вечер над прудом, синие рощи, голубая осина, голубая солома, холод осени синий, пожар голубой, синие клочья дыма.* «Синий» передает не только объективный визуальный признак – цвет, но и субъективные признаки, обогащённые эмоционально-оценочными значениями «нежный», «прекрасный», «восхитительный», «чистый», «родной», «северный»; выступает в роли психологической составляющей, доминантой образных ассоциаций, создающих сильный эффект, связанный с романтическим восприятием мира.

Цветовая семантика в поэзии С. Есенина создается также непрямым способом цветоименования – метафорическим или метонимическим переносом (*лазоревые ткани (о небе), желтая пена облака, белые веки луны*); лексическими или словообразовательными структурами (*сине-хмурый, синеющий залив, серебристая дорога, голубеющая вода, розоватая вода, желтеющий дол*); глаголами (*голубеет небесный песок, покраснела рябина, посинела вода, заголубели доли, окровил*); денотатами с семьей цвета (*равнинная синь, деревенская синь, голубизна незримой кущи, зелень озер, небесная чернь, руда солнца, розовость вод, хвойная позолота*); наречиями (*светят зелено*); лексическим повтором (*синий, синий мой цветок*).

Поэт окрашивает разные природные объекты (*красный костер, лес зеленый*); природные явления (*алости зари, маковая заря, занавес багряный, снежинка белая*); пространство и время (*зеленая ширь, синий май, синий вечер, голубые двери дня, голубые года, белые кудри дня, красный вечер, вечер черный, зеленый вечер, седины пасмурного дня, летний вечер голубой*); душевный мир (*синее счастье*); абстрактные понятия и сенсорные ощущения (*голубая прохлада, белый перезвон, синий лязг*).

Проведенный анализ цветообозначений показал, что цветовая картина мира С. Есенина имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено неповторимостью цветовидения и художественного мировоззрения поэта, передает поэтическое видение родного края, величие России, сочетаясь с искренним очарованием русской природы.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Сергей Есенин. Стихотворения и поэмы. – М.: ЭКСМО, 2008. – 352 с.

Е.В. Полякова
(г. Таганрог, Россия)

ТЕНДЕНЦИЯ ВОЗРАСТАНИЯ АГРЕССИВНОСТИ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проблема агрессии в медиаполитическом дискурсе является чрезвычайно актуальной, поскольку в настоящий момент идет настоящая информационная война, в которой накал агрессии вышел на небывалый уровень, перечеркнув правила и законы публицистического стиля. Неослабевающий интерес лингвистов к этой проблеме обусловлен как особенностями жизни в современном мире (бурным развитием информационных технологий, значимостью роли средств массовой информации), так и сугубо лингвистическими причинами (в западной и отечественной лингвистической литературе обсуждается комплекс вопросов, связанных с речевым воздействием, языковой манипуляцией в политике). Важность изучения вербальной агрессии обусловлена необходимостью распознавания, нейтрализации и предотвращения последствий деструктивного речевого поведения медиальности, а также оптимизации межкультурной политической коммуникации, представляющей собой многосторонний, конфликтный по форме социальный диалог между обществом и институтами власти.

Агрессивность в медиадискурсе может носить как деструктивный (проявлять враждебность, ненависть, жестокость, нетерпимость, причинение ущерба, нанесение вреда и т.п.), так и недеструктивный (выражать настойчивость, упрямство, защиту, актуализацию личности и т.п.) характер. О прямом соотношении речевой агрессии и языкового насилия свидетельствует и утверждение А. Гуггенбуля о том, что в ситуации насилия «язык служит в качестве оружия для нанесения взаимных ударов» [1: 24].

Суть вербальной агрессии в политическом медиадискурсе состоит в понижении политического статуса оппонента, который может быть завуалированной и открытой. Завуалированная агрессия достигается использованием специализированных маркеров «чуждости», таких как дейктические и полноточные знаки, содержащие компонент дистанцирования, показатели умаления значимости, показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов, ярлыки, характеризующиеся идеологизированностью, субъективностью и предубежденностью и ирония [2: 368]. Агрессивное речевое поведение может выражаться в намеренном использовании оскорблений, причиняющих вред адресату. Например: «*Когда-нибудь «противная» женщина как Хилари Клинтон, выиграет. Последняя избирательная кампания перед выборами президента США показала насколько расколото*

американское общество, пишет Шерил Стрэйд в Time. При этом по ее мнению, общество до сих пор вешает на женщин ярлыки, что они не могут быть хорошими управленцами» [3].

Наблюдается тенденция к активизации использования речевой инвективы, выраженной многообразными средствами негативной оценки поведения личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо-просторечной лексики.

Например: *Фин заявила, что назвала Трампа идиотом в шутку. ... 4 октября Фин написала в Twitter: «Дональд Трамп – идиот». На пресс-конференции ее попросили прокомментировать запись. Фин пояснила, что написала ее в качестве реакции на очередное заявление Трампа, передает РИА Новости. [4]*

СМИ узнали о конфликте Трампа и Тиллерсона: госсекретарь США при коллегах назвал президента «придурком» [5].

Вербальная агрессия проявляется не только в выборе «агрессивных» лексических единиц, но также в использовании довольно мягких форм, таких как ирония, намек.

Например: *На Украину снизошло озарение, Крым потерян навсегда: Гордон. [6] Невиданная щедрость: Украина «жирует» за счет России [Взгляд.ru].*

В современном медиадискурсе мы сталкиваемся с речевой агрессией, представляющей собой эмоциональную оценку объекта высказывания со знаком «минус». Для таких дискурсов характерна агрессивно-окрашенная лексика. Читатель получает преобразованную информацию, в которой проявляется тенденция к подаче фактов и явлений действительности под определенным углом зрения, с использованием специфических лингвистических средств, в том числе идиоматических выражений. Причем, оценка заложена в сообщении, но ее присутствие в тексте незаметно, она не навязывается, а внушается адресату. Адресат вслед за автором воспринимает заданную оценку на эмоциональном уровне и ему кажется, что он самостоятельно приходит к данному оценочному выводу.

Например:

– Эрдоган: В ЕС подливают масла в огонь межрелигиозного противостояния. ... По этому поводу есть хорошая поговорка: «Каков привет, таков ответ», – сказал турецкий лидер [7]

– Косачев: «Что у европейских политиков на уме, то у Земана – на языке» [8].

– Порошенко вытер ноги о Меркель и Макрона. Президент Украины предал своих спонсоров и хозяев, поставил их в сложное положение на международной арене. Своим законом о «реинтеграции» Донбасса Порошенко перечеркивает Минские соглашения и начинает свою игру.

– Порошенко уже пошел вразнос и продолжил свою авантюру.

– «Заварить новую кашу на Донбассе». Петр Алексеевич пустился в пляс самоубийцы [9].

За стратегией применения речевой агрессии в политике обычно стоит желание опорочить оппонентов с помощью откровенной лжи, некоторых ассоциаций, заявлений или высказываний, навешивания ярлыков. Применение ярлыков, как, например, «президент-кондитер», создает негативный фон, обеспечивает восприятие оппонента как фигуры негативной, унижает противника и за счет этого позволяет выделиться или возвыситься над ним.

В современном публичном медиадискурсе широко распространен агрессивный тип поведения, при котором цель участника спора состоит в том, чтобы доказать свою собственную позицию любыми способами, в том числе и насмешкой. Насмешка – это активный не прямой вид речевой агрессии, благодаря которому, у аудитории возникают оскорбительные и неприятные ассоциации относительно политического оппонента. Тактика иронии, насмешки выражается через метафоры, сравнения, фразеологизмы.

Например: *Бог не фраер. Он увидел. Уволенный губернатор-мем орал на чепушил и раньше всех дарил корзинки министрам [10].*

Подобное агрессивное речевое поведение направлено на то, чтобы вызвать в адресате некое отрицательное состояние, создать эмоциональный дискомфорт. Поскольку в действие вступают социальные роли и отношения участников коммуникации, переопределение границ конфликтного взаимодействия становится основной функцией актов речевой агрессии в медиадискурсе.

Современный медиаполитический дискурс ориентирован на целенаправленное воздействие, заранее рассчитанное на манипуляцию общественным мнением. Применяемые дискурсивные тактики в значительной степени определяются спецификой «средств доставки» информации до аудитории. Во всех основных инструментах медиаполитического дискурса (газеты, радио, телевидение, интернет) важнейшую роль играет слово, позволяющее создавать значимые для людей образы, создавать определенный эмоциональный настрой, побуждать к действиям. Наиболее активным и агрессивным средством доставки информации на данном этапе, безусловно, является интернет.

Таким образом, тенденциями возрастания агрессивности современного медиадискурса являются отражение авторской позиции и намерение сформировать негативную оценку адресатом объекта высказывания. Для достижения данных намерений используются перечисленные выше языковые средства, среди которых преобладают категоричные высказывания с эмоциональной оценкой со знаком «минус»; нарочитое использование идиоматических выражений, агрессивно-окрашенная лексика; просторечные выражения; насмешка; маркеры чуждости; показатели недоверия, сомнения; показатели умаления значимости; противопоставления свой – чужой; ярлыки.

Литература

1. Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия // Профилактика детской агрессивности и жестокости. СПб.: Академический проект, 2000. – 220 с.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2004.– С. 244-245.
3. Рамблер, 5 октября 2017, обзор зарубежных СМИ [Электронный ресурс] URL: <https://news.rambler.ru/world/38076687-obzor-zarubezhnyh-smi-rossiya-nashla-ahillesovu-pyatu-nato/>
4. Премия мира: Фин заявила, что назвала Трампа идиотом в шутку / Вести.ру 6 октября 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2940525>
5. СМИ узнали о конфликте Трампа и Тиллерсона: госсекретарь США при коллегах назвал президента "придурком" / NEWSru.com, 4 октября 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.newsru.com/world/04oct2017/morontrump.html>
6. На Украину снизошло озарение: воссоединения с Донбассом не будет, а Крым потерян навсегда – Гордон [Электронный ресурс] URL: <https://nahnews.org/997077-na-ukrainu-snizoshlo-ozarenie-vossoedineniya-s-donbassom-ne-budet-a-krym-poteryan-navsegda-gordon>
7. Эрдоган: В ЕС подливают масла в огонь межрелигиозного противостояния. Евразия Daily 16 марта 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/03/16/erdogan-v-es-podlivayut-masla-v-ogon-mezhreligioznogo-protivostoyaniya>
8. Косачев: «Что у европейских политиков на уме, то у Земана – на языке». ВЕСТИ.RU, 10 октября 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2941922>
9. Андрей Евлампиев. Порошенко вытер ноги о Меркель и Макрона. / Дни.ру, 6 октября 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://dni.ru/polit/2017/10/6/381954.html>
10. Лариса Жукова. Бог не фразер. Он увидел. Уволенный губернатор-мем орал на чепушил и раньше всех дарил корзинки министрам / Lenta.ru, 6 октября 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/06/bognefraer/>

А.А. Потёмкина
(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

МОДЕЛИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ НОМИНАТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Современный этап лингвистических исследований характеризуется изучением процесса коммуникации, которая отражает антропологический подход к исследованию особенностей функционирования языка в коммуникативном процессе и роль коммуниканта как антропоцентра мыслительных и познавательных процессов.

Суть лингвистического подхода к проблемам невербальной коммуникации, в частности, заключается в привязанности обозначений невербальных компонентов к прагматическим задачам, стоящим перед автором дискурса. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что обозначения психологического состояния и физических действий, представляющие собой номинацию проявлений невербальной коммуникации, являются выразительным средством в художественном дискурсе.

Межличностное общение является сложным социально-психологическим процессом взаимопонимания между людьми и осуществляется по двум основным каналам: вербальному и невербальному. Невербальное поведение является неотъемлемым компонентом межличностного взаимодействия. Невербальная коммуникация – форма общения, которая представляет собой поведение, сигнализирующее о характере взаимодействия и эмоциональных состояниях общающихся индивидов, это социально обусловленная система взаимодействия, в структуре которой преобладают произвольные, неосознаваемые комплексы движений, выражающие личностную неповторимость [4: 67]. С помощью невербального языка подтверждается, поясняется или опровергается передаваемая словесным путем информация; передается информация сознательно или бессознательно; выражаются эмоции и чувства; регулируется ход разговора; оказывается воздействие на других лиц; восполняется недостаток слов [3: 256]. Сферу употребления жестов образуют разные по своему характеру ситуации общения. В зависимости от сферы употребления, жесты делятся на бытовые (используемые в повседневной жизни) и культурные (используемые в определенных ситуациях). Жесты касания, например, играют важную роль в человеческом взаимодействии, так как несут дополнительную информацию, значимую для процесса общения [2]. Человек совершает эти действия для реализации прагматических целей, поэтому жесты могут быть классифицированы как симптоматические – движения тела, выражающие какие-либо чувства, эмоции и состояния говорящего на момент исполнения жеста, и коммуникативные – движения тела, направленные на конкретного адресата и несущие ему какую-либо информацию коммуникативного плана [5: 68].

Отражение невербальных средств в художественном дискурсе – сложный и двойственный процесс. С одной стороны – это восприятие невербальных действий в устном общении, а с другой – их переосмысление и отражение в контексте вербальными средствами [1: 73]. Описание в художественном дискурсе невербальных средств способствует адекватному восприятию читателем произносимых героев реплик и служит изобразительным средством. В дискурсе художественной коммуникации путём описания различных жестов, телодвижений, мимики передаются индивидуальные особенности героя. Использование невербальных лексических средств как номинаторов модели поведения литературного героя способствует адекватному восприятию читателем авторского замысла.

Следует отметить, что лексико-семантический потенциал англоязычного художественного дискурса своеобразно маркирован глаголами «невербальной семантики» – *nod, shake, shrug, bow, frown, smile*, которые представляют интерес в парадигматике и синтагматике [8: 23].

Жесты часто отражают эмоциональное состояние исполнителя и его отношение к участникам коммуникации. Будучи направленными на определенного адресата, они являются коммуникативными. В языке такого рода жесты обычно номинируются глаголами, в семантике которых эксплицируется эмоциональная окраска. Анализ словарных статей глаголов, номинирующих жесты касания, позволил выделить три класса жестов касания в зависимости от семантики глагола: жесты, связанные с выражением положительных эмоций; жесты, связанные с выражением негативных эмоций и негативного отношения к участнику коммуникации; жесты, несвязанные с эмоциями, в семантике глаголов которых эксплицируется нейтральное значение. Данный анализ позволил сделать вывод о том, что в основном коммуникативные жесты касания имеют позитивную оценку, а жесты касания с негативной оценкой в основном являются симптоматическими [7].

Объектом нашего исследования являются нарративные блоки произведений У.С. Моэма. Наши наблюдения над особенностями лексико-семантического уровня актуализации авторского замысла дают основания утверждать, что невербальные номинаторы действия являются частотными моделями создания художественного образа с присущим им психологизмом.

Например:

a) 'She felt a little pang in her heart because he was in distress, and she *put her hand gently into his*. He drew it away' [6: 263]. В этом отрывке вербального контекста эксплицируется коммуникативный жест, который отражает положительные эмоции литературного героя, проявление заботы, внимания.

b) 'Guy did not as usual come up the steps immediately; he paused, and Doris at once surmised that the boy had gone down to meet him in order to tell him of the morning's incident. She *shrugged her shoulders*' [6: 262]. Этот пример отражает симптоматический жест литературного героя, который символизирует определённое психологическое состояние, в частности – неопределённость и недоумение.

c) 'She *shook her head*. He *looked at her in a puzzled way*. He could hardly believe he had heard all right and his heart began to beat painfully' [6: 271]. Данный пример вербального контекста подтверждает наши наблюдения в отношении частотности невербальных моделей в художественном дискурсе. Наблюдается интеграция невербальных номинаторов коммуникативного и симптоматического жестов, отражающих специфику общения литературных героев.

Таким образом, номинация разнообразных оттенков внутреннего мира литературного персонажа свидетельствует о значимости невербальных компонентов коммуникации в контексте художественного дискурса. Вариативность актуализации невербальной семантики в художественном дискурсе маркирует авторский стиль реализации художественного замысла.

Перспектива дальнейших исследований в этом направлении предусматривает раскрытие роли невербальных номинаторов как специфических моделей идиостиля.

Литература

1. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – 165 с.
2. Кочетова Д.А. Невербальная коммуникация как средство изображения гендера в эмоциях мужских персонажей. [Электронный ресурс] URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/40807>
3. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. М.: Языки рус. культуры, 2000. – 624 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология общения. – М.: Академия, 2008. – 368 с.
5. Пиз А. Язык телодвижений. – М.: Эксмо, 2007. – 288 с.
6. Современный английский рассказ. – М.: Прогресс, 1978. – 464 с.
7. Степаненко Е.А. Языковая репрезентация коммуникативного тактильного поведения. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rae.ru/forum2011/pdf/1690.pdf>
8. Lukianova G.L. Verbs denoting non-verbal communication: semantic and syntagmatic properties. Cognitive/Communicative Aspects of English. – Cherkasy, 1999. – 111 p.

Т.Б. Самарская, Г.В. Редько
(г. Краснодар, Россия)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Рекламный дискурс – это особая разновидность дискурса, его цель – побудить к действию. Он представляет собой своеобразный императивный дискурс, «служащий коммерческой цели ... и отражающий ценностные ориентиры современного общества» [1]. Его специфика состоит в том, что общество с предельной осторожностью относится к коммуникациям через императивные конструкции. Данный факт объясняется тем, что, выступая в качестве императивного дискурса, реклама отходит от прямого выражения побуждения. С другой стороны, рекламу, как правило, люди воспринимают в едином потоке информации, не подвергают ее внимательному анализу, им недостаточно времени для того, чтобы рассмотреть недостатки и достоинства объекта. К. Бове и У. Аренс определяют рекламный дискурс как «завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к рекламируемому объекту), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических средств» [2: 25].

В рекламе различают коммуникативные стратегии двух видов: позиционирующие (те, что формируют определенное восприятие объекта рекламы) и оптимизирующие (те, что направлены на усиление воздействия рекламы, на устранение неблагоприятных условий коммуникации). При создании эффективной рекламы используются оба вида стратегий. В рамках позиционирующих стратегий выделяют: 1) стратегии дифференциации, которые помогают выделить объект рекламы в ряду конкурентов; 2) ценностно-ориентированные, связывающие объект рекламы с ценностями, важными для той или иной целевой группы; 3) стратегии присвоения оценочных значений, работающие на усиление восприятия положительных свойств объекта рекламы. В рамках оптимизирующих стратегий выделяются: 1) стратегия согласования языка и картины мира участников коммуникации; 2) стратегия, повышающая распознаваемость рекламного сообщения (адресат быстро соотносит сообщение с объектом рекламы и воспринимает его основную тему при беглом просмотре); 3) стратегии, повышающие притягательную силу и «читаемость» сообщения; 4) мнемонические, повышающие запоминаемость всего сообщения либо его части; 5) аргументативные стратегии; 6) стратегии, распределяющие информацию по категории «более/менее важный»

Коммуникативные стратегии могут быть: фонетически-ориентированными и семантически-ориентированными. Семантически-ориентированные стратегии используются адресантом увещательной коммуникации тогда, когда основная воздействующая сила вкладывается в смысловую составляющую рекламного текста. Фонетически-ориентированные коммуникативные стратегии используются, в случае, если значимую воздействующую составляющую представляет звуковая организация рекламы. Для фонетически-ориентированных стратегий характерно использование паронимии, аллитерации и т.д.

Еще одна разновидность коммуникативных стратегий – манипулятивные коммуникативные стратегии. Манипулирование – скрытое сознательное коммуникативное воздействие на человека, используемое с целью изменить его мнение в свою сторону. В основном адресата манипулятивной коммуникации вводят в заблуждение. Это означает, что, адресант, применяя коммуникативные приемы, формирует неверное представление об объекте у адресата [5].

О.В. Стрижкова выделяет в отдельный вид коммуникативных стратегий стратегию персуазивности, под которой понимает «систему осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстовой кодировки

коммуникативных действий под контролем соответствующей стратегической цели» [6]. Стратегия персуазивности рассматривается ею на двух уровнях: 1) общая персуазивная стратегия (установка адресанта с ориентацией на перлокутивный эффект) и частные персуазивные стратегии (реализация глобальной интенции)

А.В. Голоднов предлагает также рассматривать в рамках персуазивной стратегии: стратегии привлечения внимания, стратегии вуалирования персуазивного намерения адресанта, стратегии, поддерживающие интеракции (стратегии диалогизации общения, стратегии самопрезентации адресанта) [3: 135].

А.Н. Назайкин условно делит рекламные стратегии на рациональные (рекламная аргументация строится на логических доводах о соответствии качества объекта рекламы потребностям потребителей) и эмоциональные (реклама создает положительный для потребителя образ, чувство) [4: 50].

Таким образом, рекламный дискурс – это средство регулирования, воздействия, предлагающее тот образ мысли и стиль жизни, которые ценятся обществом в настоящее время; реклама – отражение экономики и культуры страны.

Литература

1. Банщикова М.А. К вопросу о термине «рекламный дискурс» [Электронный ресурс] – URL. – <http://www.nop-dipo.ru/node/329> (Дата обращения: 03.01.2017)
2. Бове К., Арнс У. Современная реклама. Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995. – 704 с.
3. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук, 2003. – 226 с.
4. Назайкин А.Н. Рекламный текст в современных СМИ: практическое пособие. М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
5. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/> (Дата обращения: 09.01.2017)
6. Стрижкова О.В. Стратегии персуазивности как одна из основных стратегий рекламного дискурса [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/80.html> (Дата обращения: 09.01.2017)

Н.В. Суркова
(г. Таганрог, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Политическая деятельность всегда занимает важное место в жизни общества. Положение страны на международной арене зависит от ее политической позиции, взаимоотношений с другими государствами и, прежде всего, странами-соседями. Также важна ее деятельность в мировом сообществе. И немаловажное значение для имиджа страны играют способы ее представления политическими лидерами данного государства. Через свои выступления политические деятели могут обращаться как к жителям своего государства, так и к международному сообществу.

Развитие и изучение политической коммуникации, политического языка и его стиля и т.д. привело к изучению понятия политического дискурса. И в этой связи появилось такое новое направление в языкознании, как политическая лингвистика.

Политическая лингвистика — это дисциплина, возникшая на пересечении двух наук — политологии и лингвистики, имеющая целью установление закономерностей взаимовлияния общественно-политических событий на изменения в языке и наоборот [5].

Со временем появились и понятия, которые связаны с политической коммуникацией. Перечислим некоторые из них.

- Политическая коммуникация — совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение между участниками политической деятельности.

- Политический язык — вариант национального языка, ориентированного на политическую сферу.
- Политический текст — текст, который имеет целью воздействие на политическую ситуацию при помощи пропаганды политических идей, побуждения граждан к политическим действиям. Соответственно, существуют и такие понятия, как стиль и жанр политического текста [3:60].
- Политический дискурс. Это понятие многогранно и не имеет единого определения. По определению В.З. Демьянкова, дискурс — текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора. Дискурс состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», или «дискурсным топиком» [2:117]. А по выражению Т.А. ван Дейк, дискурс — сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [3:60].
- Митинговый дискурс — разновидность политического дискурса, в котором на содержание и оформление текстов оказывает влияние такая политическая коммуникативная ситуация, как «митинг» [3:61].
- Ценности и антиценности. Ценность — то, что субъекты политической деятельности находят важным и необходимым для себя, за что готовы бороться. Например, «высшая ценность — человек». Антиценность — то, что понимается как что-то плохое, бесполезное для общества; то, против чего борются субъекты политической деятельности. Например, терроризм, различные виды коррупции [5].

Зная данные термины, можно сказать, что всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, то есть с учетом конкретных условий его создания и функционирования [1:137]. Также наиболее важны авторство, адресность, время, место, цели создания текста, стратегия и тактика автора.

Дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов, например, художественных или педагогических [6:53].

Таким образом, политический дискурс — это актуальное использование языка в социально-политической сфере общения [3:63].

Стоит отметить, существуют несколько разновидностей политического дискурса. Изучив работу Н.М. Перельгут и Е.Б. Сухоцкой, рассмотрим их.

- Институциональный политический дискурс. В его рамках рассматриваются те тексты, которые созданы политиками и используются в их политической коммуникации. Например, дебаты, публичные выступления и т.д.
- Масс-медийный политический дискурс. Используются тексты политической тематики, которые созданы непосредственно журналистами и имеют распространение средствами массовой информации (пресса, телевидение и т.д.).
- Политические детективы, поэзия, мемуары, а также научные тексты, которые посвящены политике [4].

Важно подчеркнуть то, что рассмотрев данные разновидности политического дискурса, можно увидеть, что политический язык значительно отличается от обычного и соответственно, политический дискурс можно изучать, как минимум, с четырех точек зрения:

- Политологической
Используя политологическую интерпретацию, делать выводы политологического характера.
- Филологической
Фон текста (политические, идеологические концепции говорящего).
- Социопсихолингвистической
Измерение эффективности текста, чтобы достичь скрытые или явные политические цели интерпретатора.

- Индивидуально-герменевтической

Выявление личностных мотивов автора, находящегося в определенных условиях.

Следовательно, политический дискурс занимает немалую часть общения, обладает высокой степенью аргументации для отстаивания точки зрения, оправдания или опровержения мнения либо для получения одобрения от аудитории. И нельзя не согласиться с В.З. Демьянковым, что изучение политического дискурса основывается на разных дисциплинах, которые имеют пересечения. Также связано с анализом формы, содержания и задач дискурса, который употребляется в определенных политических ситуациях[2:118].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия,1990. – С.136-137.
2. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв.ред. М.Н. Володина. М.: МГУ, 2003.– С.116-133. [электронный ресурс]. URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm> (Дата обращения 19.11.17).
3. Кликушина Т.Г. Дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе. Коллективная монография. – М.: Перо, 2017.– С. 60-66.
4. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия "политический дискурс"// Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. – № 2, 2013. [электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/33/330.pdf> (Дата обращения 20.11.17).
5. Политическая лингвистика. [электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая лингвистика](https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_лингвистика) (Дата обращения 20.11.17).
6. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации. Политическая лингвистика. – Вып.2(40). – М., 2012. – С.53-59. [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (Дата обращения 20.11.17).

А.Н. Тарасова
(г. Москва, Россия)

ПРИНЦИП СИММЕТРИИ / АСИММЕТРИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ (на материале разных типов французского дискурса)

На протяжении тысячелетий в искусстве идея симметрии реализовалась интуитивно. Между тем в результате открытий, сделанных в разных областях человеческого знания сначала о неживой, а затем и о живой природе, ученые приходят к выводу: симметрия и асимметрия лежат в основе строения структурных объектов. При этом они управляют физическими и химическими реакциями, а также биологическими и логико-психологическими процессами. Постепенное накопление значительного числа фактов, свидетельствующих о важной роли симметрии и асимметрии в разных областях научного и художественного знания, в 60-е годы XX-го века приводит философов к мысли об их категориальной природе, т. е. симметрию и асимметрию относят не только к области строения объектов окружающего нас мира, но и к его познанию [2].

Язык, как известно, принадлежит к классу естественных объектов высокого уровня системности. В пользу действия принципа симметрии в языке говорит его открытый динамический характер: постоянное взаимодействие языка со средой, его приспособление к условиям функционирования и постоянное согласование его структуры с субстанцией. Само стремление языковой системы к равновесию, пусть неустойчивому, – это не что иное, как проявление принципа симметрии, в то время как в относительности этого равновесия проявляется ее асимметрия.

Впервые асимметрия языкового знака описана в 1929 году швейцарским ученым С. Карцевским и рассмотрена им на парадигматической оси как вариативность означаемого при одном означающем и вариативность означающего при одном означаемом.

В трудах выдающегося отечественного романиста В.Г. Гака оппозиция симметрия/асимметрия становится одним из важнейших методологических принципов изучения языка и построения лингвистической теории. В результате сравнения на этой основе родственных языков, сопоставления неродственных, классификации языковых фактов в одном и разных синхронных срезах, в одной и разных областях – морфологии, синтаксисе, лексикологии и орфографии – ученый предлагает различать [1: 53-60]:

1. асимметрию системы, неравномерное развитие ее аналогичных звеньев;
2. асимметрию структуры языкового знака (синонимии, полисемию, т. е. отсутствие однозначного соотношения между его означаемым и означающим; синтетические и аналитические формы);
3. функциональную асимметрию: использование в речи слов в их первичных и вторичных функциях.

Между тем функциональная асимметрия не чужда и тексту, и его композиционно-речевым формам, служащим для построения сверхфразовых единств и высказываний. Необходимо, правда, отметить, что в современном отечественном и французском анализе дискурса количественный состав таких форм существенно различается. Если в отечественной традиции их насчитывается три: «повествование», «описание» и «рассуждение», то во французской – их значительно больше. Среди них в первую очередь назовем такие, как: «информирование», «объяснение», «аргументирование», «повествование» и «описание» [см., например, 3: 163]. Выбор, сделанный адресантом в пользу той или иной композиционно-речевой формы, диктуется коммуникативной целью, которую он задает как всему тексту, так и его единицам.

В то же время цель, например, рекламного дискурса, которая состоит в том, чтобы убедить адресата, потенциального покупателя, в необходимости приобрести рекламируемый продукт, может быть достигнута не только благодаря однозначно соответствующей ей форме «аргументирование» [пример (1)], но и с помощью формы «повествование» (2):

(1) *L'œuf réhabilité*

Boudé pour sa richesse en cholestérol, l'œuf est blanchi par les académies de Médecine et d'Agriculture françaises.

Arguments ? L'alimentation pèse moins qu'on ne le pensait dans les problèmes de cholestérol, et l'œuf a plein d'atout : excellentes protéines, peu de calories et, aussi, de bonnes graisses, dont des oméga-3. (L'Illustré)

(2) *Il était une fois le lait*

Il était une fois un bébé qui s'épanouissait en force et en beauté. Sa maman avait choisi pour lui le bon LAIT GUIGOZ, un vrai bonheur issu de la recherche des Laboratoires Guigoz. Ainsi, bébé trouvera toujours un LAIT GUIGOZ pour accompagner les futures étapes de son développement. Et cette belle histoire est sans fin, car plus tard, les bébés de ce bébé profiteront eux aussi de tous les bienfaits de l'expertise Guigoz. (Publicité Guigoz)

Если организация рекламного текста (1), соответствуя правилам построения аргументации: тезис – аргументы – (имплицитный) вывод, отвечает принципу симметрии, то в тексте (2) композиционно-речевая форма «повествование» используется не для передачи последовательности действий в мини-рассказе, а для убеждения адресата в пользе продукта молока для младенцев. Следовательно, эта композиционно-речевая форма выступает в своей вторичной функции, свидетельствуя о функциональной асимметрии.

Кроме того, форма «повествование» может служить и для иных целей: информирования или объяснения. Первая цель реализуется в нарративных жанрах медийного дискурса, в частности, в жанре происшествий. Представляя собой мини-рассказы с прогрессивной или регрессивной последовательностью действий, происшествия информируют адресата о негативных (несчастные случаи, преступления, разного рода катастрофы) или – реже – позитивных моментах из жизни общества:

(3) *Disparition : Elisa retrouvée saine et sauve*

Elisa, disparue dans la nuit de jeudi à vendredi, a été retrouvée saine et sauve samedi

matin. Jeudi soir, cette adolescente de 15 ans avait quitté le domicile de ses parents à Faverges, avec des affaires de randonnée. [4]

Другая цель, цель «объяснить», характерна для энциклопедических статей как одного из жанров научного дискурса:

(4) (a) *Galois (Évariste), Bourg-la-Reine 1811 - Paris 1832, mathématicien français. (b) La nuit précédant sa mort (au cours d'un duel pour une banale intrigue), il rassembla dans une lettre ses principales idées sur le rôle des groupes dans la résolution des équations algébriques. (c) Ces notes se sont révélées d'une exceptionnelle fécondité.*

В целом тексты таких статей соответствуют форме «объяснение», хотя их структура часто включает разные композиционно-речевые формы: заголовочный комплекс (а), повествование (b) и комментарий (с). Заголовочный комплекс выполняет функцию информирования, сообщая точные сведения о каком-либо лице: имя, место рождения и смерти, даты жизни, область профессиональной деятельности. Повествование же берет на себя функцию объяснения за счет присутствия в нем эксплицитной или имплицитной (выводной) оценки роли личности в науке, искусстве или какой-либо другой области деятельности. И только комментарий, кстати, не всегда присутствующий в энциклопедических текстах, несет первичную для него функцию объяснения.

Так принцип симметрии/асимметрии проявляет себя во французских текстах разных жанров, восходящих к разным типам дискурса.

Литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 831 с.
2. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии // Философские и естественно-научные аспекты. – М.: Мысль, 1974. – 229 с.
3. Adam J.-M. La linguistique textuelle. – P.: Armand Colin, 2011. – 319 p.
4. Disparition: Elisa retrouvée saine et sauve / Faits-divers [Электронный ресурс] URL: <https://www.faitsdivers.org/26246-Disparition-Elisa-retrouvee-saine-et-sauve.html>

М.Л. Унгурян

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

МОДЕЛИ СУБСТАНТИВА КАК МАРКЕРЫ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДИСКУРСА

Современная лингвистика ориентирована на поиск механизмов актуализации когнитивной способности индивидуума, его ориентации в коммуникативной ситуации как фрагмента окружающей действительности.

Способность индивидуума осознавать свою позицию во взаимосвязи объектов проявляется в речевом континууме благодаря языковому ресурсу, который используются говорящим. Таким образом, использование дискурсивно-когнитивного подхода дает возможность описания коммуникативно-деятельностной ситуации, когнитивных структур, отражающих особенности порождения дискурса [5: 103], [6]. В нашем понимании, когнитивно-коммуникативная ориентация говорящего адекватно маркируется в различных жанрах дискурса.

Связность как категория дискурса проявляется в первую очередь в линейной последовательности знаков, начиная от объединяемых во внутренней речи компонентов пропозиции и кончая наборами высказываний [4: 13].

Н. С. Болотнова считает связность основным признаком дискурса, который находит отражение в «межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов, определяющих целостность речевого сообщения и обусловленным авторским замыслом и особенностями языковой системы» [1: 147]. В современной лингвистике различают глобальную и

локальную связность [2: 42]. Локальная связность, в частности, представляет собой «связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств)» [2: 43]. Как внешнее свойство дискурса связность проявляется при взаимодействии разноуровневых единиц вербального контекста. При этом семантические компоненты вербализации интенции производят известную сортировку личностных смыслов, их перекодирование и диктуют распределение ролей между членами формирующейся пропозиции. Следовательно, пропозиция находит свое отражение в конкретных единицах номинации [3: 98].

Следует отметить, что номинативный процесс межличностной коммуникации отражает контекстуальные характеристики большого и малого синтаксиса. Малый синтаксис, в частности, связан с характеристикой непредикативных типов отношений; в его компетенцию входят атрибутивные отношения между именем и его определителем [3: 108].

Наши наблюдения показывают, что к числу частотных моделей номинации малого синтаксиса относятся субстантивные конструкции с предлогом (of-phrases), которые имеют ранговые отношения и определенный семантический потенциал как номинативные блоки пространственно-временного континуума.

Субстантивные конструкции с предлогом (далее СКП) как структуры номинативного процесса маркируют развитие топика дискурса.

Объектом нашего исследования является лекционный дискурс в жанре «публичная лекция» тематического поля «Искусство».

Наши наблюдения дают основание классифицировать эти номинативные блоки как *идентифицирующие* и *аддитивные*. В идентифицирующих моделях адьюнкт (А) занимает инициальную позицию, т.е. находится в препозиции к ядерному (Я) элементу ситуации – *the mind of the Composer* (А-Я). В аддитивных моделях ядро ситуации занимает инициальную позицию, а адьюнкт находится в постпозиции к ядру – *the ideas of musical space* (Я-А). Словоформа *'ideas'* эксплицирует стержневой элемент номинативной модели. Следует отметить, что идентифицирующие модели имеют больший функционально-семантический спектр номинации пространственно-временного континуума. Вербальные номинативные блоки СКП отражают качественные, экзистенциальные, пространственные, ментальные, экспрессивные и социальные характеристики вербализации коммуникативного замысла.

Анализ особенностей тематического поля «Искусство» в контексте лекционного дискурса показывает, что идентифицирующие СКП имеют статистическую предпочтительность.

Например: *In mentioning the internal physical Dimensions of musical Structure^(Cn), we are of course referring to an illusion of reality, an imaginary World of Reconstruction^(Ex) which approaches a Level of Tangibility^(Qu) only in the external Realisation of Performance^(Mn), but even at this final Stage of the creative Process^(Cn), those seemingly palpable elements remain on the whole illusionary and take on the Form of an aural Mirage^(Qu). If a composer decides to manipulate musical space in performance by separating instrumental groups then of course the different points from which sounds originate will create a genuine Experience of Perspective^(Ex), but for now, I would like to consider the illusionary Aspects of musical Space^(Cn) as originated from a single unit, where although the number of elements may vary, the collective Aim of their Presence^(Qu) is to create a cohesive, unified aural experience [7].*

Этот отрывок лекционного дискурса является убедительным примером топикального цикла, отражающего его тематическое единство и семантико-синтаксическую связность.

Следует также заметить, что по результатам наших статистических подсчетов наиболее частотными номинативными блоками СКП являются модели, отражающие качественные (Qu-28 %), экзистенциальные (Ex-24 %), пространственные (Cn-24 %) и ментальные (Mn-17 %) характеристики. Чередование этих моделей (Cn-Ex-Qu-Mn-Cn-Qu-Ex-Cn-Qu) образует ритмический пласт номинативного процесса, отражающего сбалансированность смыслового развертывания вербального контекста.

Наши наблюдения показывают, что выделенные номинативные блоки, с одной стороны, отражают специфику процесса номинации лекционного дискурса, с другой –

семантико-синтаксическую ритмизацию авторского замысла как маркеры локальной и глобальной связности.

Перспективой дальнейшего исследования в этом направлении является изучение роли гендерного фактора в аспекте когнитивно-коммуникативной деятельности говорящего в ситуативном контексте.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
4. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук: 10.02.19 и 10.02.01. – Р. н/Д., 2003. – 43 с.
5. Потапенко С. І. Дискурсно-когнітивне вивчення словосполучень з прийменником of в англійській мові // Вісник Житомирського педагогічного університету. – 1999. – №3. – С. 99-103.
6. Potapenko S. I., Orientational function of “of-phrases” in English // International Conference and Summer School / Cognitive / Communicative Aspects of English, Cherkasy, 1999. pp. 23-24.
7. Jonatan Cole. Music and Architecture: Confronting the Boundaries between Space and Sound. // Gresham College Free Public Lectures / Gresham College / – Электрон. дан. – [London], 2008. – URL: <https://www.gresham.ac.uk/lectures-and-events/music-and-architecture-confronting-the-boundaries-between-space-and-sound>.

В.В. Фефелова

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Раскрытие культурной функций метафоры в политическом дискурсе зависит от того, какой культурно-семантический аспект использует объект политической речи. Культурологический компонент в политическом дискурсе подчеркивает интеллигентность адресата политического высказывания, умело использующий устоявшиеся в речи правила поведения. Осуществление такого рода функции позволяет донести до адресата важную кодовую информацию, которая должна оправдать ожидания избирателей.

Культурная функция метафоры имеет несколько подфункций. Например – предсказуемости ожидаемого результата. Для такого вида функции характерно фигуральное или образное проектирование субъективных речевых изображений государственного деятеля, которые, зачастую, должны быть урегулированы с уже существующими в социуме культурными формами. Это добавляет позитивный отклик в сторону какого-либо политика. Изучение данного рода подфункции, позволило заметить, что в дискурсивной практике персона политического общения использует стабильные и нестабильные речевые клише, которые в метафорических выражениях выступают в роли таких символов, как вождь или сильная рука, что дает надежду народу на ожидание в стране сильной личности в управлении страной, которая будет способна преобразить государство и обеспечить верховенство права.

В XX веке во Франции было два политических лидера, на которых в большей или меньшей степени равняются остальные политические деятели – это Ш. де Голь и Ж. Ширак. Анализируя речи президентов V Республики Н. Саркози и Ф. Олланда, можно проследить, что упоминание образа одного из вышеуказанных лидеров французской нации придаёт политический вес для последующих президентов. Политики следующего поколения стараются сравнить себя с вождями, в надежде, что отношение избирателей к нему самому будет строиться с позиции «я – последователь и единомышленник президентов, сумевших отстоять и защитить интересы французов». Например:

(1) *Question: Vous dites votre «admiration» pour un certain nombre de qualités de Jacques Chirac...*

Nicolas Sarkozy: Il est un homme qui a été élu deux fois président de la République, qui a été nommé deux fois Premier ministre, qui a occupé tous les postes ministériels importants, qui a été chef de parti, qui a su surmonter tant et tant d'épreuves [1].

В данном примере сторонник Жака Ширака, Николя Саркози в своем политическом высказывании дал положительную оценку работы политика прошлых лет, для поднятия его собственного авторитета в глазах нации и позиционировал себя, как личность не конфликтного характера, а дружелюбного по отношению к своим сторонникам. Вообще Н. Саркози не случайно выбрал для сравнения именно этого политика. После Ш. де Голя, Ж. Ширак считается одним из влиятельнейших европейских политиков конца XX века. Н. Саркози пытается лишь «вскарabкаться» на такие же вершины политической жизни Франции. В многочисленных высказываниях-сравнениях «себя» с Ж. Шираком, Н. Саркози выдаёт желаемое за действительность. А секрет популярности Ж. Ширака очень прост: он «чувствовал» чаяния французов, он старался балансировать между растущими аппетитами олигархических монополистов и интересами простых французов. Безусловно, необходимым фактором такого «равновесия» была колониальная политика Франции. На словах государствам северной и центральной Африки была предоставлена независимость, а на деле полное экономическое подчинение.

Вторым важным культурным фактором, отображаемым метафорическими образами выступает архетип «сильной руки», это характерно для политического дискурса на протяжении всего XX века. Целью такой позиции политического деятеля является заручиться поддержкой избирателей и нации в целом. Так, в качестве примера выступает речь президента V Республики Н. Саркози и представителя его администрации:

(2) *Nicolas Sarkozy prouve, une fois de plus, que sa capacité à dialoguer, négocier et inspirer font de lui un homme d'Etat, incontournable et qui a encore tellement à donner pour la France et même au-delà (L'appel au peuple présidente Nationale de l'ANANS).*

(3) *Nous devons être tous unis, parce que nous n'avons qu'un seul pays, ce pays s'appelle la France [2].*

Важным языковым средством, «соединяющим» эмигранта по крови Н. Саркози с французским народом, выступает местоимение «nous». «Мы» – «я, претендующий на власть в этой стране, и «вы», французский народ», мы вместе должны осуществлять и продвигать мною намеченные планы для процветания нашей общей Родины. «Мы» единая нация, «я» единственно необходимый вам президент.

Таким образом, проанализированные примеры политических речей отмечают наличие культурных функций метафоры в политическом дискурсе. Культурная функция метафоры помогает осуществить задачу политического общения с электоратом, посредством определенных установленных правил поведения при коммуникации. Это помогает избирателю собрать полный образ политического деятеля, его речевого поведения, чтобы определить свою политическую предвыборную позицию.

Литература

1. Interview de M. Nicolas Sarkozy, ministre de l'intérieur et de l'aménagement du territoire et président de l'UMP. [Электронный ресурс]. – URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/063002704.html>
2. Interview de M. François Hollande, Président de la République, avec Europe le 3 novembre 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/157002911.html>

Л.А. Штакина
(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АВТОРОЦЕНТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современная лингвистическая парадигма отражает проблематику исследования особенностей порождения дискурса в контексте когнитивной лингвистики с целью выявления механизмов и принципов взаимовлияния адресанта и адресата в процессе развёртывания дискурсивного континуума. Актуальность выбранной темы обуславливается растущим интересом современной лингвистики к анализу дискурса и его составляющих с акцентом на концептуальном уровне его организации.

Объектом нашего исследования является «деловая презентация» как конститuent автороцентрической парадигмы дискурса.

«Деловая презентация» является аргументативной моделью дискурса, который определяется такими признаками как целенаправленная ориентация на адресата, регулирование его мировоззрения и поведения, системообразующая интенция, статусная позиция участников коммуникативного процесса. В ходе делового сотрудничества коммуниканты реализуют фатическую, информационную и персуазивную интенции с помощью разноуровневых языковых средств, коммуникативных стратегий и тактик, которые определяются нормой и этикой деловой коммуникации. «Бизнес-презентация» как разновидность публичной речи отражает риторическую стратегию, ориентированную на убеждение адресата. В нашем понимании, этот автороцентрический фрейм обусловлен спецификой пресуппозиций адресанта и адресата. По результатам наших наблюдений особенности вербализации бизнес-дискурса отражены в специфической деловой лексике, семантико-синтаксических моделях, наборе ораторских и риторических приёмов, выбор которых зависит от фактора адресата и, на когнитивном уровне, в использовании специфического тезауруса, особых критериев ценностных оценок и ориентаций, в соответствии с которыми образ мира воспринимается через «предпринимательское сознание». Например: *The last competitor is Mansell. They have been in the market slightly longer than us and Zecron. They have much smaller market share but their products are sold at the top end of the market at much higher prices. As a result they achieve the best profitability of the four companies with much lower turnover* [3].

Дискурс как макроречевой акт отражает наличие «отправной точки», которая отражается на когнитивно-интерпретационном уровне коммуникации – роль этого элемента проявляется в когнитивных фрагментах тезаурусов адресанта и адресата. В связи с этим особую роль для коммуникантов играют концепты – «сгустки культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепт – основная ячейка в ментальном мире человека» [2: 40]. Следовательно, концепты «являются проводниками разнообразной информации и полностью или частично материализуются в языке. Как идеальные образования концепты кодируются в чувственно-образных представлениях, система которых образует так называемую концептуальную картину мира» [1: 22, 24].

Базовые концепты того или иного дискурса определяют общие пресуппозиции коммуникантов, они являются точками соприкосновения концептуальных картин мира адресанта и адресата, а также основой взаимодействия коммуникантов. Дискурс «бизнес-презентации» в этом смысле не является исключением, поскольку одной из его основополагающих особенностей является конструирование новых значений на основе объединения смысловых элементов и практик всех социальных сфер и их отдельных компонентов. Поскольку концепт составляет основу когнитивной деятельности и является основой механизма мышления, направленного на отождествление и различие явлений окружающей действительности, исследование концептуального пространства «деловой

презентации» предполагает углубление в специфику публичного аргументативного дискурса и является попыткой выделения базовых понятий, на которые опирается адресант деловой сферы общения.

В основе сознания адресанта – концепты «истинность», «убеждение», «успех», «неудача», «решение», «конкурент», «авторитет лидера», «сотрудничество», «солидарность». В центре модели концептуального пространства «бизнес-презентации» находятся имплицитные концепты «сотрудничество» и «солидарность», что обуславливает необходимость общественного вклада в развитие деловой структуры. Они являются важными опорами автороцентрического дискурса для направления коммуникации в позитивную сторону.

Логический концепт «истинность» является одним из базовых, поскольку адресат воспринимает слова адресанта, не нуждаясь в доказательствах, а отдельные элементы презентации адресанта подкреплены фактическим материалом, что придаёт логическому концепту «убеждение» особую аргументативную силу. Например: концепт «истинность» – *As you can see (from the graph), sales reached a peak just one year after launch. The following two years leveled off at around 400,000. Then sales decreased to a figure of 330,000 by the end of the year. Finally, last year sales fell only to 250,000 units* [3]; концепт «убеждение» – *If we look at the figures for years 1 and 2 we see that sales increased rapidly in the second year to reach 250,000 [...]. Fourth year sales were also good – the end-of-year figure went up to 580,000. I'm sure, you'll agree, these results are excellent* [3]. Концепт «авторитет лидера» является приближённым к концепту «убеждение», поскольку адресант аргументирует предоставленные факты посредством ссылки на специалистов той или иной бизнес-сферы.

В дискурсе «бизнес-презентации» концепт «успех» связан с фактуальностью изложения информации, имеющей отношение к характеристике состояния бизнес-структуры на текущий момент. Например: *Finally, our cheapest model, C3456. If we look at the figures for years 1 and 2, we see that sales increased rapidly in the second year to reach 250,000, then in the third year they rose again by 200,000 to reach 450,000. Fourth year sales were also good – the end-of-year figure went up to 580,000. Year 5 sales dropped slightly – were down to 550,000 and this figure was maintained last year. I'm sure you'll agree, these results are excellent* [3].

В деловом дискурсе концепт «решение» может иметь различные проявления, что обусловлено разноплановостью «бизнес-презентации» – каждая конкретная ситуация имеет конкретное решение, например, в презентации по поводу проблем логистики верным решением предлагается сокращение, замена или усовершенствование этапов технологического процесса на более эффективные. Например: *Now, we can identify three potential bottlenecks which can lead to inventory levels rising to unacceptably high levels. One mentioned on the start, where we supply the boards for cutting before they move onto the coating stage: as I said, we supposedly stock five days' supply* [3].

Результаты наших наблюдений являются доказательством того, что «деловая презентация» как разновидность аргументативного автороцентрического дискурса отличается определённой структурой концептуального пространства, концептуальной динамикой реализации информационного потенциала, что обусловлено специфическими стратегиями и тактиками реализации интенций адресанта.

Литература

1. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К. : Знання, 2004. – 328 с.
2. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 2000. – 185 с.
3. [Электронный ресурс]. URL: <http://articles.business-man.biz/presentation/22/light-up-your-audience-with-osram-components-of-an-effective-business-prsentation-graham-young.htm>

ФРАЗЕОЛОГИЯ

О.Л. Бессонова, А.К. Костюк
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы (ФЕ), являясь формальным комплексом лингвистических выражений, значение которого не выводимо из значений его составляющих [6: 96], несут в себе отражение культуры, быта и мировосприятия народа. Этим объясняется как интерес исследователей к их изучению, так и устойчивое положение ФЕ в структуре языка. Они являются своего рода константами, кодами культуры и не подлежат какому-либо одному временному пласту [3: 61]. Фразеология является своеобразной «картинной галереей», где собраны различные «наброски» национальных обычаев, традиций и предрассудков, напоминания о истории народа, обрывки народных песен и сказок; а также – цитаты великих писателей, сомнительные выражения мещанские мудрости и грубые остроты. Фразеология является самой демократичной словарной областью, черпающая ресурсы, по большей части, из самой глубины повседневной речи [1: 225].

Фразеологизмы, концентрируя в себе народную мудрость и особенности взглядов на мир того или иного народа, являются объектом изучения лингвокультурологии, которая сформировалась в рамках антропоцентрической парадигмы, согласно которой картина мира человека, в том числе языковая, формируется вокруг него самого, а также вокруг окружающих его предметов. В этнической культуре каждого народа большая часть выражений о духовных и социальных особенностях человека представлены, в основном, фразеологизмами, имеющими названия животных в их структуре [1: 17]. Данный пласт ФЕ представляет собой интересный материал для наблюдений и обобщений не только лингвистического, но и культурологического характера.

Во фразеологическом фонде французского языка выявлено как минимум 1198 ФЕ с анималистическим компонентом (например, *passer du coq à l'âne* 'букв. перейти от петуха к ослу; внезапно перейти от одной темы к другой, внезапно начать говорить о другом'; *cheval échappé* 'букв. сбежавшая лошадь; сорванец, повеса'), что составляет около 2,92% от общего объема ФЕ, представленных в фразеологических словарях французского языка [2, 4, 7]. Критерием отбора языкового материала стало наличие в ФЕ элементов, обозначающих животное. Стоит отметить, что большая часть отобранных ФЕ содержат названия домашних животных, традиционно разводимых людьми. Наиболее часто встречающимися наименованиями являются: *chien (chienne) (s'acharner sur ach comme deux chiens sur un os* 'грызться из-за чего-либо, как две собаки из-за кости'), *cheval (cheveaux) (faire voir à qn que son cheval n'est qu'une bête* 'показать кому-либо, что он ошибается'), *chat (chatte) (à mauvais rat faut mauvais chat* 'нашла коса на камень'), *âne (ânesse) (sérieux comme un âne qu'on étrille* 'важный как индюк; степенный').

Структурный анализ показал, что большинство ФЕ (889 ФЕ, или 74%) имеют структуру словосочетания (например, *faire la roue comme un dindon* 'пыжиться, важничать как индюк'; *écrevisse cuite* уст. 'кардинал'). 309 ФЕ (26%) имеют структуру предложения (*c'est un panier de crabes* разг. 'это настоящее осиное гнездо; банка с пауками; сборище интриганов').

Большинство ФЕ со структурой словосочетания (447 ФЕ, 50%) являются глагольными (например, *vivre comme une taupe* 'жить в полном уединении, жить как отшельник, жить

бирюком') либо субстантивными (323 ФЕ, 36%, *une vieille taupe* прост. 'отвратительная женщина, старая карга, ведьма'), 78 ФЕ (9%) – адъективными (*rouge comme un homard* 'пунцовый, красный как (вареный) рак, как мак, как кумач'), 31 ФЕ (4%) – адвербиальными (*entre chien et loup* 'в сумерках, в сумерки (когда трудно отличить собаку от волка)').

В процессе исследования было выяснено, что с точки зрения коммуникативного типа ФЕ с анималистическим компонентом делятся на повествовательные (229 ФЕ, или 97%; например, *grain à grain, la poule emplit son ventre* 'курочка по зернышку клюет, сыта бывает'), побудительные (*bonhomme, garde ta vache* разг. 'смотри в оба, как бы тебя не надули') и вопросительные (*quelle bête est-ce là?* разг. 'что это за диковина?, с чем это едят?'). Анализ также показал, что ФЕ *veux-tu des œufs? souffre le caquetage des poules* 'букв. хочешь яйца? терпи кудахтанье кур; любишь кататься, люби и саночки возить' имеет двойственную структуру, представленную и побудительным, и вопросительным предложениями.

По количеству первичных предикаций преобладают ФЕ, выраженные простыми предложениями (72%, или 224 ФЕ; например, *il y aura de l'âne* уст. 'не миновать недоразумения'). Количество ФЕ со структурой сложного предложения (*ce sont deux ânes qui se grattent* 'рука руку моет') составляет 85 ФЕ или 28% от общего объема исследуемых ФЕ-предложений.

В ходе анализа было выяснено, что большинство единиц корпуса со структурой предложения по типу связи их грамматических элементов являются сложноподчиненными ((51 ФЕ или 60%, например, *Il est un âne (или il est bien âne) de nature qui ne sait lire son écriture* 'такой осел, что даже того, что сам написал, не понимает; так глуп, что только тряпки не сосет'; *tandis que le loup muse, la brebis entre au bois* 'добыча ловца не ждет'). 34 ФЕ имеют структуру сложносочиненных предложений, что составляет 40% от общего количества исследуемого материала с данной структурой (*chantez à l'âne, il vous fera des pets* 'окажи услугу человеку глупому или грубому – нарвешься на неприятности; метать бисер перед свиньями'; *tel chien, tel maître* 'каков слуга, таков и хозяин').

Таким образом, ФЕ с анималистическим компонентом представляют интерес для изучения, так как они отображают реалии из жизни, культуру и историю лингвокультурного сообщества. Во французском языке данные ФЕ имеют разнообразную структуру и представлены разными типами словосочетаний и предложений. При этом стоит отметить, что наиболее частотными структурами являются глагольные и субстантивные словосочетания. Это можно объяснить тем, что исследуемые ФЕ чаще всего используются для номинации человека или явления, либо для их сравнения с поведением животных.

Литература

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 288 с.
2. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. – М., 2008. – Т. 67, № 2. – С. 60-65.
3. Французско-русский фразеологический словарь: около 35000 фразеологич. единиц /по общ. ред. Я.И. Рецкера; сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев [и др.] – М. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей., 1963. – 1112 с.
4. Kravtsov S. DICTIONNAIRE RUSSE-FRANÇAIS DES LOCUTIONS IDIOMATIQUES ÉQUIVALENTES. – Paris: L'Hannatlan, 2005. – 248 p.
5. Kupinskaya T.A. Linguocultural Aspects of English Zoomorphic Phraseological Units // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – № 3 (286). – 2014. – С. 16-23.
6. Lipka L. An outline of English lexicology: lexical structure, word semantics, and word-formation. – 2. ed. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 212 p.
7. Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – nouv.ed. Revue et augmentée. – P. : Robert, 1984. – 1035 p.

Д.Ч. Брихачёва
(г. Таганрог, Россия)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЧИСЛО»

В данной работе фразеологизмы рассматриваются нами как неотъемлемая часть языка, которая содержит в себе не только коммуникативный, но и культурный компонент. Изучение фразеологического фонда языка представляет для нас интерес, так как оно способствует более полному пониманию самого языка, его истории, культуры и менталитета его носителей. Из чего и следует актуальность нашей работы. Объектом нашего исследования являются английские, французские и русские фразеологические единицы с компонентом «числительное», предметом – структурно-семантические характеристики фразеологических единиц. Цель исследования заключается в анализе данных фразеологизмов с компонентом «числительное» по различным семантическим и грамматическим критериям.

Многие ученые-лингвисты занимались вопросами фразеологии, так, по мнению Н. М. Шанского фразеологизм – «...это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [7]. Согласно З. Н. Левиту, фразеологизм – это «образование раздельнооформленных лексических единиц, характеризующихся функционально-семантическим единством» [4]. В. В. Виноградов определяет фразеологизм, как «устойчивое словосочетание, ...стилистически значимое и обладающее эмоционально-экспрессивным значением» [2].

Фразеологизмы представляют собой результат переосмысления значений свободных словосочетаний, а изучение наличия и употребления числительных в их составе поможет в постижении отдельных фрагментов общезыковой картины мира.

Основной круг числительных, используемых во фразеологизмах, специфичен для каждого отдельного языка. Помимо своей основной счетной функции они имеют еще и: символическую, ритуальную, отражающую определенную традицию, культуру. Наиболее употребительными являются ФЕ с числительными, обозначающими числа первого десятка [3].

Фразеологизмы обладают сложной словной структурой, состоящей из морфологически оформленных компонентов, подчиняющихся правилам грамматики. Они классифицируются по ряду признаков и свойств, но наше исследование будет сконцентрировано на выявлении семантических и грамматических особенностей фразеологизмов.

В ходе структурно-семантического анализа мы изучили теоретические труды таких лингвистов, как: Ш. Балли, В. В. Виноградов, З. Н. Левит, А. Г. Назарян и других; и пришли к следующим выводам:

по виду семантического преобразования различают следующие типы фразеологических компонентов: *полные* – значение которых не мотивировано значением составляющих их компонентов; или *частичные* – о значении которых можно догадаться по значению составляющих их компонентов;

по степени фразеологической слитности В. В. Виноградов выделил следующие 3 типа фразеологизмов, взяв за основу классификацию Ш. Балли: *сращения* – семантически неделимые фразеологические обороты, имеющих целостное значение; *единства* – целостная семантика которых является мотивированной отдельными значениями составляющих их слов; *сочетания* – устойчивые сочетания слов, в которых имеются слова как со свободным употреблением, так и со связанным. Н. М. Шанский добавил к этой классификации 4-й тип

фразеологизмов: *выражения* - устойчивые фразеологические обороты, которые состоят целиком из слов со свободными значениями [1: 2];

по степени смысловой взаимозависимости компонентов фразеологизмы делятся на *идеоматические* и *неидеоматические* или *унилатеральные* (А. И. Смирницкий). В *неидеоматических* или *унилатеральных* словосочетаниях – один или несколько компонентов могут выступать в прямом значении, значение фразеологизма вытекает из значения составляющих его частей. *Идеомы* – словосочетания, значение которых не определяется значением их компонентов. В основе их различия лежит характер номинации [6];

классификацией фразеологизмов **по грамматической структуре** занимались такие ученые-лингвисты, как А. И. Смирницкий и Н. Н. Амосова, согласно которым фразеологизмы делятся на 3 основных типа: 1) *непредикативные*: одновершинные и фраземы. *Одновершинный фразеологизм* – это фразеологические единицы, в которых одно или несколько незначительных слов соединяются со значительным и *фраземы* – состоящие из двух и более значительных слов с подчинительной или сочинительной связью их компонентов; 2) *частичнопредикативные* фразеологизмы – словосочетания, значительное слово в которых имеет дополнение или определение в виде придаточного предложения; 3) *предикативные* фразеологизмы имеют структуру простого или сложного предложения и могут быть: с незамкнутой структурой, выражающие незаконченную мысль и требующие распространения; и с замкнутой структурой, выражающие законченную мысль [6];

по выполняемой в языке функции З. Н. Левит классифицирует фразеологизмы следующим образом: *коммуникативные* фразеологизмы соотносительные с предложением, как коммуникативной единицей языка; *некоммуникативные* фразеологизмы – соотносительные со словами или словосочетаниями, что обуславливает выполняемые этими фразеологизмами функции в языке. Некоммуникативные фразеологизмы в свою очередь делятся на следующие подклассы (по стержневому слову или выполняемой в языке функции): *номинативные* фразеологизмы, обладающие назывной функцией. Они могут обозначать предметы, людей, явления, действия, состояние, качество и т. п.; *адъективные* ФЕ, выступают в качестве прилагательных; *глагольные* или *процессуальные* ФЕ, выступающие в речи в качестве глаголов; *адverbальные*, выступающие в качестве наречий; *междометные*, служащие для выражения чувств и волевых импульсов, выступающие в предложении в качестве междометий [4].

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы языка. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Международные отношения, 1977. – 312 с.
3. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера – М.: Русский язык-медиа, 2005. – 1625 с.
4. Левит З.Н. Лексикология французского языка – М.: Высшая школа, 1979. – 159 с.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
6. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: ИЛ, 1957. – 284 с.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов ун-тов. – М.: Высшая школа, 1963. – 156 с.

С.Ф. Василенко
(г. Волгодонск, Россия)

ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ФЕ С КОМПОНЕНТОМ «ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ»

Изучение фразеологии имеет довольно длительную традицию, восходящую к работам таких учёных, как В.В. Виноградов, А.И. Алехина, Н.Н. Амосова, Ф.И. Буслаев, В.М. Мокиенко. В трудах этих лингвистов можно обнаружить немало интересных размышлений о происхождении, значении и ценности ФЕ. Рассматривая фразеологическую вариативность как частную проблему вариативности в языкознании, можно отметить, что данная проблема для фразеологизмов является наиболее актуальной, т.к. возрастает многообразие видов ее варьирования на морфологическом, лексическом и семантическом уровнях анализа. Сравнительные ФЕ с компонентом цвета занимают одно из важных мест во фразеологии, причем количество их вариантов многочисленно и представляет собой интерес для филологического исследования. В ФЕ данного типа связь эталона и признака сравнения обусловлена объективной реальностью, что естественно ведет к созданию многочисленных вариантов (далее – ФВ) данного типа. Мотивировка таких ФВ вполне логична и понятна: образ, лежащий в основе определённой единицы, является адекватным отражением окружающей действительности, а свойства объектов приписываются в соответствии с традиционными образами, закрепленными в сознании носителей языка, а также зависят от стереотипных представлений и фоновых знаний, характерных для носителей языка: *His face was now as purple as a plum* (A. Christie). *I remember her hair spilling down her back in thick curls, her skin as white as snow, her lips and nails as red as blood* (A. Christie). *George was very upset, got as red as a turkey cock* (A. Christie). Использование того или иного варианта отличается частотностью или ситуативной избирательностью и интенцией говорящего. Отмечаются следующие тенденции в употреблении вариантов среди ФЕ с компонентом «цветообозначение»: вариативные компоненты свободно замещают друг друга и являются равноупотребительными в языке, у вариантов различная частотность употребления и, наконец, варианты оказываются избирательными в речи. Это происходит из-за различий в сочетаемости вариантов с другими словами в контексте или из-за условий ситуации. Фразеологические варианты с лексико-грамматическим варьированием, отличающиеся количеством компонентов и представляют собой две формы фразеологизма: полную и усеченную (редуцированную). Например, ФЕ *as white as the driven snow* (белый, как свежесвыпавший снег), может употребляться в сокращенном виде *white as snow*.

Возвращаясь к проблеме варьирования, необходимо отметить, что иногда сравниваемые компоненты ФЕ могут не соотноситься по своим семантическим признакам, но внутренняя форма таких фразеологических вариантов не должна претерпевать каких-либо существенных изменений, сохраняя при этом семантическое значение всей ФЕ: *as white as paper (snow, milk)* – бледный, белый как полотно. Ср.: *Mary came running down the stairs, her face as white as paper* (Christie). *(as) white as sheet (ashes, death, ghost)* – бледный, как полотно. "Goodness gracious, Margaret, you're as white as a sheet. Anyone would think you'd seen a ghost!" (Setterfield). "You could do with some cocoa yourself, couldn't you? You're as white as a ghost." (Setterfield). *(as) black as midnight (night, pitch)* – совершенно темно, тьма кромешная, непроглядная; *(as) black as (ebony, coal, hell, a sloe, soot, crow, jet, a raven's wing)* – черный, как сажа, как вороново крыло. Ср.: "Nonsense," I said. "It was as black as a raven - looked quite like a wig, it was so unnatural." В приведенном выше ФВ (*as black as a raven*) произошла утрата компонента (существительного) – *wing* (крыло), что не повлияло на внутреннюю форму и значение

всего ФВ, а привело к осуществлению сравнения цвета не с частью объекта, а с целостным образом. Сокращение (усечение) ФЕ проявляется в тенденции опущения некоторых компонентов ФЕ, но при условии сохранения смыслового содержания. Самыми частотными наблюдаются случаи усечения компонента существительного, глагола и местоимения, при этом происходит семантическое сжатие, а смысл высказывания концентрируется в оставшейся части ФЕ. Наблюдаются варианты с расширенным составом – разновидности одного фразеологизма, обладающие тождественным фразеологическим значением, но отличающиеся друг от друга количеством слов-компонентов: *As white as (the driven) snow* – белый, как свежесвыпавший снег: *Her soul which was black at night, is now pure and white like the new-fallen snow* (Maugham). Эталоны сравнения также влияют на всю коннотацию фразеологической единицы и тогда сфера их употребления сужается в зависимости от контекста. Среди сравнительных ФЕ с компонентом «цветообозначение» выделяется значительное количество ФВ с грамматическим варьированием, для которых характерным является морфологическая или синтаксическая форма компонентов и/или варьируются артикли, предлоги, местоимения. Существуют следующие грамматические вариации среди сравнительных ФЕ с компонентом цветообозначения в английском языке:

– смена определенного артикля на неопределенный: *Lips red as the rose*. “A fine old ...gentleman, with a face as red as a rose” (Kingsley).

– изменение формы числа у компонентов, так называемый количественный сдвиг (замена единственного числа множественным): *Red as a cherry (a rose)* – румяный: *Today you see them bouncing, buxom, red as cherries* (Bronte). *And look at the skaters here on the canal – they`re red as roses, and happy as lords* (Dodge).

– изменение союза или предлога: *(as) black as thunder* - чернее тучи: *He caught her by the arm. In the harshness of his grip she winced away. "What do you mean?" Michael looked suddenly black as thunder* (Christie).

Вариативность ФЕ возникает в результате различных внутренних и внешних факторов развития языка и может быть обусловлена прагматической направленностью языковой коммуникации, постоянным развитием языковых средств и стилистических функций, может быть обусловлена социальными и психологическими факторами, действием закона аналогии, контактами с другими языками, а также самим контекстом. «Реализация значения у любой фразеологической единицы, функционирующей в текстовом пространстве, осуществляется только в контексте. ФЕ, фигурируя в рамках текста, взаимодействует не только с окружающими ее лексическими единицами, но и со всем текстом» [2: 35].

Итак, ФЕ с компонентом «цветообозначение» функционируют в языке не только в постоянном лексико-грамматическом составе, но и в виде нескольких равноправных вариантов.

Литература

1. Алехина А.И. Идиоматика современного английского языка. Минск, «Высшая школа», 1982.– 279 с.
2. Минка А.Н. Особенности функционирования ФЕ с компонентом «цветообозначение» в художественном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 4 (23) 2012, Рязань. – С.35-39.

E. Voitenko
(Donetsk National University, Donetsk)

THE STRUCTURAL FEATURES OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS ‘AIR’, ‘EARTH’, ‘FIRE’ AND ‘WATER’

The research is devoted to the analysis of the structural features of the phraseological units containing the lexemes ‘air’, ‘earth’, ‘fire’, and ‘water’. The examples are as follows: *a hot air artist, to burn the earth, like a house on fire, written in water*.

The topicality of the problem under consideration is accounted for by the fact that the four elements, being the essential part of the modern life, have been considered as the foundation of the universe since ancient times. Moreover, in spite of the universal character of the notions, the language units with these components possess distinct cultural connotations.

The main objective of the research is to study the structural characteristics of the English phraseological units with the components, denoting the names of the four elements, such as ‘air’, ‘earth’, ‘fire’ and ‘water’.

The research has been carried out on the basis of the lexicographic material selected from the phraseological and explanatory dictionaries. The amount of the language units studied is 330 word-combinations.

The analysis has shown that all phraseological units under the study fall into four basic groups (according to A. V. Kunin’s structural-semantic classification [1, 2]):

- nominative phraseological units, among which are substantive, adjectival and adverbial phraseological units;
- nominative and nominative-communicative phraseological units, i. e. verbal phraseological units;
- interjectional phraseological units;
- communicative phraseological units, i. e. proverbs and sayings.

The analysis has shown that the verbal phraseological units prevail – 48%. The most productive patterns among them are V + N, for example, *flash (shot) fire, cost the earth*, and V + N + prep + N, for example, *add oil to the fire, set the Thames (the world) on fire*, etc.

Another group includes the substantive phraseological units – 25%. It is of importance to mention that the most productive substantive phraseological units are build up according to the patterns: N/Adj + N, for example, *fireside chat, a visiting fireman*, and N + prep + N, for example, *the end of the earth, irons in the fire*, etc.

One more productive group is the group of communicative phraseological units – 12%, which are represented by the units with the structure of a sentence, for example, *a small spark makes a great fire, stolen waters are sweet*, etc.

It should be pointed out that the adjectival, for example, *dull as ditch water*, adverbial, for example, *above water*, and interjectional phraseological units, for example, *Hellfire and damnation!* make up relatively small groups – 7%, 7% and 1% accordingly.

The results of the research make it possible to conclude that according to the structural division, verbal and substantive phraseological units with the lexemes *air, earth, fire* and *water* are prevalent.

References

1. Kunin A.V. *Angliyskaya frazeologia: Teoreticheskiy kurs*. – M.: Vysshaya shkola, 1970. – 243 p.
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka*. – M.: Vysshaya shkola, 1996. – 381 p.

Е.Е. Дебердеева
(г. Таганрог, Россия)

ГЕНДЕРНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И ОЦЕНОЧНОСТЬ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ представляет определенный интерес с позиции гендерных исследований, поскольку способствует выявлению дополнительных культурных импликаций, отражающих гендерные стереотипы во фразеологии английского языка.

Объектом оценки могут быть различные фрагменты действительности, соответствующие разным по содержанию запросам и потребностям человека, а также сам человек. Следовательно, антропоцентричный признак оценки может являться релевантным фактором для раскрытия понятий маскулинности и фемининности во фразеологическом фонде языка. Таким образом, необходимо установить, влияет ли гендерный компонент, гендерная референция фразеологизма на определение оценочности фразеологизмов.

Исследование оценочного макрокомпонента семантики гендерно маркированных ФЕ показало, что среди идиом, как с мужскими, так и с женскими именами преобладают обороты с отрицательной оценочностью. Отрицательно оценочные идиомы составляют подавляющее большинство во всех структурно-функциональных классах фразеологизмов, например: a proper (right) Charley – разг. пренебр. *круглый, набитый дурак* (Br. slang a fool); dumb Dora – амер. жарг. *глупая девчонка, дуручка* (a stupid girl); (as) proud as Lucifer – *гордый как дьявол, высокомерный, надменный*; like Alice in Wonderland – *illogical, incomprehensible, impractical*. Ideas and projects which can exist only in the realm of fantasy and wild imagination; not know whether you are Arthur or Martha – (Br., spoken) to feel very confused, especially because you have too much to do; all work and no play makes Jack a dull boy – smth. that you say which means people who work all the time become boring, и другие.

Доминирование отрицательно оценочных идиом не является случайным. Д.О. Добровольский указывает на то, что «фразеология весьма неравномерно покрывает основные сигнификативные сферы языка. Роль фразеологизмов особенно велика там, где речь идет о номинации явлений, обладающих существенной значимостью для именуемого субъекта, что обуславливает специфику того места, которое занимают фразеологизмы в личном тезаурусе носителя языка. С этим связана доминирующая роль отрицательной оценочности как содержательной категории, выражаемой фразеологизмами» [1: 30]. Этот тезис подкрепляется данными когнитивной психологии, согласно которым знания, связанные с отрицательными эмоциями, действительно более дифференцированы, что не может не отразиться и во фразеологии.

Преобладание отрицательно коннотированных идиом, по мнению А.В. Кирилиной, как с мужскими, так и с женскими именами, соотносится не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно оценочных идиом больше по всему фразеологическому полю, так как в оппозиции «положительное» – «отрицательное» маркирован последний член оппозиции, т.е. наличие чего-либо положительного рассматривается как норма и потому упоминается реже, а что-либо отрицательное является нарушением нормы, тем самым привлекая к себе большее внимание [2: 57].

Следует отметить, что преобладание негативной оценочности связано с особенностью концептуализации действительности. Противопоставляются не «плохие» женщины «хорошим» мужчинам и наоборот, а «плохое» «хорошему» в рамках общечеловеческого. Однако И.В. Зыкова считает, что тот факт, что именно отрицательно коннотированные ФЕ с мужскими ИС (а не нейтрально или положительно оценочные фразеологизмы) в большей степени склонны к изменению гендерной референции способствует выявлению непосредственной взаимосвязи оценочного и гендерного компонентов идиом, т.е. та или

иная оценка фразеологизма предопределяет степень устойчивости гендерного фактора, а следовательно, и его гендерную референцию: если идиома имеет негативную оценку, вероятность ее отнесенности к разряду интергендерных единиц максимальна, если мы имеем дело с нейтрально или положительно оценочной идиомой такая вероятность становится минимальной [3: 100].

Данное явление обусловлено тем, что тенденция к повышению общественного статуса женщины, его приближение в социальном плане к мужскому статусу, отражается в переориентации гендерной референции языка в целом и во фразеологическом фонде в частности. Все отрицательное чрезвычайно флексивно и легко приобретаемо. Нейтральность же (или «положительность») отличается большей устойчивостью вообще, и в гендерном аспекте в частности.

Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ с ТР, показало, что среди идиом как с мужскими, так и с женскими именами родства преобладают обороты с нейтральной оценкой.

Преобладание безоценочных ФЕ как с мужскими, так и с женскими ТР подтверждает особую значимость их концептуально-ассоциативного потенциала, который служит для передачи общекультурных ценностей, рассматривая их не как мужские – хорошие, женские – плохие, или наоборот, а как в равной степени значимые.

Литература

1. Добровольский Д. О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии ее научности // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2000. – С.19-35.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. –189 с.
3. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М., 2003. – 232 с.

Е.Ю. Козлова
(г. Брянск, Россия)

ДИСКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Как известно, фразеологическая единица (ФЕ) – *это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением* [2]. Существуют разные взгляды на содержание понятия фразеологии. В нашей работе к фразеологии мы относим все воспроизводимые сверхсловные образования разной степени сложности независимо от характера слитности компонентов – фразеологизмы, паремии, афоризмы, крылатые слова и выражения, а также индивидуальные, типические особенности словоупотребления, словосочетания в творчестве писателя.

ФЕ рассматриваются в различных дискурсах. Дискурс – это явление, исследуемое в режиме текущего времени, то есть по мере его появления и развития, и при его анализе необходимо учитывать все социальные, культурологические и прагматические факторы. Поэтому термин дискурс, в отличие от термина текст, не применяется к древним памятникам письменности, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно[1]. Однако содержание данного понятия вариативно, так как оно весьма неоднозначно. Единой интерпретации понятия дискурса не существует, что детерминирует стремление лингвистов в обзорных и аналитических статьях тем или иным образом очертить координаты данного феномена[3]. Как отмечает П.Серио, вопрос о содержании понятия дискурса является узловым пунктом в определении соотношений между языком, историей и субъектом[4].

Как бы мы ни рассматривали дискурс – как текст, актуализированный в определенных условиях, либо как речевую практику человека или сам речевой поток, – главное, в первую

очередь обуславливающее специфику дискурса, – его социальная и идеологическая природа, предопределенная утвердившимися типами речевого взаимодействия членов какого-либо коллектива[3]. В нашем понимании дискурс – «это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности»[3].

В тезисах предпринимается попытка рассмотреть фразеологию «Отцов и детей» с точки зрения её дискурсивного использования. В качестве структуры дискурса нами рассматриваются диалог и полилог. В таких ФЕ, как *шагу ступить, исчезнуть из глаз, ломая руки, не роняя себя, ломать себе голову, сидеть сложа руки, дело в шляпе и сквозь зубы* мы выделяем следующие значения:

1) Локально-временное значение фразеологических единиц:

Павел Петрович в диалоге с Аркадием о нигилизме замечает: «*Мы люди старого века, мы полагаем, что без принципов, ... принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя*»[5], где употребляется модифицированный вариант ФЕ *шагу ступить* – *шагу негде ступить*. «Шагу негде ступить» – разг. экспрес. Очень много скопилось где-либо людей». Модификация заключается в том, что на локальное значение наслаивается и временное, то есть значение обогащается, о чём свидетельствует, что «... мы люди старого века».

Ситуация отъезда Базарова из имения Одинцовой также связана с модификацией фразеологического выражения: «...*Аркадий хладнокровно вынул свои вещи из его коляски, сел возле Базарова – и, учтиво поклонившись своему бывшему спутнику, крикнул Трогай! Тарантас покати и скоро исчез из вида...*», вариант фразеологизма *исчезнуть из глаз*, значение которого «*перестать быть видимым*»[5], словарный вариант – *исчез из вида*.

2) Выражение чувств, отношений к кому-либо, чему-либо через фразеологизмы:

В романе И.С.Тургенева ФЕ используются в различных ситуациях.

В диалоге Аркадия и Евгения о жизни Николая Петровича, а именно о княгине Р., Аркадий говорит: «*Она слыла за легкомысленную кокетку, ... не находила нигде покою и часто до самого утра металась по комнате, тоскливо ломая руки, или сидела, вся бледная и холодная, над псалтырём*». Фразеологизм *ломая руки* является лексическим вариантом фразеологической единицы *ломать руки, пальцы*, значение которого является следующим: «*Ломать руки (пальцы) – разг. экспрес. Не скрывать чувство горя, отчаяния, выражая его жестами*»[5] значение совпадает с контекстом.

В споре Базарова с Павлом Петровичем о ценностях жизни Павел Петрович говорит: «...*Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека*». ФЕ *не ронять себя* может быть представлена и в варианте *уронить себя в собственных глазах* – Разг. Экспрес. Потерять к себе уважение, допустив оплошность, сделав ложный шаг и т.п.[5], что ярко и полно раскрывает личностную позицию по отношению к себе и к людям Павла Петровича.

В различных частях произведения используется ФЕ *сквозь зубы*, значение которого является многозначным: (разг. неодобр. 1) *Неразборчиво, невнятно (говорить, бормотать)*. 2) *Выражать презрение, недовольство, раздражение*.)

Так, например: «*Павел Петрович не раз помогал своему брату; не раз, видя, как он бился, ломал себе голову, придумывая, как бы извернуться, Павел Петрович медленно подходил к окну и, засунув руки в карманы, бормотал сквозь зубы: «Но я могу дать тебе денег (франц.)», – и давал ему денег...*». С помощью фразеологизмов *ломать голову* в значении *напряженно думать, стараясь решить какую-то сложную проблему*[5] и *сквозь зубы, то есть говорить неразборчиво, невнятно*, даётся описательная характеристика взаимоотношений братьев и их отношение к труду. Николай Петрович не мог наладить свои хозяйственные дела, несмотря на все усилия, что вызывало недовольство брата, выражаемое автором в использовании негативно оценочных ФЕ.

3) Фразеологизмы, выражающие действие/бездействие:

«– *Позвольте, Павел Петрович, – промолвил Базаров, – вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и то*

же бы делали». Аргумент Базарова против личностной установки Павла Петровича по отношению к самому себе («уважать в себе человека») сопровождается фразеологизмом *сидеть сложа руки, «бездействовать»*[5].

Павел Петрович не остаётся в долгу, заявляя: «... *всё на свете вздор! – и дело в шляпе»*, указывая на всю нелепость философских, моральных и этических установок молодого поколения, назвавшихся нигилистами.

Изучение языка и стилистического мастерства И.С. Тургенева в плане использования им фразеологии представляет глубокий интерес для понимания словарного богатства и совершенства грамматического строя русского языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 926 с.
3. Манаенко Н.Г. Дискурсивные перспективы стилистики. // МГУ: Стилистика сегодня и завтра, 2014. – С. 162-168.
4. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. – М.: Екатеринбург, 2001. – С. 549-562
5. Тургенев И.С. Записки охотника. Отцы и дети. // М.: Дрофа, 2007. – С. 196-380.
6. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. // М: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.

Н.В. Майборода

(Донецкий педагогический институт, Донецк)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ДЕТСТВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Современная лингвистика уделяет пристальное внимание изучению такого понятия, как концепт. На данном этапе можно говорить о том, что термин *концепт* входит в понятийный аппарат таких наук, как семантика, лингвокультурология, когнитивистика. Отсюда – и разница в трактовке его разными учеными.

Не углубляясь в разные подходы к пониманию концепта, отметим, что в лингвистике одно из наиболее исчерпывающих и обобщающих определений концепта принадлежит С.Г. Воркачеву, который отмечает: «концепт – это единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1: 33].

Современная наука обращается к изучению различных концептов в разных языках, реализованных в том числе во фразеологии, в поговорках и в художественной литературе. Мы в своей работе обратились к анализу специфики концепта *детство*, реализованного в русских пословицах и поговорках.

Следует отметить, что концепт детства принадлежит к так называемым «возрастным» концептам и являет собой понятие периода времени от рождения до совершеннолетия человека. В литературе и в фольклоре по большей части этот период характеризуется как период счастливый, беспечный, как нечто доброе и светлое, хотя в отдельных произведениях мы встречаем совершенно иные трактовки.

Проанализировав выборку русских пословиц, репрезентующих концепт детства (50 пословиц), мы отметили, что они по большей части несут в себе позитивную семантику. Так, нередко упоминается, что без детей семья не будет полной, что в ней будет «тоскливо» (*У кого детей много, тот не забыт от бога*). Вместе с тем, в пословицах отмечено, что дети несут не только радость, но и проблемы (*Детки – радость, детки ж и горе. Без детей тоскливо, с детьми водливо (вередливо). С ними (с детьми) горе, а без них вдвое. Маленьки детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут*).

Еще одну группу составляют пословицы, в которых отмечена бездетность как большой грех: *У кого детей нет – во грехе живет (чтобы бог простил, приемыша берут). Не умела родить ребенка, корми серого котенка. Ласкай и котя, коли не родила дитя.*

Указывается разница между сыновьями и дочерьми: *Дочь – чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай. Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям снадобится. Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут.*

Отмечается, что сыновей должно быть много: *Первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание. Один сын – не сын, два – не кормильцы. Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын.*

Правда, при этом отмечается в пословицах и то, что детей родители не всегда могут прокормить: *У самой семеро по лавкам и все седуны. Мал мала меньше. Много бывает, а лишних не бывает. Много есть, да лишних нет.*

Отдельную группу составляют пословицы, в которых указывается на то, что и дети у животных также являются детьми, а потому их не следует обижать: *У кошки котя – тоже дитя. У суки щеня, и то дитя. У княгини ребя, у кошки котя – таково же дитя.*

Еще одну группу составляют пословицы, в которых говорится о силе материнской любви: *Материнская молитва со дна моря вынимает (достает). У отца-матери за пазушкою (т. е. в родительском доме). Нет такого дружка, как родная матушка. При солнце тепло, а при матери добро; а также о том, что родительское наказание не кажется страшным: Материщи побои не болят. Мать и бия не бьет. Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет. Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку. Своя матка и бьет, да не пробьет, а чужая глядя прогладит.*

Негативную семантику имеют отдельные пословицы, в которых упоминается о проблемах во взаимоотношениях между детьми и родителями: *Родилось чадушко, старшие бабушки (умничают). Дал бог отца, что и родного сына не слушается. В глупом сыне и отец не волен. Глупому сыну и родной отец ума не пришьет.* Причем в этих пословицах по большей части речь идет не столько об открытых конфликтах, сколько о недопонимании между родными.

Негативный аспект несут в себе также пословицы, посвященные сиротству: *За сиротою сам бог с калитою. Дал бог роток сиротинке, даст и кусочек. В сиротстве жить – слезы лить. Маленьких сирот кормить не хочется (не скоро отработают). Сиротинка, поди на чужбинку! На сиротах свет стоит.* Хотя в них и отмечается, что Бог помогает сиротам, и что им должны помогать и люди, все же сиротство воспринимается именно в негативном контексте.

Данные условной тематической классификации пословиц, реализующих концепт детства, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Тематическая классификация русских пословиц, реализующих концепт детства

№ п/п	Тематическая группа	Кол-во, ед.	Кол-во, %
1	Восхваление полной семьи, в которой есть дети	3	6
2	Указание на невозможность прокормить много детей	3	6
3	Указание на то, что и у животных дети такие же, как у людей	3	6
4	Указание на количество сыновей в семье	3	6
5	Указание на бездетность как на грех	4	8
6	Указание на то, что с детьми могут возникать и проблемы	4	8
7	Указание на то, что материнское наказание не так страшно	5	10
8	Разница между сыновьями и дочерьми	6	12
9	Восхваление силы материнской любви	6	12
10	Посвященные сиротству	6	12
11	Указание на конфликтные ситуации в семье	7	14
	Всего	50	100

Таким образом, из одиннадцати условных тематических групп, по которым мы классифицировали русские пословицы, презентующие концепт детства, три несут

негативную семантику (посвященные сиротству; с указанием на невозможность прокормить детей; с указанием на конфликтные ситуации в семье). Большую часть пословиц можно отнести к группам с положительной или условно-положительной семантикой, что в целом говорит о позитивном образе детства, реализованном в русских пословицах.

Вместе с тем, наибольшее количество примеров пословиц находится в группах, представляющих конфликтные ситуации в семье (14%) и мотив сиротства (12%), что говорит о весомой роли негативной семантики в таких пословицах. Также немалое количество пословиц находится в группе «разница между сыновьями и дочерьями», которая в целом не несет негативной окраски.

Все это приводит к мысли о том, что в целом образ детства, представленный в русских пословицах, имеет положительный контекст, однако и отрицательных моментов в нем немало.

Литература

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. / Сергей Григорьевич Воркачев. – Краснодар, 2002. – 142 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа / Владимир Иванович Даль. – М.: Азбука, 2007. – 304 с.

К.И. Мехдиева

(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ЭМОТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Данная работа посвящена изучению эмотивной фразеологии как средства репрезентации языковой картины мира в английском языке, напр.: *to make a feast of something* ‘наслаждаться чем-либо’. В последнее время интерес лингвистов к изучению естественных языков как проекции национального мировидения значительно повысился. В связи с этим сформировалось положение «картина мира», под которым, согласно В. И. Постоваловой, подразумевается глобальный, целостный образ мира, который является итогом всей духовной деятельности человека и его контактов с миром [2]. Картина мира находит свое отражение в языке, что позволяет говорить о языковой картине мира.

Эмоции, в свою очередь, изучаются как в психологии (К. Э. Изард, М. Арнольд, П. Экман, Н. Фридж, О. С. Виноградова), так и в лингвистике (В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, А. Вежбицкая, З. Д. Попова и др.). Эмоции являются основной составляющей одной из важнейших областей жизни человека – области эмоционального. На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность. Для разграничения психологических и языковых категорий эмоций В. И. Шаховский предлагает следующее определение эмотивности: «Эмотивный – то же, что и эмоциональный, но о языке, его единицах и семантике» [3]. Фразеологические единицы, входящие в единую лексико-фразеологическую систему языка, служат одним из способов языковой репрезентации эмоций.

В данной работе пойдет речь о семантических особенностях выражения положительных эмоций как средства репрезентации языковой картины мира во фразеологии английского языка.

Актуальность данной работы обусловлена антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований на изучение языковой интерпретации эмоций. Эмотивная фразеология является неотъемлемой частью лингвокультурной картины мира и играет важную роль в нашей речи, делая ее более эмоциональной, экспрессивной и образной.

Объектом исследования являются фразеологические единицы (ФЕ), выражающие положительные эмоции в англоязычной картине мира. Целью работы является исследование семантических особенностей фразеологических единиц, вербализующих положительные эмоции.

Материалом исследования послужили 400 фразеологических единиц, вербализующих положительные эмоции в английском языке.

Положительные эмоции имеют важное социальное значение и играют особую роль в создании языковой картины мира, так как они взаимосвязаны с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. В связи с этим в рамках исследования было выделено 6 семантических групп со значением «положительные эмоции»: семантическая группа «Радость» (Joy) является наиболее продуктивной и составляет 211 ФЕ (53%), напр.: *sunny side up* 'радоваться', *tickled pink* 'светящийся от счастья', *as fit as a fiddle* 'в хорошем настроении'; семантическая группа «Успех» (Success) является второй по продуктивности и насчитывает 58 ФЕ (14%), напр.: *to cut the mustard* 'добиться успеха', *to ride high* 'быть на гребне успеха', *to go places* 'достигать больших успехов'; в следующую группу «Любовь» (Love) входит 45 ФЕ (11%), напр.: *to be nuts to somebody* 'очень нравится кому-либо', *love's young dream* 'пылкая любовь', *to carry a torch for* 'втрескаться, влюбиться по уши', *to be over head and ears in love* 'быть влюбленным по уши'; семантическая группа «Надежда» (Hope) насчитывает 37 ФЕ (9%), напр.: *to come up smiling* 'не падать духом', *to have stars in one's eyes* 'быть идеалистически настроенным на будущее', *third time lucky* 'бог любит троицу, в третий раз повезет'; в семантическую группу «Изумление/Удивление» (Surprise) входит 27 ФЕ (7%), напр.: *turn-up for the book* 'неожиданное событие', *out of a clear blue sky* 'совершенно неожиданно', *knock down with a feather* 'ошеломить, потрясти'. Наименьшее количество ФЕ входит в семантическую группу «Облегчение» (Relief) – 22 ФЕ (6%), напр.: *to relief one's feelings* 'отвести душу', *to glad to see smb's back* 'радоваться, почувствовать облегчение из-за избавления от кого-то', *to get the monkey off one's back* 'сбросить груз с плеч'.

Проведенный анализ позволил сделать выводы, что результаты исследования обуславливаются особенностями менталитета английского народа, восприятием мира англичан и показывает прочную связь эмоционального состояния народа (в том числе и отдельного человека) с языковым (фразеологическим) пространством.

Литература

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
2. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
3. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. – Волгоград: Волг. Пед. Ин-т, 1990. – С. 59.

Е.В. Подгородецкая
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена установлению особенностей компонентного состава фразеологизмов, обозначающих положительные эмоции, представленных в английском языке. Материалом исследования послужили фразеологические единицы (далее – ФЕ), извлеченные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

«Англо-русский фразеологический словарь» под редакцией А. В. Кунина [1], «Longman Dictionary of English Idioms» [3] и «Oxford Dictionary of English Idioms» [4].

Компонентный анализ ФЕ, обозначающих положительные эмоции, позволяет сделать вывод, что весь корпус данных ФЕ можно разбить на 2 группы, где в первой из них (145 ед., 54%) можно выделить компонент, семантически объединяющий фразеологизмы в отдельные классы единиц. Вторая группа (125 ед., 46%) состоит из ФЕ, в которых не представляется возможным выделить единый компонент.

Первая группа ФЕ характеризуется неоднородностью, вследствие чего было выявлено 8 семантических классов компонентов, самым продуктивным из которых является класс ФЕ, объединенных компонентом-соматизмом (55 ед., 30%). Данные фразеологизмы включают в свой состав компоненты-соматизмы: heart, soul, mind, eye, hair, brain, teeth, ear. Примерами ФЕ с компонентом-соматизмом являются: *have a corner in smb.'s heart* 'быть любимым кем-л., вызывать нежные чувства у кого-л., завоевать чье-л. сердце'; *cast sheep's eyes at smb.* 'смотреть на кого-то влюбленно, преданно'; *showing all one's teeth* 'улыбаться широко'.

К классу ФЕ с компонентом-зоонимом (24 ед., 25%) относятся ФЕ, включающие названия животных, которые используются для обозначения характеристики человека, его качеств, характера, умственных способностей, черт внешности. Примером этому могут послужить следующие ФЕ: *cheerful as a lark* 'очень веселый'; *happy as a possum up a gum-tree* 'безмерно счастлив'; *like a cat that got the cream* 'быть довольным'.

Класс ФЕ с компонентом-фитонимом (20 ед., 14%) отражает в своей семантике особенности менталитета народа применительно к растительному миру: *as fresh as a daisy* 'цветущий, пышущий здоровьем'; *a bowl of cherries* 'беззаботное существование'.

Классы ФЕ с компонентом-антропонимом (20 ед., 14%) и теонимом (3 ед., 2%) могут быть объединены в одну группу, т.к. оба этих класса выполняют одну номинативную функцию. Среди представленных ФЕ также встречаются ФЕ с компонентом-астронимом (19 ед., 13%) и с компонентом-топонимом (4 ед., 2%).

Таким образом, анализ эмпирического материала свидетельствует, что обращение к концептуальным основаниям образования ФЕ может объяснить выбор лексем для использования их в качестве компонентов фразеологических единиц. Преобладание в составе ФЕ компонентов-соматизмов говорит об антропогенной ориентации данных единиц и указывает на широкий диапазон ассоциативных связей и, следовательно, на большую фразеобразовательную активность соматической лексики.

Литература

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. Ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русс. яз., 1984. – 944с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс». – 1996. – 381 с.
3. Longman Dictionary of English Idioms. Harlow: Longman, 1996. – 387 p.
4. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 408 p.

**Н.М. Проскуренок
(г. Таганрог, Россия)**

АССОЦИАТИВНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В современном мире существует множество народов, объединенные общностью языка, духовной и материальной культурой, историческим развитием, психическими особенностями, общностью территории, экономики и жизни в рамках определенного

государственного образования. Главной определяющей национального сообщества является национальная самоидентификация [1].

Национальное сознание – это осознание и самооценка собственного «Я» как представителя определенной национальности, сознательного и активного выразителя национальных интересов, неотъемлемой части своего народа, его национального духа. Теоретической основой национальной самоидентификации являются «Я – концепция» и «Мы - концепция», которые являются сложной динамической структурой и отражают жизнь человека. Национальный характер и мировоззрение народа являются отражением особенностей национальной культуры, осуществление которого определяется языком как кодом культуры и системы ее концептуализации.

Концепты формируются в сознании человека на основе: восприятия окружающего мира, предметной деятельности, языкового общения и сознательного познания языковых единиц. Концепт тесно связан с ассоциативным пространством имени, представляющим форму семантических сетей. С каждым узлом семантических сетей в долговременной памяти возникают сведения, ассоциативно связанные вместе. Какие ассоциаты будут вызваны, зависит от представителя национально-культурного сообщества.

Паремиологические единицы составляют важнейший элемент духовной культуры, они заключают в себе смысловое богатство языка, демонстрируют семантическую емкость языка и фиксируют миропонимание народа. Культурно-языковые характеристики паремий являются важным компонентом национальной культуры, отражающие специфику национальной картины мира и национальной самоидентификации. Сравнение интерпретации пословиц разных народов позволяет выявить отличия и сходства между разными национальными сообществами.

Существует ряд экспериментов, объектами которых являются паремиологические единицы, однако только несколько из них близки к лингвокультурному направлению. Наиболее разработанной и информативной методикой в области изучения языкового сознания является ассоциативный эксперимент.

Языковое сознание – опосредованный образ мира той или иной культуры, совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира. Образ сознания, ассоциированный со словом – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. Язык же в данном случае выступает как интерпретирующее, а сознание как интерпретируемое [3]. Кроме того, свободный ассоциативный эксперимент не сосредоточен на денотативной части словарного значения паремий, он основан на методе свободных дефиниций. Согласно Ю.Н. Караулову, повторяющиеся ответы, которые были получены в результате ассоциативного эксперимента, могут быть интерпретированы как смыслы. Именно они будут характерны практически всем представителям данной культуры, не обладая которыми человек не сможет вступать в полноценное и эффективное взаимодействие с окружением изучаемого языка [2]. Эксперимент, разработанный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, основывается на соотнесении ассоциатов с единицами языка, содержащими определенный концепт [4].

Данный эксперимент содержит следующие этапы:

1. Проведение ассоциативного эксперимента;
2. Распределение полученных ответов по разным типам информации.
3. Построение ассоциативного поля для каждой пословицы и для концепта, которого она представляет;
4. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций как языковых репрезентаций сем;
5. Интерпретация полученных ответов.

Когнитивный аспект изучения паремиологических единиц основан на понимании знаков, соотносимых по структуре со скрытым текстом, а так же понимании нескольких блоков информации, называемых микрокомпонентами, которые охватывают объективные и субъективные компоненты сигнификата: денотативно-сигнификативную, оценочную,

образно-мотивационную и эмоциональную [3]. Данный эксперимент позволяет изучить способы проникновения знаков национальной культуры – установок, стереотипов, символов – в паремиологические единицы.

Мы использовали данный эксперимент для изучения национальной самоидентификации через восприятие русскоязычными студентами паремиологических единиц английского и русского языка. Студентам третьего курса, изучающим английский язык как иностранный, были предложены анкеты с данными пословицами, им необходимо было записать ассоциации, которые у них вызывает та или иная пословица.

Эксперимент показал, что структура русских и английских пословиц макрокомпонента. Русскоязычные студенты воспринимают разные типы информации: денотативно-сигнификативную, оценочную, образно-мотивационную и эмоциональную. Полученные результаты подтверждают, что английские пословицы вызывают в национальном сознании русскоязычных студентов лакуны, национально-специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры. В данном эксперименте лакуны проявляются в полученных ассоциатах. Набор ассоциаций и их выбор зависит от представителя национальной самоидентификации испытуемых. Таким образом, ассоциативный эксперимент является главным инструментом в исследовании языкового сознания.

Литература

1. Бескоровайная И.Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания [электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/library/voprosy/2.pdf>
2. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента// Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Смысл: Academia, 2005.– С. 67-97
3. Ковшова М.И. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Либроком. , 2009. – С. 83-92
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика.– М.: АСТ, Восток-Запад, , 2007. – 226 с.

Е.А. Рябинина
(г. Таганрог, Россия)

ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА *ИГРА* ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Игра представляет собой вид непродуктивной деятельности, в основе которой лежит некий искусственно созданный процесс, базирующийся на определенных правилах и имеющий агональный характер. *Игра* является одной из самых древних форм деятельности человека, направленной на получение радости и удовольствия. Игра может отличаться степенью своей соревновательности.

Игра-соревнование предполагает получение позитивного и негативного результата и, следовательно, победителя и побежденного.

Игра учит социальным установкам, формирует стиль жизни, регулирует поведение человека.

Во французском языке ядерный элемент концепта «игра» выражен, прежде всего, лексемами **«jeu-jouer»**. Столь социально значимый концепт, как «игра» находит своё выражение, как в лексическом, так и о фразеологическом составе французского языка.

Фразеологическая номенклатура со значением игра распределяется между следующими семантическими подгруппами: игры детские и народные, спортивные игры, игра на музыкальном инструменте, игра - развлечение, игра в карты.

Наиболее многочисленный фразеологический состав представлен в тематическом поле **«игра – развлечение»**. Это объясняется тем, что данные фразеологические единицы

передают наиболее общее понятие игры как деятельности, подчиненной установленным правилам, которая протекает в определенном месте и времени.

- 1) *«entrer en (dans le) jeu»* – вступить в игру, какое - либо дело;
- 2) *«jouer sa dernière partie»* – предпринять последнюю попытку;
- 3) *«jeu serré»* – осмотрительный поступок.

Весьма репрезентативна во французском языке группа фразеологизмов «играть в азартные игры». Концепт игра «*jeu*» содержит такие семантические значения как интерес, удовольствие, соперничество, азарт, непредсказуемость результата.

Вышеприведенные значения выражаются следующими фразеологическими единицами:

- 1) *«les jeux sont faits»* – всё решено, всё кончено;
- 2) *«donner beau jeu à qn»* – 1) дать противнику козыри в руки; 2) предоставить удобный случай кому-л.;
- 3) *«jouer sa dernière chemise»* – проиграть всё до последнего и т.д..

Как отмечает В.С. Петрина, основными причинами, способствовавшими столь широкой репрезентативности азартных игр во французской фразеологии являются экстралингвистические факторы [2], т.к. азартные игры существуют многие тысячелетия и отражают склонность человека к азарту, риску, интересному времяпрепровождению.

Субполе поле «**игры детские и народные**» содержит более десятка фразеологизмов с лексемой «*jeu*».

Одни из них передают названия игр: «*petits jeux*» – *игры с фантами*, *jeux de main(s)* – *кулачные бои*.

Другие фразеологические единицы являются, по классификации А.В. Кунина, идеофразеоматизмами, т. е. устойчивыми словосочетаниями, первые из которых характеризуются осложненным значением, а вторые – переосмыслением [1], например: «*игра в кошки-мышки*» – перен. *ситуация, в которой один хитрит, лукавит, стараясь обмануть другого*.

Некоторые фразеологизмы этимологически восходят к детским или народным играм. Так, в этимологии фразеологизма «*tirer son épingle du jeu*» – *выпутаться из неприятной истории* прослеживается связь с игрой девочек в XV веке, в которую играли девочки [3].

«**Спортивные игры-соревнования**» передают следующие фразеологизмы: «*jeu d'échecs*» – *шахматы*, «*jeu de dames*» – *шашки*, «*jeu de quilles*» — *игра в кегли и т. д.*

Пятое субполе поле концепта «**игра**» составили фразеологизмы, отражающие «**игру на музыкальных инструментах**». Этими фразеологизмами выносятся оценка исполнительскому мастерству исполнителя.

1. *«jouer à la blanche»* – жарг. *ускорить темп исполнения*;
2. *«jouer les feuilles mortes»* – жарг. *не иметь слуха*;
3. *«jouer avec des gants de boxe»* – жарг. *часто ошибаться при исполнении музыкального произведения*.

Некоторые фразеологизмы, содержащие лексему, обозначающую *музыкальный инструмент*, претерпевают семантический сдвиг. Так, во фразеологизме «*jouer de la trompette*» игра на трубе соотносится с прочисткой носа: прост. *громко сморкаться*.

Отбор фактического материала показал: французский язык располагает фразеологическими единицами, которые полисемантчны, например «*jouer de la guitare*» может выражать совершенно разные значения – жарг. уст.1) *переливать из пустого в порожнее*; 2) *сидеть в тюрьме* и 3) жарг. угол. *взламывать сейф с помощью воровского инструмента “гитары”*).

Сравнительный анализ фразеологических единиц французского и русского языков выявил значительное количество межъязыковых семантических соответствий.

Межъязыковыми фразеологическими эквивалентами являются («*franc jeu*»/ «*честная игра*» – поведение), («*jouer sur les mots*»/ «*играть словами*» – острить),

межъязыковыми синонимами – («*c'est un jeu à se rompre le cou (les bras, les jambes)*»/ «*опасная игра*»).

Таким образом, фразеосемантическое поле «игра» состоит из пяти субполей: «игра - развлечение», «азартные игры», «детские и народные игры», «игра на музыкальном инструменте», «спортивные игры», – которые имеют свои семантические особенности, отличаются количественным составом и стилистической принадлежностью.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.– 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996.– 381 с.
2. Петрина В.С. Фразеологический потенциал слов *jouer – jeu/ играть – игра* и их дериватов во французском и русском языках. Автореферат дисс...на соискание ученой степени канд. филол. наук. – М, 2012. – 28 с.
3. Trésor de la langue française (Trésor). Dictionnaire de la langue de XIX et XX s., en 16 volumes / sous la dir. de P. Imbs. P.: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1971-94. ressource électronique.: <http://atilf.fr/tlf.html>

Е.В. Трофимова, В.А. Бандылюк
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию основных особенностей семантики и структуры фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, номинирующих черты характера человека.

Как известно, фразеология каждого языка по-своему оригинальна. Это связано с неповторимостью быта, обычаев, культуры и менталитета каждого народа. Именно во фразеологии отражается национальная картина мира, реалии из жизни и истории народа.

В.А.Маслова утверждает: «Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [1].

Таким образом, ФЕ, номинирующие человека по чертам характера, являются отражением стереотипных представлений носителей языка о психологии личности, в связи с чем данный фразеологический пласт представляет большой интерес для исследования языкового представления мира.

Анализ показал, что ФЕ, номинирующие черты характера человека распределяются на 8 групп:

1. *Отношение к другим людям* (88 ФЕ, 22%, например, *on the up and up* ‘порядочный, честный человек’; *show a false face* ‘двуличный человек’);
2. *Отношение к труду* (51 ФЕ, 13%, например, *an old hand* ‘мастер своего дела’, *as busy as a bee* ‘трудолюбивый человек’, *good for nothing* ‘бездельник, лоботряс’);
3. *Отношение к себе* (35 ФЕ, 8%, например, *as firm as a rock* ‘упрямый, как скала’, *a hot shot* ‘самоуверенный человек’);
4. *Отношение к внешней действительности* (47 ФЕ, 12%, например, *as grave as an owl* ‘мрачный, угрюмый человек’, *as lively as a grig* ‘веселый, жизнерадостный человек’);
5. *Отношение к вещам* (52 ФЕ, 13%, например, *a culture vulture* ‘жадный человек’, *a close-fisted man* ‘скупой’, *an open hand* ‘щедрый человек’);
6. *Интеллектуальные черты* (67 ФЕ, 17%, например, *as solemn as an owl* – ‘мудрый как сова’, *as silly as a goose* ‘глуп как пробка’);

7. *Волевые черты* (34 ФЕ, 8%, например, *milk and water* ‘бесхарактерный’);
8. *ФЕ, связанные с особенностями темперамента* (26 ФЕ, 7%, например, *hot-tempered person* ‘вспыльчивый, пылкий человек’).

В ходе структурного анализа ФЕ, вербализующих черты характера человека, было выяснено, что подавляющее большинство ФЕ (386 ФЕ, или 96%) имеют структуру словосочетания, например (*as*) *crooked as a dog's hind leg* ‘бесчестный, непорядочный человек’, и лишь 14 ФЕ (4%) имеют структуру предложения, например *one's hands are clean* ‘честный, порядочный человек’.

Анализ ФЕ со структурой словосочетания показывает, что большинство ФЕ (150 ФЕ, 38%) являются субстантивными, например *a heart of oak* ‘отважный, храбрый человек’; *a square shooter* ‘честный, порядочный человек’ либо глагольными (118 ФЕ, 30%), например *have a smooth tongue* ‘красноречивый, льстивый человек’. Адъективными являются 112 ФЕ (28%), например (*as*) *good as pie* ‘любезный, хороший человек’.

Продуктивными структурными типами среди субстантивных ФЕ являются Adj. + N (например, *a hot shot* ‘самоуверенный человек’), N + prep + N (*a man of men* ‘хороший, добрый человек’). Среди глагольных ФЕ наиболее продуктивными являются структурный тип V + N + prep + N (*have an eye in one's head* ‘наблюдательный человек’) и V + like + N (*work like a horse* ‘трудолюбивый человек’). Адъективные ФЕ представлены в большинстве своем структурными типами (as) + Adj + as + N ((*as*) *bold as a lion* ‘храбрый как лев’) и Adj + and + Adj (*bitter and twisted* ‘злой человек’).

В процессе исследования было выявлено, что ФЕ со структурой предложения по коммуникативному типу – повествовательные (*One's hands are clean* ‘честный человек’). В ходе анализа было установлено, что по количеству первичных предикаций ФЕ со структурой предложения являются простыми (*He wouldn't hurt a fly* ‘добрый, искренний человек; мухи не обидит’).

Таким образом, в результате анализа исследуемых единиц было выявлено, что наиболее частотными ФЕ со структурой словосочетания являются субстантивные, а наименее продуктивными являются адъективные ФЕ. С точки зрения семантики ФЕ можно разделить на восемь групп.

Литература

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. Вузов.– М.: Академия, 2007. – 208 с.

Е.В. Трофимова, Е.Е. Дьяченко
(Донецкий национальный университет, г. Донецк)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Данная работа посвящена исследованию особенностей структуры и семантики процессуальных фразеологических единиц (ФЕ) английского языка.

Примерами исследуемых единиц могут послужить следующие фразеологизмы: *come clean* ‘признаться, расколоться’, *play with fire* ‘рисковать’, *go off one's head* ‘сойти с ума’, *shake a leg* ‘отплясывать, танцевать’, *have a big mouth* ‘болтать, трепаться’.

Объектом исследования являются процессуальные фразеологизмы в английском языке.

Предметом исследования являются особенности семантики и структуры процессуальных фразеологизмов.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей семантики и структуры процессуальных фразеологизмов.

Материалом исследования послужили 400 процессуальных фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка.

Процессуальным называется фразеологизм, который включает в себе процессуальное значение, выраженное морфологическими категориями лица, наклонения, вида и залога.

Значение слова «процесс» (от лат. *processus* — продвижение) определяется в словарях как ход какого-либо явления, последовательная смена состояний, стадий развития и т.д., как последовательная связь закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение [1].

В.А. Лебединская отмечает, что процессуальность определяется как способность слова или фразеологизма обозначать признак предмета, выражающий динамику, изменчивость этого предмета [2].

Под процессом подразумеваются различные явления: физическое действие, состояние, перемещение в пространстве, речевая деятельность, мыслительная деятельность, восприятие.

В ходе анализа семантических свойств было выявлено три семантические субкатегории процессуальных фразеологизмов: деятельности, состояния и отношения.

Внутри субкатегории «деятельности» выделено восемь семантических групп ФЕ (27%), обозначающих политическую (*get the law* 'действовать согласно закону'), патриотическую (*give one's life* 'отдавать чью-то жизнь'), трудовую (*put one's hand plough* 'руки чешутся по работе'); профессиональную (*put into operation* 'ввести в эксплуатацию'), коммуникативно-речевую (*speak a different language* 'говорить на разных языках (не понимать)'), социально-активную (*take part in smth* 'принимать участие в чем-либо'), религиозную (*burn in hell* 'гореть в аду'), семейную (*to follow in one's father's steps* 'следовать по стопам отца') деятельность.

Внутри субкатегории «состояние» выделено четыре семантические группы ФЕ (13%), обозначающих общественное положение субъекта-лица (*have a high rank* 'иметь чин'), правовые возможности лица (*be entitled to the smth* 'иметь право на что-либо'), социально-экономическое положение человека (*line one's pocket* 'набивать карман'), состояние подчинения, зависимости от кого-либо (*work one's fingers to the bone* 'гнуть спину/хребет на кого-либо').

Внутри субкатегории «отношения» выделено 18 семантических групп (60%). Наиболее многочисленными оказались ФЕ со значениями: превосходства над кем-либо (*put smb. in the shade* 'заткнуть за пояс кого-либо'), стремления победить, одолеть кого-либо (*call to battle* 'вызвать на бой кого-либо'), помощи, поддержки кого-либо (*stand by someone* 'оказать поддержку кому-либо'). Процессуальные фразеологизмы субкатегории «отношения» выражают различные многообразные социальные отношения между членами общества, исполняющими разные социальные роли.

В процессе анализа структурных особенностей ФЕ разработана классификация по соотносительности процессуальных фразеологизмов с определенными частями речи (так называемая смысловая классификация), в которой основополагающим является глагол. Выделяются такие структурные типы:

- 1) глагол + имя существительное: *hit the deck* 'пойти спать';
- 2) глагол + предлог + имя существительное: *be on coals* 'сидеть как на иголках';
- 3) глагол + предлог + местоимение: *stop at nothing* 'останавливаться ни перед чем';
- 4) глагол + прилагательное + имя существительное: *have a big mouse* 'болтать, трепаться';
- 5) глагол + прилагательное: *come clean* 'признаться, расколоться'.

Анализ показывает, что наиболее частотным структурным типом процессуальных ФЕ в английском языке являются «глагол + имя существительное», который составляет 183 ФЕ или 52% от общего количества ФЕ и «глагол + предлог + имя существительное», доля данного типа составила 94 ФЕ или 27%. Наименее частотным является тип «глагол + предлог + местоимение», что составляет 5 ФЕ или 2% от общего количества изученных единиц.

В результате анализа структурных особенностей процессуальных ФЕ в английском языке можно сделать вывод о том, что глагол – семантический центр процессуальных ФЕ, так как обладает высоким фразообразовательным потенциалом. С точки зрения семантических особенностей процессуальных фразеологических единиц в английском языке было выделено три семантические категории процессуальных ФЕ, которые обладают значением процесса: деятельности, состояния, отношения.

Литература

1. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. – М., 1975. – Т. 21. – С. 470.
2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

Ю.С. Чебина

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕТАМИ «КОШКА» И «СОБАКА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Германия – первая страна мира, где защита животных законодательно закреплена на уровне Основного Закона страны (май 2002 г., статья 20а). Также здесь существует и неукоснительно соблюдается Закон о защите животных (Tierschutzgesetz). Защита животных играет огромную роль в жизни немецкого общества, а профессия «защитник животных» является в ФРГ официальным занятием.

На первом месте по количеству проживающих особей среди домашних животных жителей Германии находится кошка. Слово «кошка» в немецком языке многозначно. Часто признаки этого животного переносятся на человека. Например, характеризуя кого-либо, могут упомянуть, что он, как кошка, вынослив (*aushalten wie eine Katze*), удачлив (*er fällt wie eine Katze immer auf die Füße*), независим (*wie eine Katze herumgeht*), влюбчив (*er ist verliebt wie ein Kater*).

Образ этого домашнего любимца можно встретить в пословицах и поговорках, приметах и образных определениях: *wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse* (без кота мышам раздолье); *das hat die Katze gefressen* (знает кошка, чье мясо съела); *Katze und Maus spielen* (играть в кошки-мышки); *die Katze aus dem Sack kaufen* (купить кота в мешке), *die Katze aus dem Sack lassen* (сделать тайное явным), *j-m die Katze im Sack verkaufen* (подсовывать кота в мешке); *bei Nacht sind alle Katzen grau* (ночью все кошки серы), *es hangelt Katzen* (кошмарная погода) и др.

Кошка является главным героем многих художественных текстов, входящих в сокровищницу немецкой литературы: «*Der arme Müllerbursch und das Kätzchen*» (Бедный Батрак на мельнице и Кошечка), «*Der Fuchs und die Katze*» (Лис и Кошка), «*Katze und Maus in Gesellschaft*» (Дружба Кошки и Мышки).

Собака – друг человека. Это мнение разделяет почти каждый шестой немец, являясь хозяином четвероногого друга. Однако образ собаки в идиоматичных текстах неоднозначен. «Белыми собаками», в отличие от русскоязычных «белых барашков» в немецком языке называют волны на море (*weiße Hunde*). Сильный холод (*Hundekälte*) и строгий судья (*scharfer Hund*) также у немцев вызывают негативные ассоциации, связанные с собакой. С другой стороны, человек может быть верным, преданным (*treu wie ein Hund*), работать, как собака, выполняя все поручения точно и правильно (*ein scharfer Hund sein*), что говорит о позитивном восприятии. При этом смертельно уставать (*tot müde wie ein Hund sein*) от тяжелой и неблагодарной «собачьей работы» (*Hundearbeit*), что опять нас приводит к отрицательным эмоциям.

Слово собака в немецком языке входит во многие паремиологические высказывания: *wie Hund und Katze leben* (жить, как кошка с собакой); *getroffener Hund bellt* (на воре и шапка горит); *mit allen Hunden gehetzt sein* (пройти огонь и воду (и медные трубы) – быть стреляной птицей); *er ist bekannt wie ein bunter [scheckiger] Hund* (человека каждая собака знает) и др.

Мифологическое сознание отражается в различного рода приметах, присказках: *Hunde, die bellen, beißen nicht; stumme Hunde beißen gern* (не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; тихая собака пуще кусает); *der einsame Hund hüte sich, gegen die Wölfe zu bellen* (не годится одинокой собаке лаять на волчью стаю) и др.

Собака является главным героем многих прецедентных текстов: *Der Hund und der Sperling* (Собака и Воробей), *Die Bremer Stadtmusikanten* (Бременские музыканты).

Итак, образы кошки и собаки часто представлены в немецкой разговорной речи и её литературном варианте. Они имеют устойчивые национально-культурные ассоциации, что необходимо учитывать изучающим немецкий язык.

А.М. Червоный
(г. Таганрог, Россия)

ОБМАН И ОБМАНЩИК ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ (на материале французского языка)

Намеренное искажение информации о реальной действительности с целью реализации определенных интенций субъекта является имманентным элементом коммуникативной среды человеческого сообщества. Обман свойственен природе человека, он зародился вместе с человеком, имеет свою историю, выступает сопутствующим, а иногда и ведущим фактором межличностного общения. Обман является одним из способов борьбы за выживание.

Как отмечает Д.И. Дубровский, в нашей культуре, в любой системе отношений цивилизованного общества, на всех его исторических этапах, во всех сферах коллективной и личной жизни обман был и остается настолько существенным фактором, что без его учета и анализа вряд ли можно составить основательное представление о взаимоотношениях людей, о конкретных социальных событиях и процессах [1: 11-12].

Безусловно, столь частое и распространенное жизненное явление не могло не отразиться в языковом сознании народа, оно получило свою морально-этическую оценку, а, следовательно, нашло свое языковое выражение в лексическом фонде языка. Так, во французском, впрочем, как и в русском языках имеется большое количество лексических единиц, выражающих как сам обман, так и его субъекта-производителя: обманщика, плута.

Сама по себе коммуникативная ситуация обмана возникнуть не может, всегда есть некто, кто его продуцирует, т.е. субъект (адресант), и всегда есть тот, на кого обман направлен, т.е. адресат.

Обман есть феномен коммуникации и потому может рассматриваться, прежде всего, в рамках структуры и функций коммуникативных актов [1: 29]. Коммуникативные акты возникают и реализуются в рамках коммуникативной ситуации. Особенностью коммуникативной ситуации, в которой осуществляется обман, по нашему мнению, состоит в том, что помимо таких ее обязательных компонентов как субъект (адресант), преследуемая им цель, реципиент (адресат), действие, продуцирующее обман и результат действия интенция субъекта направлена не только на сообщение какой-либо информации, но и на преднамеренное ее искажение. Следует также учитывать возможный результат данного коммуникативного акта (реакцию адресата), который может быть для адресанта как позитивным, так и негативным.

В данной работе рассматривается фразеологическое воплощение данного явления во французском языке. Обращение к фразеологическому контенту французского языка обусловлено тем, что именно анализ устойчивых форм выражения данного явления позволяет в когнитивном плане выявить особенности его национального представления, определить сферы жизнедеятельности человека, в которых обман находит свое наиболее распространенное выражение, рассмотреть аксиологическое и деонтологическое содержание, заключенное во фразеологических единицах, выражающих данное понятие.

Как уже было отмечено выше, ключевым актантом коммуникативной ситуации обмана выступает ее субъект – обманщик.

Лексико-семантический и компонентный анализ фразеологических единиц выявил: субъект ситуации обмана может найти свое выражение во фразеологических словосочетаниях, ядерным компонентом которого выступает лексема с заданным семантическим значением или имя, получившее значение обманщик, плут, мошенник в сочетании с детерминативами.

К первой группе фразеологизмов можно отнести такие фразеологические единицы, как: *sentir son fripon d'une lieue: il sent son fripon d'une lieue* – за версту видно, что он мошенник; *maitre coquin, maitre frippon* – мошенник большой руки, продувная бестия, плут. Детерминативом *coquin (m), frippon (m)*, подчеркивающим высокий уровень и мастерство обманщика, плута выступает субстантив *maitre(m)*- мастер.

Вторую группу составили фразеологизмы: *fin (rusé) compère (разг.)* – хитрый малый, ловкач, продувная бестия, пройдоха; *monteur de bateaux (de coups)* – враль; *l'esprit de (le père du) mensonge* – лукавый, отец лжи; *il en sait trop (en savoir trop)* – это хитрый человек, будьте с ним поосторожней.

Национальное своеобразие в данное понятие привносит использование в составе фразеологизмов *Niais de Sologne* – хитрец, разыгрывающий простока; *C'est un fin Normand* – он большой хитрец, он большой ловкач этнохоронимов, которые выражают устоявшееся мнение французов о жителях Нормандии и Солони, как о хитрых, себе на уме людях.

Субъект обмана может быть выражен компаративными конструкциями: *Menteur comme un arracheur de dents (comme panégyrique, comme un laquais, comme un épître dédicatoire, comme une oraison funèbre)* – отъявленный лжец.

В процессе общения коммуникативная ситуация может трансформироваться, субъект и объект могут поменяться ролями. Фразеологизмы *A malin, malin et demi; à menteur, menteur et demi; au Normand, Normand et demi; à trompeur, trompeur et demi* – на плута полтора плута описывают возможные агональные ситуации, предполагающие взаимонаправленное действие, т.е. интеракцию двух субъектов:

Как показывает опыт, результат плутовских, обманных действия не всегда оказывается позитивным для тех, кто их продуцирует, что подтверждается следующими фразеологическими единицами: *Le tricheur est souvent dupe de ses propres inventions (pr.)* – плут часто бывает жертвой своих плутней *Qui dit menteur, dit larron* – проврался, что проигрался; люди долго помнят.

Во французской пословице отмечено также и одно из главных ментальных качеств обманщика, лгуна – его память: *Il faut qu'un menteur ait bonne mémoire (pr.)* – лгун должен обладать хорошей памятью; ври, да помни; соврать можно, а перевернуть нельзя, вранье не скоро, попутает скоро.

Во фразеологических единицах *A la tannerie tous boeufs sont vaches et à la boucherie toutes vaches sont boeufs* – не обманешь – не продашь; *Le monde est rond, qui ne sait pas nager va au fond* – кто не умеет плавать, идет ко дну; кто не умеет ловко действовать, тот ничего не достигнет; *On ne peut empêcher le chien d'aboyer ni le menteur de mentir (pr.)* – не запретишь ни собаке лаять, ни лгуну лгать, на наш взгляд, выражается в какой-то мере философское отношение представителей франкоязычного лингвокультурного сообщества к обману (поскольку обман имманентен природе человека, он не искореним) и потому ему выносится оправдательное заключение.

Тем не менее, в моральном противостоянии *порядочности – обмана (лжи)*, французское национальное сознание на стороне положительных нравственных качеств, которые не менее присущи человеку, чем хитрость и обман *On attrape plus vite un menteur qu'un voleur (pr.) – как резва ни будь ложь, а от правды не уйдешь; ложь на коротких ногах ходит; лгуна легче поймать, чем хромого.*

Таким образом, проведенный анализ французских фразеологизмов данной тематики позволил выявить их лексико-семантические и структурные особенности, а также рассмотреть репрезентацию явления *Обман* и его протагониста в языковом сознании носителей франкоязычной культуры.

Литература

1. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. Обман. Философско-психологический анализ – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 336 с.
2. Французско-русский фразеологический словарь [под редакцией Я. М. Рецкера.] – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.– 1112 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.В. Гукалова
(г. Таганрог, Россия)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖА (на материале романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»)

Специфика целостного художественного образа заключается в неразрывной связи составляющих его элементов, образующих единство, раскрыть сущность которых позволяет лишь анализ языковой ткани текста. Художественный образ персонажа, таким образом, представляет собой совокупность лингвостилистических средств, описывающих его внешнее и внутреннее эмоциональное состояние, наиболее релевантны из которых – лексические и синтаксические как наиболее информативные. Однако, не менее важны и средства фонетические, которые повышают экспрессивность текста, создают особый эстетический эффект и обеспечивают передачу эмотивных смыслов.

В этом отношении, большой интерес представляет творчество ирландского писателя и поэта Дж. Джойса. Филологи и литературные критики отмечают удивительную музыкальность его текстов. Для прозы Дж. Джойса свойственна лейтмотивность и частое чередование сочетаний звуков, которые создают особую звуковую картину, организуя образы его персонажей. Наиболее яркое выражение этого мы находим в романе «Портрет художника в юности».

Экспрессивность повествования воссоздается целым комплексом различных фонетических средств выразительности. Так, автор в тексте романа использует звукоподражание, чаще всего для того чтобы передать особенности восприятия действительности главным героем посредством звуков, что демонстрируют примеры приведенные ниже.

«The guards went to and fro opening, closing, locking, unlocking the doors <...> they had silvery whistles and their keys made a quick music: click, click, click, click» [5: 24].

Более того, близкое расположение звуков [k] и [l] имитирует щелканье и позвякивание металлических ключей, быстрая музыка которых звучит как: «click, click, click, click».

«Rude brutal anger routed the last lingering instant of ecstasy from his soul» [5: 217].

Повторение звука [r] в первых нескольких словах и звук [l] чередующийся в последующих словах предложения материализуют в звучании слов ощущения Стивена. Автор намеренно подбирает такие слова, которые с одной стороны грубы для слуха, а с другой стороны еще и имеют схожее значение, так достигается эффект аномотопии.

Другой отличительной чертой повествования, что нетрудно заметить, является то, что текст романа «Портрет художника в юности» имеет характер ритмической прозы.

Рассмотрим следующие примеры:

«He saw darkening lands slipping away past him, the silent telegraphpoles passing his window swiftly every four seconds, the little glimmering stations, manned by a few silent sentries, flung by the mail behind her and twinkling for a moment in the darkness like fiery grains flung backwards by a runner» [5: 37].

Простое перечисление и лексические повторы (silent; darkening – darkness; pass – passing; flung) воздействуют на эмоциональное состояние читателя, имитируя движение. «Скольжение» по тексту аллитеративных звуков [s], [l] и [f] создают ощущение ускользающих из виду полей, телеграфных столбов и отдаляющихся станций с мелькающими дежурными на платформах. Ритм текста для читателя предстает как ряд картинок сменяющих друг друга, тех что видит Стивен, смотря в окно поезда. Но эта картина еще и сопровождается мелодией, описываемой далее, и ритм также находит свое продолжение в следующем абзаце текста:

«This furious music allayed his dread and, leaning against the window ledge, he let his eyelids close again» [5: 37].

Этому ритму подчинен и весь отрывок. В этом примере мы видим близкое расположение и чередование таких звуков как [l] и [d].

В следующем фрагменте показано сравнение внутреннего состояния героя, стука его сердца и пульсации жизни с покачиванием поплавок на воде:

«She came up to his step many times and once or twice stood close beside him for some moments on the upper step, forgetting to go down, and then went down. His heart danced upon her movements like a cork upon a tide» [5: 41].

Первое предложение, носящее чисто информативный характер, скупое на краски, дается лишь для изображения движения девочки от лица бесстрастного повествователя - перешагивание с одной ступеньки на другую, экспрессивность же содержит второе предложение. Подобным образом создается контраст между внешним и внутренним, тем что окружает художника, что он видит и тем, что происходит у него внутри. Внутреннее движение всего его существа рождает музыку, которая находит свое воплощение в музыке слов. Метрированность фразы задается синтаксическими параллелями: «heart...upon her movements» – «...cork upon a tide», что создает четырехстопный хорей, и так, танец сердца переходит в танец слов:

*His heart danced upon her movements
Like a cork upon a tide.*

Таким образом, повествование романа чрезвычайно ритмично, звучание текста находится в зависимости от различных особенностей эмоционального состояния персонажа; когда он встревожен, переживает глубокие внутренние страдания и противоречия, то ритм текста становится сбивчив и лихорадочен, если же герой погружен в себя и движение его мысли созерцательно, то ритм повествования неспешен и размерен.

Кроме того, можно отменить и другую тенденцию, характерную не только повествованию рассматриваемого романа, но прозе Дж. Джойса в целом - тяготение к совпадению семантики с фоникой. Автор стремится найти слова, входящие в полное звуковое соответствие с предметами, которые он описывает, душевным состоянием героя так, что текст обретает форму не просто ритмической прозы, а являет собой некий синкретизм музыки, поэзии и прозы, способный передать тончайшие детали эмоционального состояния персонажа, посредством чего и создается его неповторимый художественный образ.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37-637.
2. Воронин С.В. Фоносемантика: основные положения // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 84-90.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 5-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Змиевская Н.А. Субъективно-оценочная модальность в художественном тексте. // Сборник научных трудов. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза 1981. вып. 174. – С. 80-85.
5. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man / J. Joyce. – Public Domain Books, Kindle Edition, 2006. – 240 с.

И.А. Иваничкина
(г. Брянск, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)

Для развития почти каждого естественного языка характерен процесс заимствования слов из других языков. В нашем языке он проходил в несколько этапов. На Византийском этапе русский язык обогатился религиозной лексикой старославянского и греческого языков. Тюркский этап дал нам много слов бытовой сферы. В Петровскую эпоху начался процесс западноевропейского заимствования; в 18-м веке в наш язык пришли галлицизмы, в 19-м, 20-м - англицизмы и американизмы. Известно особенное влияние на русскую общественную жизнь французского языка, владение которым было обязательным для представителей господствующих классов. Это влияние отразилось и на особенностях словарного состава многих произведений русской литературы. Мы проследим, как в романе Тургенева употребляется иноязычная лексика, в частности, философские и общественно-политические термины. В данной статье мы рассмотрим следующие слова: *нигилизм, аристократизм, либерализм, прогресс, принцип, материализм*. Наши наблюдения, в основном, связаны с анализом авторских монологов и персонажных монологов и диалогов.

Все авторы-исследователи иноязычной лексики, говоря о роли Тургенева, отмечают то, что слова *нигилизм, нигилист* заимствованы самим автором, но он вкладывает их в уста героев. На страницах романа слово *нигилист* впервые встречается в диалоге Аркадия и братьев Кирсановых о Базарове: «– Он нигилист, – повторил Аркадий. – Нигилист, – проговорил Николай Петрович. – Это от латинского *nihi*, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает? – Который ко всему относится с критической точки зрения, – заметил Аркадий. Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип.»[4].

В Идеологически-оценочном словаре русского языка 19-го - начала 20-го века А. Л. Голованевского, созданном на материале 75-ти других словарей, дана следующая справка о лексикографировании этих слов [1].

Впервые слово *нигилизм* зафиксировано в Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1861 года; оно встречается в значении «*учение скептиков, не допускающих существования чего бы то ни было*» [3]. Далее это слово фиксируют многие словари: от Настольного словаря для справок по всем отраслям знания в 3-х томах под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова 1863-1864 гг., до Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах 1958-1965 гг.. Значение слова меняется, но во всех словарях присутствует негативная окраска.

Роман насыщен употреблением иноязычных философских терминов. О них мы слышим из уст Павла Петровича и Николая Петровича Кирсановых, Виктора Ситникова, Анны Одинцовой. Против употребления иноязычной лексики выступает Евгений Базаров. Рассмотрим речь Павла Кирсанова, который чаще других прибегает к использованию заимствованных слов.

Павел Петрович Кирсанов- дядя Аркадия Кирсанова, аристократ, придерживается либеральных взглядов, о чем говорит его внешний вид, поведение, манера общения. В споре с Базаровым, излагая свои взгляды на будущее России, Павел Петрович, предлагает брать пример с парламентской Англии, переняв у неё аристократию. На что Базаров отвечает ему: «– **Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы,** – говорил между тем Базаров, – *подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны*» [4]. Эти слова Базаров категорически отрицает, он отвергает не только сами понятия, но и то, что несут собой эти слова. Попробуем разобраться и мы в значении данных слов. Все они являются философскими или общественно-политическими терминами.

Слово **аристократизм** впервые встречается в Настольном словаре для справок по всем отраслям знания в 3-х томах под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова 1863-1864 гг. в значении «*система аристократии*» [2]. В Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке Попова 1904 г. **аристократизм** – «*совокупность особенностей, отличающих принадлежащих к вельможному родовитому сословию; теперь аристократизмом называют противоположность демократического, независимо от происхождения*» [3]. С течением времени значение менялось, и в Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах 1958-1965 гг. **аристократизм** – «*это свойственная аристократам манера поведения, проявляющаяся главным образом во внешней изысканности, надменности и т.п.*» [5].

Слово **либерализм** также впервые фиксируется в Настольном словаре для справок по всем отраслям знания в 3 томах под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова 1863-1864 гг. в значении «*политический образ мыслей, не связанный преданиями и существующими формами государственной жизни*» [2]. А в Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах 1958-1965 гг. **либерализм**- «*это политическое направление, отстаивающее свободу и права буржуазии в эпоху буржуазной революции и ставшее реакционным с установлением ее политического господства и с развитием революционной борьбы пролетариата*». [5] Слово **либерализм** прочно закрепилось в нашем языке, а партия либералов во главе с Жириновским сейчас играет большую роль в Государственной Думе.

Слово **прогресс** появилось в русском языке в Петровскую эпоху в значении «*успех*» (заимств. из нем. *Progreß*). Вторичное заимствование слова **прогресс** в значении «*поступательное движение вперед, улучшение в процессе развития*» было осуществлено из фр. *progrès* в том же значении. Впервые фиксируется в словаре Даля в значении «*умственное и нравственное движение вперед; сила образования и просвещения; взгляд и понятия или притязания на полную свободу*».

Слово **принцип** также пришло в русский язык в Петровскую эпоху в значении *главная исходная точка*. В словаре Даля **принцип** – «*научное или нравственное начало, основанье, правило, основа, от которой не отступают*».

Спор Базарова и Кирсанова продолжался: «– **Материализм, который вы проповедуете, был уже не раз в ходу и всегда оказывался несостоятельным...**– *Опять иностранное слово! – перебил Базаров!...*» [4].

Базаров проявляет свой нигилизм в довольно резкой форме, т.к. эти слова широко вошли в русский язык, став его принадлежностью.

Впервые слово **материализм** встречается в Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту, Н. Яновского в 3-х томах 1803-1806 гг. в значении «*мнение тех, кои не признают иного существа, кроме материи*». Ближе к этому его значение в Настольном словаре для справок по всем отраслям знания в 3 томах под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова 1863-

1864 г. – *материализм - «философская система, допускающая только одну субстанцию – материю, приписывающая порядок и строй мира случаю»* [2].

Большинство из рассмотренных нами слов закрепилось в русской терминологии и употребляется в настоящее время.

Литература

1. Голованевский А.Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка 19-го – начала 20-го века» – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.
2. Толь Ф.Г., Зотов В.Р. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» в 3-х томах. – СПб: Изд-во Ф.Г. Толля и др. , 1863-1866. – 3128 с.
3. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1904. – 458 с.
4. Тургенев И.С. Отцы и дети. Отцы и дети; Накануне: Романы. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 347 с.
5. Чернышев В.И. (ред.) Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах) Издательство Академии Наук СССР, 1950-1965.– 15000 с.

О.В. Кравец

(г. Таганрог, Россия)

Е. Хьюстон

(г. Сайренсестер, Великобритания)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ (на материале творчества Дж.Р.Р. Толкина)

Как известно, лексическое значение слова может быть связано с целым спектром ассоциативных (коннотативных) признаков [2, 5, 6: 54]. Английский языковед Ричардз говорит о том, что "когда мы используем метафору, мы имеем две мысли о двух разных вещах, действующих вместе и поддерживающихся одним словом или фразой, значение которых является результатом взаимодействия этих мыслей" [8: 36]. Произведения Дж. Р.Р. Толкина насыщены средствами выразительности и являются обширным материалом для анализа. Рассмотрим некоторые из примеров из романа «Хоббит или туда и обратно».

В начале пути все выглядит как безобидное путешествие, а опасность кажется пустяком, который где то далеко впереди. Поначалу все кажется довольно приятно в путешествии (At first they had passed through hobbit-lands, a wild respectable country inhabited by decent folk, with good roads, an inn or two, and now and then a dwarf or a farmer ambling by on business. Then they came to lands where people spoke strangely, and sang songs Bilbo had never heard before). Продвигаясь все дальше на восток, напряжение начинает расти. Природа, с красивых лугов и приятных мест (good roads, an inn or two, and now and then a dwarf or a farmer ambling by on business) меняется на пустырь (Now they had gone on far into the Lone-lands, where there were no people left, no inns, and the roads grew steadily worse. Not far ahead were dreary hills, rising higher and higher, dark with trees). Меняется не только пейзаж, но и настроение: On some of them were old castles with an evil look, as if they had been built by wicked people. *Everything seemed gloomy*, for the weather that day had taken a nasty turn. Практически резкая смена пейзажа настораживает читателя, заставляя проникнуться настроением главных героев.

Soon it was nearly dark. The wind broke up the grey clouds, and a wandering moon appeared above the hills between the flying rags. С наступлением сумерек погода улучшается. За этот период путешествия ничего страшного не происходит, и чувствуется небольшое послабление, т.е. *ветер разорвал тучи* (The wind broke up the grey clouds). Данная метафора дает понять, что ничего плохого ночью случиться не может. Идет «просветление» на небе, как будто ветер разогнал тяжкие мысли. В возрасте девятнадцати лет Толкин поехал в

Швейцарию со знакомыми своей семьи. Там он впервые увидел горы столь близко. Как позже говорили его дети, это произвело на него большое впечатление и, безусловно, оказало воздействие на его работы, ведь произведениях Толкина горам уделяется очень много внимания [7].

Подобравшись к горам они видят все их величие (...they saw that the great mountains had marched down very near to them). Здесь горы олицетворяют проблемы, с которыми им предстоит столкнуться в ближайшее время. В то же время, проблески света на склонах гор – это надежда на лучшее (...there were patches of sunlight on its brown sides, and behind its shoulders the tips of snow-peaks gleamed), а «*снежные пики*», то есть вершины гор, есть символ их успешной кампании.

Пребывая некоторое время у эльфов, все заботы уходят, у читателя возникает желание задержаться на этом моменте дольше (The next morning was a midsummer's morning as fair and fresh as could be dreamed: blue sky and never a cloud, and the sun dancing on the water). Безмятежный «*танец солнца на воде*» воодушевляет на продолжение пути, как путешественников, так и читателя [3: 58]. Эта глава является переломным моментом, когда из увлекательного путешествия, странствие становится серьезным, и опасным делом.

В начале главы “Over Hill and Under Hill” читателю в глаза сразу бросается контраст между местом, где путешественники были в предыдущей главе “Short Rest”. Теперь они становятся на опасную тропу, где впереди их подстерегают серьезные неприятности (But most of the paths were cheats and deceptions and led nowhere or to bad ends; and most of the passes were infested by evil things and dreadful dangers).

Сравнивая описание в начале их пути и после посещения Элронда, можно заметить, что опасность была стороной (the roads grew steadily worse, On some of them were old castles with an evil look...), то есть лежала не на их пути, а теперь ситуация изменилась на прямо противоположную (the passes were infested by evil things and dreadful dangers).

Возникая как результат целенаправленных и сознательных эстетических поисков, художественная метафора является одной из основных эстетических категорий. В целом следует отметить, что метафоризации подвергается лексика, характеризующаяся «портретностью», дескриптивностью.

Литература

1. Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. – Cambridge etc., 1979. – P. 19-45.
2. Davidson D. What metaphors mean // Crit. inquiry. – Chicago, 1987. – Vol 5. – P.31-47.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989 – 312 с.
4. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. – №4. – С. 17-33.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
6. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990 – С. 356-385.
7. Назин А.С. Представление метафор в русских переводах романа Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. – № 2. – С. 84-87.
8. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. – С. 44-67.

А.Е. Павленко, М.В. Скакленко
(г. Таганрог, Россия)

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО У. БАРНЗА В СВЕТЕ ИДЕЙ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА

Пуристические настроения возникают во всех культурах и во всех языковых сообществах на определенных этапах их развития. Примеры выражения подобных взглядов встречаются уже в шумерских клинописных памятниках [6: 31-32]. Языковой пуризм определяется как «...стремление очистить литературный язык от иноязычных

заимствований, разного рода новообразований, от элементов внелитературной речи (диалектизм, просторечия и др.)» [2: 247-248].

К факторам, способствующим развитию подобных настроений в обществе, относятся такие общественные процессы и события, как войны, революции, создание национальных государств и т. п., приводящие к глубоким сдвигам в языке – преимущественно в лексике. В Европе наиболее широкое распространение пуристические настроения получили в период становления национальных государств и формирования национальных культур, значительная часть которого пришлось на XIX вв. Культурное строительство той эпохи во многом было связано с идеями романтизма с его обращением к старине, «золотому веку» и т.п.

Особенности пуризма в Англии были обусловлены сложной социальной историей английского языка, нашедшей свое отражение, как известно, в полной перестройке всей его внутренней системы. Романские лексические заимствования и деривационные модели настолько прижились в английском языке, что воспринимались уже как исконные. Языковая и литературная традиции древнеанглийского периода прервались, в связи с чем уже в новоанглийский период пуристические замены [1: 38] на основе древнеанглийского материала, отторгались народной массой, поскольку воспринимались как искусственные.

Английская литература тяготела к языковому варианту, принятому при королевском дворе и среди знати, еще со времен Дж. Чосера, что и обусловило успешность в Англии элитарного пуризма [7: 81], который препятствовал проникновению в английскую литературную преднорму элементов других территориальных и социальных вариантов языка. После формирования лондонской литературной нормы авторитет языка королевского двора и знати сохранился, и эта норма осталась по своей природе элитарной, свободной от элементов других языковых вариантов.

Тем не менее, в противовес преобладающим в обществе тенденциям, пуристический подход к развитию английского языка в разные периоды отстаивали такие известные авторы, как Дж. Чик, Дж.М. Хопкинс, Ч. Диккенс, Т. Гарди, Дж. Оруэлл, и др. Особое место в этом ряду принадлежит У. Барнзу, английскому поэту и филологу викторианской эпохи, одному из идеологов английского пуризма, воплощавшему свои идеологические установки в собственном литературном творчестве.

Барнз пропагандировал использование исконных слов и создавал новые на основе древнеанглийской морфемки взамен общепринятой лексики иностранного происхождения (например, *bendsome* вместо *flexible*, *birdlore* вместо *ornithology*, *foreelders* вместо *ancestors*, *speechcraft* вместо *grammar*). Он выступал за «очищение» английского языка, считая необходимым его глубокое реформирование. Обоснование отказа от «латинизированного английского» содержится в таких трудах Барнса, как грамматика *Outline of English Speech-Craft* [4] и философский трактат *Outline of Rede-Craft (Logic) with English Wording* [5].

Бескомпромиссное отделение в языке всего «чистого» и заслуживающего одобрения от порицаемого «элегантного» [3] позволяло критикам называть У.Барнза «самым консервативным и последовательным пуристом XIX века» [1: 103].

Барнз реализовал свои пуристические воззрения в собственной поэзии, составившей сборник *Poems of Rural Life in the Dorset Dialect*, изданный в 1847 г. в Лондоне. Радикализм Барнза как пуриста заключался в том, что в своем поэтическом творчестве он полностью отказался от использования литературного языка, предпочитая ему родной дорсетский диалект как образец подлинно английской речи. Поэт считал его непосредственным преемником уэссекского диалекта и лучшей основой для воссоздания исконного английского языка.

Стремление этого автора полностью искоренить в английском языке лексику романского происхождения и последовательное использование им с этой целью исконного материала позволяет определить направление пуризма, в котором он работал, как ксенофобный пуризм [5: 81]. Обращение к диалектизмам и архаизмам придавали его пуристической деятельности этнический и архаизирующий характер.

Пуристические идеи Барнза противоречили преобладающим тенденциям языкового развития, а его опыты по «очищению» языка оставались не более чем любопытным экспериментом, результатам которого не суждено было воплотиться в жизнь. Взгляды Барнза на родной язык, отражавшие идеалы эпохи Романтизма, были утопическими и шли вразрез с потребностями английского общества эпохи промышленной революции.

Литература

1. Геерс М.Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тверь, 2002. – 299 с.
2. Скворцов Л.И. Культура речи //Лингвистический энциклопедический словарь, под ред. В.Н. Ярцевой, М.: Советская энциклопедия. – 1990. – С.247-248.
3. Barnes W. Poems of Rural Life in the Dorset Dialect. London: John Russell Smith, 1847. – viii, 411p.
4. Barnes W. An Outline of English Speech-craft. London: Kegan Paul, 1878. – 92 p.
5. Barnes W. An Outline of Rede-craft (Logic): with English Wording. London: Kegan Paul, 1880. – viii, 56 p.
6. Daniels H.A., Famous Last Words: The American Language Crisis Reconsidered. Carbondale: Southern Illinois .P. – 1983. – 295 p.
7. Thomas G. Linguistic Purism. N.Y: Longman. – 1991. – 250 p.

О.В. Тихонова
(г. Воронеж, Россия)

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ И СПЕЦИФИКА АВТОРСКИХ РЕМАРОК В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на примере драмы Ф. Шиллера «Разбойники»)

Структура драматического произведения связана со специфическими чертами драмы как рода литературы. Ядром классической модели драмы становится *действие*, движимое противоречиями, столкновениями идей, положений, мнений, характеров или ситуаций, представленное, прежде всего, через систему персонажей. Авторская интенция, таким образом, выражена здесь не прямо (в авторском тексте), а посредством слов, поступков героев, их непосредственных реакций, разного типа контактов со зрителем/читателем. Логично, что важнейшие структурные компоненты драмы – элементы драматической композиции (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка и финал) и соответствующие единицы поэтапного развития действия (акты, действия, явления, сцены), речевые конструкции (монолог-диалог), ремарки автора – служат цели донесения авторской мысли до читателя (зрителя), наиболее адекватного воплощения идейного содержания. Развитие драматического творчества Ф. Шиллера свидетельствует о крупных сдвигах не только в немецкой, но и в целом в европейской драме. В своей ранней, штурмерской драме «Разбойники» Шиллер выступает новатором во многих сферах. Для анализа мы выбрали 2 характерных, контрастных эпизода из названной драмы – сцены из первого и пятого, заключительного, действий. Эти эпизоды имеют важный смысл (завязка ↔ развязка важных уровней конфликта), демонстрируют антагонистические позиции героев, рисуют их основные характеристики, задают главные темы, проблемы, мотивы всего произведения и пути их решения.

В первом эпизоде (2 сцена I действия) мы наблюдаем за процессом возникновения идеи организации шайки разбойников, за столкновением интересов главных участников будущего «союза» (Шпигельберг, Карл, Роллер, Шварц, Швейцер). В V действии представлена развязка конфликта и заключение по теме «разбойничества» (разрыв с разбойниками, самосуд Карла и расплата). В первой сцене Карл присоединяется к компании будущих разбойников, провозглашающих его атаманом, в последней – оставляет их, проклиная его предательство. В начале он освобождается от пут родства, «закона», чести, «нравственности» и осознанно идёт по пути «беззакония» и насилия, в «бездну». В

финале Карл пытается освободиться от пут «преступления», «греха», «крови» и «смерти», вновь обрести «душу» и «гармонию». От стремления отомстить родным и всему миру он приходит к мысли об искуплении и прощении. «Центром» сцены является образ Карла Моора, смятение и трагическая раздвоенность которого становятся «почвой» для принятия решения порвать все родственные и моральные узы и встать во главе шайки. Шиллер в мельчайших подробностях, психологически точно прослеживает все этапы и детали процесса углубления внутреннего конфликта героя, вызревания решения и его последствий. Оппонентом Карла выступает Шпигельберг, проводящий свою философию и пытающийся взять власть в свои руки. Между этими двумя лидерами, двумя «полюсами» действия в сцене и в диспуте о свободе и преступлении – остальные друзья, те, кто подчинится их воле.

Вся гамма контрастных эмоций, чувств, стремлений предстаёт в рассуждениях Карла, в монологах, которые диссонируют с монологами Шпигельберга и диалогическими конструкциями. Первая сцена построена уникальным образом в плане речевой стратегии: монологи Карла, эмоциональные, надрывные, патетические, экзистенциального содержания, пронизанные ключевыми для всей пьесы темами и мотивами (свободы, тирании, разрушенного миропорядка, мысли и души, преступления, милосердия и любви, смерти и рока), обращённые или «в себя», или «в зал» (особенно после получения письма), прерываются довольно короткими, решительными, даже грубыми репликами его сподвижников. «Линия Карла» в этой сцене не только находится в оппозиции «линии Шпигельберга», но и в контрасте с «линией разбойников». Карл, занятый своими переживаниями, не слышит их, а они безуспешно пытаются побудить его к действию («Послушай, Моор!», «Выслушай же нас!», «Пойдем с нами!», «Ты будешь нашим атаманом!», «Ты должен быть нашим атаманом!») [1: 218]. В момент наивысшего отчаяния Карла и сформировавшегося решения «нанести жгучую рану людскому племени», «раздавить, растерзать его» [1: 218-219], две «линии» речевого потока сцены «пересекаются», Карл наконец слышит своих друзей и подхватывает их мысль как ответ на своё решение («Да, мы должны это сделать!»). И далее полифоническое звучание всех «линий» / «тем» приводит к «коде» в финале сцены: «Итак, в путь! Не страшась ни смерти, ни опасностей! Ведь нами правит неумолимый рок: каждого настигнет конец...» [1: 220]. В этой сцене авторские ремарки выполняют несколько функций. Одни передают душевное состояние Карла, выстраивая целую гамму эмоциональных деталей, другие, по традиции, отмечают действия героя. Причём, их расположение в сцене отражает динамику драматического действия – по степени нагнетения напряжения: «бросает шпагу на стол и встает», «топает ногой», «дико смотрит на него», «хохочет во всё горло», «входит в сильном волнении и мечется по комнате, разговаривая сам с собою», «порывается бежать» [1: 208-209, 213, 218]. Порывистость, эмоциональность, аффектированность героя подчёркиваются и в оценках его друзей («ты от бешенства ничего не слышишь»), и соотносится с поведением Шпигельберга, друга Карла, соперника, а затем и врага. Все ремарки и высказывания героев имеют цель акцентировать не просто детали и поступки, но *характеры*, а вместе с ними – идеи, зафиксированные в них.

Во втором фрагменте, рисующем финал разбойничества Карла, монологические конструкции, выражающие позиции, мысли и чувства героя, контрастируют также с лаконичными, отрывистыми репликами разбойников. И здесь уже нет единства вообще; в речах Карла мотив расплаты доминирует, а в репликах его бывших соратников с каждой фразой нарастает недовольство, возникают и усиливаются мотивы «малодушия», раскола. Он говорит о «жертве», «правосудии», умиротворении, они видят безумие, позёрство, предательство. В нескольких (малочисленных) ремарках, связанных только с речами Карла, доминирует настроение разочарования, но и мрачной решимости. Их формальное расположение в определённой последовательности и соотношение с фразами в речи самого героя показательно: («с горьким смехом») «...Да, за это надо платить!»; («с презрением швыряет оружие к их ногам») «Я сам отдамся в руки правосудия!»; («после короткого

раздумья») «...Тысяча луидоров обещана тому, кто живым доставит знаменитого разбойника...» [1: 310-311].

Особо стоит отметить динамику наименования персонажей в обеих сценах. В первом случае главный герой обозначен автором как «Карл Моор» или «Моор», его сподвижники тоже названы по именам. Но вслед за монологом, в котором Карл решает определить свою судьбу и связывает её с судьбами членов шайки, номинации меняются – теперь разные голоса состоявшихся разбойников, ставших бандой, сливаются воедино и обозначаются как «все» (коллективный статус). С этого момента и Карл обозначен как «разбойник Моор» (курсив наш – О.Т.), а его сподвижники – по именам, но чаще как «разбойники». Тем самым акцентируется не только главная тема драмы, но конфликтная линия (личность ↔ масса). При этом принадлежность Карла преступному сообществу – это не просто факт сюжета, но и проблемный аспект идейного содержания.

Литература

1. Шиллер Ф. Разбойники // Шиллер Ф. Избранное. В 2-х томах. – Т.1. – Самара: Изд-во «АВС», 1997. – С.310-311.

Е.С. Федорченко
(г. Таганрог, Россия)

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. К. ТОЛСТОГО

Данная статья посвящена анализу грамматических архаизмов, представленных в произведениях А. К. Толстого. Подобные слова, из-за своего выпадения из современной системы языка, в основном выполняют в литературе стилизующую функцию, т. к. они обычно стилистически маркированы как книжные, высокие или просторечные [1: 77]. В произведениях А. К. Толстого грамматические архаизмы придают торжественную окраску художественному тексту. Рассмотрим группы этих слов.

Среди грамматических архаизмов-существительных выделяются слова женского и мужского рода с устаревшими окончаниями *-ою, -ею* вместо нормативного *-ой, -ей* в творительном падеже: *убойцею, булавою* («Князь Серебряный»). В своем творчестве А. К. Толстой использует для создания торжественности устаревшие в настоящее время формы существительных среднего рода *плеча* и *колена*, они являются исконными и характерны для старославянского языка.

В группе грамматических архаизмов-прилагательных представлены слова с устаревшими окончаниями *-ых, -ым*: *удалых, торговым* («Правда»). Чаще всего подобные слова встречаются в драматических произведениях А. К. Толстого, в которых фигурирует стихотворная возвышенная речь. Архаичная форма имени прилагательного представлена в драматическом произведении «Царь Борис». Здесь прилагательное женского рода единственного числа имеет церковнославянскую флексию *-ья* (в современном русском языке окончание *-ой*) в родительном падеже: *полночья*.

Небольшую часть грамматических архаизмов, придающих оттенок торжественности, представляют местоимения. В рассмотренных нами произведениях мы находим, например, личное местоимение *аз* первого лица единственного числа, указательное местоимение мужского рода *оний*, указательное местоимение *се*, относительное местоимение *иже*. В текстах часто встречаются усеченные формы личных местоимений, которые употреблены в косвенных падежах. Так в произведении А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» употребляется усеченная форма личного местоимения *тебя – тя*, которое в старославянском языке являлось формой родительного и винительного падежей личного местоимения *ты* [6: 208].

Большую роль в выражении торжественного настроения в творчестве А. К. Толстого играют устаревшие формы глаголов. Здесь выделяются архаичные формы инфинитива, формы простого аориста, имперфекта и перфекта.

В произведениях А. К. Толстого встречаются формы инфинитива с вышедшей из употребления флексией –ти на месте современного –ть: *прясти* («Ой, честь ли то молодцу прясти?»). Представлены формы простого аориста. Во втором лице единственного числа такие глаголы имели окончание –е: *рече* («Князь Серебряный»). Имперфект представлен формой *лях* (совр. *лил*) первого лица единственного числа мужского рода. Встречается устаревшая сложная форма прошедшего времени – перфект. Перфект представлен формой *погубил еси* (погубил) второго лица единственного числа мужского рода.

Итак, грамматические архаизмы, как средство создания особой возвышенной выразительности, широко распространены в стихотворениях и балладах А. К. Толстого, главными героями которых были русские князья и богатыри («Поток-богатырь», «Алеша Попович», «Садко»). Автор в своих произведениях, в особенности в балладах, старался передать оттенки речи персонажей, живших во времена Древней Руси, истории жизни русских богатырей и князей были описаны автором с особенной торжественностью, в силу своей важности для всего русского народа («Поток-богатырь», «Алеша Попович», «Садко»).

Литература

1. Розенталь Д.Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык, – М.: Айрис-Пресс, 2002. – С. 77.
2. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах (1963-1964). Том 1. Стихотворения. Литературно-художественное издание. – М.: Издательство художественной литературы, 1963. – 800 с.
3. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах (1969). Том 2. Литературно-художественное издание. – М.: Правда, 1969. – 528 с.
4. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах (1963-1964). Том 3. Художественная проза; Статьи. Литературно-художественное издание. – М.: Издательство художественной литературы, 1964. – 600 с.
5. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах (1969). Том 4. Литературно-художественное издание. – М.: Правда, 1969. – 416 с.
6. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та. – М.: Просвещение, 1974. – С. 208.

И.Г. Шпилева
(г. Таганрог, Россия)

ДИАЛЕКТНАЯ РЕЧЬ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГЕТЕРОГЛОССИИ М.М. БАХТИНА

Классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века Чарльз Диккенс, творчество которого относят к вершинам реализма, достиг особого мастерства в речевой характеристике своих героев. В частности, Диккенс широко использует с этой целью диалектизмы и элементы просторечия, что позволяет ему «оживить» образы «людей из народа» и сделать каждый из них уникальным.

В изучении наследия Ч. Диккенса давно выделилось направление исследований, рассматривающее диалектизмы, которые автор включал в речь своих героев. Так, Дж.Л. Брук, описывая стиль Диккенса, останавливается на диалектизмах, которые использовал английский классик. Исследователь дает подробное описание диалектных черт в речи героев, указывая с какой целью каждая из них была использована. Он отмечает, что помимо социальных диалектов Диккенс использует диалекты территориальные, с целью подчеркнуть местный колорит [3: 33].

Зачастую территориальный диалект одновременно выступает и как социальный, как это происходит, например, с кокни в романе «Посмертные Записки Пиквикского клуба».

К важнейшим особенностям диккенсовской прозы можно отнести многочисленные примеры гетероглоссии – принципа множественности диалектов и речевых стилей – описанного русским культурологом М. М. Бахтиным. В этой связи Я.Н. Еремеев указывает, что Бахтин по праву считается одним из первых и наиболее значимых исследователей, использовавших социально-исторический подход к языку, а введенные им в научный обиход понятия позволили ему и его последователям приблизиться к пониманию реальных процессов в исторических взаимоотношениях общества и языка [2: 85].

Бахтин относил к проявлениям гетероглоссии не только лексические, фонетические и грамматические различия в речи разных социальных групп, но и соответствующие особенности социокультурного и идеологического контекста романа. По мнению М.М. Бахтина, гетероглоссия – это проявление внутренних и внешних лингвистических различий, стратификация языка на социальные диалекты, профессиональные жаргоны, языки, которые служат специфическим социополитическим целям дня и даже часа [1: 51].

Будучи тонким знатоком народной речи, Ч. Диккенс умело использует просторечие и диалект, создавая портрет того или иного героя. Примером использования подобной техники является речь простого лондонца Сэма Уэллера в романе «Посмертные Записки Пиквикского клуба». «Неправильная» речь слуги контрастирует с речью его хозяина, мистера Пиквика, которая является образцом литературной нормы с элементами архаичного стиля. В речи Сэма Уэллера прослеживается диалект кокни, доказательством чему является частый пропуск согласных, например, «'ere» (вместо here), гласных «'tain't» (вместо it isn't) или целых слогов «'sept» (вместо excerpt), замена «v» на «w» в словах «invariable» и «wery». Противопоставление литературной нормы и диалектной речи, столкновение различных стилей дают ярко выраженный художественный эффект.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия. 1979.–320 с.
2. Еремеев Я.Н. О некоторых особенностях влияния языка и языковой политики на развитие Британского общества в XIX – в начале XX вв. // Язык, коммуникация и социальная среда – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. – С. 84-96.
3. Brook G.L. The language of Dickens. L.: Deutsch, 1970. – 269 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

О.А. Антанькова, Е.А. Сафронова
(г. Горки, Беларусь)

УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ СПЕЦИФИКИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ ТУРКМЕНИСТАНА И КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Преподаватели-практики прекрасно знают, насколько отличаются национальные модели поведения студентов, приехавших из разных стран. В организации обучения русскому языку как иностранному студентов из Туркменистана и Китая учет национальных особенностей характера и культурно обусловленной специфики поведения играет важную роль.

Характеризуя представителей молодого поколения Туркменистана, следует отметить, что это социализированная молодежь, которая воспитана в условиях национальных традиций

под влиянием мусульманской религии. Кроме того, каждый студент имеет свои специфические особенности: этнические, национально-психологические, личностные и т.д. Среди них встречаются достаточно ленивые, порой психологически и эмоционально неустойчивые люди. Данные негативные качества проявляются в нежелании учиться, работать. Туркмены любят развлечения, азартные игры, склонны заниматься болтовней. В учебной деятельности не проявляют усердия, поэтому при выполнении заданий над ними должен осуществляться постоянный контроль.

Молодые люди склонны преувеличивать уровень и качество своих знаний по русскому языку, ссылаясь на образование, полученное в русскоязычных школах Туркменистана, однако следует отметить, что и хорошо говорящие по-русски туркменские студенты редко имеют представление о русском языке как системе.

Для работы с туркменскими студентами подойдет демократический стиль педагогического общения, но преподаватель русского языка как иностранного должен уметь использовать в качестве временной меры приемы, характерные для авторитарного стиля. Например, студент отлынивает от занятий, не готовится к урокам, авторитарные приемы в таких ситуациях призваны повернуть учащегося в нужное русло. И в то же время необходимо помнить: любой нажим на него при создании неестественной ситуации может свести на нет продуктивность общения.

У туркменских студентов возникают трудности в понимании русской речи из-за частого употребления русскими студентами жаргонизмов и сленга. Препятствием для общения также является различие в построении слов в предложении, наличие грамматических категорий рода и падежей. Например, в туркменском, как и большинстве иностранных языков, не существует грамматических категорий рода, поэтому даже при начальном овладении русской лексикой довольно трудно правильно сочетать слова в предложении. На основе этого и возникает языковой барьер. Также вхождению туркменских студентов в социокультурную среду препятствует разделение студентов по национальным группам внутри вуза. Деление групп по национальному признаку не позволяет полноценно вступать в коммуникативные отношения с белорусскими студентами. Туркменские студенты не имеют возможности часто слышать и воспринимать правильную речь русскоговорящих студентов на практических занятиях и семинарах. Такая разобщенность приводит не только к непониманию друг друга, но и к отсутствию доброжелательности с обеих сторон.

В организации обучения русскому языку как иностранному студентов из Китая преподавателю русского языка как иностранного необходимо максимально использовать графическую, предметную, художественно-изобразительную наглядность, поскольку объекты, явления, которые китайцы не могут вообразить, они с трудом понимают. У китайцев развита способность к целостному восприятию информации. Они «живут правилами», инструкциями, активно используют аналогии, прекрасно классифицируют и систематизируют. А вот понимание абстрактных понятий, требующее владения приемами логики, умения анализировать и устанавливать причинно-следственные связи не всегда доступно китайским студентам, особенно на начальном этапе обучения.

Также они способны к кропотливому, монотонному труду, обычно красиво пишут, склонны к литературным или историческим ассоциациям, любят ребусы и загадки. Учащиеся из Китая привыкли к запоминанию большого количества материала и его воспроизведению, без анализа и выражения собственного мнения; к семантизации через перевод и толкование; к введению нового материала — от общего положения к частному; к использованию большого количества тренировочных упражнений, вопросно-ответных заданий, схем; к систематическому жесткому контролю.

Учебно-педагогическое общение на занятиях в Китае основано на четырех принципах: 1) эмоциональная сдержанность, 2) соблюдение иерархии (нерушимый авторитет преподавателя), 3) «сохранение лица» учащегося, 4) самостоятельность учащихся. Учебные действия по развитию коммуникативных умений, навыков говорения и восприятия речи на

слух оказываются сложными и проблемными для большинства китайских студентов. Студенты тщательно обдумывают каждое свое слово, прежде чем ответить.

Для них непривычно спорить с преподавателем «на равных», возражать ему, отстаивать свою точку зрения, пытаться решить какую-либо проблему вместе. Известно, что образование в Китае связано с образом авторитарного преподавателя, поэтому китайские учащиеся с трудом привыкают к дружелюбному, демократическому стилю общения белорусских преподавателей. Постепенно в процессе освоения китайскими учащимися русского языка происходит переориентация с привычных познавательных стратегий на новые, принятые в европейской образовательной среде

Из практики известно, что многие преподаватели предпочитают работать с определенным контингентом. Возможно, их личные особенности позволяют им легче адаптироваться к представителям этой культуры и легче принять данную манеру поведения.

Т.Ю. Батунина
(г. Таганрог, Россия)

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКА

Формирование коммуникативной компетенции современного школьника – одно из важнейших требований ФГОС. В современной лингвометодике отмечается, что среди результатов освоения образовательных программ важное место занимает целенаправленное обогащение лексико-грамматического строя речи школьников, обучение их восприятию чужой речи, построению собственных высказываний в соответствии с нормами русского языка.[1: 50].

А.Г. Нарушевич, выделяет следующие задачи речевого развития учащихся.

1. Усвоение норм современного русского литературного языка, формирование умения отличать факты литературного языка от просторечия, диалектов, жаргонов.
2. Овладение правилами чтения и письма с опорой на единицы различных ярусов языковой системы.
3. Совершенствования коммуникативных умений: умения строить монологические и диалогические высказывания, умения аргументировать собственную позицию с учетом мнения собеседника [2: 123].

Как известно, важнейшими инструментами и продуктами нашего мышления являются такие формы речевой деятельности, как чтение и письмо [3: 60]. В процессе чтения учащиеся анализируют, сравнивают, сопоставляют новое с уже известным. Используя приемы активного чтения, ученики формулируют вопросы и ищут на них ответы. Письмо – важнейший инструмент для выражения и оформления мыслей. Рефлексивное письмо подразумевает отражение на бумаге активного процесса восприятия информации: учащийся фиксирует не поток информации, а те идеи, которые он так или иначе выделил для себя. Таким образом, формирование речевой культуры школьника должно опираться на систему активных упражнений и тренинговых заданий.

Как нам представляется, в решении задачи формирования лингвистической компетенции школьников немаловажную роль играет нестандартный подход к содержанию и организации изучения русского языка. Именно нестандартность работы стимулирует познавательную активность, пробуждает эмоции – удивление перед необычным и нередко радостное чувство в процессе деятельности. В этой связи следует обратить внимание на такую форму работы, как нестандартные лингвистические задания.

Что же такое нестандартное задание? Главный отличительный признак нестандартных заданий – их связь с деятельностью, которую в психологии называют

продуктивной, творческой. Называются также другие признаки: 1) самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи (выбор одного из предложенных вариантов или нахождение собственного варианта и обоснование решения); 2) необычные условия работы; 3) активное воспроизведение ранее полученных знаний в незнакомых условиях [4: 8]. Обычно нестандартные задания представляют собой проблемные ситуации, т.е. ситуации, вызывающие у обучающихся затруднение, путь преодоления которого следует искать творчески. Затруднения в заданиях, включающих проблемные ситуации, обычно связаны с противоречием, несогласованностью во внутренней структуре задания или в системных связях этой структуры с другими явлениями языка.

По характеру деятельности обучающегося среди нестандартных заданий выделяются учебно-поисковые и творческие задания. Учебно-поисковые задания рассчитаны на «открытие» обучающимися уже познанного, открытого в науке [5: 62].

Так, взаимосвязь синонимии и антонимии можно продемонстрировать при помощи следующей задачи: *Дано четыре слова А, В, С и D. Известно, что А и В – синонимы, А и С – антонимы, В и D – антонимы. В каких отношениях находятся слова С и D? Проиллюстрируйте задачу примерами.*

Среди учебно-поисковых заданий можно выделить опознавательные, предполагающие узнавание языковых явлений и их признаков, и объяснительные, рассчитанные на объяснение языковых явлений, приведение доказательств в ответе.

Этимологические словари указывают, что ближайшим родственником слова «обои» является глагол «обивать». Как можно объяснить эту связь?

Творческие задания ценны уже тем, что они побуждают школьников к созданию связного текста, а самое главное – дают простор фантазии, позволяют реализовать свой творческий потенциал.

Попробуйте написать рассказ или сказку, используя одну из приведенных пар слов: 1) спичка – талант; 2) кастрюля – молодость; 3) звезда – бульдозер; 4) будильник – море; 5) пуговица – радуга.

Таким образом, выполнение нестандартных лингвистических заданий расширяет лингвистический кругозор учащихся и способствует формированию коммуникативных качеств личности, необходимых для будущей полноценной профессиональной деятельности.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь: Избранные психологические исследования.– М.: Просвещение, 1998.– 352 с.
2. Нарушевич А.Г. Организация проектной деятельности школьников как способ достижения метапредметных результатов освоения образовательных программ // Языковая личность. Речевые жанры. Текст. Материалы Всероссийской молодежной конференции. Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова; Ответственный редактор И. В. Голубева. Таганрог, 2014. – С. 123-128.
3. Нарушевич А.Г. Формирование коммуникативной компетенции школьников в процессе подготовки к итоговому сочинению в 11 классе. // Языковая личность. Речевые жанры. Текст. Материалы Всероссийской молодежной конференции. Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова; Ответственный редактор И. В. Голубева. Таганрог, 2014.– С. 59-64.
4. Нарушевич А.Г. Размышляем над лексическим значением слова (сочинение на ОГЭ по русскому языку) // Русский язык в школе. 2015. № 6.– С. 7-10.
5. Нарушевич А.Г. О новой электронной образовательной программе «современный русский литературный язык» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7-2 (7). – С. 61-62.
6. Нарушевич А.Г. Комментарий к проблеме в сочинении на ЕГЭ по русскому языку // Русский язык в школе // 2017. № 4.– С. 12-17.

М.О. Белан, О.В. Кравченко
(г. Таганрог, Россия)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

Часто используемое в повседневной жизни понятие аутентичности очень сильно зависит от контекста, кардинально меняя свое значение. Что стоит за понятием аутентичности? В древнегреческом языке αὐθεντικός означало – подлинный, оригинальный, правдоподобный. Разветвление дефиниций данного понятия объясняется тем, что было заимствовано одновременно разными научными направлениями.

Психология понимает аутентичность как целостность, как свойство личности, как способность осознания собственных чувств и переживаний. Историки и археологи используют понятие аутентичности для характеристики реликтов, артефактов, исторических документов, при определении их подлинности. Искусствоведы – для того, чтобы подчеркнуть соответствие действительного содержания определенного контента. В юриспруденции понятие аутентичности используется для защиты права создателя на культурный продукт.

Понятие аутентичности используется также в лингвистике и лингводидактике в качестве характеристики материалов, посредством которых происходит обучение языку. Понятию «аутентичность» в методике обучения языкам стали уделять больше внимания с тех пор, как стал вопрос о компетентностном характере обучения. Для достижения основной цели обучения иностранному языку – формированию коммуникативной компетенции – необходимо подбирать материалы, максимально отражающие лингвокультурные особенности страны изучаемого языка. К таким материалам можно отнести языковые документы, а также предметы быта и реалии, которые появляются в социальной сфере для реализации коммуникативно-бытовых потребностей.

Зарубежные исследователи, в частности, J. Harmer [1: 63] к аутентичным относят тексты, которые не были изначально приспособлены для учебных целей, тексты, написанные для носителей языка носителями этого языка.

Отечественные методисты, в частности, К.С. Кричевская, расширяя понятие аутентичных материалов, относит к ним литературные, фольклорные, изобразительные произведения, предметы реальной действительности, например: одежду, мебель, посуду и их иллюстративные изображения. Иными словами все то, что может быть иллюстрацией жизни другой культуры в процессе обучения иностранному языку и в целях придания этому процессу ситуативно-окрашенный характер [2: 47].

Придерживаясь данного мнения, К.С. Кричевская классифицирует аутентичные материалы в зависимости от их употребления в учебно-профессиональной, социально-культурной, семейно-бытовой, торгово-коммерческой и спортивно-оздоровительной областях. Данная классификация демонстрирует, что все результаты передачи социального опыта могут быть использованы в качестве аутентичного материала [2: 47].

Вопросами аутентичности материалов, используемых в учебном процессе занимались также Р.П. Мильруд и Е.В. Носонович [3: 9]. Иллюстрируя данную категорию материалов, они относят к ним личные письма, анекдоты, статьи, отрывки из дневников подростков, рекламу, кулинарные рецепты, сказки, интервью, научно-популярные и страноведческие тексты, подчеркивая важность сохранения аутентичности жанра и то, что жанрово-композиционное разнообразие позволяет познакомить учащихся с речевыми клише, фразеологией, лексикой, связанными с самыми различными сферами жизни и принадлежащими к различным стилям.

Авторами особо подчеркивается, что аутентичность учебного материала – относительное свойство, зависящее от целого ряда факторов: условий, в которых он применяется; индивидуальных особенностей учащихся; целей преподавателя и пр.

Анализируя применение аутентичных, неадаптированных текстов, предназначенных для носителей языка в учебном процессе, Р.П. Мильруд [3:12] выделяет следующие содержательные аспекты аутентичности:

1. Аутентичность учебных заданий к текстам – задания должны стимулировать взаимодействие с текстом, должны быть основаны на операциях, которые совершаются во внеучебное время при работе с источниками информации.

2. Аутентичность оформления, что привлекает внимание учащихся и облегчает понимание коммуникативной задачи текста, установление его связей с реальностью.

3. Реактивная аутентичность – при разработке учебного текста ему нужно придавать способность вызывать у обучаемых аутентичный эмоциональный, мыслительный и речевой отклик.

4. Ситуативная аутентичность предполагает естественность ситуации, предлагаемой в качестве учебной иллюстрации, интерес носителей языка к заявленной теме, естественность ее обсуждения.

5. Информативная аутентичность – использование текстов, несущих значимую для обучаемых информацию, соответствующую их возрастным особенностям и интересам.

6. Культурологическая аутентичность – использование текстов, формирующих представление о специфике другой культуры, особенностях быта, о привычках носителей языка.

7. Аутентичность национальной ментальности – разъясняющая уместность или неуместность использования той или иной фразы.

Нельзя не отметить выделение тем же автором ряда недостатков, которые возникают в процессе использования аутентичных материалов, прежде всего это языковые трудности, а также необходимость тщательной предварительной работы по анализу аутентичного материала, планируемого для использования в процессе обучения.

Вследствие этого необходимо обозначить те минимальные требования, предъявляемые к аутентичным материалам, соблюдение которых позволит обеспечить методически грамотную работу с ними на уроке иностранного языка. Прежде всего это соответствие возрасту, речевому опыту и уровню обученности учащихся, наличие новой, ценной в познавательном плане информации, естественность ситуации, персонажей и обстоятельств, воспитательная ценность [3: 12].

Подобранные в соответствии с перечисленными требованиями аутентичные материалы смогут повлиять на формирование фоновых знаний у участников образовательного процесса, то есть тех знаний, которыми располагают участники коммуникации к моменту общения. Естественно, что при овладении иностранным языком как средством межкультурной коммуникации обучаемым необходимо овладевать не только языковыми средствами, но и фоновыми знаниями представителей изучаемых лингвокультурных сообществ. Владение фоновыми знаниями обеспечивает успешность общения. Таким образом, успешность коммуникативного процесса на уроках иностранного языка напрямую зависит от качественно отобранного аутентичного материала и организации методически грамотной работы с ними.

Литература

1. Harmer J. How to teach English. An introduction to the practice of English language teaching. Edinburg.: Gate Longman, 2000. – 198 p.
2. Кричевская К. С. Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 1996. №1.– С. 47.
3. Мильруд Р.П., Носонович Е.В. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // ИЯШ. 1999. №2. – С. 8-12.

Е.Н. Бэтова
(г. Могилев, Беларусь)

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Дисциплина «Иностранный язык» является обязательной для всех неязыковых вузов и входит в цикл общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Следует отметить тот факт, что общее количество часов, отводимое на курс обучения иностранному языку на неязыковых специальностях, составляет 150 аудиторных занятий и 158 часов выделяется на самостоятельную работу. Таким образом, самостоятельная работа студентов становится важной и неотъемлемой составляющей учебного процесса.

Традиционно выделяют три уровня сложности самостоятельной работы в обучении иностранным языкам:

1) Репродуктивный уровень или тренировочный – так называемый, базисный уровень, на котором закладываются основы для работы на всех последующих уровнях, а именно, знакомство, усвоение и отработка нового материала, в результате чего формируется устойчивая лексико-грамматическая база, создается алгоритм действий.

2) Реконструктивный уровень (полутворческий) – предполагает перенос приобретенных знаний, умений и навыков на ситуации аналогичные тем, с которыми студенты уже сталкивались. Например, акт коммуникации в условиях ситуации, которую студенты прорабатывали ранее, а именно на известном лексическом и грамматическом материале, с известными моделями речевого поведения.

3) Творческий уровень — это уровень формирования и развития творческих способностей студентов и их самостоятельности [1: 641]. Студенты поставлены в условия, когда им необходимо работать самостоятельно, использовать учебный материал для выражения своих мыслей, а также применять нестандартные подходы для решения поставленных перед ними задач.

В статье рассмотрим примеры разноуровневых заданий, которые можно использовать для самостоятельной работы студентов неязыковых специальностей в рамках изучения темы “Великобритания”.

На репродуктивном уровне:

A. Match the parts. Mind the pronunciation of the geographical names.

1. The Thames	a. is the capital of Northern Ireland.
2. Edinburgh	b. is the largest lake in the UK.
3. The English Channel	c. is the highest mountain in the UK.
4. Cardiff	d. is the capital of Scotland.
5. Ben Nevis	e. separates the UK from the European continent.
6. London	f. is the most important river in the UK.
7. Lough Neagh	g. is the capital of the UK and England.
8. Belfast	h. is the capital of Wales.

B. Read the definitions and guess the words.

tartan, haggis, rugby, kilt, pub, heather

- 1) a dish from Scotland consisting of different sheep's organs cut up with onions and spices and cooked inside a sheep's stomach.
- 2) a low, spreading bush with small pink, purple, or white flowers, that grows wild, especially on hills.
- 3) a team game played with an oval ball.
- 4) a place in Britain and Ireland where beer and other drinks can be bought and drunk and where

food is often available.

- 5) a woolen cloth woven in one of several patterns of plaid, esp. of a design associated with a particular Scottish clan.
- 6) a knee-length skirt of pleated tartan cloth, traditionally worn by men as part of Scottish Highland dress.

На реконструктивном уровне:

Summarize the information about England, Scotland, Wales, and Northern Ireland and complete the sentences.

- 1) England (Scotland / Wales / Northern Ireland) is located in _____.
- 2) It has an area of _____ sq.km. It's the largest (the second / third / fourth largest) country of the UK with the population of _____ mln.
- 3) The capital city is _____.
- 4) The country's longest river is _____. Its largest lake is _____.
- 5) The national emblem is _____.
- 6) The national flag is _____.

На творческом уровне:

Situations for discussion:

1. You are going to the United Kingdom for the first time. What part of the country would you like to visit? Why is it worth seeing? Explain your choice.
2. What do you think of the geographical position of Great Britain? Discuss its advantages and disadvantages.
3. What two parts is the island of Ireland politically divided into? What do you know about them? When and why were the British soldiers sent to Northern Ireland? Does the conflict still exist?
4. Some people think that the monarchy should be abolished because it has no power and it costs the state a lot of money to maintain. How useful do you think the monarchy is in Britain today?
5. There are 900 museums and art galleries in Britain. What are the most famous and important? What role can museums and galleries play in upbringing of children? What should parents (teachers) do to inculcate children's love for their country's language, customs and traditions?
6. What historical and geographical circumstances have made London one of the world's most important commercial and cultural cities? Why is London a city of great variety?

Правильно организованная самостоятельная работа способствует повышению качества обучения иностранному языку, созданию потребности заниматься иностранным языком. При этом студенты приобретают умения и навыки практического владения языком, что в дальнейшем дает возможность самостоятельно работать со специальной литературой.

Литература

1. Кудряшова А.В., Горбатова Т.Н. Эффективность развития творческой самостоятельности студентов неязыковых вузов в процессе обучения иностранному языку // Молодой ученый. – 2014. – №21. – С. 641-643.

А.В. Высоцкая

(Горловский институт иностранных языков, г. Горловка)

ЭКСТЕНСИВНОЕ ЧТЕНИЕ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Ознакомление с разными подходами в изучении иностранных языков всегда остаётся актуальным. Многие современные филологи отмечают, что студентам-языковедам помимо необходимого курса «методики преподавания иностранных языков» стоило бы преподавать

ещё и «методику *изучения* иностранного языка». Причём, желательно, в самом начале обучения. «Насколько выше была бы отдача от вложенных усилий!» – пишет Д. Б. Никуличева [2: 91]. В докладе кратко рассматривается вопрос использования экстенсивного чтения при овладении иностранным языком.

Под экстенсивным чтением в изучении иностранных языков понимают чтение объёмных текстов, где главным является восприятие общего содержания читаемого и сохранение интереса при чтении [5: 17]. Иногда такое чтение называют «поверхностным» (*skimming reading*), противопоставляя его «детальному чтению» (*reading for detail*) [1: 123]. В современной школе на уроках иностранного языка преобладает именно детальное чтение: чаще всего это чтение небольших текстов, которые полностью анализируются на лексических и грамматических уровнях. Конечно, аналитический подход к чтению может дать немалые результаты, но поскольку такие тексты в своём большинстве являются либо неинтересными, либо оторванными от жизни, желание прилагать какие-либо усилия для овладения иностранным языком у многих учащихся (при отсутствии альтернативы) быстро уменьшается.

Одним же из основных принципов экстенсивного чтения, напротив, является выбор учащимися только тех книг/текстов, которые им действительно интересны [5: 18]. Начинающие обычно выбирают произведения, уже прочитанные на родном языке, но к которым сохранился интерес и желание перечитать. Это может быть любая литература: от сказок до пособий по квантовой механике (главное, чтобы это было связано с интересами ученика). При этом использование учеником словаря и грамматических справочников сводится к минимуму [1: 130]. Значение большинства слов понимается/догадывается из контекста [5: 14]. Поначалу даже при чтении простых текстов процент понимания будет минимальным, но уже через небольшое количество времени ученик начинает улавливать основной ход событий, зачастую понимая едва ли не каждое слово.

При упомянутом «догадывании» крайне важны положительные эмоции, возникающие от своеобразного переживания успеха: «Что значит это слово, понял я сам!». Это даже в нейтральный текст вносит определённый интерес [1: 135]. Например, в романе Арнольда Йоганнеса «Восстание объявленных мёртвыми» описывается момент вспашки крестьянами земли, их разговор о послевоенном голоде. Далее следует фраза: „Es ist unser einziges Pferd. Wenn es krepieret...“ [3: 28]. Предположим, что читателю остался неясным только глагол «*krepieret*». Остальные слова («это наша единственная лошадь, если она...») будут понятны даже начинающему изучать немецкий язык ученику. Из контекста нетрудно догадаться, что «*krepieren*» означает явно что-то нехорошее. Тем более, что далее это же слово употребляется там, где говорится о смерти животных. Поэтому нет особой необходимости отрываться от хода описываемых событий и заглядывать в словарь, чтобы узнать, что «*krepieren*» означает «околоть». Таким образом, слова запоминаются автоматически. Такое «контекстное» запоминание гораздо эффективнее привычного заучивания лексического материала, так как оно вызывает ещё и определённые эмоции, способствующие закреплению материала.

Часто в повествовании встречаются описания, не влияющие на понимание общего хода событий. Например, герои Ремарка заходят в кафе, где “an den Wänden hingen Drucke von röhrenden Hirschen und balzenden Auerhähnen“ [4: 117]. Вовсе необязательно перебивать чтение поиском перевода, который покажет лишь то, что в этом кафе «на стенах висели изображения трубящих оленей и токующих глухарей». Постоянное заглядывание в словарь утомляет и мешает получать удовольствие от чтения. Да и вряд ли словосочетание «токующие глухари» так уж необходимо на начальном уровне изучения языка. Гораздо интереснее будет продолжить чтение следующих далее диалогов. Но это не значит, что лучше читать адаптированную литературу, где подобные описания отсутствуют: даже если предложение не несёт важной смысловой нагрузки, ученик повторяет грамматические структуры и улавливает некоторые семантические признаки: по принципу «глокой куздры» Л. В. Щербы (глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѐнка).

Эффективность экстенсивного чтения доказана многими исследованиями. Например, результаты эксперимента по популяризации экстенсивного чтения при изучении испанского языка в англоязычных университетах показали, что у учеников, читающих таким образом интересующую их литературу на иностранном языке, значительно увеличивается словарный запас, грамотность и восприятие речи на слух [5: 21].

Литература

1. Никуличева Д.Б. Говорим, читаем, пишем: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учеб.-метод. пособие. М.: Флинта, 2014. – 288 с.
2. Никуличева Д.Б. Применение психолингвистических стратегий полиглотов в практике изучения иностранных языков // Вопросы психолингвистики. 2013. – №2 (18). – С. 90-97.
3. Johannes A. Aufstand der Totgesagten. – Mitteldeutscher Verlag Halle, 1987. – 480 S.
4. Remarque E. Der Himmel kennt keine Günstlinge. – СПб.: КАРО, 2013. – 352 с.
5. Weber J. Leer es divertido: Eine praktische Adaption des «extensive readings» für das Unterrichtsfach Spanisch. – Diplomarbeit, University of Vienna. – 2010. – 151 S.

Y.K. Gabrilovich
(Dinnington, Near Shelfeld, Great Britain)

TEACHING ENGLISH METHODS AND APPROACHES

As with any other language there is no hard and fast rule to achieve the best results There is no set formula. Learning any language is basically a process. How then to approach the various teaching methods and for students to not only gain the knowledge but to immerse themselves into the language and culture and understand the basic structures ? Many teachers concentrate wholly on the grammar rules and neglect other important areas. In my opinion it is a fundamental mistake as this approach results in the student successfully knowing grammar only but his oral and writing skills suffer as a result. The language becomes sterile and not live and relevant as it should be Languages need to feel real and of practical use in the modern world and English is no exception in this respect. Any language student should feel that in his studies.

Based on my teaching experience over the last four years in Taganrog my conclusion is that firstly the teacher should identify the areas of weakness with the more experienced students. Indeed there is no perfect teaching method. Learning a language has its own intricacies and problems In this respect .English is not easy to learn as word pronunciation manifests itself the more the student develops and advances his level of vocabulary. The vast amount of different word meanings and sayings also create many problems which can only be learnt by application and context. Many English songs for example contain metaphors, double and non standard meanings etc although it is a good method to learn in its own right.

In my view the best overall method is a combination of several methods which include elements of well known approaches. Obviously this depends greatly on the student as to where and particularly how they can be introduced. For example the Structured Approach is ideal for beginners as it concentrates exclusively on learning the grammar rules one at a time in a systematic way .The verb , to be, should ideally be the starting point as a base moving onto present continuous etc. Within this mix articles are essential as sentence construction is greatly disjointed without them. Other methods include the Direct Method and is excellent for speaking practice as the entire lesson is conducted entirely in English. Another mistake many teachers make is that the student's mother tongue is used in teaching .The main rule should be ,if possible Student Talk Time 90% Teacher Talk Time 10% . This greatly speeds a students oral abilities and he / she feels progress Audio / Lingual is also a successful method when students have gained the necessary lexical skills and can understand distinct and clear English. The Physical Response can be employed in certain situations of everyday life when the person has to react to different commands , however it is not suitable as a separate entity and should be viewed only as useful when the situation arises. In addition to these

methods is the Community Language teaching, The Natural Approach and other less well known methods.

Taking into account all these different approaches the best combination should be a mix of grammatical tasks and exercises with an emphasis on correct pronunciation moving in tandem with improving conversational and other oral skills. When students gain confidence in this area only then can they progress to the more complex structures, to learn morphology, morphemes and generally widen their vocabulary. Many students make basic mistakes because they have neglected to learn basic grammar and it results in the misuse or absence of articles, applying the gerund incorrectly and tending to misuse the present simple or present continuous. These are usually the basic mistakes which tend to repeat themselves constantly. Other problem areas include the correct word order which is essential in English but not so entirely in Russian. Special emphasis should therefore be applied in these areas to enable the student to acquire a sound base to learn the more complex structures including passive voice and complex objects etc. As stated there is no overall perfect method. Repetition is essential the differences between English and Russian is obvious.

With the rapid advance of linguistic science, there has been a revolution in English grammar. Traditional grammar is now considered to be obsolete. As a result new theories or models are constantly being developed, yet the fundamental issue remains. English grammar is largely a matter of sentence construction. It is information that we can apply, consciously or unconsciously, to form sentences that are acceptable as a whole or in detail. This should be the basic precept of learning English whether by traditional means or the new internet based methods.

References

1. Close R.A. Grammar for students of English by Longman Publishing Group 1975. – 342 p.
2. McKay S. L. The main sources of reference were Teaching English Overseas An Introduction Oxford University Press, 1992. –155 p.

И.С. Гаевая, Т.В. Завиша
(г. Воронеж, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Образовательные стандарты нового поколения одной из целей ставят формирование универсальных учебных действий (УУД). Обучающиеся должны обладать различными способами деятельности, которые можно применить не только в школе на занятии, но и в жизни [2: 12].

Одним из эффективных способов формирования УУД на занятиях по иностранному языку является использование интеллект-карт.

Интеллект-карты (в оригинале Mind maps) – это разработка известного ученого, лектора и консультанта по вопросам интеллекта, психологии обучения и проблем мышления Т.Бьюзена. Интеллект-карты – это инструмент, позволяющий эффективно структурировать информацию; мыслить, используя личный творческий потенциал. Карты позволяют обозначить основные идеи, из которых четко выявляются взаимосвязи [1:15].

Интеллект-карты имеют четкую структуру и являются рисунком или схемой, у которой есть центральная часть и ответвления.

Интеллект-карты на занятиях по иностранному языку используются для объяснения нового лексического и грамматического материала, для формирования речевых навыков, для работы с текстами, для структурирования материала.

Преимуществами применения интеллект-карт являются возможность формирования умения выделять главное, работать с информацией, осуществлять её поиск, делать анализ,

обобщение, логически выстраивать последовательность своих мыслей, развивать творческое и ассоциативное мышление.

На занятиях по иностранному языку интеллект-карты позволяют обучающимся наглядным способом представить изученную лексику по определенной теме. Так, например, при изучении темы «My home» обучающимся можно предложить создать интеллект-карту, где ядром является словосочетание «my home», от него идут ответвления «living room», «kitchen», «bedroom», «bathroom» и предложить обучающимся продолжить эту интеллект-карту. Из примера видно, что ментальная карта позволяет представить учебный материал кратко, емко, с ключевыми словами. Но самое важное для успешного обучения в этом то, что обучающийся сам должен осмыслить материал в процессе создания собственной интеллект-карты.

Также, ментальные карты используются на занятиях для обучения устному монологическому высказыванию. Например, при изучении темы «Appearance» обучающимся предлагается продолжить интеллект-карту, где ядром является слово «appearance», от него идут лучи «age», «height», «build», «facial features», после этого предлагается описать своих членов семьи, используя собственную карту.

Таким образом, важнейшим преимуществом интеллект-карт является активное осмысление учебного материала в процессе создания собственных карт разума. Возможности использования интеллект-карт достаточно широки и имеют огромное значение в процессе формирования универсальных учебных действий обучающихся во время учебных занятий по иностранному языку.

Литература

1. Бьюзен Т. Супермышление. пер. с англ. Е.А.Самсонов. – Мн.: ООО «Попури», 3-е изд. 2003. – 304 с.
2. Рязанцева Е.П. Интеллект-карты как способ формирования метапредметных результатов ученика // Английский язык. – 2015. – № 12. – С.12-13.

И.С. Гаевая, Т.В. Завиша
(г. Воронеж, Россия)

ТРАНСКРИПЦИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ

Уметь читать – это прежде всего владеть техникой чтения, то есть мгновенно узнавать зрительные образы речевых единиц и озвучивать их во внутренней или внешней речи [1: 502].

Этот вид речевой деятельности по своей важности и доступности занимает ведущее место, так как умение читать – основа для говорения и слухового восприятия, а неумение, наоборот, может тормозить весь процесс обучения. Кроме того, техника чтения введена в экзамены.

Чтение начинается на самых первых этапах обучения иностранному языку в начальной школе.

Процесс обучения чтению может включать в себя этапы неоднократного слушания и проговаривания написанных слов. Такой метод основан на способности ребёнка ассоциировать написанное слово и слышимое при этом сочетание звуков. Роль обучения чтению целым словом, безусловно, важна, но без знакомства с транскрипцией не обойтись. Транскрипция – графическая запись звучания слова, то есть его произношения. Обучение транскрипции вызывает много споров, так как считается, что обучение двум системам: буквенной и звуковой (алфавитной и транскрипционной) – непосильная задача для ребёнка.

Наш педагогический опыт показывает, что знакомить ребёнка с транскрипцией необходимо, потому что невозможно, только выучив английский алфавит, читать

написанное. Всем известно, что особенности английского алфавита таковы, что буквы, которые ребёнок усваивает, и звуки, которые дают эти буквы – не одно и то же. Кроме того, в английском языке есть звуки, которые не показаны в алфавитных буквах, но создаются при определенных их комбинациях. Например, сочетание букв С и Н даёт звук [ʃ].

Но разве не достаточно научить ребёнка алфавиту и правилам чтения, не используя при этом транскрипционные знаки? Мы думаем, транскрипцией не стоит пренебрегать. Во-первых, потому что эта система широко распространена. Ею пользуются даже сами носители языка, чтобы прочесть какие-нибудь сверхсложные слова. Во-вторых, нельзя научить ребёнка буквам, не познакомив его при этом со звуками. А у звуков есть не только фонетический образ, но и графический. Получается, транскрипцию не обойти.

Транскрипция нужна ещё и для того, чтобы пользоваться словарями, а это учебное умение.

Обучение транскрипции введено практически во всех современных УМК. Получается, если эта задача поставлена, то её нужно решать.

Разницу между буквенной системой (алфавитом) и звуковой (транскрипцией) мы объясняем своим второклассникам на таком примере:

У каждого человека есть документ. У ребёнка – свидетельство о рождении, у взрослого – паспорт. И в этих документах указано полное имя человека, например, Александр. Но дома такого человека могут назвать просто Саша. Алфавит – это документ для букв, в нем указаны их полные ‘имена’: А (Эй), В (Би), G (Джи), W (Дабл Ю – прямо как имя с отчеством). Дом для буквы – это слово. Здесь они могут звучать по-другому. Например, Джи – [dʒ], [g]. Так постепенно знакомим детей со звуковой системой языка.

Транскрипция – вспомогательное средство при обучении чтению. Однако, несмотря на это, является одной из важнейших составляющих освоения фонетической стороны речи английского языка.

Литература

1. Пассов Е.И. Урок иностранного языка / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. - Ростов на Дону: Феникс, 2010.-640 с.

И.И. Гнусарева
(г. Таганрог, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

Методика обучения иностранному языку постоянно развивается и совершенствуется. Методисты и учителя разрабатывают новые методы и приемы обучения, которые будут максимально эффективными и интересными для детей. В последнее время особую популярность получили так называемые **ментальные карты** (Mind Maps). Так же их часто называют картами памяти, интеллект-картами, умственными картами или ассоциогрмами. Данный прием был разработан британским психологом Тони Бьюзенем.

В своей книге «Супермышление» Тони Бьюзен подробно описывает разработку и создание интеллект-карт. Карта – это центральный образ и основные темы, связанные с ним, расходящиеся от него в виде ветвей.

На рисунке 1 представлена ментальная карта, демонстрирующая не только ее форму, но и основные требования к ней. По своей структуре ментальная карта напоминает связь нейронов мозга, которые соединяются между собой по средствам дендритов и аксонов. Таким образом, ментальная карта является графическим выражением мыслительного процесса.

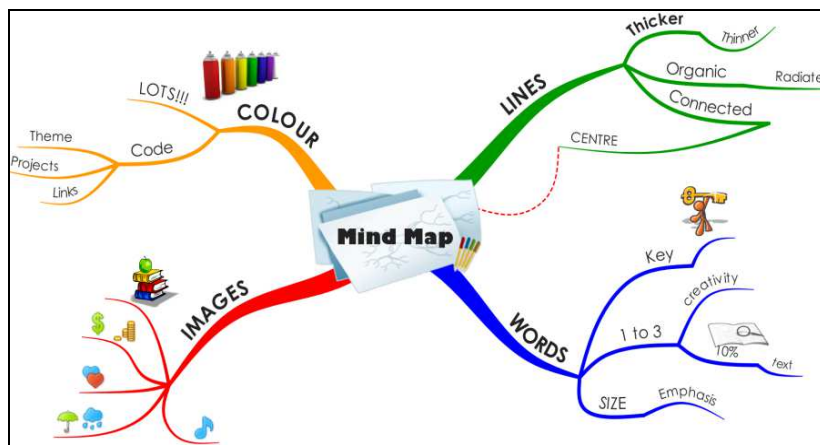

Рисунок 1. Ментальная карта «Mind map»

Преимущество ментальных карт перед стандартными линейными конспектами состоит в том, что они организованы в соответствии с естественным течением мышления. Сначала генерируется основная идея, а затем возникают многочисленные ассоциации, которые отходят от нее и провоцируют появление дальнейших смежных понятий. Организация информации в виде перечисления не дает свободу умственным процессам и приводит к застою творческого мышления и памяти [1: 18].

При обучении иностранному языку ментальные карты имеют широкое применение при введении новых лексических единиц, грамматических явлений, при обучении чтению, письму, аудированию [2: 35].

Ментальные карты можно использовать и при введении новой лексики, и при повторении уже изученной темы. Если учитель использует карты впервые, то лучше ознакомить детей с таким методом обучения в начале новой темы, объяснив структуру и логику карты. Впоследствии можно предлагать детям составлять подобные карты при закреплении изученной лексической темы. Пример одной из таких ментальных карт представлен на рисунке 2.

Применение интеллект карт при чтении способствует лучшему пониманию, анализу и запоминанию прочитанного материала, который позже можно использовать для пересказа или реферирования. Для этого в центре листа помещаем название текста или его основную мысль, и от него лучами выписываем ключевую информацию: кто, где, когда, что произошло и так далее. С помощью ответвлений можно выписывать новые слова и словосочетания.

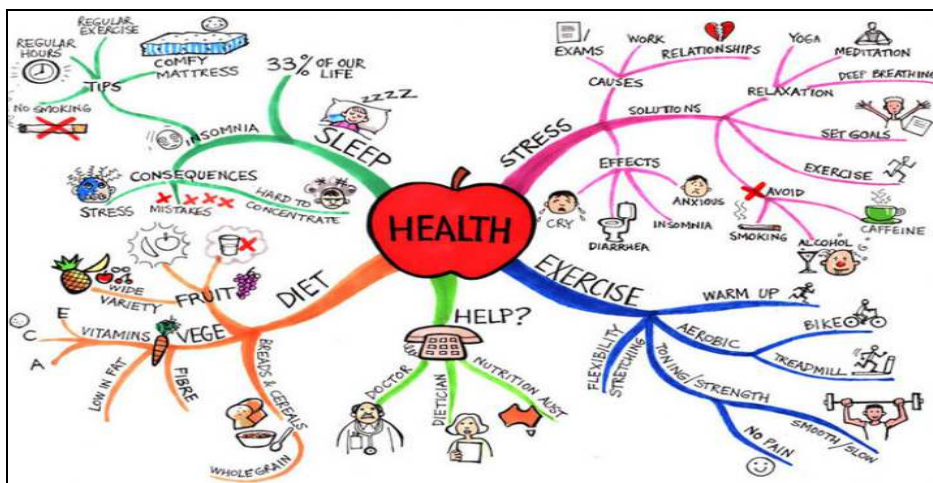
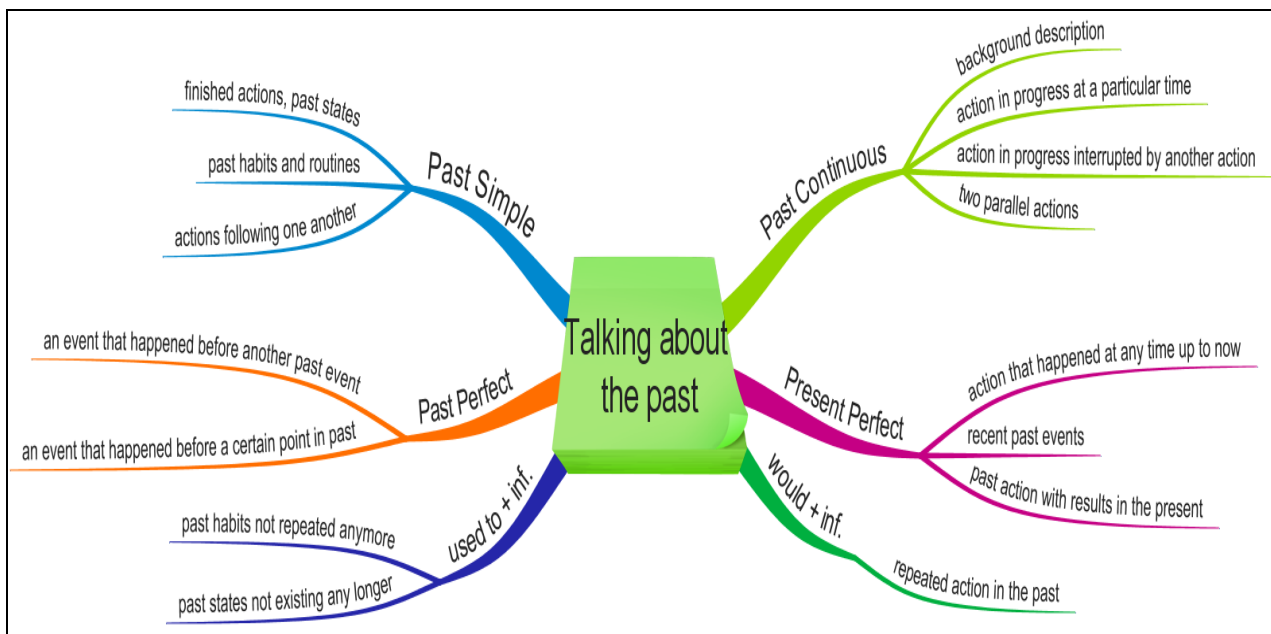

Рисунок 1. Ментальная карта при изучении темы “Health”

При обучении грамматике ментальные карты способствуют обобщению и структурированию информации, выделению основ (рис. 3). В данном примере мы видим, какими способами можно выразить прошедшее время в английском языке, а также случаи использования того или иного времени или конструкции.

Рисунок 3. Ментальная карта «Talking about the past»

Структура ментальных карт позволяет использовать их не только в учебной деятельности, но и обычной жизни для:

1. запоминания, систематизации и упорядочивания новой информации;
2. планирования деятельности;
3. подготовки к публичным выступлениям;
4. поиска различных вариантов решения сложных ситуаций [3].

Ментальные карты – это новый подход для осуществления мозгового штурма, генерирования идей. Они дают полную картину того или иного явления или темы. Ментальные карты способствуют эффективному структурированию и обработке информации, а так же мышлению с использованием всего творческого и интеллектуального потенциала. Использование ментальных карт на уроке английского языка поможет сделать урок интересным, ярким, насыщенным и, что немаловажно, продуктивным.

Литература

1. Бьюзен. Т, Бьюзен Б. Супермышление — М.: Попурри, 2007. – С. 320.
2. Бортникова Т.В. Интеллектуальная карта как универсальный инструмент обучения // Иностранные языки в школе. 2014. № 11.– С. 35 –67.
3. Каськова А.Н. Использование ментальных карт на уроках английского языка / Инфоурок [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/ispolzovanie-mentalnih-kart-na-urokah-angliyskogo-yazika-637517.html> (дата обращения: 18.11.17)

Н.В. Жуковская
(г. Таганрог, Россия)

SIMULATION METHOD IN TEACHING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Teaching cross-cultural communication is becoming an important part of the process of higher education. Intercultural competence includes various skills which allow us to interact successfully in different cultural contexts [1: 251]. The elements that compose intercultural competence may be divided into cognitive, affective and behavioral. The cognitive component (knowledge about different cultures) is important but it is only a part of the required competence.

Effective cross-cultural interaction is impossible without practical skills that can be formed and developed only through training. Affective and behavioral components include the skills of empathy and tolerance as well as the ability to act according to the norms of another culture.

The methods that proved effective in teaching cross-cultural communication are various, for example, analyzing one's biography in order to reveal one's cultural identity, role plays, self-assessment, simulation method, etc [3].

Simulation method is useful in developing students' cultural awareness. This method includes artificially created situations of intercultural communication. Taking part in such situations allows the students to experience insecurity, fear, rejection as well as security, trust, sympathy and empathy. As a result, intercultural sensibility is created and developed [2: 38-39].

It is advisable that the artificial situations that are used in simulations should be critical and controversial, allowing different ways of solving cross-cultural conflicts and overcoming barriers in communication. An important part of simulation method is further analysis of the given situation from different points of view, and the choice of the most appropriate strategy of behaviour.

Cross-cultural simulation is an effective and simple means of developing intercultural sensitivity [3]. As a rule, the participants play the roles of representatives of different cultures and should act accordingly. The students are provided with instructions concerning basic values, norms and typical behavior of people in the culture they represent. In most cases the participants are asked to fulfill a certain task which demands establishing contact and successful cooperation with representatives of another culture.

For example, the students can be given the task to act as employees of an international company. They have to develop a project together within a limited period of time. Some participants should act as representatives of a monochronic culture (e.g., the USA), others behave as people from a polychronic country (e.g., Mexico). This situation may result in cultural conflict between punctual "Americans" and "Mexicans", who like to do everything in the last minute. The participants have to find a common language and resolve the possible problems. While performing this task the students get acquainted with the norms and values of different cultures and learn to predict possible conflicts and barriers in communication.

There exist a number of simulation training games and exercises developed by foreign researchers. One of the most famous among them is, probably, "Bafa Bafa", invented by Dr. R. Garry Shirts in 1974. The aim of this simulation is to increase students' cross-awareness by helping them understand the impact of culture on the behavior of people. Participants are divided into two groups representing two cultures. They have to behave according to the norms of the ascribed culture. Students are asked to observe the behavior of the other group and try to understand the other culture while maintaining their own cultural role. This simulation shows how easy it is to misinterpret actions when the rules are unfamiliar, and it demonstrates the need for carefully planned strategies when confronting a new culture.

Other popular simulation games include "Albatross", where students are asked to watch a non-verbal role-play and then interpret what they saw, "The Emperor's Pot", which concentrates on the differences between Eastern and Western cultures, "Where Do You Draw the Line", which explores different ethical problems, etc.

Thus, cross-cultural simulation is an important method of increasing intercultural sensibility and developing intercultural competence. It allows students to apply their cross-cultural knowledge in practice, as well as develop new models of behavior which are necessary for successful cross-cultural communication.

Литература

1. Садохин А.П. Компетентный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели. // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. – М.: ПАГС, 2008. – С. 251-255.
2. Kalfadellis P. Integrating Experiential Learning in the Teaching of Cross-Cultural Communication. // Journal of New Business Ideas and Trends. – 2005, 3(1). – P. 37-45. – <http://jnbit.org/upload/Kalfadellis-3-1-2005.pdf>
3. Kequiang Xu. The Strategies of Fostering Students' Cross-Cultural Awareness in Secondary School English Teaching. // Open Journal Of Social Sciences. – 2016. – <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2016.46018>

А.М. Ищенко
(г. Таганрог, Россия)

РАЗВИВАЮЩАЯ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Правильная организация развивающей предметно-пространственной среды (РППС) на уроках иностранного языка в общеобразовательной школе позволяет облегчить как процесс адаптации младших школьников к новой для них образовательной ситуации, так и процесс освоения иноязычной культуры и норм иностранного языка на средней и старшей ступенях обучения. Соблюдение преемственности между дошкольным образовательным учреждением и начальной, средней и старшей ступенями обучения в общеобразовательной школе требует такую организацию учебного пространства класса, которое позволит обучающимся комфортно чувствовать себя на уроке. Согласно ФГОС (Федеральным государственным образовательным стандартам) второго поколения школа должна разработать такую образовательную программу, которая позволит создать условия:

- для раскрытия внутреннего потенциала каждого ребенка, учитывая его склонности;
- для успешной адаптации обучающихся в сегодняшнем реальном мире;
- для воспитания детей с высокими моральными, эстетическими и духовными качествами;
- для решения проблем ЗОЖ ученика и его здоровья.

Таким образом, считаем, что организация РППС в процессе обучения немецкому языку, не только облегчает адаптацию обучающихся к изменяющейся среде и условиям, но и поможет сохранить и укрепить интерес к изучаемому языку. Принято считать, что развивающая предметно-пространственная среда – это часть образовательной среды, представленная специально организованным пространством, материалами, оборудованием и инвентарем для развития детей в соответствии с особенностями каждого возрастного этапа, охраны и укрепления их здоровья, учёта особенностей и коррекции недостатков. А образовательная среда, в свою очередь, согласно ФГОС выступает как совокупность внутренних и внешних условий и ресурсов развития и образования обучающихся и нацелена на создание целостности педагогических условий для решения задач обучения, развития и воспитания обучающихся. Таким образом, развивающая предметно-пространственная среда

- является важным фактором воспитания и развития ребенка и предусматривает выделение микро- и макросреды и их составляющих;
- должна способствовать реализации образовательных областей в двух основных моделях организации образовательного процесса, включающих:

- 1) совместную партнерскую деятельность педагога и обучающегося;
- 2) свободную самостоятельную деятельность самих школьников.

Создавая развивающую предметно – пространственную среду на уроках немецкого языка необходимо решать определенные задачи, а именно:

1. Обеспечить условия для развития познавательных и творческих способностей обучающихся.
2. Поддерживать познавательную активность, обеспечить ее дальнейший рост.
3. Создать условия для реализации усвоенных во время образовательной деятельности способов деятельности, приобретенных знаний.
4. Создать условия для эмоционального проживания ребенком различных ситуаций с целью осмысления воспринятых содержаний [1: 28].

В свою очередь, развивающая предметно-пространственная среда

1. должна обеспечивать реализацию общеобразовательных программ, учет возрастных особенностей школьников и способы организации учебной деятельности для них;
2. должна быть содержательно насыщенной, трансформируемой, полифункциональной, вариативной, доступной, безопасной.

Созданная нами модель РППС позволяет обучающимся осознанно осуществлять выбор и планировать свою деятельность, в учебном кабинете. Основные компоненты модели, они же центры активности (табл.1), способствуют исследовательской и самостоятельной деятельности школьников.

Центры активности (образовательные станции)	Наполнение центров (оснащение)
Fachstation (предметная станция)	УМК по немецкому языку, который включает учебник, рабочие тетради, аудиоприложения к учебнику и тетрадям (CDs), книгу для учителя.
Sprach- und Landeskundestation (лингвострановедение)	Дополнительная и справочная литература о стране изучаемого языка, периодическая печать (журнал "Vitamine"), аудио- и видеоматериалы.
Präsenzstation (рабочие места обучающихся, позволяющие им презентовать результаты своей деятельности)	Рабочие места с лингафонным оборудованием, магнитная доска, мультимедиа и т.д. (при необходимости занятие проводится в компьютерном классе с доступом в сеть Интернет и системой видеоконференцсвязи).

Таблица 1. Центры активности и их оснащение.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что модель организации развивающей предметно-пространственной среды применима к любой ступени обучения немецкому языку, а предметно-пространственная среда, в свою очередь, способствует

- формированию положительного отношения к базовым ценностям,
- усвоению нового социального опыта,
- приобретению качеств, позволяющих адаптироваться к различным жизненным обстоятельствам,
- обуславливает динамику в процессе становления личности обучающегося,
- способствует развитию воображения, внимания, памяти,
- позволяет обучающемуся реализовать свое право на свободу выбора деятельности.

Литература

1. Карабанова О.А., Алиева Э.Ф., Радионова О.Р., Рабинович П.Д., Марич Е.М. Организация развивающей предметно-пространственной среды в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования. Методические рекомендации для педагогических работников дошкольных образовательных организаций и родителей детей дошкольного возраста. – М.: Федеральный институт развития образования, 2014. – 96 с.
2. Сухомлинский В.В. Сердце детям отдаю. Киев. Радянська школа 1969. – С. 66. [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st012.shtml>
3. ФГОС второго поколения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stupeni15.edusite.ru/DswMedia/file_doc_fgos_oo.pdf

**Кирейчук Е.Ю., Курс Т.Г.
(г. Минск, Беларусь)**

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ СТРУКТУРЕ ПИСЬМЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КУРСАХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА И ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Разнообразие структур письменного аргументативного дискурса, являющееся предметом изучения в курсе практической риторики (ПР), восходит к структуре классического аргумента, предложенной еще ораторами Древней Греции и традиционно включающей:

1. Вводную часть, содержащую такие опциональные элементы, как вступление (лат. *exordium*), краткие сведения об истории проблемы (лат. *narratio*), краткий план выступления (лат. *partitio*), а также тезис (лат. *propositio*) как обязательный элемент для обозначения позиции говорящего по обсуждаемой теме / проблеме;
2. Основную часть, включающую доводы в подтверждение тезиса (лат. *confirmatio*), а также контраргументы (возможные возражения гипотетического оппонента) и их опровержение (лат. *confutatio*);
3. Заключение (лат. *peroratio*), предполагающее суммирование доводов, повторное утверждение тезиса, предложение решений либо прогнозы развития проблемной ситуации.

Классический аргумент явился базой для современных вариантов построения риторической аргументации, появление которых обусловлено необходимостью учета плюралистических ценностей сегодняшнего мультикультурного мира для ведения конструктивного диалога. Неориторика уделяет большое внимание выбору ведущих коммуникативных стратегий (ВКС) для разных типов аудитории (настроенной нейтрально, враждебно либо доброжелательно в зависимости от предполагаемой степени согласия с точкой зрения говорящего). Для общения с аудиторией, не информированной о проблеме, либо не интересующейся ею, рекомендуется Тулминовская структура аргумента и логические доводы как ВКС. Для обращения к аудитории, настроенной заведомо критически, предпочтительна Рогерианская тактика, основанная на ВКС этоса.

Для аудитории, склонной разделить точку зрения оратора, эффективен т.н. односторонний аргумент и патетический посыл в качестве ВКС. Разнообразие типов риторического аргумента предполагает не только выбор ведущей коммуникативной стратегии, но также определенный набор и последовательность структурных элементов. Существенным различием между моделями аргумента, влияющим на эффективность взаимодействия с аудиторией, является предъявление тезиса на различных этапах обращения к слушателям. Так, в Тулминовском аргументе тезис располагают в конце вводной части. Рогерианский аргумент требует формулировки тезиса в заключительной части высказывания. Односторонняя аргументация, призванная не столько к убеждению слушателей, сколько к побуждению действовать, начинается с тезиса. Таким образом, развитие многообразия форм письменного риторического аргумента вызвано необходимостью учета точки зрения и состава аудитории.

Обучение составлению письменного высказывания в курсах как академического письма (АП), сопряженного с интерпретацией иноязычного художественного текста, так и ПР начинается с введения и разграничения понятий темы и контрольных мыслей. Базирующийся на одной или нескольких контрольных мыслях тезис является декларацией точки зрения автора высказывания по теме / проблеме. Генерирование максимального количества контрольных мыслей (возможных аспектов темы / проблемы) для ее эффективного и разностороннего обсуждения протекает в форматах «мозговой штурм», «свободное письмо», «за и против», «ассоциативная / интеллект-карта» (англ. *mind map*). Полученная таким образом информация логично распределяется для формирования и развития всех основных структурных частей высказывания. Особое внимание уделяется формулировке тезиса на основе отобранных контрольных мыслей и связи тезиса как структурного элемента с начальными предложениями каждого абзаца текста, манифестирующей и реализующей структуру письменного высказывания.

Самостоятельная формулировка студентами тезиса письменного высказывания предусмотрена во многих форматах заданий курса АП (портрет литературного героя, анализ произведения малой формы, доклад по индивидуальному чтению). Особенно интересен формат эссе-экспликации идейного содержания романа, предполагающий полную самостоятельность в генерировании тезиса. В курсе ПР самостоятельное формулирование тезиса для его защиты также требуется буквально с первых шагов изучения дисциплины. Тезис может быть сформулирован преподавателем, но лишь в качестве первой части начальной энтимемы. Самостоятельное осмысление темы, поиск аспектов для освещения,

наиболее интересным студенту, выбор лексических средств для эффективной постановки тезиса как выражения собственной точки зрения и одновременно как центрального организующего элемента структуры письменного дискурса способствует индивидуализации обучения, стимуляции эмоциональной вовлеченности студентов в процесс обучения, развитию навыков аналитического и логического мышления, предотвращению списывания.

Еще одним из общих мест подхода в обучении письму являются способы доказательства тезиса. Достаточно разнообразный инструментарий приемов универсален в изучении широкого числа дисциплин и включает в себя использование информации фактического и числового характера (статистические данные, графики, опросники/анкеты и т.п.), из личного опыта, интернет- и библиотечных ресурсов, изложенной при помощи перечисления, определения, детализированного объяснения, приведения примеров, установления причинно-следственных связей, сходств и различий и т.д. В структуре письменного высказывания, изучаемой в курсе АП, сохраняется подразделение предложений внутри абзаца и абзацев внутри текста на функциональные типы: введение, основная часть, заключение.

Однако цели и задачи каждой учебной дисциплины необходимо диктуют выбор определенных инструментов для их реализации и неизбежно приводят к появлению существенных различий в методиках обучения. Так, например, эссе как индивидуальное продуктивное задание является завершающим этапом работы с материалом в курсе интерпретации художественного текста. В связи с этим в АП классическая схема аргумента подвергается некоторой трансформации: функциональные элементы, обязательно используемые в дискуссии как обмен стимулами и реакциями, естественным образом редуцируются. Формат эссе предполагает формулировку и высказывание мнений, но не обмен ими. Необходимость в представлении противоположной точки зрения отпадает, поэтому структура письменного высказывания в АП не содержит контраргументации и ее опровержения. Составление же и презентация риторического аргумента необязательно является конечным этапом работы над темой. Письменный аргумент может также быть промежуточным этапом в работе над темой и начальным этапом развернутого итогового группового творческого задания (дебаты), поэтому здесь предполагается наличие части контраргументации и ее опровержения.

Местоположение тезиса в письменных высказываниях, имеющее основополагающее значение для риторической аргументации, в АП утверждается однозначно по тем же причинам, что и отсутствие контраргументации и ее опровержения. Тезис заявляется в конце введения во избежание неверной либо неполной интерпретации. Таким образом, стандартная структура письменного высказывания, изучаемая в курсе АП, не тождественна структуре классического или какого-либо типа современного аргумента, а лишь коррелирует с односторонней риторической аргументацией по составу структурных элементов и с Тулминовским аргументом по местоположению тезиса.

Обучение письму имеет специфику в различных курсах и должно осуществляться с учетом специфики материала, целей и задач занятия, а также его места в учебном плане таких дисциплин, как ПР, ПУПР, интерпретация художественного текста.

М.С. Кольшкіна
(п. Власиха, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ УРОКОВ В СОВРЕМЕННОМ ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Главная цель обучения иностранному языку в современном мире - формирование коммуникативной компетенции учащихся. Такой урок имеет множество особенностей и форм построения.

Существующие сегодня частнодидактические методы обучения иностранному языку включают в себя лингвосоциокультурный метод, прямой метод обучения иностранному языку, коммуникативно-ориентированный метод, грамматико-переводной, звуковой и визуальный методы [1].

Грамматико-переводной метод строится на том, что для изучения языка нужно в первую очередь освоить грамматику и расширить словарный запас. Учитель определяет последовательность схем и подбирает необходимые для них тексты, вычлняются главные (ключевые) фразы, осуществляется перевод текста, который, как правило, не обладает глубоким смыслом. Здесь главное – процесс говорения, а не информативность. Овладев этим методом, можно легко строить высказывания, используя изученные правила, наполняя шаблоны необходимыми по смыслу словами.

Лингвосоциокультурный метод объединяет два вида коммуникации: речевой и межкультурный. Данный метод используется для формирования личности, свободно ориентирующейся в культуре стран, цивилизации, национальных особенностях, истории, обычаях.

Вышеописанный метод сочетает в себе разнообразные языковые структуры (лексику, фонетику, грамматику и пр.) с неязыковыми факторами.

Мы открываем мир через мышление в обозначенном культурном поле и используем язык для выражения своих чувств, мыслей, эмоций. Целью изучения иностранного языка при помощи описанного метода является формирование восприятия и понимания собеседника.

Прямой метод обучения иностранному языку работает по принципу ассоциации незнакомых слов с обозначаемыми предметами. Такой метод естественного изучения языка является более экономичным, с его помощью быстро достигаются желательные результаты.

Коммуникативно-ориентированный метод обучения иностранному языку ставит целью подготовить ученика к взаимодействию в процессе иноязычного общения, формируя условия такого общения в классе. Основными действующими сторонами процесса обучения на основе вышеописанного метода являются преподаватель и учащийся. Коммуникация между ними основана на равноправном речевом партнерстве и сотрудничестве.

При планировании занятия должны учитываться нижеприведенные принципы:

- языковая направленность – обучение через устное, речевое общение.
- функциональность – основывается на том, что грамматические навыки и слова используются непосредственно в деятельности: ученик выполняет поставленную речевую задачу - обосновывает мысль, подвергает сомнению услышанное, интересуется чем-либо, побуждает собеседника к действию и в ходе такого обучения использует ранее усвоенные грамматические формы и слова.

- ситуативность - ролевая организация процесса обучения. Крайне важным является организация и отбор материала, основанный на актуальности проблематики для каждого возраста.

- принцип новизны. Данный принцип основан на новизне речевых и коммуникативных ситуаций (замена предмета общения, речевого партнера, условий коммуникации и пр.), а также новизна и информативность используемого материала, новизна при планировании проведения урока (формы, виды), многообразии приемов работы.

- личностная ориентация общения.
- принцип коллективной коммуникации.
- закрепление навыков и выполнений упражнений [2].

Тем самым, коммуникативное обучение – это преподавание, основанное на комплексе заданий, носящих коммуникативный характер.

Звуковой метод обучения иностранному языку может осуществляться двумя путями. Первый путь основан на овладении звуковой формой слов на начальном этапе и транскрипцией как зрительной опоры для усвоения алфавита и правил чтения. На каждом занятии учащимся предстоит прочитать знаки транскрипции, слова, записанные в транскрипции и т. д.

Второй путь представляет фонемно-графемный метод чтения целыми словами, обозначаемый так из-за определенной последовательности обучения технике чтения. Первоначально обучающиеся овладевают в устной форме определенным рядом иностранных слов в обозначенной речевой структуре. Одно из этих слов является «ключевым». После усвоения этого слова преподаватель выделяет в данном слове первый звук и вводит соответствующую ему букву (графему). Целиком для прочтения слово предлагается обучающимся исключительно после того, как они достаточно хорошо усвоили все составляющие его графемы.

Визуальный метод обучения иностранному языку предполагает использование общепонятных образов, а родной язык служит опорой при пояснении деталей визуальной модели. Этот метод делает упор на прочное закрепление универсальных языковых моделей, лексика подобрана по частоте использования, следовательно, изученные знания можно применить в максимальных количествах ситуаций.

Визуальные модели служат не только для представлений, но и для закрепления изученного материала. Полный контроль, систематическое повторение и доведение до автоматизма использования речевых форм является содержанием обучения. Новизна данного способа обучения подтверждена патентами, его эффективность – опытом работы и отзывами выпускников школ и ведущих мировых специалистов.

Среди общедидактических методов обучения иностранному языку можно выделить следующие: метод показа, метод объяснения, метод организации тренировки, метод организации применения, метод коррекции и метод оценки.

Литература

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: Academia, 2009. – 336 с.
2. Мильруд Р.П. Методика преподавания английского языка – М.: Дрофа, 2007. – 256 с.

С.Е. Кириллова
(г. Волгоград, Россия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ КАТОЙКОНИМИКА В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАДАНИЙ

В настоящее время университетское филологическое образование характеризуется двусторонней ориентированностью: с одной стороны, будущие бакалавры и магистры получают серьезную теоретическую подготовку, с другой – приобретают навыки практического применения фундаментальных научных знаний [2: 1132]. Однако многие сведения, получаемые в рамках узких направлений лингвистических исследований, остаются за рамками педагогического процесса. В частности, региональный ономастический материал при достаточном освещении в учебных курсах не только расширит кругозор студентов и

улучшит понимание ими отдельных языковых явлений и процессов, но и может стать немаловажным в дальнейшей профессиональной деятельности.

Волгоградскими исследователями уже был разработан специальный курс, целью которого является ознакомление студентов с закономерностями функционирования региональных географических названий и их производных [1], но обширный местный катойконимический материал в названном пособии по объективным причинам освещен далеко не полно. В настоящей работе предпринимается попытка решить следующие задачи: 1) обосновать необходимость применения сведений о региональной катойконимике в вузовском курсе преподавания русского языка для студентов языковых специальностей; 2) предложить комплекс соответствующих заданий, разработанных на основе данных, полученных при исследовании наименований жителей Волгоградской области.

Известно, что процессы, происходящие в сфере слов-наименований жителей – катойконимов, – особым образом коррелируют как с общезыковыми законами, так и с целым рядом динамических процессов современного русского языка. В частности, наличие нескольких десятков суффиксов, используемых для образования названий жителей, позволяет региональным системам оттопонимических дериватов адаптироваться к омонимичным названиям населенных пунктов, несмотря на действие ряда языковых и внеязыковых факторов формировать полные парадигмы, а также при свойственной катойконимам стилистической нейтральности приобретать ту или иную окраску и сохранять традиционную для слов этой лексико-семантической группы вариативность.

Сказанное дает возможность обосновать включение соответствующих тематических блоков в учебные курсы по современному русскому языку и диалектологии. Разноаспектное исследование катойконимов, зафиксированных в региональных СМИ и на Интернет-сайтах, позволило собрать базу данных и разработать ряд заданий. Приведем примеры практических заданий, разработанных для дисциплин «Орфография» и «Словообразование современного русского языка».

Задание 1. Опираясь на данные справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» и словаря «Русские названия жителей», укажите все возможные формы катойконимов, образуемых от приведенных географических названий: *Луговая Пролейка, Нижний Балыклей, Солдатско-Степное, Степано-Разинская, Усть-Бузулукская.*

Задание 2. Определите, какие из перечисленных топонимов не могут являться производящей основой для наименований жителей. Аргументируйте свой ответ. *ж/д рзд. 1062, Авилов, Алексеевская, Белужино-Колдаиров, Большой Бабинский, Быково, Верхний Балыклей, Железнодорожный, Калач-на-Дону, Ключи, Красный, Лебяжье, Маляевские Дачи, Парижская Коммуна, Петров Вал, Попов 1-й, Тары, Царицын, Цаца, Чиганаки.*

Семантическая, а в некоторых случаях и стилистическая специфика катойконимов, их периферийное положение в оппозиции «оним :: апеллятив» позволяют использовать соответствующие данные в преподавании лексикологии, лексикографии, стилистики, языка СМИ, лингвистического краеведения, региональной ономастики. В частности, наличие как нейтральных, так и стилистически окрашенных вариантов у ряда распространенных в Волгоградской области катойконимов позволило разработать следующие задания для курсов «Стилистика» и «Лексикография».

Задание 3. В каждой группе названий жителей определите стилистически нейтральный вариант (варианты), представляя обоснование своего выбора; для остальных катойконимов установите возможную сферу использования: *александряне – александровцы, кисловцы – кисляне – кисловчане, урюпинцы – урюпы – урючане, царицынцы – царицане.*

Задание 4. Изучив следующие статьи издания «Русские названия жителей», выявите различия между рекомендациями словаря и региональной катойконимической традицией: *Быково, Добринка, Дубовка, Котово, Лебяжье, Рудня, Фролово.*

Предлагаемые упражнения направлены не только на усвоение студентами конкретных общезыковых законов на примере отдельного лингвистического явления, но и на применение подобного рода знаний в дальнейшей практической деятельности. В частности,

наш опыт проведения уроков русского языка в средней школе показал, что катойконимические примеры успешно используются при закреплении некоторых орфографических правил. Разработка соответствующих заданий, полагаем, является значимым направлением дальнейшей работы. В то же время опрос, проведенный среди сотрудников региональных Интернет-изданий, показал, что журналисты достаточно активно используют в своих материалах географические названия и их производные, чтобы облегчить читателю поиск нужной информации как в Интернете в целом, так и в рамках конкретного сайта. Полученные сведения подтверждают необходимость изучения соответствующего материала будущими специалистами в сфере СМИ.

Таким образом, включение в программу университетских лингвистических курсов данных, получаемых при изучении современной катойконимики, представляется необходимым, что определяет актуальность последующей работы в выбранном направлении.

Литература

1. Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Топонимические наименования Волгоградской области: функционально-семантические и ортологические особенности: учеб-метод. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2015. – 86 с.
2. Федоров А. А., Родионова С. Е. Практическая профессиональная направленность примерных образовательных программ двухуровневого университетского филологического образования для третьего поколения государственных образовательных стандартов // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №4. – С. 1129-1132.

Л.В. Ладик
(г. Горки, Беларусь)

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Современные условия развития делают иностранный язык важнейшим средством отражения всех возможных процессов, происходящих в окружающей действительности. Процесс информатизации образования приобрел широкий размах в связи с распространением Интернета. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовании дает возможность повысить качество образования, расширить выбор технологий, методов и средств обучения, а также обеспечить более широкий доступ к образовательным услугам. Практика показала, что информационно-коммуникационные технологии повышают мотивацию и познавательную активность студентов, расширяют их кругозор. Сфера применения компьютера в обучении иностранным языкам огромна. Он может эффективно использоваться для ознакомления с новым материалом, новыми высказываниями, а также в общении на иностранном языке.

Компьютер может предоставить оптимальные условия для освоения грамматического материала. Он может эффективно быть использован для осуществления контроля над деятельностью студентов со стороны преподавателя, а также при осуществлении самоконтроля.

Компьютер помогает студентам в исправлении ошибок, и они не боятся их допускать, а это важный момент в обучении иностранным языкам. Вторым немаловажным моментом является то, что студент может работать в подходящем режиме. При этом можно использовать различные пособия и словари, которые при помощи щелчка мышкой вызываются на экран.

В процессе работы с компьютером у студентов развиваются умения самостоятельной работы, которые можно использовать в таком виде деятельности, как домашнее чтение. Интернет-ресурсами можно пользоваться для самостоятельного поиска текстов по

различным специальностям. Выбранные самими студентами тексты, обеспечивают понимание читаемого, а работа с такими текстами очень эффективна.

Информационные ресурсы Интернета очень полезны для поиска нового материала и разработки международных научных проектов. Наиболее эффективные способы использования Интернета:

1. Переписка по электронной почте с носителями языка.
2. Участие в телекоммуникационных международных проектах.
3. Участие в текстовых и голосовых чатах.
4. Участие в телекоммуникационных конкурсах.
5. Дистанционное обучение (платные или бесплатные курсы самообразования).

Компьютерные обучающие программы также являются инновационными технологиями в языковом образовании. Например, программы English Tutor, Teacher, ICL, Lang Land. Они дают возможность успешно дополнить процесс обучения иностранным языкам на всех уровнях. Их можно использовать как для аудиторной, так и для самостоятельной работы студентов. В них разработаны контрольно-тренировочные упражнения, с разными уровнями сложности. Можно использовать программы для отработки грамматических навыков.

Не менее важным при обучении иностранному языку является видео. Обучающий потенциал видеосюжетов заключается в создании на занятиях естественной среды иноязычного общения. Студенты попадают в реальные условия восприятия аутентичной иноязычной речи на слух.

Использование видео в учебном процессе является эффективным способом развития и совершенствования навыков аудирования за счёт подкрепления аудиоматериала видеорядом.

Таким образом, занятия по иностранному языку с использованием Интернета и видео не только позволяют учить студентов языку, но и дают им возможность «действовать» на иностранном языке в конкретных коммуникативных ситуациях. Возможность на практике использовать знания по иностранному языку вызывает интерес студентов к предмету и повышает их мотивацию при изучении иностранного языка.

Литература:

1. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2000. – 323 с.
2. Теория и практика преподавания лингвистических дисциплин в вузах негуманитарного профиля: Материалы III Международной научно-практической конференции. Ч а с т ь II– Горки, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2010. – 316 с.

H. Lörcher
(Heidelberg, Deutschland)

DEUTSCH LERNEN MIT APPS/GADGETS?

Untersucht wird die Frage, welche Kompetenzen in Sprach-Apps vermittelt werden und ob sie das Deutsch Lernen unterstützen.

Im „Gemeinsamen Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen (GeR)“ wird das Lernen von Sprachen unabhängig von Einzelsprachen systematisch beschrieben [8: 34]. Ausgehend von drei Niveaustufen – A 1/2, B 1/2, C 1/2 – wird dargelegt, welche Kompetenzen Lernende erwerben müssen, um entsprechend diesen Niveaustufen erfolgreich zu kommunizieren. Unter erfolgreichem Kommunizieren versteht man, dass ein Sprecher in einer bestimmten Situation sprachlich so handeln kann, dass er seine Intentionen erreicht. Sprechen ist stets Handeln in einer bestimmten Situation und in einer bestimmten Welt. Der Sprecher weiß bzw. muss wissen, wie diese „alltägliche Welt“ funktioniert. Jeder Sprecher muss deshalb über einen Vorrat an Wissen

verfügen, der auch für die anderen Sprecher einer Sprachgemeinschaft relevant ist [12]. Der Sprecher handelt außerdem entsprechend den Kriterien der jeweiligen sozialen Situation. Diese sind häufig weitgehend normiert – so gelten in einem Gespräch zwischen Studierenden und Professor andere Kriterien als in einem Gespräch zwischen Studentinnen und Studenten. Kommunikation ist gerade dann erfolgreich, wenn die Sprecher diese situativen und alltagsrelevanten Kriterien berücksichtigen, vgl. die Einteilung des GeR in „allgemeine“, „linguistische“, „soziolinguistische“ und „pragmatische Kompetenzen“ [9: 139, 141; 11: 12-30; 8: 103 – 109, 36, 109 – 110, 118 – 122, 123 – 130].

Untersucht wurden ca. 20 Applikationen zur lexikalischen, grammatischen und phonologischen Kompetenz sowie zu den Kompetenzen *Hören*, *Sprechen* und *Schreiben*. Im Allgemeinen werden die drei Niveaus des GeR berücksichtigt. Viele Apps sind einsprachig oder zweisprachig Deutsch – Englisch.

Thematisch sind die Apps an Alltagsthemen orientiert.

Das Angebot zu Lexik und Grammatik sowie zum *Hören*, *Sprechen* und *Schreiben* ist umfangreich. Wenig berücksichtigt sind Aussprache/Intonation und Orthographie, d. i. die phonologische Kompetenz. Zur Lesekompetenz wurde keine App gefunden.

Zum Selbststudium sind Apps gut einsetzbar, wenn die Lerner mindestens über das Niveau A 1 verfügen, besser über A 2 oder B 1. Voraussetzung sind die Beherrschung des lateinischen Alphabets, Kenntnisse in Grammatik und Lexik, Aussprache und Intonation sowie interkulturelles Wissen.

Die vorherrschende Lernmethode beruht auf dem behavioristischen Prinzip der Nachahmung und der Pattern Drills [1: 229]. Regeln werden nur manchmal angegeben. Wenn eine Rückmeldung oder Korrektur erfolgt, so bleibt diese ohne Begründung.

In den Apps zur Lexik (als Beispiele seien genannt [5] und [4]) wird ein an Alltagsthemen orientierter Wortschatz vermittelt. Dieser besteht in der Regel aus Einzelwörtern, also Konkreta, deren Bedeutung bildlich dargestellt werden kann. Adjektive und vor allem Verben sind eher selten zu finden, da sich ihre Bedeutung nicht so einfach bildlich darstellen lässt. Die für die Kohärenz von Äußerungen wichtigen Strukturwörter wie Pronomina, Adverbien, Präpositionen und Konjunktionen fehlen nahezu immer. In der Regel sind die Wörter kontextunabhängig aufgeführt. Alltagsrelevantes Wissen und situative Merkmale werden also nicht berücksichtigt. In den sogenannten Sprachführern (Als Beispiel sei genannt [4]) wird deutlich, dass der fehlende Bezug darauf zu Missverständnissen führen kann. In dem Sprachführer-App „Deutsch lernen“ zeigt sich dies am Beispiel der Anrede du-Sie-ihr; „du“ und „Sie“ werden zwar von Deutschen und Russen in ähnlicher Weise, aber nicht gleich gebraucht, und dieser Unterschied wird nicht deutlich [10].

Die in den Grammatik-Apps vorgeschlagenen Übungen [3] sind häufig Multiple-Choice-Übungen, und zwar nach folgendem Muster: In der angegebenen Äußerung fehlt die grammatikalische Endung, z. B. eines Kasus, die richtige Endung soll aus den angegebenen Möglichkeiten ausgewählt werden. Am Ende der Übung erhält der Lerner eine Rückmeldung, wie viele Endungen richtig bzw. falsch sind. In einem Gesamtüberblick werden alle Lösungen – richtige wie falsche – aufgeführt. Regeln und Begründungen werden nicht genannt, die Sätze werden nicht gesprochen, auch hier sind die Äußerungen kontextunabhängig.

Sprach-Apps zu den Kompetenzen *Hören*, *Sprechen* und *Schreiben* sind teilweise gute Materialsammlungen, diese bedürfen jedoch der Bearbeitung und der individuellen Rückmeldung seitens des Lehrenden. Als Beispiel sei die App „Deutsch lernen – 8000 Videos“ [6] genannt. Um das Hörverstehen jedoch zu überprüfen, sollten Fragen zu den Filmen gestellt werden. Die Apps zur Kompetenz *Sprechen* [7] enthalten meist Dialoge auf Deutsch, die mit englischer Übersetzung untertitelt sind. Die Frage, was der Lernende mit solchen Musterdialogen anfangen soll, bleibt offen. Auch die Apps zur Kompetenz *Schreiben* [2] enthalten Anweisungen, wie z. B. ein Brief zu schreiben ist, und bieten dann einen Musterdialog. Also auch hier ist eine individuelle Rückmeldung Voraussetzung für einen Lernfortschritt.

Критично важно видеть, что повседневные критерии и ситуативные признаки - также в упомянутых приложениях по *Слушать*, *Говорить* и *Писать* - в лучшем случае косвенно очевидны. Они не рассматриваются и не объясняются в ни одном из исследованных приложений.

Немного проблематично также то, что ожидания и содержание не всегда совпадают. Приложения по компетенции *Говорить* предлагают в исследованных приложениях только письменно зафиксированные тексты и/или диалоги, тогда как ожидается именно разговор. Другая проблема заключается в том, что многие приложения одноязычные или двуязычные (английский - немецкий). Одноязычные приложения могут быть для начинающих сложными. Другим недостатком является то, что приложения не всегда без ошибок.

Результаты анализа показывают, что приложения могут дополнять языковую подготовку, но не заменяют преподавателя или модератора.

Литература

1. Bausch, K.-R./Christ/H. Krumm, H.-J. Hg. Handbuch Fremdsprachenunterricht, 4. Auflage, Tübingen und Basel 2003. – S. 225 – 241
2. Brief schreiben Übungen A 1. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=de.germatik.BriefSchreibenUbungenA1>
3. Deutsch B 1 Übungen. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.grammatikubungen.prufungb1&hl=de>
4. Deutsch lernen: Deutscher Sprachführer/Übersetzer. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.bravolang.german>
5. Deutsch Lernen 6000 Wörter Fun Easy Learn. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.funeasylearn.german>
6. Deutsch lernen 8000 Videos. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.tiengduc123.videos.deutschlernenmit8000videos>
7. Deutsch Sprechen A 1. 2017. 21. September. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=de.germatik.DeutschSprechenlernenA1>
8. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: Lernen, lehren, beurteilen. (GeR) - Straßburg: Langenscheidt 2001. – 244 S. 2017. 21. Sep. URL: <http://www.goethe.de/z/50/commeuro/i5.htm>
9. Heringer, H. J. Interkulturelle Kommunikation, Tübingen 2004. – 240 S.
10. Лерхер, Х (Lörcher, Н.). К вопросу о лингвокультурологической коммуникации между русскими и немцами, доклад на XVI Международной научно-практической конференции, 19-21 апреля 2017 г., РГПУ им. А.И. Герцена, erscheint 2018.
11. Lörcher, H. Gesprächsanalytische Untersuchungen zur Arzt-Patienten-Kommunikation. Tübingen: Niemeyer 1983. – 213 S.
12. Schütz, A. Das Problem der Relevanz, Hg. und erläutert von M. Zander, Frankfurt/Main 1971 – 234 S.

Е.А. Литвинова
(г. Воронеж, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В настоящее время проблема преподавания иностранного языка в неязыковом вузе является весьма актуальной, так как перед преподавателями иностранного языка стоит задача не только обучить студента иностранному языку, но и сформировать личность студента, которая будет способна участвовать в межкультурной коммуникации.

В настоящее время можно отметить, что благодаря зарубежным контактам нашей страны в различных сферах, появляется необходимость в изучении иностранных языков и поисках новых подходов, методик и технологий преподавания.

Изучение культуры и языка несет в себе не только общеобразовательные идеи, но и одновременно обеспечивает развитие личности, поддерживает мотивацию обучаемых. Перед преподавателями стоит задача формирования именно положительной мотивации, необходимо связать ее с познавательными интересами студентов, потребностью в овладении

новыми знаниями, умениями, навыками. Студенты, занимающиеся изучением иностранного языка, должны обладать хорошими коммуникативными навыками, которые в дальнейшем сыграют важнейшую роль в их профессиональной деятельности. Для того чтобы стимулировать развитие этих навыков, нужно выбирать такие методы обучения, которые будут наиболее способствовать этому [1: 10].

Исследования и опыт показали, что для поддержания плодотворной и эффективной деятельности учащихся удачно применение нетрадиционных форм проведения занятий, например таких, как использование аутентичных видео и аудио материалов, дискуссий, спектаклей, поставленных на изучаемом иностранном языке, и так же организация социально-культурных мероприятий, стимулирующих интерес к изучению иностранного языка. Более того, организация подобного рода мероприятий играет значительную роль в формировании социокультурной компетенции студентов неязыковых вузов. Дело в том, что такие формы занятий поддерживают интерес студентов к иностранному языку и повышают мотивацию [2:67-68]. Во время подобных занятий расширяется кругозор студентов, происходит формирование интеллектуально-творческой личности, и более того, активное формирование навыков говорения на иностранном языке, что, по сути, является главной функцией языка, приобретает информация о культуре и традициях страны, изучаемого языка. Благодаря использованию традиционных и инновационных методов обучения иностранному языку нам представляется возможным научить студента работать с текстами по своей специальности, понимать речь носителей языка и иметь возможность вступить в межкультурную коммуникацию. Основой для обучения в условиях неязыковой среды будет служить текст на иностранном языке. Преподаватель должен отобрать типы текстов по изучаемой специальности, которые помогут студенту реализовать коммуникативные возможности говорения. Например, можно различать тексты:

- по средству передачи: устные и письменные;
- по характеру изложения: описание, сообщение, рассказ, рассуждение, рассмотрение и их комбинации в специальных видах текстов, таких как аннотации, рецензии и т.д.;
- по степени специализированности и отношения к адресату: исследовательские, такие как монографии, научные статьи, обучающие, т. е. статьи и тексты из учебников, справочников, словарей и т.п. [3: 17].

Как показывает наш опыт, следует начинать с простейших описаний и характеристик и монологической формы их обработки на самом начальном этапе. Затем можно изучать и более сложные по структуре и стилю тексты, но как можно раньше стараться выработать у студента алгоритм. Необходимо также выбирать тексты согласно языковому уровню обучаемого, его будущей специальности, возрасту и т. д.

Таким образом, современные подходы в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе заключаются в умении сочетать методы обучения, основанные на функционально-коммуникативной модели языка и разработке целостной системы обучения студентов речевому общению в рамках профессиональных тем.

Литература

1. Баклашкина М.В. Обучение иноязычному межличностному общению на занятиях по иностранному языку в школе и вузе // Иностр. языки в школе. – 2009. – № 1. – С. 9-13.
2. Клейменова Н.М. Использование активных приемов обучения на занятиях по французскому языку со студентами // Иностр. языки в школе. – 2011. – № 1. – С. 66-69.
3. Никитенко З.Н. Аутентичные тексты как один из элементов национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку на начальном этапе. – ИЯШ № 4, 1996. – С. 14-21.

Д.С. Майорова
(г. Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ В ОБРАЗОВАНИИ

В настоящее время возрастает роль информационно-коммуникационных технологий в сфере образования, что может обуславливаться прогрессирующей информатизацией общества и доступностью соответствующих технических средств. В связи с этим увеличивается потребность в переводе специальной дидактической и методической литературы, для которой, как правило, свойственно обилие терминов разной степени сложности. При этом наше внимание привлекло отсутствие комплексных научных работ, посвящённых изучению русско-французской терминологии в данной области, в результате чего мы провели исследование на пересечении терминологической и переводческой проблематики. Вышесказанное объясняет актуальность исследования, а его научная новизна связана с недостаточной изученностью терминологического аппарата в области ИКТ в сфере образования. Целью данной работы было рассмотрение тематических терминов в русском и французских языках с последующим выделением их особенностей для использования в дальнейшей переводческой и научной деятельности.

В первую очередь стоит отметить, что значение терминов и важность их предельно точного перевода подчеркивались многими лингвистами [3; 7; 9, 10], так как грамотный перевод невозможен без полного понимания иноязычного текста. В рамках интерпретативной теории перевода, на которую мы опирались при проведении нашего исследования, утверждается, что при работе с научными, техническими или профессионально ориентированными текстами на иностранном языке переводчик должен обогащать свои экстралингвистические знания, пополняя свой когнитивный багаж сведениями из тематической справочной литературы в ходе осуществления справочно-информационного поиска [1; 2; 4; 8].

Детально изучив аутентичные источники по использованию ИКТ в сфере образования, мы отобрали 15 терминов на русском и 15 терминов на французском для их более глубокого изучения: *видеоконференция, вебинар, виртуальная (учебная) среда, дистанционное обучение, ИКТ и ИКТ в образовании, интерактивная доска, информатизация и компьютеризация, массовый открытый онлайн-курс (МООК или МООС на английском языке), мультимедийное обучение; смешанное обучение; обучающая программа, онлайн-обучение, обучающее руководство*, а также соответствующие им французские термины *visioconférence, webinaire, espace numérique de travail, formation ouverte et/ou à distance (FOAD), tableau blanc interactif (TBI), technologies de l'information et de la communication (TIC) et technologies de l'information et de la communication pour l'enseignement (TICE), informatisaion et médiasation, formation en ligne ouverte à tous (FLOT или МООС), téléenseignement, apprentissage mixte, didacticiel, formation en ligne, tutoriel* и их синонимы. Проанализировав значение и особенности употребления выбранных терминов в русском и французском языках, мы пришли к следующим выводам:

- Сложность работы с изучаемыми нами терминами заключается в отсутствии специализированных русско-французских двуязычных словарей и пособий; кроме того, некоторые термины, используемые в специализированной литературе, не представлены даже в одноязычных толковых словарях. Так, например, во французском словаре *Larousse* нет упоминаний о так называемых *tableaux blancs interactifs (TBI)*, то есть об интерактивных мультимедийных досках, ввиду низкой скорости обновления словарей;

- Как в русском, так и во французском языке изучаемым терминам свойственно наличие синонимов. (При этом использование нескольких терминов-синонимов в одном тексте считается недопустимым, так как затрудняет чтение для читателя [6], а С. В. Гринёв-

Гриневич относит наличие синонимов к недостаткам терминологической системы [5].) Например, «видеоконференция» может быть переведена на французский язык как *visioconférence* или *vidéoconférence*, а «онлайн-обучение» — как *formation en ligne*, *apprentissage en ligne* или *e-learning*;

- И в русских, и во французских текстах в качестве терминов могут использоваться англицизмы. К примеру, вместо «онлайн-обучения» или *formation en ligne (apprentissage en ligne)* во французском языке иногда употребляется англицизм *e-learning*, а для обозначения обучающих руководств – *tutorial* вместо французского *tutoriel*. По всей видимости, распространённость англицизмов в данном случае обусловлена зависимостью терминов от компьютерной лексики, которая представлена преимущественно английским языком;

- Для некоторых исследуемых терминов во французском языке характерно отсутствие общепринятого написания, что может создать дополнительные трудности при оформлении перевода. К примеру, в словаре *Larousse* содержатся два варианта написания *téléenseignement*: *téléenseignement* и *télé-enseignement* соответственно [10];

Таким образом, на основе проведённого исследования можно заключить, что терминосистема в области использования информационно-коммуникационных технологий в сфере образования ещё находится в стадии становления или нормализации, так как многие из рассмотренных нами терминов не унифицированы: всё это подчеркивает необходимость кодификации и дальнейшего изучения данного терминологического аппарата.

Литература

1. Алексеева Е. А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: учебно-методическое пособие. – Воронеж.: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. – С. 100.
2. Алексеева Е. А. Допереводческий анализ текста как способ формирования навыков понимания // Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2001. – Вып. 3. – С. 7-8.
3. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 352.
4. Гавриленко Н. Н. Формирование умений информационно-справочного поиска при переводе профессионально ориентированных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – №12 (618). – С. 81-89.
5. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 304.
6. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводах и переводчиках научно-технической литературы. – М.: «Р. Валент», 2006. – С. 508.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 253.
8. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода: пер. с французского Н. А. Фененко, Е. А. Алексеева. – Спб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. – С. 223.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? – М.: «Готика», 1999. – С. 176.
10. Табанаква В. Д. Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – Филология (№1) . – С. 72-81.
11. Dictionnaire de français Larousse. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/télé-enseignement_télé-enseignements/77057

Е.А. Макарова
(г. Таганрог, Россия)

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОЕКТОВ В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Под профессионально-ориентированным понимается обучение, основанное на учете потребностей студентов, диктуемых особенностями будущей специальности [1]. Стратегическое направление развития образования в современном обществе

предусматривает, что специалисты будут уметь применять приобретенные знания на практике для решения профессиональных проблем, возникающих на их пути; критически мыслить, генерировать новые идеи; общаться с представителями различных социальных групп, умело выходя из любых конфликтных ситуаций; адаптироваться в изменяющихся жизненных ситуациях; осуществлять международное сотрудничество в сфере профессиональной коммуникации; самостоятельно работать над развитием своей нравственности, интеллекта, повышением общекультурного уровня [2].

К принципам проектирования профессионально-ориентированных технологий обучения относятся:

- принцип интеграции обучения с наукой и производством;
- принцип профессионально-творческой направленности обучения;
- принцип ориентации обучения на развитие личности;
- принцип ориентации обучения на развитие опыта самообразования [3].

Единство знаний – это одна из величайших идей интеллектуальной истории. Единство мира, как и единство истории природы и человека, отражено в постоянно растущем количестве наук, которые выражают данное единство. Общее понимание может быть достигнуто только при применении междисциплинарного научного подхода, который преодолевает традиционные барьеры между дисциплинами. Интеграция научных дисциплин и методы междисциплинарного исследования, которые вносят вклад в естественные и в социальные науки, обогащают и сферу гуманитарных наук.

Вот несколько примеров интеграции знаний из различных научных сфер для практического решения исследовательских задач:

1. интеграция психологии, социологии и экономики в исследовательском проекте, направленном на решение проблемы мотивации сотрудников фирм эффективно работать и добиваться планируемых результатов [4: 546];

2. интеграция социологии, экономики и демографии в проекте, направленном на выяснение причин различия материального достатка семей разной национальности [5: 18];

3. интеграция биологии, социологии и экономики в проекте для решения вопроса – в каком возрасте ребенок должен начинать ходить в детский сад при двух работающих родителях, определяется зависимость материального благополучия семьи от распределения дохода, от социальных проблем, от уровня образования родителей, от состояния здоровья ребенка и т.д. [6: 32].

Инструментарием для таких исследований является междисциплинарный анализ, который рассматривает вопрос одной науки через призму другой (например, как физики исследуют музыку, социологи смотрят на религию и т.д.), рассматривает проблему с разных точек зрения, не интегрируя системно-дисциплинарные перспективы исследования, либо рассматривает проблему с одной точки зрения, что приводит к интеграции альтернативных перспектив в согласованную систему анализа [7: 12].

Проектное обучение моделирует ситуации реального профессионального поиска с целью решения поставленных комплексных задач. Целью проектного обучения является развитие творческого потенциала студентов и создание условий, при которых они

- самостоятельно приобретают недостающие знания из разных источников;
- учатся пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных, практических и профессиональных задач;
- приобретают коммуникативные умения, работая в команде;
- развивают у себя исследовательские умения;
- развивают системное и междисциплинарное мышление.

Проектно-ориентированное обучение должно способствовать решению следующих методических задач: формирование умений и навыков критического мышления в условиях работы с большими объемами информации, самостоятельной работы с информацией, самообразования, работы в команде, самоконтроля; развитие умений формулировать задачу и намечать пути ее решения [4: 543].

Особенности предметов гуманитарного блока, таких как психология, социология, антропология, философия, политология, культурология и иностранные языки, состоит в том, что их использование в междисциплинарных проектах придает этим проектам практическую направленность. Студенты, для которых дисциплины гуманитарного блока не являются профилирующими, получают практический опыт использования полученных теоретических знаний для решения прикладных задач. Междисциплинарные проекты отличаются тем, что требуют интеграции и синтеза различных точек зрения, а не просто параллельного рассмотрения нескольких вариантов решения проблемы с целью выбрать лучшую из них. Чем моложе студенты, тем легче и естественнее они соединяют вместе различные области знаний для понимания мира вокруг. Окружающий нас мир междисциплинарен по природе своей, студенты демонстрируют междисциплинарное мышление, когда используют концепты, методы, формы коммуникации, присущие двум или более дисциплинам, для того, чтобы решить проблему, создать продукт, поставить по-другому исследовательскую проблему в том случае, когда ее решение невозможно при использовании знаний только одной дисциплины.

Междисциплинарность позволяет интегрировать знания и исследовательские методы из различных академических дисциплин при изучении проблемы. В ходе выполнения таких проектов студенты получают возможность анализировать ту или иную дисциплину с точки зрения ее пригодности для решения поставленной исследовательской задачи, а также связи и взаимодействия в более широких контекстах.

Одним из элементов успешности молодого специалиста на мировом рынке труда выдвигается владение им иностранным языком. В современных условиях иноязычное общение становится существенным компонентом будущей профессиональной деятельности, в связи с этим значительно возрастает роль дисциплины «иностраный язык» на неязыковых факультетах вузов. Привлечение студентов к международным междисциплинарным проектам помогает им развивать знания, понимание, компетенции, навыки решения проблем, уверенность в себе, эффективность, фактором развития мотивации к обучению являются общие цели, поставленные в проекте, междисциплинарное обучение и исследовательская работа способствуют реализации этих целей. Междисциплинарное обучение стимулирует развитие познавательных способностей и других исследовательских качеств студентов [9]. Исследования выявили ряд образовательных преимуществ международных междисциплинарных проектов, включая:

- междисциплинарное обучение помогает студентам обнаружить ряд предубеждений или распознать необъективность;
- критическое мышление - последние достижения в области науки стимулируют обучение, когда студенты рассматривают и исследуют уже существующие теории и идеи в процессе обучения, анализируют, оценивают их практическую значимость;
- примирение с существующими в мировой науке представлениями достигается путем признания источников ранее существовавших знаний. Это помогает выделить идею из целого ряда дисциплин, которые способствуют пониманию рассматриваемого вопроса, помогает развивать способность интегрировать идеи из этих дисциплин в более широкие концептуальные рамки международных междисциплинарных исследований, помогает развивать критическое мышление и способствует когнитивному развитию студентов;
- признание и оценка национальных достижений достигается в процессе международного обмена и совместных проектов, в ходе которых студенты готовы отбросить ранее существовавшие представления и более открыты для принятия методов и приемов, которые способствуют взаимопониманию [10; 11].

В результате студенты развивают способность оценивать не только различия между дисциплинами, но и особенности национальной научной школы другой страны, что приводит к более широкому пониманию вопросов в рамках исследования, развивает широту интеллекта, учит толерантности и дает возможность практически применять иностранный

язык для получения информации и для обсуждения полученных результатов, тем самым развивая межкультурную коммуникативную компетентность.

Литература

1. Рыбкина, А.А. Педагогические условия формирования профессиональных умений курсантов учебных заведений МВД в процессе обучения иностранному языку. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2005. – 152 с.
2. Дмитренко Т.А. Профессионально-ориентированные технологии обучения иностранным языкам. Монография. – М.: Прометей. МПГУ. 2009. – 502 с.
3. Дмитренко Т.А. Методика преподавания английского языка в вузе. Учебное пособие. – М.: МЭЛИ. 2009. – 92 с.
4. Akerlof G. (1982). Labor Contracts as Partial Gift Exchange. *The Quarterly Journal of Economics* 97 (4), 582 pp.
5. Chiteji N.S. and Darrick Hamilton (2002). Family Connections and the Black-White Wealth Gap among Middle-Class Families. *The Review of Black Political Economy/Summer 2002*, – p.1-22.
6. Bedard Kelly, Elizabeth Dhuey (2006). The Persistence of Early Childhood Maturity: International Evidence of Long-Run Age Effects. Department of Economics University of California, Santa Barbara. – p.1-35.
7. Чучалин А.И., Герасимов С.И. Компетенции выпускников инженерных программ: национальные и международные стандарты. // Высшее образование в России. – 2012. – №10. – С. 3-14.
8. Чучалин А.И. Повышение качества инженерного образования в условиях модернизации экономики страны. // Вестник высшей школы Alma Mater. – 2011. – № 11. – С. 12-17.
9. Repko A. (2009). *Interdisciplinary Research: Process and Theory*. 2nd ed. SAGE Publications (CA), – 395 pp.
10. Kavaloski V. (1979) *Interdisciplinarity and Education*. Pennsylvania State University Press, – 282 pp.
11. Newell A. (1990) *Unified Theory of Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, – 544 pp.

Ф.М. Мещеряков, В.П. Куликов
(г. Таганрог, Россия)

ОБУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ БАСНЕ НА УРОКАХ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Одной из эффективных форм работы при изучении немецкого языка в старших классах является внеклассное чтение. Чтение имеет ряд факторов, которые определяют специфику как вида речевой деятельности, а также играют особую роль при овладении иностранной речью: (1) автономность чтения, (2) средство общения с носителем языка, (3) возможность выбрать собственный темп работы. Перечисленные факторы подводят к мысли о необходимости усиления роли чтения в процессе обучения иностранному языку [2: 195-198].

Несмотря на всю известность и довольно основательную разработанность отдельных видов работ с текстом (задания грамматические, лексические, интерпретационные), сама работа с текстом в целом представляет собой довольно сложный клубок методических и дидактических целей. Об этом ярко свидетельствуют методики работы над текстом, направленные на обучение чтению, как важнейшему способу иноязычного опосредованного общения [5; 4: 242; 1; 3: 23].

С учетом имеющихся методик мы выбрали для внеклассной формы чтения прозаические басни, в частности, басни Готхольда Эфраима Лессинга. Во-первых, басни по своему малому объему очень практичны, они занимают мало времени для чтения, во-вторых, темы, поднимаемые в баснях, несмотря на время их написания, не теряют актуальности и в наши дни, а отношение автора к чертам характера, присущим человеку, а также явлений, характерных для общества, ставит басню в один ряд с текстами, имеющими чисто воспитательную направленность; в-третьих, методическая ценность изучения басен заключается еще и в том, что, как показал анализ методической литературы, на более позднем этапе обучения школьников басне не уделяется внимания (в основном, имеется достаточно литературы, касающейся форм работы над басней на раннем этапе обучения

школьников). Кроме того, такая форма работы как внеклассная создает более свободное пространство для коммуникативности учащихся.

Используя немецкие басни во внеклассном чтении мы имеем дело с текстом не только как лингвистическим объектам или художественным произведениям, но и с текстом как единицей обучения. То есть, текст становится упражнением, если ему предпослана определённая коммуникативная задача и предусматриваются задания по переработке текста, нацеленные на её решение. Работа над текстом организуется посредством серии предтекстовых и послетекстовых заданий.

В качестве предтекстовых заданий мы сочли необходимым предложить учащимся информацию о жанровых и структурных характеристиках немецкой басни как представителя малоформатного текста эпического жанра, например, быстрая смена событий, отсутствие вводной информации или месте или времени, что объясняется типом басни, а также ее объемом, простота действия, ограниченное количество героев, отношение автора к событиям и героям, вариативность басни, присутствие или отсутствие конфликта и т.д.

Выявление жанровых и структурных характеристик позволило, в свою очередь, разработать комплекс упражнений, направленных на развитие навыков чтения немецкой басни. Весь комплекс заданий состоит из двух блоков. *Первый из них — теоретический.* Он направлен на формирование, развитие и контроль теоретических знаний по историческим, жанровым, структурным и тематическим аспектам басни:

1. Происхождение немецкого слова «Fabel». 2. Многозначность термина «Fabel». 3. История происхождения басни в мире, в Европе и в Германии. 4. Основные представители басни в Европе и Германии. 5. Информация о жанрах и о поджанрах эпического жанра. 6. Представители малой формы эпического жанра. 7. Жанровые характеристики басни. 8. Структурные характеристики басни. 9. Виды басен. 10. Герои басен. 11. Тематика басен.

Контроль усвоения теоретического материала может быть оформлен в виде вопросов и тестовых заданий. Мы ограничимся здесь только вопросами к первому заданию, например:

1. **Вопрос:** Aus welcher Sprache kommt das Wort Fabel?

a) aus dem Deutschen b) aus dem Französischen c) aus dem Englischen d) aus dem Russischen e) aus dem Lateinischen

Поскольку обучение чтению предусматривает, в первую очередь, знание лексического материала, то был разработан *второй блок упражнений* на формирование, развитие и совершенствование лексических навыков. В этот же блок нами включены упражнения, способствующие развитию творческого мышления, например, по отгадыванию названия басен, выявлению качеств животных в баснях, определить тематику басен.

Опыт обучения басни на уроках по внеклассному чтению на старшей ступени обучения показывает, что такая форма работы создает благоприятные условия для ощущения раскованности школьников; они не стеснены рамками обязательного выполнения заданий. Этот факт, а также подобранные виды заданий, в свою очередь, развивают воображение учащихся, самостоятельную творческую деятельность, стимулируют мотивацию учения.

Литература

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника (опыт системно-структурного описания) – М.: Русский язык, 1977. – 288 с.
2. Ващук Д. С. Организация внеклассной работы по изучению иностранного языка школьниками в летний каникулярный период// Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. № 9. – С. 195-198.
3. Вачкова С. Н. Методика работы с басней в современной школе// Московский городской педагогический университет, 2001.– 176 с.
4. Куликов В.П. Текст – это карта, на которой все дороги ведут в Рим (о комплексном подходе к чтению текстов) // Вопросы филологии, психологии, педагогики и естествознания в школе и вузе: Сборник научных трудов. – Таганрог: ТГПИ, 2002.– С. 242-245.
5. [Электронный ресурс]. – URL <http://festival.1september.ru/>

М.И. Мещерякова
(г. Таганрог, Россия)

СПЕЦИФИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Процесс интеграции и междисциплинарного подхода приобретает все большую значимость в учебном процессе. Его цель состоит в том, чтобы активизировать внимание учащихся, разнообразить познавательную и учебную деятельность, создать творческую обстановку на уроке. Ценность процесса интеграции состоит и в том, чтобы обобщить знания самих учителей, которые обычно ограничены рамками своего предмета. На развитие педагогической идеи процесса интеграции существенно влияет прогресс научного познания. Интеграция тесно связана с дифференциацией. Эти процессы отражаются на построении системы учебных предметов и поиске способов обобщения знаний учащихся.

Интеграция – процесс сближения и связи наук, происходящий наряду с процессами дифференциации. Процесс интеграции представляет собой высокую форму воплощения междисциплинарных связей на качественно новой ступени обучения [2].

Междисциплинарный подход в содержательном и технологическом отношении близок к компетентностному подходу. Так же, как и последний, он способствует формированию у обучающихся навыков самооценки, рефлексии, способности к построению индивидуальной образовательной траектории, помогает формированию умений и навыков научно-исследовательской, проектной и социальной деятельности; на его основе осуществляется формирование широкого круга коммуникативных компетенций, развивается готовность к взаимодействию с коллегами, к работе в команде, в коллективе.

В контексте ФГОС [1] начального общего и основного общего образования междисциплинарный подход нашел применение и в общеобразовательной школе [4]. В последние годы появились также исследования, посвященные внедрению междисциплинарного подхода на различных ступенях профессионального образования, включая обучение иностранному языку [3: 16,19], [6: 52-53]. В частности, междисциплинарный подход нашел применение в процессе преподавания в вузе русского языка как иностранного, когда «новые лексические единицы предъявляются студентам не как понятия, а как концепты – словесные отражения представлений, сочетание семантики слова с тем содержанием, которое дополнительно вкладывается в слово, исходя из личного опыта, знаний, представлений и т.д.»

С другой стороны, иностранный язык уже в силу своей специфики, как средство межкультурной коммуникации, сам по себе представляет «метапредмет», который может стать инструментом интеграции, помогающим преодолеть разобщенность различных отраслей знания. Подобная методика в обучении иностранному языку доступна даже в начальной школе, при этом идея метапредметности (анализ, синтез, сравнение, обобщение информации, доказательство, опровержение и пр.) сочетается с игровыми формами обучения («логические пятиминутки», «гонка за лидером», «рефлексивная мишень», «заочная экскурсия», «лечение слабого места в слове» и др.) [5], проведением междисциплинарных уроков (английский язык + окружающий мир, английский язык + ИЗО и пр.)

Цель применения междисциплинарного подхода на уроках иностранного языка в техникуме – подготовка специалиста, компетентного в сфере своей специальности, способного вести активное межкультурное профессиональное общение по любой тематике, готового к рефлексии, самооценке и саморазвитию.

Синтез и анализ разнообразной иноязычной и метапредметной информации на базе междисциплинарного подхода позволяет формировать ключевые (метапредметные) компетенции студентов. Основными методическими средствами в данном случае выступают:

- тщательный целенаправленный отбор материала для занятий, предполагающий интеграцию лингвистических знаний с разнообразной информацией смежных дисциплин (математические формулы и модели, схемы, диаграммы, формулировки естественнонаучных законов, решение различных видов прикладных задач с использованием аутентичных текстов на иностранном языке, анализ текстов различных стилей (публицистический, научный, художественный, поэтический и др.);
- применение инновационных образовательных технологий и интерактивных методов и моделей обучения, позволяющих реализовать иноязычное общение в форме студенческих научных конференций на иностранном языке, круглых столов, мастер-классов и т.д.;
- использование различных видов лексических и грамматических упражнений, разнообразных приемов и форм перевода (буквальный и идиоматический перевод, устный и письменный перевод, информативный перевод и др.), позволяющих формировать метапредметные компетенции обучающихся на базе стимулирования аналитико-синтетической деятельности [6].

Целенаправленное применение междисциплинарного подхода в процессе преподавания иностранного языка в техникуме в настоящее время только начинается, однако нет сомнений в том, что данный подход, наряду с другими инновационными образовательными технологиями, займет достойное место в арсенале средств преподавателя иностранного языка как один из инструментов гуманитаризации образования в техникуме, способствующий формированию профессионально-компетентной, образованной гармоничной личности, обладающей навыками критического мышления и способной находить самостоятельные нестандартные решения в реальных жизненных ситуациях.

Литература

1. Федеральные государственные образовательные стандарты. Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/> (архивировано 03.05.2012)
2. Глинская Е.А., Титова С. В. Межпредметные связи в обучении – 3-е изд. – Тула: Инфо, 2007. – 44 с.
3. Кузнецова Н.С. Метапредметный подход в транскультурном образовании иностранных студентов как единство модульного обучения и внеаудиторной деятельности // Проблемы и перспективы развития образования (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. –С. 16-19.
4. Новикова Л.И. Современная школа: проблемы гуманизации отношений учителей, учащихся и родителей. – М.: Просвещение, 1993. – 214 с.
5. Рощина И.Н. Метапредметные результаты обучения английскому языку в начальной школе. Овладение универсальными учебными действиями. [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskii-yazyk/library/metapredmetnye-rezultaty-obucheniya-angliyskomu>. (архивировано 14.02.2013)
6. Скорынина Н.И. Метапредметный подход в преподавании физики. // Мат-лы конференции «Наука, образование, бизнес: проблемы, перспективы, интеграция» 28 февраля 2013 г., М., Минобрнауки: «Ар-Консалт», 2013. Часть 4. – С. 52-53.

Н.И. Мирошниченко
(г. Таганрог, Россия)

ОТБОР СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ АРГУМЕНТИРОВАННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНОГО БЛОГА В СТАРШИХ КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Современное общество нуждается в воспитании человека, умеющего грамотно формулировать собственную точку зрения, аргументировано излагать ее как устно, так и письменно, рассматривать предмет обсуждения с различных позиций. Данное требование к

выпускникам средних общеобразовательных школ нашло свое отражение в государственном образовательном стандарте общего образования (2004), примерных программах по иностранному языку, в соответствии с которыми учащиеся должны уметь создавать письменное высказывание с элементами рассуждения [6: 45].

Однако практика показывает, что старшеклассники испытывают большие трудности в выражении собственного мнения, особенно в формулировании и логическом выстраивании аргументов, решении речевой задачи в полном объеме, использовании соответствующих средств межфразовой связи.

Основные причины неразвитости вышеуказанных умений кроются, на наш взгляд, в отсутствии четко разработанной методики обучения старшеклассников письменной аргументированной речи, с одной стороны, и в недостаточном использовании средств, способствующих наиболее эффективному развитию данных умений, с другой. К таким средствам относят информационно-коммуникационные технологии.

В предыдущем исследовании мы рассмотрели возможности использования учебного блога в обучении старшеклассников письменной речи [4]. Выбор данного средства был обусловлен тем, что блог является одним из ключевых сервисов в сетевом пространстве и раскрывает свой методический потенциал преимущественно в свете обучения иноязычной письменной речи.

Целью настоящего исследования является рассмотреть методические основы изучаемого вопроса, а именно, раскрыть содержание обучения старшеклассников написанию текста-рассуждения посредством учебного блога.

По мнению большинства отечественных методистов, содержание обучения должно состоять из трех компонентов: лингвистического, психологического и методологического.

Перейдем к рассмотрению первого компонента содержания обучения - лингвистического. В соответствии с действующим государственным стандартом образования и составленными на его основе примерными программами обучения немецкому языку в средних общеобразовательных школах предметное содержание речи старшеклассников представлено тремя сферами общения - социально-бытовой, социально-культурной и учебно-трудовой [6: 167], каждая из которых включает определенное количество тем общения. В контексте каждой темы необходимо выделить круг проблем, так, например, для темы «семья», относящейся к социально-бытовой сфере общения можно выделить такие проблемы: повседневная жизнь семьи, ее доход, жилищные и бытовые условия проживания, общение в семье.

Необходимо также отобрать клише для выражения собственного мнения (*Ich bin der Meinung...*), собственной аргументации (*Um diesen Standpunkt zu beweisen, möchte ich folgende Argumente anführen...*), выражения противоположного мнения (*Während Herr L. davon überzeugt ist, dass...*), полного или частичного согласия (*Ich stimme (ihm) völlig zu; das stimmt schon, aber...*), выражения несогласия (*Das stimmt einfach nicht*), для написания заключения (*Zusammenfassend möchte ich sagen, dass...*), оформления демонстрации (*Beispielhaft für diesen Standpunkt ist...*) и, наконец, для раскрытия проблемы (*Es ist heute aktuell...*).

Однако отбор речевого материала заключается не только в выделении клише, необходимых ученикам для создания соответствующих компонентов итогового продукта, но и в описании текстов, предложенных ученикам в качестве образцов. Так, например, исследователь А.А. Полетаев предлагает моделировать канонические тексты по следующим критериям [5: 75-76]:

- 1) наличие проблемы, значимой для учеников с точки зрения их жизненного опыта;
- 2) оптимальный объем текста, соответствующий определенному подтипу функционально-смыслового типа речи «рассуждение»;
- 3) учет уровня языковой подготовки учеников.

Автор предлагает также образцы канонических текстов (текста-доказательства, текста-опровержения, полемического и позиционного текстов), разработанных им в соответствии с вышеперечисленными критериями [5: 76-79].

Далее необходимо отобрать грамматический материал. Материал должен быть отобран на основе примерной программы по немецкому языку и в соответствии с образцами текстов, а также теми коммуникативными задачами, которые выполняет каждый из них. Отобранный грамматический материал может быть организован в соответствии с определенным типом текста, например, парные наречия „einerseits...andererseits" могут использоваться для оформления собственной аргументации и контраргументации оппонентов при создании полемического текста; парный сочинительный союз «teils ... teils» для выражения частичного согласия с мнением оппонентов при создании позиционного текста. Кроме того, существует грамматический материал, который может быть использован независимо от типа текста, например, существительные, образованные от порядковых числительных, относящихся к среднему роду – das Erste, das Zweite, das Dritte с целью оформления порядка следования аргументов и контраргументов.

Лексический материал должен быть отобран в соответствии с принципом минимизации в рамках того учебно-методического комплекта, который используется в средней общеобразовательной школе.

В состав лингвистического компонента обучения входят также филологические и технические знания, так как, по мнению исследователя Б.В. Беляева, «теоретические знания как вспомогательное средство способствуют наиболее быстрому и прочному овладению иностранным языком» [1: 31].

Филологические знания могут быть представлены в соответствии с особенностями функционально-смыслового типа речи «рассуждение» в следующем составе: особенности функционально-смыслового типа речи «рассуждение»; части текста-рассуждения; его компонентный состав: проблема, (анти)тезис, (контр)аргумент, демонстрация, вывод; средства межфразовой связи.

В раздел технических знаний, должны войти только те теоретические сведения, которые имеют непосредственное отношение к социальному сервису «блог», так как учащиеся уже обладают общей эрудицией, приобретаемой ими в рамках отдельного школьного предмета «Информатика и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)». Исходя из этого, технические знания могут быть представлены сведениями о специальном программном обеспечении средств информационно-коммуникационных технологий и о функциональном обеспечении группового блога. Администрирование учебного блога представляет собой определенную группу навыков, формирование которых осуществляется в процессе работы старшеклассников в блоге, т.е. в процессе деятельности, за которую в большей степени отвечает следующий компонент содержания обучения.

Рассмотрение психологического компонента содержания обучения целесообразно начать с описания пользовательских навыков. При этом предполагается, что модерирование блога не представляет для обучающегося 10-11-ого класса сложностей организационного плана, поскольку определенная группа пользовательских навыков должна быть сформирована у ученика в рамках учебной дисциплины «Информатика и ИКТ», а именно применять гипертекстовое представление информации [2: 97], использовать приемы квалифицированного клавиатурного письма [2: 74], использовать паролирование для обеспечения защиты информации [2: 94]. Другая группа пользовательских навыков может быть перенесена по аналогии участия учеников в коллективном взаимодействии посредством таких социальных сервисов, как форум и чат, работа с которыми закреплена программой основного общего образования по информатике и ИКТ [2: 79]. Сюда относятся следующие навыки: создавать сообщение и комментарий; осуществлять регистрацию; добавлять сообщение в соответствующую рубрику блога. Однако такие пользовательские навыки работы с блогом, как создавать теги (ключевые слова) к сообщению; получать отзыв на черновик перед его публикацией; создавать опрос, оказываются несформированными у старшеклассника. Тем не менее, ученики могут овладеть данными навыками в процессе работы с блогом посредством памяток, алгоритмов действий и технической поддержки учителя.

Что касается речевых умений, то вслед за А.Н. Щукиным под речевыми умениями мы понимаем «способность человека осуществлять то или иное речевое действие в условиях решения коммуникативных задач и на основе выработанных навыков и приобретенных знаний» [7: 254].

Исследователь А.А. Полетаев предлагает, на наш взгляд, наиболее полную номенклатуру речевых умений по обучению старшеклассников написанию текста-рассуждения. Автор делит все умения на инвариантные, т.е. общие, независимо от типа текста-рассуждения и вариативные, т.е. специфичные для каждого типа текста-рассуждения. При этом, группа инвариантных умений представлена следующими умениями: грамотно использовать средства межфразовой связи; использовать языковые средства для выражения собственного мнения в категоричной форме; оформлять текст в соответствии с социокультурными особенностями; излагать собственные мысли в соответствии с заданным объемом; выбирать нейтральный стиль речи; редактировать свои и чужие работы. В группу вариативных умений входят следующие умения: определять суть заданной проблемы; анализировать проблему с различных позиций; определять собственную позицию по данной проблеме; выделять и группировать необходимую информацию в соответствии с решаемой коммуникативной задачей; решать речевую задачу в полном объеме; демонстрировать истинность аргумента; подводить логический итог рассуждению [5: 85-90].

И, наконец, методологический компонент содержания обучения проявляется в «[...] использовании рациональных приемов умственного труда. В поиске рациональных путей, ведущих к наилучшему результату при наименьших затратах» [3: 67-68]. В овладении иностранным языком важна правильная организация не только коммуникативной практики, но и познавательной активности ученика, которая может проявляться в активной переработке теоретического материала, усовершенствовании стратегий усвоения материала, предлагаемых учителем, а также внесении частичных изменений в алгоритмы, алгоритмические предписания и памятки, разработанные учителем. Методологический компонент содержания обучения старшеклассников написанию текста-рассуждения с помощью блога может быть представлен алгоритмами, инструкциями, памятками (например, памятка создания сообщения в учебном блоге с помощью использования скриншотов).

Таким образом, лингвистический компонент содержания обучения иноязычной письменной речи посредством учебного блога должен быть представлен языковым (лексико-грамматическим) и речевым материалом: клише, тексты, сферы общения, темы, проблемы и предметы обсуждения, а также определенной суммой знаний (филологических, технических). В свою очередь, психологический компонент должен включать, в нашем конкретном случае, помимо речевых умений пользовательские навыки и, наконец, заключительный компонент – методологический, связан с овладением учащимися рациональными приемами учения и познания нового для них языка, представленными в форме алгоритмов действий, памяток, схем.

Литература

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. – 227 с.
2. Информатика. Программы для общеобразовательных учреждений. 2-11 классы: методическое пособие / составитель М.Н. Бородин. М: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 584 с.
3. Милованова Л.А. Профильно-ориентированное обучение иностранным языкам (английский язык, старшая ступень средней общеобразовательной школы). Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – 347 с.
4. Мирошниченко Н.И. Возможности использования учебного блога в обучении старшеклассников иноязычной письменной речи // Вестник Таганрогского государственного педагогического института имени А.П.Чехова. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 120-125.
5. Полетаев, А.А. Обучение письменной аргументированной речи посредством учебного блога (немецкий язык, старшие классы общеобразовательной школы): дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2012. – 189 с.
6. Сборник нормативных документов. Иностранный язык / Сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. – М.: Дрофа, 2009. – 287 с.
7. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746 с.

Г.В. Михалева
(г. Таганрог, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Проведение радикальных реформ во всех сферах жизни российского общества, в том числе и в образовательной, ставит школу и вуз перед необходимостью существенного обновления содержания и методов обучения иностранному языку. Эти условия требуют радикального совершенствования системы преподавания иностранного языка: конкретизации целей и содержания учебно-воспитательного процесса, улучшения учебно-методического и ресурсного обеспечения. Все это означает оптимизацию и интенсификацию обучения иностранному языку в школе и вузе.

Для полноценной реализации образовательно-развивающего потенциала иностранного языка как учебной дисциплины необходимо, чтобы процесс приобщения учащихся к иностранному языку не только расширял их кругозор, повышал их общеобразовательный и филологический уровень, предоставлял доступ к культурному общемировому богатству, но и способствовал более глубокому пониманию собственной национальной культуры и ее роли в духовном и материальном развитии человечества.

Основные тенденции развития отечественной методики преподавания иностранных языков в средней и высшей школе касаются целей, содержания и средств иноязычного образования. Прежде всего, это означает модернизацию системы языкового образования с ориентацией на международные образовательные стандарты.

В связи с этим, на современном этапе продолжается дальнейшая дифференциация и оптимизация методов и приемов обучения иностранным языкам с учетом задач обучения и планируемого уровня владения иностранным языком; особенностей контингента обучаемых; специфики их психических, возрастных и личностных особенностей; общего уровня развития и своеобразия их национально-культурной идентичности.

Наряду с уменьшением доли изучения теоретических аспектов грамматики иностранного языка возрастает значение коммуникативно-ориентированных заданий, речевой направленности иноязычного образования в целом.

С другой стороны, в научной литературе и стандартах образования наблюдается очевидный переход в обучении от формирования сугубо коммуникативной иноязычной компетенции учащихся, как это было в прошлом веке, к приобщению учащихся к мировой культуре, общечеловеческим нормам морали, правилам этикета и культуры поведения.

В современной методике преподавания иностранных языков происходит переосмысление сущности и содержания целей обучения, требующее включения учащихся в процесс межкультурного общения. Для этого выдвигаются следующие требования к организации обучения иноязычному общению: создание условий для употребления иностранного языка в аутентичных (реальных) ситуациях межкультурного общения, знакомство учащихся с образом жизни страны изучаемого языка, расширение индивидуальной картины мира путем приобщения учащихся к языковой картине мира носителей изучаемого языка, расширение общекультурного кругозора учащихся через знакомство с традициями и нормами поведения, принятыми в культуре страны изучаемого языка.

В то же время, несмотря на то, что проблема обучения межкультурному общению – со-изучению языка и культуры страны изучаемого языка – находится в поле зрения педагогов и методистов, нельзя сказать, что процесс формирования готовности учащихся к межкультурному иноязычному общению успешно осуществляется в школе и вузе на современном этапе.

Частично решение этой проблемы связывают с расширением и увеличением роли внеклассной и внеаудиторной работы по иностранному языку, усилением доли творческих видов работы, таких как проектная и исследовательская деятельность, а также реализацией межпредметных связей на занятиях по иностранному языку.

В этой связи, нельзя не упомянуть о возможностях использования различных технических и мультимедийных средств, дистанционного образования, образовательных ресурсах интернета и других современных технологий. Особенно актуально это для организации самостоятельной работы учащихся.

Большой акцент делается на усиление учебной автономии (learning autonomy), учебной самостоятельности (learning independence) и самообучении (self-directed learning) учащихся как о важной универсальной компетенции индивидуума в контексте европейской парадигмы образования «в течение всей жизни».

Более того, современные отечественные стандарты ориентируют школы на создание основы для формирования интереса учащихся к дальнейшему совершенствованию достигнутого уровня владения изучаемым иностранным языком и к изучению второго/третьего иностранного языка.

По-прежнему актуальной проблемой обучения иностранным языкам в школе и вузе остается проблема повышения качества иноязычного образования. В этой связи актуализируются сознательно-ориентированный, личностно-ориентированный и компетентностный подходы к обучению иностранным языкам.

Отсюда коренным образом меняется роль и характер педагогической деятельности учителя иностранного языка. Он уже не рассматривается только как источник готовых знаний, учитель выступает в роли «менеджера учебного процесса», который организует, направляет и помогает учащимся в изучении иностранного языка.

В настоящее время образование в целом, как и другие сферы нашей жизни, становится интернациональным, многоязычным и поликультурным. Учащиеся овладевают иностранными языками, читают книги, журналы на иностранном языке, они получают доступ к иноязычным материалам через Интернет, слушают музыку, знакомятся с предметами искусства, естественным образом приобщаясь к культуре стран изучаемых языков.

Литература

1. Васильева Г.М., Вишнякова С.А., Лысакова И.П. и др./ под ред. Л. В. Московкина. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам: обзор основных направлений методической мысли в России. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008. – 235 с.
2. Мильруд Р.П. Культурное самоопределение личности как проблема иноязычного образования // Научный диалог. 2016. № 2 (50). – С. 404-415.
3. Сафонова В.В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1(25). – С. 123-141.
4. Сафонова В.В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21371386>.
5. Сысоев П.В. Подготовка учащихся к межкультурной коммуникации и диалогу через эксплицитное обучение социокультурным стратегиям // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск № – 5, том 23, 2001. – С. 53-55.

Е.А. Пальмова
(г. Таганрог, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Арсенал современных средств оценивания уровня учебных достижений учащихся невозможно представить без тестов. Из современных контролирующих технологий

тестирование является самым перспективным методом, применяющимся на всех этапах дидактического процесса, эффективно обеспечивающим многие виды контроля. Тесты широко применяются на всех ступенях образовательного процесса, начиная от начальной школы и заканчивая высшими учебными заведениями. Тесты экономичны по времени, позволяют охватить большой контингент учащихся, а их процедуры стандартизированы.

Любой тест состоит из тестовых заданий, представляющих собой минимальную составляющую часть теста, которая дает ясную и значимую информацию после прохождения этапа субъективного оценивания и состоит из инструкции для учащихся, текста задания (вопроса), а также имеет однозначный правильный ответ (ответы) [1: 14].

Как показывает практика, в учебном процессе тестовые задания могут с успехом реализовывать не только контролирующую и диагностическую, но также обучающую, стимулирующую, развивающую функции, которые способствуют созданию благоприятной атмосферы и условий для саморазвития и рефлексии учащихся [3: 201]. Кроме этого, использование тестовых заданий в ежедневном учебном процессе ведет к снятию чувства напряженности, страха, дискомфорта тогда, когда тестовые задания выступают непосредственно формой контроля, залогом успешности которого во многом выступает внутренняя готовность учащихся к его проведению, настрой на успех, эмоциональный подъем.

Иными словами, использование тестовых заданий для обучения способствует развитию у учащихся чувства искушенности, или индивидуального опыта, приобретенного в ходе выполнения различных диагностических методик. Лица, обладающие таким опытом, имеют преимущество перед теми, кто впервые выполняет такие задания или выполняет их редко. Это преимущество складывается из преодоления чувства неизвестного, выработавшейся уверенности в себе, приобретенных навыков работы с тестовыми заданиями и знания принципов их решения. Таким образом, идет формирование психологического компонента диагностической культуры учащихся [2: 94].

Как показывает анализ УМК по английскому языку различных авторов (в том числе под редакцией О.В. Афанасьевой и И.В. Михеевой; М.З. Биболевой и Н.Н. Трубаневой; М.В. Вербицкой, М. Гаярделли, П. Редли и других) в ежедневном учебном процессе применяются тестовые задания как закрытой (например, задания множественного выбора, задания на восстановление последовательности и соответствия), так и открытой формы (задания дополнения).

Тестовые задания могут реализовывать свой обучающий потенциал на любой ступени обучения. Даже в УМК для начальной школы можно встретить задания типа «Прочитайте текст и определите, являются ли утверждения истинными или ложными», «Выберите верный ответ из предложенных», «Закончите предложения», «Расставьте реплики диалога в правильной последовательности», «Совместите...». Тестовые задания могут использоваться как в процессе обучения языковым навыкам (фонетическим, лексическим, грамматическим и орфографическим), так и речевым умениям (чтение, аудирование, устная и письменная речь).

В процессе реализации обучающего потенциала тестовых заданий большая роль отводится учителю, особенно на начальном этапе обучения. Задача педагога – заложить навыки выполнения тестовых заданий разных видов; научить учащихся эффективно распределять время, отведенное на выполнение тестовых заданий или теста; снять психологическую боязнь теста как формы контроля знаний, умений и навыков.

На занятиях педагог должен начинать работу с выполнения вместе с учащимися обучающих тестовых заданий. При этом отметки за них выставляться не должны, а ошибки необходимо исправлять в классе вместе, и педагог должен объяснить их. На этом этапе учителю необходимо проявлять такт и педагогическое мастерство: детей нельзя ругать за ошибки, критика со стороны педагога должна носить конструктивный характер. У учащихся должно сложиться представление о тесте как о неотъемлемой и органичной составляющей учебного процесса.

Обучающие тесты могут периодически предлагаться учащимся в качестве элемента домашнего задания, однако в зависимости от уровня подготовки учащихся и сложности самих заданий они могут проверяться учащимися уже самостоятельно по предложенным ключам. В случае непонимания природы ошибки учащиеся могут обратиться к учителю за разъяснением.

Число заданий в обучающих тестах должно постепенно нарастать, а с течением времени обучающие тесты могут использоваться совместно с контролирующими, выполняемыми учащимися самостоятельно.

Таким образом, реализация обучающего потенциала тестовых заданий способствует не только лучшему усвоению знаний и формированию коммуникативной компетенции, но и стимулирует личностное развитие и рост учащихся, решает определенные психологические проблемы, связанные с боязнью контроля в целом и тестирования как одной из его форм в частности, а также готовит учеников к итоговым формам контроля уровня их учебных достижений.

Литература

1. Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. (Как выбирать, создавать и использовать тесты для целей образования). – М.: «Интеллект-центр», 2001. – 296 с.
2. Пальмова Е.А. Диагностическая культура учащихся как предмет исследования // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. №2 (57). – С. 93-95.
3. Филатов В.М. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе: Учебное пособие для студентов педагогических колледжей. – Р. н/Д: «Феникс», 2004. – 416с.

С.В. Проскуренко
(г. Таганрог, Россия)

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Каждый человек принадлежит к конкретной национальной культуре. Исследователи, занимающиеся проблемой взаимосвязи языка и культуры, сходятся во мнении, что их взаимозависимость является фактором межкультурного развития и существования. Так, знание прецедентных феноменов имеет большое значение при формировании вторичной языковой личности и упрощает межкультурную коммуникацию. Термин «прецедентный текст» определяется Ю.Н. Карауловым, как текст, «(1) значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, (3) текст, обращение к которому возобновляется многократно в дискурсе данной языковой личности» [3: 216].

Одной из целей изучения иностранного языка является сформированность вторичной языковой личности. По определению Н. Д. Гальсковой вторичная языковая личность представляет собою совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур. Данная совокупность «складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей языка, и «глобальной» (концептуальной) картиной мира, позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность» [1: 46]. Способность идентифицировать прецедентные феномены, умение использовать их в речи, подчинять их своим коммуникативным потребностям и сопоставлять с потребностями и замыслом говорящего свидетельствуют о высокой развитости вторичной языковой личности, что позволяет полноценно участвовать в межкультурной коммуникации. Прецедентные

феномены оказывают большое влияние на значение высказываний, однако доступ к этой информации характеризуется имплицитностью и именно поэтому часто остается закрытым. Такой скрытый подтекст часто приводит к недопониманию представителями иноязычной культуры смысла высказывания. Для адекватного восприятия и использования прецедентных феноменов человеку необходимо производить ряд сложных умственных операций:

- 1) Идентификация прецедентного феномена (т.е. способность обнаружить прецедентный феномен в дискурсе).
- 2) Осмысление источника данного феномена.
- 3) Изучение особенностей структуры прецедентного феномена, его функций, а также эмоциональной и смысловой нагрузки.

Для выполнения таких ментальных операций необходима определенная осведомленность во многих областях, другими словами, всесторонняя образованность. Нами было проведено исследование среди студентов 1-5 курсов, в ходе которого нужно было обнаружить и определить источник прецедентного феномена. Данное исследование показало, что если студенты идентифицируют прецедентный феномен, то ошибаются с его источником, либо не обладают никакой информацией. Самыми узнаваемыми прецедентными феноменами оказались – «Ромео», «Джеймс Бонд», «Золушка», «Робин Гуд», «Не суди книгу по обложке», песня Адель «Привет». Из 100 примеров прецедентных феноменов, приведенных в анкете, были идентифицированы не более четверти. Такие показатели отражают скудные познания студентов и подтверждают необходимость использования на уроках иностранного языка заданий, направленных на усвоение распространенных прецедентных феноменов с целью формирования вторичной языковой личности у обучаемых. Комплексное, целенаправленное изучение прецедентных феноменов даст возможность владеть общими знаниями, необходимыми для успешного общения на английском языке во избежание коммуникативных неудач.

В методике преподавания английского языка как иностранного чаще всего имеет место использование национально-прецедентных феноменов. При этом представлять учащимся нужно наиболее употребительные прецедентные феномены с дальнейшим лингвокультурологическим и лингвострановедческим комментарием, с объяснением их значения, эмоциональной окраски, характерной ситуацией употребления, с учетом когнитивных потребностей учащихся и с учетом потребности устранения смысловых барьеров, обусловленных непониманием содержания высказывания. Таким образом, следует предоставить полный объем фоновых знаний, которыми владеют носители английского языка. Количество прецедентных феноменов, предъявляемых на уроке, должно зависеть от уровня владения английским языком, уровня культуры, возраста, кругозора учащихся, тематики и цели урока.

Эффективность коммуникации между представителями разных культур во многом определяется уровнем развития вторичной языковой личности, в том числе, знанием прецедентных феноменов, как носителей скрытой культурной информации в тексте. Поэтому овладение данными феноменами необходимо для адекватного понимания явлений и фактов, которые относятся к повседневной действительности народов, говорящих на английском языке.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – С. 46
2. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. – С.172
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 262
4. Костомаров В.Г. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73-76.
5. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 224
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – С. 323

К.В. Радько
(г. Таганрог, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.М. КАРАМЗИНА В ШКОЛЕ

Многогранное творчество Н.М. Карамзина сыграло важную роль в формировании русского национального литературного языка. Карамзинский стиль «оказал существенное влияние на творческую деятельность всех русских писателей первой трети XIX в.» [5: 40]. Поэтому в школьном курсе литературы внимание к языку произведений Н.М. Карамзина необходимо как для адекватного восприятия творчества самого Карамзина, так и для понимания дальнейших путей развития русской литературы и ее языка.

Творчество Н.М. Карамзина изучается на уроках литературы в девятом классе. В учебнике «Литература. 9 класс» под редакцией В.Я. Коровиной рассматриваются повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и стихотворение «Осень». Среди вопросов и заданий, относящихся к этим произведениям, есть задания, обращающие внимание учащихся на языковые средства, применяемые Н.М. Карамзиным [3: 103 – 104]. Особенно большое значение для анализа языковых средств повести имеет задание: «Назовите слова, строки повести, которые подчеркивают особенности сентиментализма» [3: 104]. Поскольку «доминантой сентиментализма была установка на выражение эмоций» [4: 10], при выполнении данного задания следует сконцентрировать внимание учащихся на лексических и синтаксических средствах выражения эмоций в тексте повести. При этом должны быть отмечены следующие явления.

1. Широкое использование прилагательных эмоционально-оценочного характера. Так, героиня повести характеризуется определениями *прекрасная, любезная, нежная, чувствительная* и тому подобными. Необходимо обратить внимание на то, что в самой заглавии используется прилагательное *бедная* как характеристика героини. Слово *бедная* сочетает два значения: ‘несчастливая’ и ‘небогатая’ [2: 564], причем в повести на первый план выходит эмоционально-оценочное значение. При характеристике Эраста используются контрастные оценочные слова: *добрый* и *ветреный*.

2. Частое употребление слов *душа, сердце, слезы*. Например: *Новый гость души ее, образ Эрастов; Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!*

3. Слова с эмоционально окрашенными суффиксами: *лесочки, деревеньки, птички* и т.п.

4. Перифразы, то есть замены слова иносказательным оборотом. Например, перифраза *светило дня* вместо слова *солнце*.

5. Широкое применение авторских обращений к читателям или персонажам, что делает повествование «субъективизированным, эмоционально насыщенным» [1: 51]. Например: *Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!*

6. Конструкции с междометием *ах*. Например: *Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?*

Можно также предложить ученикам найти в тексте повести слова и обороты, связанные с традициями народно-поэтической речи: *батюшка, пригожий, горлица, светлый месяц* и тому подобные. Заслуживает внимания и употребление в тексте церковнославянизмов, например, слова *агнец*, которое используется в составе сравнения: *Что принадлежит до Лизы, то она <...> им только жила и дышала, во всем как агнец повиновалась его воле*. Агнец традиционно символизирует жертву; по замечанию Е.А. Ясаковой, «Лиза становится жертвой своих сердечных заблуждений, на что указывает слово-образ *агнец*» [6: 18].

Особого внимания заслуживают метафоры, применяемые в повести. Например, слова *пылать, огненный, роза* метафорически используются для изображения румянца на щеках героини, отражающего ее волнение: *щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем; розы на щеках ее*

освежались. Метафоры используются Карамзиным как выразительные наименования явлений психической жизни человека: *гость души* (в значении ‘впечатление’), *царь чувств* (о рассудке), *мрак скорби*. Применяются метафоры и для характеристики явлений природы, например, *море воздуха*.

Внимание к языковым средствам при изучении повести «Бедная Лиза» поможет ученикам ярко и образно увидеть всю картину развивающихся событий, дать оценку главным героям и раскрыть отношения между ними.

При чтении стихотворения Н.М. Карамзина «Осень» ученикам предлагается ответить на вопросы: «В чем смысл стихотворения Н.М. Карамзина “Осень”? С чем сравнивается природа в стихотворении “Осень”?» [3: 103]. В данном стихотворении смена времен года сопоставляется с человеческой жизнью. Молодость ассоциируется с весной, зрелость – с летом, осень – с надвигающейся старостью. Но если природа возрождается с наступлением весны, то человек лишен такого обновления. В выражении идеи стихотворения важную роль играют метафоры. Природе с помощью метафор придаются человеческие черты: *Вьются седые туманы; Смотрит на бледную осень; С гордой улыбкой/ Снова природа восстанет / В брачной одежде*. И напротив, на человека метафорически переносятся наименования природных процессов и явлений: *Смертный, ах! вянет навеки! / Старец весною / Чувствует холодную зиму / Ветхия жизни*.

При анализе языка произведений Н.М. Карамзина в школе должны сочетаться метод лингвистического комментирования и семантико-стилистический метод. Метод лингвистического комментирования направлен на разъяснение слов, которые к настоящему времени устарели или изменили свое значение. Например, слово *любезный* в повести используется не в значении ‘приветливый, обходительный, учтивый’, а в значении ‘милый, дорогой, любимый’, которое было свойственно этому прилагательному в русском языке XVIII века (*Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!*). Семантико-стилистический метод используется при выявлении функций слова в художественном произведении, при рассмотрении смысловых приращений, возникающих у слова в контексте. Сочетание данных методов поможет учащимся адекватно воспринять содержание повести Н.М. Карамзина, увидеть высокое искусство, проявленное Н.М. Карамзиным в поисках лексических и синтаксических средств характеристики внутреннего мира персонажей и повествователя, в создании психологической перспективы художественного текста.

Литература

1. Ваганов А.В. Анализ конструкций с обращением на занятиях по истории русского литературного языка // Современные гуманитарные исследования. – 2015. – № 2 (63). – С. 49 – 53.
2. Ковалевская Е.Г. Анализ текста повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» // Ковалевская Е.Г. Избранное. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – С. 559 – 582.
3. Литература. 9 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. В.Я. Коровиной. – М.: Просвещение, 2007. – 368 с.
4. Москвин В.П. Роль Н.М. Карамзина в истории русского литературного языка // Русский язык в школе. – 2016. – № 12. – С. 10 – 14.
5. Романов Д.А. «Опыт сердца благородного»: Н.М. Карамзин «Наталья, боярская дочь» (Лингвистилистический очерк) // Русский язык в школе. – 2016. – № 12. – С. 36 – 41.
6. Ясакова Е.А. «Сердценаблюдатель по профессии» (Урок словесности по повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза») // Русский язык в школе. – 2016. – № 12. – С. 14 – 19.

M. Sagnol
(Paris, France)

L'ENSEIGNEMENT DE L'ALLEMAND AU LYCEE HONORE-DE-BALZAC, A MITRY-MORY

L'enseignement de l'allemand a beaucoup changé en France depuis l'époque où j'allais moi-même au lycée, dans les années 1960 et au début des années 1970 (j'ai passé le bac en 1973). A l'époque, l'allemand était la grande deuxième langue vivante, après l'anglais, et les meilleurs élèves (environ 20% de chaque classe d'écoliers) choisissaient l'allemand en première langue vivante, et au moins 30 ou 35% en seconde langue, de sorte que plus de 50% d'une classe d'âge l'étudiaient. Seuls les élèves qui ne voulaient pas trop se fatiguer, qui cherchaient la facilité, choisissaient l'espagnol ou l'italien en seconde langue, à la place de l'allemand. D'autres, plus ambitieux ou attirés par les langues difficiles, choisissaient le russe, en seconde ou troisième langue.

Aujourd'hui, l'enseignement de l'allemand devient en France – comme hélas l'enseignement du français dans les autres pays – une victime de la mondialisation et du tout-anglais qui prétend dominer la planète, et aussi une victime de la progression de l'espagnol comme nouvelle langue à la mode, ce qui, de mon point de vue, ne se justifie nullement. De nos jours, entre 5 et 10% des élèves apprennent l'allemand en première langue et environ 15 ou 20% en seconde langue, soit à peine 25% d'une classe d'âge.

Au lycée Honoré-de-Balzac à Mitry-Mory (Seine-et-Marne, académie de Créteil, dans la région parisienne, non loin de l'aéroport Charles-de-Gaulle, que l'on voit de certaines classes), nous sommes deux professeurs d'allemand à temps plein alors qu'il y a une dizaine de professeurs d'anglais et presque autant de professeurs d'espagnol, plus deux professeurs d'italien (en fait un et demi car l'une est à temps partiel). L'allemand a cependant conservé un statut élevé de langue difficile (à cause des déclinaisons, que nous n'avons pas en français) et donc de langue « des bons élèves », de sorte que les classes d'allemand première langue sont presque toujours d'excellentes classes, où vont les élèves pour lesquels les parents ont quelques ambitions. De plus, il y a des classes dites « européennes », où l'enseignement des langues est renforcé et où l'enseignement de l'histoire se fait en allemand, mais malheureusement ces classes sont régulièrement menacées par l'absence de volonté de les promouvoir, de la part de la direction, et donc par le nombre allant se réduisant des élèves qui s'inscrivent dans ces classes. Au-dessous d'un certain seuil, elles devront hélas être supprimées, alors même qu'elles participent au prestige du lycée.

Je ne parlerai pas ici des méthodes d'enseignement, car cela ne dirait pas grand-chose à nos collègues russes, qui ont certainement d'autres méthodes d'enseignement des langues. Nous utilisons des manuels, comme « *Fokus* », « *Welten* », « *Perspektiven* » ou encore « *Team Deutsch* », des vidéos, des enregistrements d'émissions. Pour les terminales, qui préparent le baccalauréat, nous étudions des textes selon cinq thèmes généraux, étudiés dans le courant de l'année, et que les élèves présentent à l'examinateur qui leur demande de parler de ces sujets en allemand. Comme exemple de ce que j'ai fait travailler par mes élèves en 2015, voici les titres des cinq thèmes et des textes étudiés ensemble :

Notions et documents étudiés au cours de l'année 2014-1015

I. Mythen und Helden

- *Siegfried. Texte: "Was ist ein Held?"*
- *Die Rheintöchter und das Rheingold. Texte: "Das Rheingold".*
- *Die Lorelei: textes: "Drei Gedichte über die Lorelei" (Brentano, Heine).*
- *Ludwig der II. von Bayern. Texte: "Auf den Spuren des Märchenkönigs".*
- *Marlene Dietrich. Texte: "Marlene".*
- *Faust. Texte: Monolog aus Goethes "Faust" (Auszug).*

II. Orte und Formen der Macht.

- *Die Kaiserin Sissi von Österreich. Texte: "Elisabeth, Ikone und Außenseiterin"*

- *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Texte: "Hans und Sophie Scholl".*
- *Krieg und Dichtung. Gedichte von Selma Meerbaum-Eisinger (1924-1942): "Lied"; "August"; "Du, weißt du wie ein Rabe schreit".*
- *Die Teilung Deutschlands (Bundesrepublik Deutschland/ DDR). Texte: "Abschied"*
- *Die Teilung Deutschlands (BRD/ DDR). Texte: "Zwei Italiener in Ost-Berlin"*
- *Gefährliches Spiel mit der Diktatur: "Die Welle".*

III. Räume und Austausch

- *Der Logport (Binnenhafen) Duisburg + Deutschland als Exportnation.*
- *Das Thema der Globalisierung. Texte: "Hallo Nachbar".*
- *Das Freie Soziale Jahr: Deutschland als Emigrationsland. "Was soll bloß aus mir werden?"*
- *Aussiedler aus Russland (oder Kasachstan). Texte: "Alina und Tanja".*

IV. Die Idee des Fortschritts

- *Umwelt. Textes: "Der teure Traum"; "Karikatur".*
- *Der Umweltschutz. "Cécile Leconte, Aktivistin gegen Atomkraftwerke und Gentechnologie".*
- *Zeitgenössische Kunst. Texte: "Warum ist zeitgenössische Kunst so schwer zu verstehen?"*
- *Dichtkunst heute und damals. Textes: poèmes de Rilke*
- *Wählen ab 16. Texte: "Ein Erwachsenenprojekt."*
- *Internet. "Internet zum Kommunizieren"; "Die Facebook-Falle"; "Liebe im Internet".*

Voilà donc quelques exemples de ce que nous faisons en France. Notre difficulté principale est de se battre contre l'« esprit du temps » qui veut nous faire croire que l'anglais suffit dans les relations internationales. Le combat contre cette dramatique uniformisation du monde, pour l'avènement d'un monde multipolaire et donc multilingue, est l'affaire de tous les enseignants de langues autres que l'anglais dans le monde.

Е.А. Сафронова, А.И. Малько
(г. Горки, Беларусь)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ НА УРОКАХ РКИ (на материале художественной и публицистической литературы)

При использовании художественной и публицистической литературы на уроках РКИ преподаватель увеличивает эффективность занятий в несколько раз, так как студенты, изучающие русский язык, могут познакомиться с лучшими образцами выражения мыслей и эмоций на изучаемом ими языке.

При постепенном, методически обоснованном использовании материалов из художественной и публицистической литературы на занятиях самых разных типов на всех этапах преподавания, при обучении чтению, письму, говорению и аудированию преподаватель может добиться несомненного успеха в достижении конечной цели.

Как все мы знаем, в центре изучения любого живого языка должна находиться общеупотребительная речь. Но при всём этом нельзя исключать значительную пользу внедрения в процесс обучения иностранцев языковых материалов из художественных текстов. Безусловно, такой подход оптимизирует методику преподавания РКИ, делает занятия по русскому языку более интересными и, соответственно, эффективными.

В связи с развитием общества и изменением языкового фона, в связи с возникновением новых речевых оборотов и новых потребностей студентов в ходе обучения русскому языку, на языковой кафедре в вузе нефилологического профиля выявляется ситуация, характеризующаяся недостаточностью учебников, методических и практических пособий, ориентированных на реальные потребности учащихся.

Преподаватели кафедры русского и белорусского языка БГСХА решают такую проблему путём создания практического пособия по чтению для иностранных студентов.

Одним из таких пособий стал сборник «Русский язык как иностранный. Тексты для чтения». В пособии предлагается учебный материал для развития и совершенствования речевых умений в чтении и говорении на базе не только художественных текстов, но и текстов социокультурного характера. Учебный материал и работа над текстами имеют речевую направленность, помогают обеспечить корректировку и систематизацию ранее усвоенных языковых единиц, а также помогают сформировать новые лексико-грамматические навыки.

Для того чтобы преодолеть коммуникативные и межкультурные барьеры в процессе изучения и освоения языка, иностранные студенты должны окунуться в учебный процесс, насыщенный богатой русской речью из художественных текстов, из журнальных статей. Это обеспечит их коммуникативную компетенцию через адекватное восприятие оригинальных (или адаптированных) текстов.

Авторы пособия для чтения выбрали тексты, представленные в книге, таким образом, чтобы они затрагивали серьёзные нравственно-этические вопросы («*Поступи как друг*», «*Новогодний праздник отца и маленькой дочери*»), чтобы их содержание было связано с важнейшими событиями социально-исторического плана («*Об истории Олимпийских игр*», «*Глиняная армия*», «*Неизвестный известный*»).

Некоторые тексты отмечены своеобразием авторской манеры изложения («*Буква ты*», «*Бабушкин подарок*», «*Предательская колбаса*»).

Часть текстов представляет собой своеобразный информационный блок, помогающий расширить кругозор иностранных студентов и помочь им через небольшие рассказы получить интересные и важные сведения об известных людях («*Детство Лермонтова*», «*Эдуард Асадов*», «*17-летняя художница Надя Рушева*»), о разных областях искусства («*Из истории кино*», «*Иван Айвазовский*») и о многом другом.

Некоторые отобранные для такого пособия литературные произведения были адаптированы, но при этом сохранили аутентичный характер. Чтение и анализ таких текстов должны значительно пополнить словарный запас иностранных студентов, помочь формированию у них навыков самостоятельного чтения художественной литературы, закрепить умение узнавать речевые обороты и легко находить необходимые синонимичные конструкции для выражения своих мыслей.

Литература, представленная в данном пособии, бесспорно, может выступать в качестве практически неисчерпаемого источника страноведческой информации, необходимость которой для изучения языка очевидна. Читая литературные произведения на изучаемом языке, студенты обогащают своё сознание эстетическими ценностями культуры народа, создавшего этот язык.

Множество фраз, встречающихся в некоторых текстах, к примеру, «*путь не был усыпан розами*», «*внимание приковано*», «*триумфальное шествие*», «*войти в мировую историю*», «*внести свою лепту*», «*затея провалилась*», «*пышный букет достоинств*» и др., помогают глубже вникнуть в национальную идиоматику, понять многие семантические тонкости номинаций, «*игры слов*», пристальнее взглянуть во внутреннюю форму слов, лучше осознать особенности синтаксических построений прозаических жанров. Без осмысления и усвоения таких речевых конструкций невозможно хорошо освоить язык, даже если цели его изучения избирательны.

Литература как словесное искусство использует язык в полном объёме его состава и строя, что и служит основанием для использования литературы в обучении практическому языку.

Учитывая тот факт, что изучение иностранных языков и культур всегда служило взаимопониманию разных народов, авторы сборника для чтения постарались включить в него тексты, содержащие сведения о людях – всемирно известных личностях («*Альфред Нобель*», «*Мухаммед Али*» и др.).

Здесь важна спланированная способность литературы, умеющей на уровне художественного обобщения сделать узнаваемыми жизнь и чувства другого народа, научить думать о другом как о самом себе.

В заключение необходимо сказать, что самые большие трудности использования художественных произведений связаны обычно с образностью их языка. Поэтому для восприятия и адекватной интерпретации произведений художественной литературы и публицистики необходимо добиваться их полного понимания не только на уровне языка, но и на уровне смысла. Анализ только одной из сторон может не привести к полному пониманию текста, так как смысл и языковая форма его выражения составляют диалектическое единство.

Л.В. Селибирова
(г. Горки, Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПАКИСТАНСКИХ УЧАЩИХСЯ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Рынок образовательных услуг в Республике Беларусь расширяется с каждым годом. В высших учебных заведениях нашей страны, в том числе в Белорусской государственной орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии, обучаются студенты из разных стран мира: Туркменистана, Узбекистана, Пакистана, Монголии, Китая.

В статье рассмотрим некоторые особенности языковой подготовки пакистанских учащихся на подготовительном отделении.

Обучение русскому языку пакистанских учащихся на подготовительном отделении имеет свою специфику: во-первых, они приезжают на учёбу без языковой подготовки; во-вторых, русский язык для них – это не столько цель, сколько средство получения профессионального образования; в-третьих, графические системы урду и русского языков абсолютно различны; в-четвёртых, различается произношение некоторых звуков в родном и русском языках. Всё это создаёт дополнительные трудности в обучении учащихся русскому языку.

Обучая пакистанских учащихся, преподаватель должен выработать у них в первую очередь навыки произношения звуков, правильного написания букв, слогов и слов. Учащиеся должны научиться писать правильно и быстро, что в дальнейшем поможет им при работе на лекциях по специальным предметам. Работа на практических занятиях должна быть достаточно гибкой, учитывающей уровень подготовки, овладения и интереса учащихся.

В целях эффективности обучения русскому языку на начальном этапе целесообразно применять следующие виды работы: фонетическая гимнастика, в ходе которой под руководством преподавателя в течение 5 минут всей группой или каждым учащимся выполняются короткие дыхательные и артикуляционные упражнения; постановка ударения в словах; работа над интонационными конструкциями; составление и запись слов из предложенных букв; написание букв по алфавиту; написание букв, слогов, слов под диктовку; сложение слов из разрезной азбуки; подбор синонимов и антонимов; определение многозначных слов и др.

На занятиях в аудитории с пакистанскими учащимися эффективно использовать русские *пословицы и поговорки*, которые учащиеся воспринимают с интересом и стараются сразу запомнить и применить в речи. Пословицы и поговорки констатируют свойства людей и явлений, дают им оценку или предписывают образ действий. Тематика может быть разнообразной:

– человек и его качества («Не имя красит человека, а человек – имя», «Глаза – зеркало души», «Скромность всякому к лицу»);

- семейные ценности («Кто матери не послушает – в беду попадёт», «Птица радуется весне, а мать – деткам», «Дети – благодать божья»);
- дружба, взаимопонимание («Дружба – великая сила», «Без беды друга не узнаешь», «Лучше друг верный, чем камень драгоценный», «Нет друга – ищи, нашёл – береги»);
- труд («Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Терпенье и труд всё перетрут», «Кто не работает, тот не ест»);
- учение («Ученье – свет, а неученье – тьма», «Век живи – век учись») и т. д.

С начала обучения в зависимости от уровня сформированности фонетических навыков при работе с пакистанскими учащимися можно включать скороговорки, направленные на произношение, повторение и закрепление тех звуков, которые вызывают наибольшие трудности. Приведём некоторые примеры скороговорок:

У ёлки иголки колки.

Все бобры для своих бобрят добры.

Из кузова в кузов шла перегрузка арбузов. В грозу в грязи от груза арбузов развалился кузов.

У ежа – ежата, у ужа – ужата.

Режет ёжик ножом коржик.

Вяжет на зиму жираф шерстяной пушистый шарф.

У нашего щенка топорищится щека.

Для активизации речевой деятельности учащихся также можно использовать стихи, например:

Серый волк под старой ёлкой два часа зубами щёлкал, широко рот открывал, но зайчишку не поймал.

У медведя нет корзины – собирает в рот малину.

У меня сегодня чудо-настроенье: бабушка сварила вкусное варенье. Я раз сто, наверное, губки оближу, а потом «спасибо» бабушке скажу.

Сразу сорок семь сорок прилетели на урок: тараторили, галдели... что понять они сумели?

Целесообразно постепенно знакомить учащихся с притчами, так как это не только развивает коммуникативную компетенцию, расширяет словарный запас и готовит учащихся к чтению, но и является своеобразной формой проведения преподавателем воспитательной работы по формированию личности будущего специалиста, по пропагандированию здорового образа жизни, гуманного отношения к окружающему миру, уважения к национальным и культурным традициям и обычаям родной страны учащихся и страны изучаемого языка.

На основе притч, в которых интерпретируются моральные ценности, универсальность нравственных норм, культура общности человечества, преподаватель вырабатывает у учащихся понимание равной ценности культурного наследия всех народов мира. В качестве примера приведём притчу «О счастье»:

Однажды три брата увидели Счастье, сидящее в яме. Один из братьев подошёл к яме и попросил у Счастья денег. Счастье одарило его деньгами, и он ушёл счастливый. Другой брат попросил красивую женщину. Тут же получил и убежал вместе с ней вне себя от счастья. А третий брат наклонился над ямой.

– Что тебе нужно? – спросило Счастье.

– А тебе что нужно? – спросил брат.

– Вытащи меня отсюда, – попросило Счастье.

Брат протянул руку, вытащил Счастье из ямы, повернулся и пошёл прочь. А Счастье пошло за ним следом...

Эффективным средством обучения русскому языку является игра, которая применяется на всех этапах обучения: для формирования навыков произношения и правописания, для обучения пониманию звукового, буквенного и слогового состава слов, для

изучения и повторения лексики, для закрепления грамматических конструкций, для развития речи, для закрепления изученного материала.

Для того чтобы снять сложности, возникающие при введении и объяснении грамматического материала, целесообразно использовать такие наглядные средства, как схемы, таблицы, рисунки, фотографии, картинки, иллюстрации, слайды, видеоролики, речевые образцы.

Таким образом, для эффективного обучения русскому языку немаловажное значение имеет использование на занятиях пословиц, поговорок, скороговорок, стихов, притч, игр. Применение разнообразных методов в работе с пакистанскими учащимися поможет им быстрее и эффективнее освоить элементарный курс русского языка, выработать навыки слушания, говорения, чтения и письма.

Т.И. Скикевич, И.Н. Курлович
(г. Горки, Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Современные реалии все больше требуют от преподавателя поиска новых форм и методов работы при обучении иностранных студентов русскому языку. Проектный метод является одним из важнейших инновационных технологий в обучении русскому языку как иностранному. Лингвистический аспект проектного метода обучения заключается в выработке у студентов навыков свободного владения языком профессионального общения в устной и письменной речи, навыков точно и ясно обосновывать свои мысли по тому или иному вопросу, логично строить свое высказывание, приводить необходимые доказательства, давать оценку информации. Использование метода проектов в обучении РКИ способствует формированию страноведческой компетенции у иностранных студентов и развитию их коммуникативных навыков. Такие занятия содействуют самостоятельному и творческому применению приобретенных знаний и умений.

На занятиях по РКИ используются различные формы проектного метода (экскурсии, интервью, презентации, сочинения и другое).

Преподавателями кафедры русского и белорусского языков Белорусской государственной сельскохозяйственной академии уже несколько лет подряд проводятся акции, направленные на формирование у иностранных студентов чувства милосердия, сердечности, идей здорового образа жизни; утверждение в сознании учащихся социально значимых духовно-нравственных ценностей, взглядов, идей, убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому и настоящему Республики Беларусь. Акции направлены на создание условий для укрепления связи поколений, единения людей всех возрастов и национальностей. Единство коммуникативных и воспитательных целей особенно ярко проявляется в проведении акций на занятиях РКИ. Одной из любимых акций наших иностранных учащихся является акция «Наши облака счастья». На занятиях студенты пишут на карточках-облаках позитивные мысли, высказывания, пожелания, шутки и даже маленькие рассказы. Затем эти карточки-облака вывешиваются на стенде. Все желающие могут подойти и прочитать, в результате чего заряжаются позитивными эмоциями. Учащиеся заранее знают, что их «карточку» будут читать остальные студенты, поэтому стараются ответственно относиться к данному заданию. Каждому хочется как можно больше поделиться позитивом с окружающими, в связи с этим повышается эффективность обучения русскому языку.

Изучение русского языка нестандартным способом и его практическое применение способствуют формированию у учащихся стремления действовать в духе нравственности,

сердечного отношения к другим, пропаганды мира и толерантности в обществе. В реальных ситуациях общения студенты легко переходят от накопления знаний к их использованию. Ведь для них важно увидеть практический результат своих знаний и умений. Кроме того, использование нестандартных форм в обучении русскому языку вносит положительный эмоциональный элемент и способствует снятию языкового барьера у студентов.

Таким образом, применение проектного метода на занятиях по русскому языку как иностранному не только прививает интерес к стране изучаемого языка, но и способствует саморазвитию, самореализации учащихся, выявлению их творческого и нравственного потенциала, развитию исследовательских умений, расширению кругозора и общей культуры, воспитывает уважение к духовным ценностям другого народа.

Н.В. Солдатова, Я.Б. Мянчинская
(Ростов-на-Дону, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ

При современном коммуникативном подходе к тестированию тесты нацелены, главным образом, на выявление способности испытуемого осуществлять иноязычное общение в двух видах речевой деятельности: рецептивном и продуктивном.

Продуктивные умения не всегда можно объективно измерить. При их измерении предполагается участие контролирующего (экзаменатора), который фиксирует показатели владения письменной речью или говорением, демонстрируемые обучаемыми.

Рецептивные умения поддаются объективному измерению, которое не зависит от мнения экзаменатора, а предполагает только сравнение с образцом, как, например, в случае заданий множественного выбора, которые относятся к объективным тестам.

Минимизировать возможность ошибок при тестировании призваны обеспечить такие критерии теста, как:

- 1) пригодность или валидность теста (validity);
- 2) надежность теста (reliability);
- 3) практичность теста (practicability).

В литературе по тестированию валидность определяется как важнейшая характеристика теста, которая определяет его действенность для определенной цели, то есть соответствие данного теста тому, что он должен измерить. Так, валидный тест умения обучаемых читать и понимать текст на иностранном языке должен проверять именно только это умение. Если преподаватель просит обучаемых записывать развернутые ответы и засчитывает при этом грамматические ошибки, это снижает валидность теста, иными словами – делает его неадекватным поставленной цели. Валидность теста определяется статистически.

Надежность – это определенная стабильность и устойчивость результатов теста. Так, если один и тот же обучаемый выполняет тест дважды, результаты должны быть одинаковыми.

Следующим критерием теста является критерий практичности, который характеризуется доступностью инструкций теста и содержания тестовых заданий для тестируемых, сравнительной простотой организации тестирования.

Тесты выполняют функции контроля, которые считаются основополагающими для контроля как составной части учебного процесса. Среди видов контроля выделяются:

- 1) предварительный;
- 2) текущий;

- 3) промежуточный;
- 4) итоговый [3: 155].

Соответствующие уровни являются показателем специфики тестов.

На первом симпозиуме Совета Европы в 1971 году был разработан проект «порогового уровня» ("Threshold Level" — T-level). «Пороговый уровень» был охарактеризован как стандарт в определении начального (базового) уровня навыков владения иностранным языком.

Объем знаний в общеевропейском стандарте на первом тестируемом уровне, называемом «пороговым», предполагает обладание определенной мерой коммуникативной способности.

Спецификация описания языковой компетенции на «пороговом уровне», разработанная директором университета прикладной лингвистики в Страсбурге Ван Эком совместно с экспертной группой Совета Европы, представлена:

- 1) коммуникативной задачей и содержанием («что обучаемые могут делать»);
- 2) качеством («насколько хорошо»).

На симпозиуме Совета Европы было подчеркнуто, что система тестирования должна давать возможность оценить прогресс изучающих иностранный язык независимо от программы обучения и времени, затраченного на изучение иностранного языка. Модель «порогового уровня» разработана таким образом, чтобы способствовать международному сотрудничеству в обучении иностранному языку, международному признанию качества владения языком и созданию отчетливой картины прогресса изучающих иностранный язык.

В настоящее время иностранные студенты, желающие сдать экзамены, сталкиваются с огромным выбором тестов. Многие тестирующие организации разрабатывают несколько отдельных тестов, которые подразделяются на несколько уровней.

Следующее затруднение вызывается тем, что каждая тестирующая организация выбирает свои собственные названия для уровней. Например, АЕВ (The Associated Examining Board) присваивает сертификаты по четырехуровневой шкале; ELTD (English Language Testing Service) оценивает компетентность в языке по девятибалльной шкале; The Cambridge Syndicate присваивает сертификаты, используя буквенные символы A,B,C,D,E; The Pitman Institute указывает результаты теста в процентном отношении (60% — Pass; 75% — First Class и так далее) [1: 806].

Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования минимальный уровень или базовый обученности предусматривает овладение обучаемыми основными навыками коммуникации в четырех видах речевой деятельности [2 : 180].

Ознакомление с уровневой системой, предлагаемой Советом Европы, позволяет заключить, что в стандартах представлен первый компонент схемы — коммуникативные задачи, затрагивающие умения в четырех видах речевой деятельности. Вхождение нашей системы высшего образования в европейскую связано с введением и разработкой стандартов, позволяющих определять эквивалентность знаний на разных уровнях.

По признанию многих отечественных и зарубежных лингвистов и тестологов, необходимо преодолеть разногласия по поводу того, какие из всех элементов, вносящих общий вклад в акт коммуникации, наиболее важны, какие несут наибольшую функциональную нагрузку и при их использовании требуют наибольшей точности и, следовательно, могут быть выделены в качестве показателя знания иностранного языка на определенном уровне.

Литература

1. Монахова Е.Б. Уровневый подход к обучению иностранным языкам в вузе в рамках профессиональной подготовки // Молодой ученый. – М., 2015.– №21. – С. 805-807.
2. Солдатов Б.Г. Обучение профессионально-ориентированному общению: психолого-педагогические и лингводидактические принципы // Академический Вестник. – №1 (12). – Р. н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2012. – С. 177 - 182.
3. Солдатова Н.В. Значение оценки качества знаний по иностранному языку в управлении образовательным процессом // Проблемы качества преподавания иностранного языка в неязыковом вузе: сборник научных трудов. Р. н/Д, Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2009. – С. 151-160.

Ю.Ю. Стасевич

(Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск)

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.

В ходе становления коммуникативной дидактики определились два основных подхода к обучению иностранному языку: прагматический и педагогический.

Так, в Европе и в индустриальных странах прибегают к функционально-прагматическому концепту в обучении. Это связано с тем, что основной целью изучения иностранного языка здесь является, как можно более быстрое и, прежде всего, устное овладение иностранным языком, что позволит общаться на элементарном уровне. Это касается, в первую очередь, обучения иностранному языку с целью его использования в повседневной коммуникации, что реализуется на языковых курсах.

Формирование функционального подхода происходило под влиянием прагмалингвистики, которая рассматривает речь как инструмент человеческой деятельности, отсюда речевая деятельность (речевые акты, речевые интенции и т.д.) – объект ее исследований. Рассматривается уже не только структура языка, но и его функции в процессе коммуникации. Процесс изучения иностранного языка – не только умственная деятельность, но также когнитивный и творческий акт [1: 121].

Для функционального подхода является характерным, с одной стороны, обучение устной речи и использование при этом аудио-лингвального метода, с другой – все чаще используются аутентичные тексты, что приводит к возникновению нового подхода к обучению чтению (обучение глобальному и селективному чтению вместо использования грамматически-переводного метода, который ориентирован на детальное понимание текста). В связи с этим, происходит расширение понятия литературный текст. К так называемой высокой литературе теперь относятся детская и юношеская, в которых поднимаются темы, интересные данным возрастным группам, что позволяет говорить о повышении мотивации к чтению.

Говоря о применении страноведческого материала на уроке и его месте при применении прагматического подхода, следует отметить, что особое внимание уделяется темам, необходимым при повседневной коммуникации, а презентация материала осуществляется, прежде всего, посредством применения аудио-лингвального метода.

Основными методическими принципами функционально-прагматического подхода к обучению иностранному языку являются: 1) выполнение коммуникативных упражнений; 2) использование на уроке ситуаций, близких к реальным ситуациям общения. Здесь следует также сказать, что меняется роль учителя. Учитель не является средством передачи информации о грамматической структуре языка и культуре страны, язык которой изучается, а выступает в роли помощника в открытом процессе обучения. Происходит также переход к

новым социальным формам работы (работа в малых группах, в парах вместо пленума) [3: 153-155].

Интеркультурный подход к обучению иностранным языкам наиболее применим в неевропейских странах, поскольку он позволяет установить различия между страной, язык которой изучается, и собственной страной. Поскольку в данном случае иностранный язык представлен только через медиа и повседневная коммуникация на нем невозможна, актуальным становится процесс понимания иностранного языка при его изучении.

К наиболее важным принципам интеркультурного подхода следует отнести следующие: 1) при работе с языковыми и страноведческими явлениями применяется метод сравнения с подобными явлениями в родном языке или, соответственно, в обществе; 2) обсуждение процесса обучения является неотъемлемой частью урока, например, обсуждение мемо-техник или стратегий понимания текста. Когнитивный метод изучения языка основывается, таким образом, не только на анализе объекта изучения и результатов обучения, но и на детальном рассмотрении самого процесса обучения на различных этапах: восприятия языкового материала, его обработки и применения на уроке [2: 175-179].

Литература

1. Anderson, John R. *Kognitive Psychologie*. – Heidelberg: Spektrum, Akademischer Verlag, 2001. – 352 S.
2. Chee H.-M. *Interkultureller Landeskundeunterricht. Grundsätze und praktische Empfehlungen am Beispiel Englisch // Fremdsprachenunterricht*. — N. 41(50), 3.1997. —S. 173-186.
3. *Europarat. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprache: lernen, lehren, beurteilen*. – Berlin/München: Langenscheidt, 2001. – 244 S.

H. Huston
(Cirencester, Great Britain)

EMOTIONAL ATTACHMENT FOR INFORMAL SECOND LANGUAGE E-LEARNING

Study focus

In a post-positivist paradigm, emotions are a troublesome irrelevance to scientific explanations. However, in the alternative phenomenological (interpretive) and behavioural paradigms, emotions influence cultural meaning status, social identity, relationships, investment decisions, attitudes to houses, attachment to places, branded consumer goods, and language learning [1: 34; 4: 12; 6: 5].

Anecdotal personal experience from years of conventional face-to-face and synchronous online language teaching suggests that Emotional Attachment enhances effective pedagogical interaction and successful course delivery. The researcher seeks to untangle the role of Emotional Attachment relative to other factors for the successful delivery of world languages teaching in an informal online environment. The research focus is on the role Emotional Attachment (EA) in informal e-learning of world languages. Informal e-learning involves the extensive use of synchronous telephony, via mediums such as Zoom, Adobe Connect, Google Hangouts, WebEx and Skype. Taking a pragmatic stance, the study attempts to bridge the divide between a post-positivist, scientific paradigm and social constructivist one. Its explanatory sequential mixed methodology helps enable paradigm integration.

Research questions

The research investigates issues around emotional attachment in language (ESL) e-learning context and whether EA can enhance student learning in informal e-learning context, notwithstanding psycholinguistic peculiarities of individual learners, cultural diversity. The main research question (RQ main) for the project is: “To what extent and how can emotional attachment be harnessed to enhance second language learning in informal online settings?” An answer to the RQ should help to

tailor language teaching to various settings by identifying technologies and student interactions to build emotional engagement and, hence, student motivation. In informal e-learning settings, appropriate online strategies and student interactions could reduce transactional distance, build Emotional Attachment and enhance learning. A complete answer to the RQ, also entails several subsidiary questions:

RQ Main To what extent and how can emotional attachment be harnessed to enhance second language learning experience in informal online settings?

RQ Indicators What is EA and how can it be operationalized?

RQ Factors What are the main factors influencing language learning?

RQ Association: To what extent does EA affect language learning?

RQ Inhibitors How is EA inhibited?

RQ Strategy How can language instructors enhance EA, flow and learning? The study reviews the literature, solicits the views of learners, practitioners and experts on the role of EA for learning in informal settings.

Notwithstanding the recognised link between education and development, resourcing and managing education systems remains a challenge. Technology's role in language learning, including English as a Second Language or (ESL), cannot be isolated from a more sophisticated understanding of the interplay between emotions and historical or cultural context which influences student learning experience, perceived linguistic challenges and motivation. In terms of emotions, recent experiments suggest emotions not only influence physiological signs (such as pulse and blood pressure), but also learning behaviour and second language achievement [3: 420]. E-learning, social networking and online learning platforms could cut costs and spread learning but with pedagogical, cultural, practical and emotional limitations [2: 34].

In countries like Australia and the UK, wider social support, beyond English language training such as Additional Language or Dialect (EAL/D) enhances learning, achievement and social and personal development. In the US, Canada, Australia and New Zealand this use of English is also known as ESL (English as a second language). Whilst ESL learning is teaching of English to a non-English-speaking persons it is worth noting that many learners already speak more than one language. ESL socialization research, investigates how student are socialized through language and its use. Various factors contribute to learning including foundational study, motivation, culture, literacy development and student interaction routines and practices are important. Within the ESL e-learning field there is both a significant variation in terminology and substantive pedagogy. For Luskin [5: 7], the 'e' of e-learning implies, "exciting, energetic, enthusiastic, emotional, extended, excellent, and educational" in addition to "electronic." Others suggested that the 'e' should refer to 'everything, everyone, engaging, easy' (Parks, 2013, p.1). In short, e-learning has become an integral component of ESL which extends

beyond merely technological considerations.

In summary, the research investigates whether EA could be the missing ingredient for world language learning. Emotions affect the appeal of commercial products, buildings, neighbourhoods relationships, and could also engage/turn-off students and enhance learning. Technocratic course design, without considering emotional dimensions could waste billions of dollars and have a negative impact on generations of students. In short, the study contributes to the ongoing debate on learning and linguistic software with academic, social and practical contributions It investigates extent to which EA and informed teaching techniques could enhance 'flow' for e-improved world language learning.

References

1. Bandura A. Social Learning Theory. New York: General Learning Press, 1977.
2. Bates A.W. Technology, e-learning and distance education (2 nd Ed.). New York: Routledge, 2005.
3. Chen Chih-Ming and Tai-Hung Lee. "Emotion recognition and communication for reducing second-language speaking anxiety in a web-based one-to-one synchronous learning environment." *British Journal of Educational Technology*, 2011. 42(3): 417-440.
4. Jack, G. Ecological influences on parenting and child development. *British Journal of Social Work*, 2000. 30(6), 703-720. doi:10.1093/bjsw/30.6.703

5. Luskin, B. Think “Exciting”: e-learning and the big “E”. Educause Review Online, 2010.
6. Rienties, B., & Rivers, B. A. Measuring and understanding learner emotions: Evidence and prospects. Learning Analytics Community Exchange, 2014. Retrieved from URL: <http://www.laceproject.eu/publications/learning-analytics-and-emotions.pdf>

В.Д. Цой
(г. Таганрог, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КОЛЛОКАЦИОННОЙ КОМБИНАТОРИКИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

В современном мире в эпоху глобализации особое место уделяется явлению межкультурной коммуникации. Согласно определению, данному С.Г. Тер-Минасовой в статье «Язык и межкультурная коммуникация», «межкультурная коммуникация – это общение, осуществляемое в условиях столь значительных культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события» [6: 13].

Одной из важных предпосылок успешной реализации межкультурной коммуникации является использование стилистически правильной лексики, соответствующей тематике разговора, с соблюдением правил языковой среды, в которой осуществляется коммуникация. Несомненно, благодаря стилистически правильному использованию лексических единиц в речи повышается статус говорящего, а также определяется уровень его информированности и компетентности. Как пишет Л.А. Иванова в статье «Проблемы обучения иноязычной стилистической компетенции в деловом английском языке на базе коллокационной комбинаторики» «лексические единицы существуют в языке не изолированно, а в сочетании с другими словами и в действительности мы сталкиваемся не с отдельно взятыми словами, а с их комбинациями. Большая часть нашего лексикона состоит из так называемых ‘prefabricated chunks of different kinds’, или готовых блоков слов различных типов. Самый важный вид таких «блоков» – коллокации, которые, по мнению многих западных лингвистов и методистов, должны стать приоритетом в процессе обучения языку» [4: 2].

Но что же такое коллокации? Давайте рассмотрим определения, данные отечественными и зарубежными исследователями.

Х. Джексон считает, что коллокация это «такая комбинация слов, которая обладает определенной степенью взаимной ожидаемости» [7]. Стиг Йохансон рассматривает коллокацию как «привычную комбинацию лексических единиц» [9: 19-25]. По определению К. Джеймса коллокацию образуют «слова, наиболее часто сочетающиеся с другими определенными словами» [8: см. тж. 5].

В отечественной литературе также часто можно встретить термин «коллокация» и его определения. В.П. Захаров трактует термин «коллокация» как «последовательность слов, которые встречаются вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения» [3: 137-143].

С лингвистической точки зрения коллокация имеет огромное значение. Д.Д. Волокитина и Т.Ф. Печерских в статье «Коллокация как средство семантизации слова в английском словаре» пишут: «Коллокация – один из наиболее распространенных способов выражения идей, мыслей, понятий и концепций. Кроме того коллокация может обозначать намного больше количество явлений, чем отдельное слово». По мнению авторов «значение, выраженное коллокацией всегда стилистически окрашено и обладает эмоциональной и экспрессивной коннотацией. Коллокации многофункциональны. Они используются в большом объеме в разговорной речи». Также в статье обозначены функции коллокации в

роли ближайшего контекста слова. «Коллокация устанавливает общее число значений слова, закрепленных за ним в данный период, устанавливает парадигматические отношения между элементами семантической структуры слова, разграничивает синонимию, придает новые оттенки значениям в семантической структуре слова, иллюстрирует сочетаемостные потенции слова и способствует развитию разговорных навыков» [2: 1]. О.Г. Мельник в статье «Обучение коллокациям как фактор овладения иноязычной компетенцией в неязыковом вузе» объясняет необходимость формирования коллокационной компетенции в иноязычной речи тем, что «большинство студентов неязыковых факультетов имеют немалый запас лексических единиц, однако плохо знают правила их сочетаемости и поэтому допускают речевые ошибки: неверно выбирают синонимы при построении словосочетания или же выстраивают длинные синтаксические конструкции (компенсация лакун), которые служат источником дополнительных, в том числе и грамматических ошибок» [5].

Л.А. Иванова также приводит ряд аргументов, касательно необходимости изучения коллокаций с психолого-педагогической точки зрения: «изучать коллокации и полезно, и продуктивно. Кроме того, знание коллокаций позволяет изучающим иностранный язык быстрее думать и говорить на нем. Как известно, носители языка в разговоре используют богатый запас уже готовых единиц, имеющихся в их ментальном лексиконе. Следует признать, что применять готовые фразы гораздо проще, чем строить высказывание, используя отдельные слова. Главная причина трудности аудирования и чтения для понимания кроется в наличии определенного количества неузнанных коллокаций в тексте. Студенты, усвоившие больший процент коллокаций, говорят на иностранном языке легче и понятнее» [4: 4]. Л.Б. Алексеева в статье «Коллокационная компетенция в письменной научной речи как составляющая цели обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов» высказывает мнение о том, что «одной из причин, осложняющих коммуникацию на иностранном языке, является недостаточное знание коллокаций - традиционных, привычных для носителей языка сочетаний слов». Автор указывает на важность формирования коллокационной компетенции, под которой она понимает «способность верно, согласно нормам изучаемого языка, сочетать единицы языка, базирующаяся на знаниях коллокаций и речевых навыках их употребления во всех видах речевой деятельности» [1: 10].

Наконец, знание коллокаций – главное условие беглости речи, которая приобретает с опытом и способствует вербальному выражению сложных идей просто и ясно. При усвоении большого количества фраз речь студентов автоматически становится беглой. Для овладения иностранным языком на высоком уровне следует использовать словари коллокаций, представляющие собой относительно новый ресурс в лингвистике. Эти словари содержат множество контекстов и располагают более широким спектром коллокаций, чем традиционные. Более того, при изучении коллокаций следовало бы уделять особое внимание так называемому коллокационному полю слов, раскрывая различия их значений в сочетаниях. Целесообразно делать акцент на том, как слова сочетаются и используются в действительности, а не что они означают в отдельности.

В заключении хотелось бы отметить, что знание и владение коллокациями способствует билингвистическому и бикультурному развитию личности обучаемого и облегчает процесс коммуникации с представителями других культур.

Литература

1. Архипова Е.И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2016. – 250 с.
2. Денисова А.А. Общекультурные и этнокультурные проблемы профессионально-деловой коммуникации на русском языке: инновационный подход: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 129 с.
3. Соболева А.В. Межкультурное общение как особый вид межличностного взаимодействия и комплексная цель иноязычного образования в вузе». // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №6 (24), 2013. – С. 182-185.
4. Мельник О.Г. «Обучение коллокациям как фактор овладения иноязычной компетенцией в неязыковом вузе». // Материалы II Международной научно-практической конференции «Перспективы развития

языкового образования в неязыковом вузе» (г. Таганрог, 14–16 июня 2012). Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012. – 5 с.

5. Петросян И.В. Обучение коллокациям современного английского языка. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. – С. 161-172.
6. Palmer F. R. *Semantics: A New Outline*. – М.: Progress, 1992. – 109 p.
7. Михайлова О.А. К вопросу о понятии языковой картины мира в лингвистике [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.km.ru/referats/336160-k-voprosu-o-ponyatii-yazykovo-kartiny-mira-v-lingvistike>

М.С. Шалаева
(г. Горки, Беларусь)

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Задачей преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе является подготовка специалиста, хорошо владеющего иностранным языком, в соответствии с требованиями учебной программы неязыкового вуза и минимальным количеством аудиторных часов. Студента необходимо подготовить не только к общению на иностранном языке в бытовых ситуациях, но и научить его пользоваться языком в профессиональных целях. В таких условиях необходимо искать разумные компромиссы, т.е. инновационные методы, подходы и технологии обучения, которые позволили бы решить проблему максимально продуктивно. Для этого необходимо отбирать и прорабатывать те из них, которые могли бы предоставить возможность устной практики каждому студенту на занятии не менее 15–20 минут, ведь обучить практическому владению тем или иным видом речевой деятельности можно лишь через практику в этом виде деятельности.

Чтобы достигнуть прогнозируемых результатов и раскрыть потенциальные возможности студента, целесообразно обратиться к одной из личностно-ориентированных технологий, а именно технологии обучения в сотрудничестве. Суть этой технологии заключается в создании условий для активной совместной учебной деятельности студентов в разных учебных ситуациях. Из всего методического многообразия обучение в сотрудничестве наиболее доступно, результативно и может быть задействовано на занятиях по формированию практически всех навыков и умений.

Как правило, обучение иностранному языку в неязыковых вузах ведется в группах, насчитывающих 10–15 человек. Естественно уровень владения иностранным языком, интеллектуальное развитие и психологические особенности у всех студентов разные. Например, когда ознакомление с новым материалом организовано фронтально или индивидуально, очень высока вероятность того, что более слабые студенты не смогут разобраться и останутся равнодушными к результатам своей деятельности. Если же работа ведётся в малых группах, состоящих из 3–4 человек (важно, чтобы в группе обязательно были сильный, средний и слабый студенты), то такие виды работ обеспечивают активное участие всех и каждого в достижении общей цели и наличие индивидуальной ответственности каждого члена малой группы за собственный вклад в выполнение общего задания.

К основным принципам обучения в сотрудничестве относятся:

1. формирование групп преподавателем с учетом уровня подготовки и психологических характеристик студентов;
2. выполнение задания с распределением ролей между членами группы (как преподавателем, так и самими студентами);
3. оценивается работа не одного студента, а всей группы;

4. преподаватель сам выбирает студента группы, который должен отчитаться за задание [1: 6-7].

Преимуществами этого метода является то, что обучение, основанное на групповом общении, ставит студента в центр процесса обучения и ломает традиционную схему: инициатива преподавателя – ответ обучающегося. Групповое общение создает на занятии благоприятную атмосферу. Индивидуальный подход, равные возможности, общая оценка для всей команды способствуют личному участию каждого студента. Обязательным остаётся требование активного участия каждого члена группы в общей работе, но в соответствии со своими возможностями. Поэтому в данном случае задания в группах дифференцированы по сложности и объему. К тому же преподаватель, который переходит от группы к группе, может больше помочь в лингвистическом плане, нежели в традиционном обращении ко всей языковой группе.

Несмотря на все положительные моменты использования обучения в сотрудничестве, преподаватель неизбежно сталкивается с определёнными трудностями, которые могут быть связаны как с деятельностью студентов, так и деятельностью самого преподавателя. Что касается преподавателя, так для него трудностью является нехватка методических пособий и разработок для данной формы занятий и необходимость самому разрабатывать и готовить раздаточный материал. Но всё же чаще всего преподаватель сталкивается с неготовностью студентов к подобной форме работы. Приобретённый школьный опыт (не всегда положительный) оставляет свой отпечаток, например, когда недобросовестные студенты рассматривают групповую работу как возможность избежать выполнения задания в группе. Не стоит забывать и о трудностях, связанных с языковой неподготовленностью к групповому общению, боязнью говорить на иностранном языке в присутствии других. Преподавателю в свою очередь необходимо следить за тем, чтобы общение в группе и при встрече «экспертов» велось на иностранном языке. Добиться этого нелегко и сначала это требование выполняется с трудом, но при настойчивом внимании со стороны преподавателя постепенно достигаются необходимые результаты.

Чтобы хотя бы частично преодолеть вышеупомянутые трудности, необходимо, во-первых, постепенно подготовить студентов к групповой работе через формирование навыка общения в парах. Во-вторых, задания должны соответствовать уровню владения языком каждого студента, если задание трудное в языковом плане, то преподавателю необходимо обеспечить обучающихся вспомогательным материалом, который поможет облегчить процесс общения (карточки с лексикой, заданиями, речевыми опорами).

Практика показывает, что вместе учиться не только легче и интереснее, но и значительно эффективнее, ведь обучающиеся заведомо ставятся в такие условия, при которых успех или неуспех одного отражается на результатах всей группы. Поэтому учиться вместе, а не просто что-то выполнять вместе – вот что составляет суть данного подхода.

Литература

1. Полат Е.С. Обучение в сотрудничестве // Иностр. Языки в школе. – 2000. – №1. – С. 4-11.
2. Усейнова Н.В. Приемы вовлечения учащихся в интерактивную деятельность на уроках английского языка // Иностр. Языки в школе. – 2005. – №6. – С. 49-54.

А.В. Щербакова, А.А. Чвинова
(г. Воронеж, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В рамках компетентностного подхода к преподаванию иностранных языков особое внимание уделяется формированию межкультурной компетенции. Под межкультурной

компетенцией в лингводидактике понимаются знания, умения и способности личности, которые необходимы для осуществления эффективного процесса межкультурного взаимодействия в различных ситуациях общения между представителями различных культур. Основу межкультурной компетенции составляют когнитивный, эмоциональный и коммуникативно-поведенческий аспекты [1: 10].

Когнитивный аспект межкультурной компетенции включает эмпирические знания, относящиеся к повседневной жизни (режим дня, прием пищи, виды транспорта и т.д.), а также знания, связанные с системой ценностей и убеждений (религиозные верования, табу, история страны и т.д.).

Эмоциональный аспект предполагает наличие у учащихся интереса к новому опыту, к людям, идеям, народам, цивилизациям, способность сопоставлять свою точку зрения и систему культурных ценностей, а также желание вступать в коммуникацию.

Содержание коммуникативно-поведенческого аспекта включает: способность сравнивать культуру своей страны с иностранной культурой (выделять отличительные черты своей культуры и иноязычной культуры); способность распознавать и использовать различные стратегии общения для установления контакта с представителями другой культуры; способность играть роль культурного посредника между своей культурой и культурой страны изучаемого языка; умение эффективно разрешать недопонимания и культурные конфликты [2: 16, 84].

Указанные аспекты определяют стадии формирования межкультурной компетенции:

1) знакомство обучающихся с понятиями «культура», «иноязычная культура»: изучение особенностей собственной культуры, информирование о существовании других культур;

2) овладение социокультурными знаниями: выявление отличительных национальных черт, признание учащимися неуниверсального характера своей культуры;

3) наблюдение и анализ культурно-поведенческих моделей, не воспринимаемых должным образом вне социокультурного контекста;

4) работа со стереотипами: овладение знаниями, которые позволяют преодолевать влияние стереотипов и адаптироваться к изменяющимся условиям при контакте с представителями различных культур;

5) установление связи между родной и иноязычной культурами: анализ сходств, определение единой системы основополагающих ценностей;

6) выявление отличий между родной и иноязычной культурами;

7) присвоение изучаемой культуры: расширение знаний об иностранной культуре, формирование представлений о мире на основе знаний о различных культурах, межкультурном опыте, использование приобретенных знаний и умений в контексте диалога культур.

Таким образом, в ходе обучения иностранному языку и культуре, формирование межкультурной компетенции происходит через наблюдение, понимание и релятивизацию информации об изучаемой культуре. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо формирование у учащихся умения распознавать сходства и различия между родной культурой и культурой страны изучаемого языка. Кроме того, крайне важно развивать способность пользоваться этим умением в различных ситуациях межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Походзей Г.В. Развитие иноязычной межкультурной компетенции студентов в системе профессионально-ориентированного языкового образования / Г.В. Походзей, Н.Н. Сергеева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 214 с.
2. Cadre européen commun de référence pour les langues – apprendre, enseigner et évaluer CECRL [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/16802fc3a8> (дата обращения: 13 ноября 2017).

Н.Г. Щитова
(г. Таганрог, Россия)

ВИДЫ ЗАДАНИЙ ДЛЯ РАБОТЫ С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ TED TALKS НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

С целью повышения качества обучения иностранным языкам во многих вузах преподаватели используют ряд современных интерактивных образовательных технологий, включая TED (Technology Entertainment Design) talks, помогающих им организовать и проводить практические занятия динамично, интересно и познавательно, мотивируя студентов к самостоятельному изучению иностранных языков, расширению кругозора, интенсивному пополнению словарного запаса.

В контексте современного образования от преподавателя зависит грамотное и поддерживающее сопровождение учебного процесса, он становится «активным соучастником процесса познания, обеспечивающим смысловой оборот» [1:11]. Учитывая разнообразие тематики лекций TED talks (образование, спорт, экономика, медицина, философия, искусство, экология, современные технологии и др.), специализированную лексику, сложность языкового уровня, продолжительность видео, требуется критическое рассмотрение материалов, используемых как дополнительный материал к базовым учебным пособиям на занятиях по английскому языку, в том числе для закрепления пройденных тем.

Работа с избранными видеоматериалами предполагает три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и последедемонастрационный [цит. по: 2:16] и подбор или разработку соответствующих заданий и упражнений, способствующих развитию навыков аудирования, чтения, критического мышления, иноязычных коммуникативных навыков, творческих способностей, познавательного интереса и общей эрудиции студентов. Приведем несколько примеров таких упражнений.

Задания, используемые на преддемонстрационном (previewing) этапе:

1. Задания, направленные на снятие языковых трудностей (прочитать и перевести слова и словосочетания; составить словосочетания из данных в таблице/ выделенных курсивом слов; дать определение данному / подчеркнутому слову) и др.
2. Задания на актуализацию лексики по теме видеофрагмента (назвать или записать слова, специализированную лексику, ассоциирующуюся с предложенной темой TED talks).
3. Задания на развитие языковой догадки (предположить, кому или чему будет посвящен используемый на занятиях видеофрагмент; предложить краткую информацию о лекции и/или лекторе и задать несколько вопросов для обсуждения).

Задания, используемые на демонстрационном (while viewing) этапе:

1. Задания, направленные на поиск языковой информации (лексика, грамматика, фонетика): заполнить пропуски в предложениях нужными словами (артикли, предлоги, союзы, наречия и др.) или идиоматическими выражениями; выбрать и записать глаголы из таблицы в той грамматической форме, в которой они были употреблены в речи выступающего; подобрать синонимы/антонимы к выделенным словам и т.д.
2. Задания, направленные на развитие рецептивных умений (найти правильные ответы на заданные перед просмотром видеофрагмента вопросы; определить верные/ неверные утверждения; соотнести заголовки и абзацы, картинки и текст, разрозненные предложения с их смысловыми частями; упорядочить части видеотекста (script) в логической последовательности).
3. Задания, направленные на развитие навыков говорения (предвосхитить развитие дальнейших событий, предположить исход ситуации, последующих действий); воспроизвести просмотренный материал в виде краткого сообщения, рассказа и т.д.

Задания, используемые на последедемонастрационном (post/after-viewing) этапе:

1. Составить краткий/подробный план пересказа просмотренного видео.

2. Проанализировать и дать комментарий к содержанию и языковому оформлению данного TED talks (с использованием текста (script) или без него).
3. Расширить и продолжить или составить свой собственный текст по аналогии.
4. Провести вопросно-ответную работу, составить мини-диалоги по теме лекции TED talks.
5. Подготовиться к дискуссии, дебатам или ролевой игре по теме данного TED talks; познакомиться с комментариями к лекции, оставленными пользователями Youtube, и выразить свое согласие или несогласие с представленными в них точками зрения, аргументировать, используя устойчивые речевые формулы (домашнее задание).

Таким образом, при наличии качественных видеофрагментов TED talks, с учетом грамотно разработанных или тщательно отобранных из имеющихся в свободном доступе источников, заданий и упражнений, можно не только разнообразить проведение учебных занятий, улучшить навыки аудирования, выступлений перед аудиторией, критического мышления, дополнить недостаточно представленную в используемых учебниках информацию по той или иной теме, но и способствовать развитию языковой, коммуникативной и социокультурной компетенции студентов.

Литература

1. Корнеев Т.Н. Педагогическое взаимодействие со студентом в условиях новой образовательной парадигмы // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Педагогические науки. – 2016. – № 7(111). – С. 11-14.
2. Кошелева И.Н. Видеоматериалы TED talks как образовательный инструмент в обучении английскому языку в вузе// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5(118). – С. 13-18.

Научное издание

ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

*Материалы
Международной заочной научной конференции*

*Оригинал-макет подготовлен
А.М. Червоным, О.В. Кравченко (редактура, корректура);
А.В. Домбровским (верстка)*

Электронное издание
ISBN 978-5-79-72-2401-3

Сдано в набор 15.01.2018.
Гарнитура Times New Roman. Формат 60x90/16.
Уч.-изд. л. 24,9